

· ИСТОРИЧЕСКАЯ · БИБЛИОТЕКА ·

РАФАЭЛЬ АФАЛОС

— ΤΡΙΜΠΛΟΥ —

ПЕРСТЕНЬ
ТАМПЛИЕРА

РАФАЭЛЬ АБАЛОС

РАФАЭЛЬ АБАЛОС

ГРИМПОУ

И ПЕРСТЕНЬ ТАМПЛИЕРА

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 821.134.2

ББК 84(4Исп)

A13

Rafael Abalos
GRIMPOW
Elcamino invisible

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Agencia Literaria Carmen Balcells, S.A.

Перевод с испанского *А. Щербаковой*
под редакцией *К. Ковешникова*

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Абалос, Р.

A13 **Гримпоу и перстень тамплиера / Рафаэль Абалос;**
пер. с исп. *А. Щербаковой, К. Ковешникова*. — М.: АСТ:
Астрель: АСТ МОСКВА, 2009. — 444, [4] с.

ISBN 978-5-17-060967-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-24637-1 (ООО Издательство «Астрель»)

ISBN 978-5-403-01688-9 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

Орден тамплиеров уничтожен. Рыцарей ордена преследуют по всей Европе, принуждают отречься от своих убеждений и выдать мистические тайны тамплиеров. Какой из секретов ордена хотят вызвать любой ценой? Как ни странно, эту тайну предстоит разгадать бедному сироте из северной Франции, юному послушнику Гримпоу, который снял с тела замерзшего в глухих лесах неизвестного рыцаря таинственный амулет.

УДК 821.134.2

ББК 84(4Исп)

Оригинал-макет подготовлен
издательством «Мидгард»

Подписано в печать 02.06.2009 г. Формат 84x108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 3 000 экз. Заказ № 10215.

© Rafael Abalos Nuevo, 2005

© А. Щербакова, К. Ковешников, перевод, 2009

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2009

*Константино Бертоло —
без тени сомнения*

Мы живем в удивительном мире. Нам хочется понять то, что мы видим вокруг, и спросить: каково происхождение Вселенной? Какое место в ней занимаем мы, и откуда мы и она — все это взялось?

Стивен Хокинг.

Краткая история времени

Часть I

АББАТСТВО БРИНКДУМ

ТРУП НА СНЕГУ

Из-за тумана он не мог ничего разглядеть дальше собственных ног на снежном покрове, устилавшем горы. Поэтому Гримпоу и не заметил трупа, пока не споткнулся о него и не упал ничком на землю. Только тогда, заметив роковую находку, он с ужасом посмотрел на лицо спокойно лежавшего, будто дремлющего покойника. Движимый страхом, Гримпоу тут же вскочил и со всех ног побежал к хижине, выпуская пар изо рта, как олень, преследуемый стаей голодных волков.

— Зачем так ломиться? — спросил Дурлиб, открыв дверь, в которую Гримпоу колотил как сумасшедший.

— Тут... неподалеку... труп какого-то мужчины! — выдохнул Гримпоу дрожащим голосом, указывая на заснеженный еловый лес, расстилавшийся у него за спиной.

Дурлиб побледнел.

— Ты уверен? — настороженно спросил он.

Гримпоу лишь кивнул в знак подтверждения и принялся сбрасывать на пенек кроликов, не сумевших увернуться от его стрел у ледяных водопадов долины.

— Подожди минутку, я схожу за мечом, — сказал Дурлиб.

Он вошел в хижину, взял свою меховую накидку и прицепил к поясу длинный меч, который всегда вешал у дверей.

— Пойдем, Гримпоу, отведи меня туда, где ты нашел этого человека.

И оба они отправились на поиски трупа неизвестного рыцаря, призраками растворяясь в тумане.

Гримпоу шел быстро, держа в левой руке лук с полным колчаном стрел за спиной, готовый в любую минуту пустить оружие в дело. Стук сердца отдавался в груди барабанной дробью, взгляд был устремлен на оставшиеся после его пробежки до хижины следы на снегу. Те были отчетливыми и глубокими, так что ошибиться было невозможно. Требовалось лишь придерживаться той же дороги через овраги и бурелом, и труп будто все еще пребывающего во сне человека, лежавшего на снегу, снова должен быть оказаться перед глазами.

— Вон он! — вскрикнул Гримпоу, различив силуэт человеческого тела, наполовину засыпанного снегом.

Дурлиб остановился рядом.

— Стой здесь и не приближайся, пока я не разрешу, — велел он.

Труп лежал на боку, устремив взгляд в облачное небо; казалось, последним его желанием перед тем, как встретить смерть, было проститься со звездами. На вид мертвецу было лет шестьдесят, а судя по одежде и плащу из плотного сукна за спиной, не приходилось со-

мневаться в его благородном происхождении. Дурлиб не торопясь подошел, встал на колени перед погибшим рыцарем и закрыл ему глаза. Кожа покойного имела синеватый оттенок, с длинных волос, седых бровей и бороды свисали крошечные ледяные сталактиты, а на иссохших губах, казалось, вырисовывалось подобие улыбки.

— Он умер от холода, — сказал Дурлиб, внимательно осмотрев тело. — Я не вижу ни одной раны, вряд ли его убили. Скорее всего, он отстал от кавалькады и заблудился вчера ночью среди тумана. Холод проник в вены и остудил его кровь. Несмотря на свою несчастную смерть, думаю, он умирал тихо, — добавил вор.

И в этот миг Дурлиб обратил внимание на левую руку покойника: она была плотно сжата в кулак, как будто он держал в ней некую ценную вещь, с которой не пожелал расстаться даже в последние минуты жизни. Дурлиб взял окоченевшую руку и стал разжимать палец за пальцем, пока не показался отшлифованный круглый камень размером с миндальный орех. Он был странного цвета, который так просто не определить, и, казалось, менял оттенки, когда его вертели в руках.

— Что там такое? — спросил Гримпоу, сгорая от любопытства.

— Иди сюда, — сказал Дурлиб.

Когда Гримпоу подошел и начал всматриваться в лицо покойника, ему снова почудилось, что тот похож на спящего человека. «Возможно, смерть — всего лишь вечный безмятежный сон», — подумал юноша. Но тут он заметил камешек в руке у Дурлиба и спросил:

— Что это?

— Может быть, этот камень служил бедняге амулетом, и он взял его в руку незадолго до смерти, понимая,

что пришло время отдать Богу душу, — сказал Дурлиб, бросив Гримпоу камешек. — Возьми себе. Теперь с этим камнем связана твоя судьба, — загадочно добавил он.

Гримпоу поймал камень на лету и, несмотря на ледяной горный воздух, почувствовал тепло, исходящее от куска скалы.

— Что ты хочешь сказать? — спросил он в замешательстве.

Гримпоу в первый раз слышал, чтобы приятель говорил столь таинственно.

— Мне кажется, что, если это амулет, он защитит тебя от злых духов и принесет удачу, — ровным тоном ответил Дурлиб.

— У меня уже есть амулет, — сказал Гримпоу, распахнув камзол и снимая с шеи маленький льняной мешочек, в котором хранились листья розмарина. Этот талисман на него надела мать еще в детстве.

— Ну, теперь у тебя два амулета, и не бывать сглазу и порче, способным причинить тебе вред, а вот судя по заледеневшему лицу этого человека, холод таит угрозу. Этому бедолаге, похоже, его амулет не сильно помог.

Гримпоу вспомнил, как мать частенько говорила ему, что он родился в одно время с XIV веком и, судя по тому, что пророчила полная луна, озарившая небо в ночь его рождения, будущее, должно быть, уготовило ему удачу и всевозможные блага, в которых ей самой было отказано превратной судьбой. Он провел кончиками пальцев по гладкой поверхности камня: неужели предсказания матери начинают сбываться? Однако что-то внутри него опасалось грядущих событий, о которых он едва ли мог догадываться, но от которых на душе становилось тяжело. Он подумал, что беспокойство вызвано необычной находкой: у него до сих пор стояло перед

глазами бездыханное тело. Впрочем, несмотря на юный возраст Гримпоу, это было далеко не первый труп, который ему довелось увидеть. В разгар мора смерть в комарке Ульпенс бывала частой гостьей. Гримпоу видел трупы мужчин и женщин, стариков и детей, сваленные у ворот кладбища в огромную кучу, издали походившую на темную бесформенную массу.

Тут изумленный голос Дурлиба прервал размышления Гримпоу.

— Посмотри на это чудо! — воскликнул приятель, не скрывая своей радости.

Дурлиб скинул с себя меховой плащ, расстелил на снегу и высыпал на него содержимое кожаной сумки, которую обнаружил под трупом.

Под бледными лучами солнца, пробивающимися сквозь туман, засверкали два кинжала разных размеров, с рукоятками слоновой кости, украшенными сапфирами и рубинами. Из той же сумки высыпались серебряные монеты, драгоценности, запечатанное письмо и золотая печать в резной шкатулке вроде тех, какие в свое время использовали короли и прочие знатные люди, чтобы заверить подлинность какого-либо документа или послания.

— Ты ведь не оставишь эти богатства себе, правда? — взволнованно спросил Гримпоу.

Никогда прежде ему не доводилось видеть таких сокровищ.

Дурлиб недоверчиво посмотрел на него.

— Что ты такое говоришь? Мы же разбойники и воры, ты забыл?

— Да, но мы не станем обворовывать мертвеца! — настаивал Гримпоу, сам удивляясь своей смелости.

— Пойдем-ка отсюда, приятель! За всю мою жалкую жизнь беглеца и разбойника мне никогда не попадались в руки такие ценности, а ты просишь оставить их здесь? Да ты сошел с ума! — разозлился Дурлиб.

Гримпоу нервно вертел в руке камень, пытаясь найти доводы, способные переубедить Дурлиба.

— Мы даже не знаем, кто такой этот мертвец, откуда он и как очутился в здешних горах. Может, кто-нибудь знает, что он проезжал здесь, и скоро его начнут искать.

— Это вряд ли, ночью шел снег, и все следы замело, — попытался успокоить приятеля Дурлиб.

— А лошадь? — настаивал Гримпоу.

— Если у него и была лошадь, о ней позаботятся волки.

— Волки не смогут сожрать поводья и седло, и, если кто-нибудь найдет их, нас обвинят в убийстве и казнят, — стоял на своем Гримпоу, сам себе удивляясь: никогда раньше ему не удавалось изъясняться с такой четкостью.

— Об этом я не подумал, — согласился Дурлиб, почесывая затылок. — Будет лучше, если мы сначала спрячем сокровища, а потом вернемся и похороним тело до того, как стемнеет. У истинных христиан принято предавать тело земле, а не оставлять на съедение хищникам. Благодаря этим сокровищам мы станем богачами, душа мертвеца упокоится с миром, а наши души очистятся от всех грехов. — И Дурлиб перекрестился, словно проповедник.

— Надо известить настоятеля Бринкдума, — сухо произнес Гримпоу.

Дурлиб не сумел скрыть удивление.

— Настоятеля? Этот настоятель — самый настоящий вор, каких не видывал свет с начала своего существования! Я почти уверен, что, прознав об этих богатствах, он тут же все заберет в плату за бесконечные молитвы и панихиды по душе усопшего.

— Он мог бы выяснить, кто этот человек, и похоронить его в монастыре, как подобает истинному рыцарю, — настаивал Гримпоу, не желавший обворовывать мертвеца.

— Не сомневайся, что он не забудет взять щедрое вознаграждение за свои труды со столь знатного покойника, — сказал Дурлиб с ухмылкой.

— Это уже не наше дело, — отрезал Гримпоу.

Дурлиб долго молчал, и Гримпоу решил, что тот наконец сдался, но не тут-то было.

— И все-таки интересно, кто мог отправиться в путешествие по этим горам, да еще с такими сокровищами? — проговорил Дурлиб.

— А ты как думаешь? — ответил Гримпоу вопросом на вопрос.

— Возможно, он из тех крестоносцев, что возвращались с богатствами неверных из Святой Земли, или паломник, желавший искупить грехи в одной из здешних святынь. Быть может, это низверженный король, бежавший прочь из своих далеких владений с тем, что уместилось в его сумке, а может, простой разбойник, как и мы; переодевшись в одежды знатного господина, он пытался скрыться от преследования. Как бы там ни было, ясно то, что он не из наших краев. Я никогда не видел таких красивых кинжалов, с рукоятками из слоновой кости и лезвием такой стали. — В голосе Дурлиба сквозила неуверенность.

— Видно, он хотел передать кому-то послание, — сказал Гримпоу, указывая на письмо.

Дурлиб взял конверт в руки и осмотрел со всех сторон. Потом достал золотую печать из шкатулки и сравнил с той, что была на конверте. Печать представляла собой круг в виде змеи, кусающей себя за хвост. Непонятные знаки окружали змею.

— На письме та же печать, — заявил он, сравнив рисунки. — Возможно, если мы откроем послание, то узнаем что-нибудь об этом господине.

Дурлиб посмотрел на приятеля, будто надеясь встретить в его взгляде согласие вскрыть письмо и узнать его содержимое, но беда была в том, что никто из них не умел читать. Именно тогда Гримпоу начал ощущать некую непонятную силу, исходящую от камня, который он вертел в руке, словно детскую игрушку.

— Открывай! — сказал он решительно.

Дурлиб аккуратно вскрыл письмо маленьким ножиком. По его лицу Гримпоу сделал вывод, что тот ничего не понял.

— Черт знает что такое! Что еще за знаки? — проговорил Дурлиб вполголоса.

— Дай сюда! — сказал Гримпоу.

Он окинул взглядом письмо, и тут же в его голове промелькнул смысл послания, словно для него эта цепочка символов не представляла никакой загадки.

ХГ ХЕ ХУХЕО ХЗХАГ ЕА ОХХХХХХХ О ЕА ХХХ
АХХХХ ХУХХХХХ
ХХХХХХХХ

— «На небе есть свет и тьма. Аидор Бильбикум. Страсбург», — без запинки прочитал Гримпоу, сам не понимая, каким образом ему в голову пришли именно эти фразы, а не какие-то другие.

Дурлиб взглянул на него с недоверием.

— Откуда тебе знать, что там написано?

— Сам не пойму, — сказал Гримпоу. — Я читаю это послание, не зная языка, будто произношу слово «птица» или любое другое, не имея понятия, как оно пишется. Думаю, мой новый амулет помог понять смысл этого загадочного послания.

Гримпоу чувствовал, что камешек словно плавится в его руке, вращаясь в кожу. Ему казалось, что необъяснимым образом мир великих познаний неожиданно распахнулся перед ним. Юноша решил, что мертвец завладел его душой.

Вдруг ледышки, которые свисали с волос покойника, стали таять, превращаясь в прозрачные капли, его лицо постепенно приобретало розоватый оттенок, а тело, словно восковая кукла, поднесенная к огню, начало плавиться прямо на снегу, пока не исчезло вовсе.

— Черт возьми! Пусть меня вздернут на виселице Ульпенса, если это не проделки дьявола! — воскликнул Дурлиб, не веря своим глазам.

Гримпоу, однако, не сильно удивился необычайному происшествию.

— Думаю, этот человек вернулся туда, откуда пришел, — сказал он задумчиво, не переставая вертеть в руке камень.

Дурлиб растерянно посмотрел на него.

— И что же это за чудесное место, куда уходят мертвецы среди бела дня?

— Точно не знаю, но с того мгновения, как взял этот камень, я чувствую, будто неведомая сила позволяет мне видеть то, что ты никогда не мог себе и представить, — сказал Гримпоу.

— Брось, Гримпоу! Ничего не хочу знать! Пять минут назад перед моим носом лежал мертвец, а теперь его нет! Тут не обошлось без проделок злого колдуна. И уж поверь мне, он точно заключил сделку с дьяволом. — И Дурлиб снова перекрестился.

— Ни Бог, ни сатана тут ни при чем, поверь мне, — сказал Гримпоу уверенно.

— Как бы там ни было, я больше не останусь в этом злополучном лесу ни на минуту. Не хочу, чтобы какой-нибудь призрак отрезал нам головы и прибил их к позорному столбу на радость грифам.

Дурлиб быстро собрал все богатства, которые остались от исчезнувшего покойника, и сложил их в сумку.

— Ты никогда не верил в привидения, Дурлиб! К тому же что-то мне подсказывает, что у этого человека было какое-то поручение, какая-то миссия, которую он так и не смог завершить. Мы должны довести дело до конца, отплатив тем самым за сокровища, доставшиеся нам так легко, — сказал Гримпоу.

По лицу Дурлиба было заметно, что он серьезно опасается за душевное здоровье своего друга. Он явно полагал, что загадочный камешек, который теперь служил Гримпоу амулетом, лишил приятеля рассудка.

— А может, его миссия заключалась в том, чтобы отправиться в заснеженные горы, встретиться со смертью, передать нам эти богатства и исчезнуть, как Христос после того, как его распяли? — предположил Дурлиб с усмешкой.

— Кто знает... Может, он проходил здесь, направляясь в другое место, возможно в Страсбург, чтобы отнести самому Аидору Бильбикуму это запечатанное письмо, — размышлял вслух Гримпоу.

— Ты можешь думать, что хочешь, вот только дьявол со своей свитой — колдунами, волшебниками и чернокнижниками — способен творить чудеса вроде тех, свидетелями которых мы оказались; чую нутром — не к добру это все. Так что, пожалуй, и вправду лучше отправиться в аббатство Бринкдум до того, как ночная тьма окутает лес. Мы успеем в церковь на последнюю службу и очистим наши тела и души священной водой. Только так мы сможем избежать урона, который может нанести дух мертвеца, ведь, возможно, он был колдуном или даже чародем.

— Теперь я вижу, что твоя алчность не уступает вере во всякую чушь, — усмехнулся Гримпоу. — Но не думаю, чтобы мертвый рыцарь, который столь щедро оставил нам такие сокровища, намеревался мстить. Кроме того, мы никак не навредим покойнику, если похороним его рядом с алтарем в аббатстве.

Дурлиб нахмурил брови; было видно, что его терзают сомнения.

— Несмотря на твой новый дар предсказывать события, я все равно очень боюсь, что проклятие мертвеца принесет тебе немало неприятностей и будет нашим верным спутником до конца жизни.

— Забудь свои страхи, Дурлиб! Даже и не знаю, к чему приведет эта злосчастная находка, тут же испарившаяся на наших глазах, но зато я абсолютно уверен в том, что камень, согревающий сейчас мою руку, поможет открыть тайну, которая так тебя беспокоит, — уверенно заявил Гримпоу.

— С меня хватит богатств, которые нам посчастливилось стащить у мертвеца, обладающего свойством исчезать. Но я не из тех, кто бросает друга в беде. Конечно, я помогу тебе разобраться в этой таинственной истории, тем более что нас ждут великие дела! Ты ведь знаешь, меня всегда тянуло на приключения! — Этими словами Дурлиб закончил свою пламенную речь.

— Тогда не будем терять ни минуты, скорее в аббатство!

По мере того как друзья спускались в ущелье к аббатству, туман, словно назло, сгущался, поднимаясь изящными лоскутками, из-за чего невозможно было разглядеть даже деревья вокруг. Но снежный покров делался все тоньше, и вскоре идти по узкой тропинке, которая вела в долину, стало проще. Страхи Дурлиба постепенно рассеялись, как, впрочем, и туман. Юноша шагал рядом с Гримпоу, напевая любимую песенку. Дурлиб часто пел ее, находясь в хорошем расположении духа.

Он вообще любил музыку: умел играть на виуэле, читал наизусть романсеро, проделывал магические трюки и фокусы с ловкостью и проворством известных хугларов и уличных акробатов из окрестных комарок.

Но прежде всего Дурлиб был обманщиком и мошенником, способным обокрасть любого. В его сети мог попасться кто угодно: простой крестьянин или заплутавший странник, угрюмый пилигрим или ушлый торговец, скромный монах и даже бывалый рыцарь. Он дурил как словом, так и ловкостью рук, а иногда не брезговал воспользоваться мечом. Знакомство Дурлиба с Гримпоу произошло за год до весенних праздников, когда Гримпоу трудился в мрачной и вонючей таверне своего дядюшки Фельсдрона по кличке Порох в Ри-

кельвире, куда Дурлиб обычно захаживал, чтобы повеселить шуточками местных пьяниц со всех окрестных деревень. Как-то раз Дурлиб обчистил карманы компании простодушных ремесленников, которые согласились сыграть с ним партию в кости. В ту ночь разразилась жуткая гроза. Дурлиб уже собирался домой, когда его узнал один богатый торговец, у которого он тем же утром украл все сбережения, угрожая мечом на перекрестье дорог. Заплатив несколько монет, торговец попросил Гримпоу проследить за мошенником, куда бы тот ни пошел, а сам побежал за людьми сеньора, который вершил правосудие в стенах Рикельвира. Купец хотел, чтобы грабителя посадили за решетку и казнили без замедления на главной площади города с рассветом солнца. Однако небезразличный к судьбе незнакомца и втайне сочувствовавший ему Гримпоу поспешил предупредить воришку о грозившей опасности. Дурлиб влил в себя графин вина, вытер рот рукавом своего камзола и сказал:

— Тяжела же судьба изгнанника! — Сообщнически подмигнув Гримпоу, он добавил: — Есть другой выход из таверны, чтобы я мог улизнуть до того, как солдаты графа выпотрошат мне кишки, словно свинье, набитой желудями?

Гримпоу знаком велел следовать за собой и, воспользовавшись невнимательностью дяди, вывел нового знакомого на задний двор таверны через погреб, затянутый паутиной и заваленный бочками с вином. Там он открыл ворота, через которые въезжали телеги в пору сбора винограда, и попросил Дурлиба, чтобы тот подождал немного снаружи. Затем он направился к небольшому стойлу, где его дядя Фельсдрон держал старую кобылу.

Гримпоу запряг ее, положил потертую попону вместо седла на спину лошади и вернулся, подгоняя животное изо всех сил, дабы поскорее уехать прочь.

— Чем я могу отплатить тебе за столь щедрую помощь? — спросил Дурлиб, намереваясь вытащить несколько монет из кошелька, который прятал под камзолom.

— Возьми меня с собой, — ответил Гримпоу не задумываясь. — Когда этот торговец и мой дядя раскроют обман, они с радостью высекут меня, да так, что на спине живого места не останется.

В его глазах читалось отчаяние, он словно умолял Дурлиба не бросать его.

Дурлиб смотрел на него и думал, как же поступить с этим отчаянным парнишкой. В конце концов он буркнул:

— Быстро залезай на клячу и бежим, покуда эта свора не обнаружила наше исчезновение и не бросилась нам вслед. Если схватят, нам несдобровать!

Не в силах скрыть радость, Гримпоу ловким прыжком вскочил на лошадь, и они помчались что было сил под проливным дождем в дом его матери в деревню Оберналт. Деревушка находилась примерно в часе езды от Рикельвира; там беглецы намеревались заночевать.

— Не похоже, чтобы тебе была по душе компания твоего дядюшки, — заметил Дурлиб в перерыве между раскатами удаляющейся грозы и вспышками света, озарявшими линию горизонта.

— Это муж сестры моей матери и единственный благополучный человек в нашей семье. Мой отец уже года два как умер от оспы, и мать послала меня к дяде, чтобы я не умер от голода, а заодно научился работать

в таверне. В Обернальте урожаи совсем скудные, каждый год все погибает из-за холодного северного ветра. Моя тетя добрая женщина, а вот дядя Фельсдрон — настоящий Порох, часами ворчит и скандалит и почти все дни платит за мой труд оскорблениями, пинками да плеткой.

— А что думаешь делать теперь? — спросил Дурлиб, не отрывая глаз от темноты, в которую они понемногу погружались, оставляя позади маленький город Рикельвир.

— Если хочешь, могу стать твоим слугой, — ответил Гримпоу.

— У таких бродяг, как я, нет слуг. Да и, кроме того, мне нравится одиночество, а моя жизнь скитальца ничем не лучше твоей в таверне дяди.

— Но ты свободен идти куда вздумается! — возразил Гримпоу.

— Свобода моя рано или поздно обернется тем, что я закончу жизнь на виселице в какой-нибудь жалкой деревушке. Не хочу, чтобы тебя ждала такая же участь.

— Ну, тогда позволь мне быть с тобою до тех пор, пока я не найду собственный путь, — попросил юноша.

По дороге они болтали, все дальше углубляясь во мрак леса. Неожиданно Дурлиб, сидевший впереди, повернул голову и посмотрел Гримпоу в глаза.

— Тебе бы постараться и стать кем-нибудь получше вора, — сказал он.

— Я всегда хотел стать оруженосцем, чтобы научиться владеть оружием и сражаться.

— На войне люди убивают друг друга, не зная, зачем им это надо, Поищи иное занятие.

Оба замолчали и долгое время не возобновляли беседу. Затянувшуюся паузу прервал Дурлиб, чувство-

вавший себя в долгу перед юношей, который спас ему жизнь.

— Ну ладно, можешь остаться со мной, если хочешь. Но только на время... — добавил он, отворачиваясь.

Гримпоу знал, что мать очень обрадуется, когда увидит его, но наверняка разозлится, узнав о побеге из таверны дяди. Когда они, промокшие насквозь, наконец нашли таверну в Обернальте, Гримпоу рассказал матери обо всем, что произошло. И хотя своими планами на будущее, связанными с Дурлибом, которого он представил как выдающегося хутлара, так и не смог убедить мать, что выгодно сменил занятие, попросились они крепкими объятиями. Возможно, мать смутило, что Гримпоу пришел не один, ведь они едва сводили концы с концами, и еще одного человека было просто не прокормить.

В доме, помимо четырех своих сестер, Гримпоу увидел двух мальшпей, о которых и слыхом не слыхивал.

Так началась новая жизнь Гримпоу: вместе с Дурлибом они шатались по деревушкам и городам, воровали на фермах и рынках, нападали на торговцев и странников, выпрашивали милостыню у дверей церквей, притворялись слепыми или увечными, показывали фокусы и читали романсеро на площадях и в замках, а зимой браконьерствовали в горах. Он научился пользоваться луком и выслеживать кроликов, оленей, косуль, рысей, медведей, волков и лис. Он узнал, как выживать, несмотря на все невзгоды, научился уважать дружбу и наслаждаться звездами безлунных ночей.

Все эти воспоминания приходили в голову Гримпоу, когда друзья пробирались по снегу к аббатству Бринкдум. Юноша ведь не ведал, что очень скоро судьба разлучит их с Дурлибом навсегда.

НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

В слабых лучах почти закатившегося солнца аббатство Бринкдум возникло перед ними красноватой каменной громадой крыш, заваленных снегом. Оно располагалось в северо-западной части комарки Ульпенс, у подножия плодородной долины, окруженной лесами, реками и горами. Построили его более трех веков назад монахи-отшельники, верившие, что нашли в этом необыкновенно красивом месте врата рая; высокая колокольня величественно возвышалась над другими постройками и видна была издалека. Она служила маяком для заплутавших путников и предостережением для демонов.

Уже не первый раз Гримпоу приезжал в аббатство. Настоятелю, монаху средних лет, чьи крошечные, невыразительные глазки казались окаменевшими, нравилось иметь в своем распоряжении всяческие драгоценности и сокровища, несмотря на обет жить в бедности. Он не единожды оставлял себе часть награбленного в обмен на щедрый ужин и вино, на разрешение перезимовать в лесной хижине, охотиться в горах — и в обмен на обещание закрывать глаза на преступления молодых людей.

— Нам бы спрятать наше сокровище до того, как мы придем в аббатство, не стоит пробуждать в настоятеле любопытство, а то вдруг ему вздумается познакомиться с содержимым этой дорожной сумки. Ты ведь знаешь, он любит во все совать свой нос, — сказал Дурлиб, собираясь перейти вброд небольшой ручей.

Гримпоу разглядывал богатую растительность вокруг себя, высокие ели, рассыпавшиеся повсюду, и глы-

бы серых скал, которые ветер лишил тонкого снежного покрова. Неподалеку возвышался на каменном пьедестале маленький крест, указывавший дорогу к аббатству. Гримпоу подумалось, что это место — как раз то, что нужно, чтобы спрятать драгоценности. Он указал рукой.

— У подножия этого креста — надежное укрытие, — сказал он.

Дурлиб не стал возражать. Он открыл мешок и вытащил оба кинжала, украшенные самоцветами, отдал Гримпоу тот, что поменьше, а себе взял большой.

— Спрячь между камзолом и штанами, — посоветовал он.

— Ты все-таки думаешь, что нам может грозить опасность среди монахов аббатства? — спросил Гримпоу в замешательстве.

— После всего, что мне довелось сегодня увидеть, я предпочитаю никому не верить, — ответил Дурлиб с улыбкой.

Сам он тоже спрятал кинжал под камзолом, потом извлек из ножен меч и выкопал ямку за пьедесталом, который поддерживал маленький каменный крест. Перед тем как положить сумку в тайник, он снова ее открыл и вытащил оттуда несколько серебряных монет погибшего рыцаря.

— Мы их выменяем у настоятеля аббатства Бринкдум на двух отличных жеребцов, которых он с таким рвением выращивает в своих конюшнях. Я не очень себе представляю, ни где находится Страсбург, ни за сколько дней туда можно добраться, зато уверен, что удобнее ехать верхом, чем шагать на своих двоих.

Желание Дурлиба, несмотря на все опасения, ехать в Страсбург вместе с Гримпоу, чтобы выяснить, что все-

таки означало послание, которое нес погибший в горах рыцарь, усилило беспокойство Гримпоу по поводу аббатства. По пути он не только вспоминал историю своего знакомства с Дурлибом, но и думал о том, что же могло произойти с рыцарем, который бесследно растворился на снегу. Гримпоу хранил камень в маленьком льняном мешочке, который всегда висел у него на шее; хотя тепло от камешка уже не чувствовалось, Гримпоу не переставал ощущать его присутствие. Юноша откуда-то знал, что этот камень — намного больше, чем просто амулет; знание было необъяснимым, оно звало и манило, побуждая узнать, что же за всем этим скрывается на самом деле. А единственным ключом к разгадке служили запечатанное послание и золотая печать мертвого рыцаря, о чем Гримпоу не переставал думать.

Засыпав землей и снегом ямку, в которой спрятали сумочку с маленьким кладом, друзья снова отправились в путь по той же дороге в аббатство, поднимаясь по извилистому склону горы.

— На небе есть тьма и свет, — произнес Гримпоу, повторяя слова, которые содержались в написанном странными знаками послании рыцаря.

— Эти слова звучат как колдовское заклинание, я тебе уже говорил, и лучше не произносить их вслух рядом с церковью, чтобы ни один божественный луч не сразил нас небесным светом и не вверг навеки во мглу ада, — откликнулся Дурлиб, явно наслаждаясь собственным слогом.

— Мне кажется, в них заключен намного более важный смысл, Дурлиб. Думаю, что, возможно, это послание является паролем, ключом, чей истинный смысл известен только тому самому Айдору Бильбикуму из Страсбурга.

— Да, лишь чародеям и чернокнижникам ведомо, как применить волшебные слова, которые они нашептывают во время обрядов и заклинаний; мы говорим об одном и том же. Однажды я видел, как старая ведьма изгоняет бесов из тела женщины, которое беспрестанно вздрагивало и трепыхалось на земле, а она пускала слюну, словно умирающий бешеный зверь, и слова ее, которые она повторяла, не прекращая танцевать вокруг, казалось, вырывались из пасти чудовищного существа, истинной бесовки.

— Ты все толкуешь о суевериях и предубеждениях, о ведьмах и чародеях, а я имею в виду нечто большее. Я бы сказал, эта фраза означает, что на небе царит неведение, что есть тьма и свет, каковые, в свою очередь, не что иное, как знание и мудрость. Суеверия и колдовство, о которых ты говоришь, суть результат неведения. Ни богов, ни демонов не существует, Дурлиб, их придумали люди, чтобы объяснить устройство мира, — заключил Гримпоу, снова удивляясь собственным словам.

— Ты уверен, что это именно ты со мной разговариваешь, а не дух умершего рыцаря? — спросил Дурлиб, одолеваемый страхами и сомнениями.

— Какая разница? — беспомощно возразил Гримпоу, не зная, что ответить.

— Очень большая. Если бы тебя услышал настоятель Бринкдума, он бы подумал, что в тебя вселились злые духи, и приказал бы сжечь тебя на костре перед комаркой Ульпенс, чтобы преподать всем суровый пример наказания еретиков.

— Можешь смеяться, если хочешь, но мне кажется, что погибший рыцарь бежал от костра, — произнес Гримпоу с уверенностью.

— Это еще одна причина считать его магом, колдуном или поклонником сумерек, одним из тех, кого преследует инквизиция, дабы очистить их души языками пламени. — сказал Дурлиб как раз в тот миг, когда они уже подошли к воротам аббатства.

Ночь покрывала долину плотным полотном полумрака. Калитку им открыл здоровенный слуга, сутулый и нелюдимый, вовсе не обрадованный появлением гостей. Монахи звали его Кенсе. Увидев путников, он уставился на них, ничего не говоря, будто лишился дара речи — или будто не люди, а ветер постучал в ворота аббатства невидимым кулаком.

— Неужели ты не позволишь войти двум бедным путникам, у которых нет ни очага, чтобы согреться, ни приюта, чтобы отдохнуть, дружок Кенсе? — сказал Дурлиб заискивающе.

Слуга молча затворил калитку. Гримпоу с Дурлибом услышали удаляющиеся шаги и стук сандалий. Должно быть, Кенсе пошел известить какого-нибудь монаха или самого настоятеля. Прождав какое-то время, Дурлиб снова забарабанил в ворота.

— Да иду же, иду! — послышался писклявый голосок.

Это оказался брат Бразгдо, веселый монах, толстый, как бочонок с вином. Гримпоу всегда заставлял его суетящимся на кухне между котелками и очагом, с кусками мяса и пучками зелени в руках. Створка приоткрылась: увидев, что друзья окоченели от холода, монах позволил себе насмешливо улыбнуться и сказал:

— Заходите, пока совсем не околели. Можно узнать, чем мы обязаны таким неожиданным гостям?

— Мы решили оставить навсегда нашу хижину в горах, чтобы уже никогда не возвращаться в ледяной ад, — сказал Дурлиб, решительно ступая под сень аббатства.

— Вы должны бояться не ледяного ада, а огненного, в котором вы будете гореть, если только Бог не простит ваши грехи, — сказал монах, запирая засов, едва Гримпоу переступил порог.

— Мы пришли в это святое жилище, брат Бразгдо, чтобы питать наш дух в церкви аббатства и сопроводить вас в ваших молитвах, перед тем как отправиться в долгое путешествие в далекие страны, — объяснил Дурлиб с наигранным спокойствием.

— Полагаю, вы не прочь заодно закусить, да и переночевать в доме, защищенном от ветра и холода, — иронично заметил монах.

— Ну хотя бы этой ночью, — согласился Дурлиб, смахивая снег с мехового плаща. — Для ночлега нам достаточно соломенного тюфяка и одеяла в комнате для гостей, а насчет пропитания мы будем рады куску хлеба, сыру и кувшинчику вина из тех, что вы тайно храните в кладовке.

Монах рассмеялся.

— Урожай в этом году совсем плох, — заметил он, направляясь к кухне и маня друзей за собой.

Внутри аббатства было очень темно, только факел на стене позволял разглядеть широкий сводчатый коридор.

— Так вы собираетесь отправиться в долгое путешествие? — уточнил брат Бразгдо, покачивая огромным брюхом, прикрытым монашеской ризой.

— Именно так, завтра же утром уходим, с первыми лучами солнца, — подтвердил Дурлиб.

— Вы уже решили, куда именно?

— Мы будем искать край земли! — мечтательно проговорил Дурлиб.

— Я слышал, что *finis mundi* далековато отсюда, где-то за глубокими морями запада, где живут только мон-

стры и ужасные демоны, — произнес монах, состроив гримасу.

— А кое-кто говорит, что там находятся незримые врата рая и полным-полно золота и драгоценных камней, а женщины так хороши собой, что такой красоты больше нигде не встретить, еда и питье всегда под рукой, а молодость вечна, — ответил Дурлиб.

Брат Бразгдо, открывая дверь кухни, бросил на него испытующий взгляд.

— Врата рая созданы Богом, чтобы радовать наш взор, — резко сказал он, — а тех мест, о которых говоришь ты, никто никогда не видел, они существуют только в воображении мечтательных и развращенных умов, коим не хватило воли противостоять соблазнам дьявола. Ты случайно не один из них?

— Я простой невежда, который боится власти Божией и предается молитвам каждый день, чтобы попасть в его царство, — заискивающе сказал Дурлиб, пытаясь рассеять сомнения монаха.

— Я смотрю, ты еще больший лицемер, чем негодяй, — заявил брат Бразгдо с усмешкой.

Они вошли в кухню, где в громадном камине еще тлели поленья. Брат Бразгдо предложил им сесть за стол, на длинную сплошную скамью без спинки. В кухне стояла душлимая жара, и друзья поспешно скинули свои меховые плащи. Маленькая дверца в углу вела в трапезную, через нее без конца входили и выходили прислужники с глиняной посудой в руках. Гримпоу понял, что монахи аббатства только что приступили к ужину. Они сидели недвижно в полной тишине, освещенные слабым светом масляных ламп, расставленных по столу, все склонили головы и задумчиво смотрели на еду. Од-

нако до Гримпоу долетел глухой шепот — один из братьев читал псалмы.

Брат Бразгдо принес каравай, тарелку горячего супа; несколько свиных отбивных, кусок сыра, свежесосоленного шпика и кувшин вина, о котором просил Дурлиб.

— Если настоятель спросит, что ты пьешь, скажи, что это вода, — продолжал шутить монах, ставя кувшин на стол.

Потом он сел рядом и принялся очищать орехи, потрескивавшие у него между ладонями.

— А настоятель знает, что мы здесь? — спросил Дурлиб, не прекращая жадно поедать суп.

— Когда Кенсе сообщил мне, что вы тут, и я пошел открывать вам, в трапезной уже начался ужин, и я не хотел отвлекать настоятеля, чтобы не нарушать наших правил. Я ему сообщу, как только последний брат закончит ужинать, еще до вечерни в церкви. Но ты же знаешь, что это христианский долг — предлагать пристанище путникам, и никто не будет возражать, чтобы вы остались сегодня в аббатстве.

— Я должен поговорить с ним до того, как он удалится, — объяснил Дурлиб, глотнув вина.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь? — спросил монах, не скрывая своего любопытства.

— Хочу предложить настоятелю серебряные монеты в обмен на лошадей.

— Теперь-то я вижу, что с деньгами у тебя все в порядке, — сказал брат Бразгдо. — И кого же ты обчистил? — добавил он подозрительно.

— Да на кого я мог напасть в этих безлюдных горах, когда здесь даже грачи не летают? — усмехнулся Дурлиб.

— Возможно, какого-нибудь призрака, — сказал монах тихо, поднося к губам очередной орех.

Зубы у него были желтоватыми.

Дурлиб посмотрел на Гримпоу выпученными глазами, однако постарался не выдать своего удивления.

— Эти несколько монет я долго хранил для подходящего случая.

Гримпоу внимательно наблюдал за разговором, храня молчание подобно Кенсе, прислужнику-верзиле. И тут монах уставился на него своими хитрыми глазками и спросил так, будто объяснения Дурлиба вовсе не слышал:

— А почему ты не хочешь остаться в аббатстве послушником и посвятить свою жизнь служению Богу вместо того, чтобы шататься по миру с таким пройдохой, как Дурлиб?

— Я хочу свой путь в жизни, — скромно ответил Гримпоу.

— Ну, ты не найдешь лучшего пути, чем моление и труд. В наше время поля и леса усеяны ворами, строптивыми монахами и нищими, — сказал Бразгдо, покосившись на Дурлиба, — и нет лучше места, чтобы укрыться от соблазна греха, чем дом Господний. Здесь ты мог бы научиться читать и писать на латыни и греческом, следить за скотом, ухаживать за огородом, разводить цветы и лекарственные травы, лечить больных, переписывать манускрипты, толковать их и переводить. Ты мог бы даже поучиться у повара и занять мое место, когда я отдам Богу душу, что, надеюсь, произойдет не скоро.

Монах благочестиво возвел взор к потолку.

— Мне не нравится тишина, — признался Гримпоу.

Казалось, брату Бразгдо понравился ответ парнишки. Монах рассмеялся.

— Как видишь, повар не слишком-то соблюдает сей строгий обет. Я бы не смог найти общий язык со слугами, если бы вместо слов решал бы все кулаками.

— Да вы тут все с ума посходили, если готовы молчать целыми днями, — буркнул Дурлиб, язык которого от вина уже начал заплетаться.

Брат Бразгдо не рассердился на колкость — Дурлиба он слишком хорошо знал, чтобы обижаться на его слова. Все засмеялись, тихонько, чтобы не нарушать тишину.

Послышался скрип скамеек и шарканье ног по полу: монахи закончили ужинать и покидали трапезную.

— Подождите минутку, я предупрежу настоятеля о вас, — сказал монах.

Едва брат Бразгдо покинул кухню, Дурлиб шепотом спросил у Гримпоу:

— Ты слышал, что он сказал?

Гримпоу закивал головой.

— Он очень уверенно говорило о призраке, имея в виду хозяина серебряных монет, которые я хочу выменять на лошадей! — настаивал Дурлиб.

— Возможно, он всего лишь пытался объяснить самому себе, откуда у тебя появились серебряные монеты, не более того, — заметил Гримпоу.

— А что, если мертвый рыцарь сначала побывал здесь, а уже потом замерз? — допытывался Дурлиб, глядя Гримпоу в глаза и словно норовя прочесть его мысли.

Гримпоу не смог ответить на вопрос, потому что в этот миг через маленькую дверцу, которая связывала

кухню с трапезной, снова вошел брат Бразгдо в сопровождении настоятеля Бринкдума.

— Не лучшее время выбрали эти хитрецы, чтобы покинуть свое убежище в горах, — сказал настоятель с улыбкой.

Дурлиб поспешил поцеловать толстое кольцо на пальце настоятеля. Гримпоу последовал его примеру и ощутил на губах холод золота, как если бы он целовал лед. Настоятель Бринкдума имел власть не только в приходе, он правил всей комаркой Ульпенс и частью соседних комарок. Говорили, что когда-то он был неустрашимым рыцарем, в тридцать лет оставил оружие, чтобы стать монахом и прожить остаток своих дней вдали от мира, отшельником. Однако много лет назад брат Бразгдо рассказывал Дурлибу, что истинной причиной религиозного обращения настоятеля стала прекрасная дама, отказавшая ему, подчиняясь запрету отца; он навещал эту даму как исповедник и осыпал ее всевозможными дарами. Гримпоу вдруг вообразил себе эту даму, усыпанную сокровищами из тех, что нашлись в сумке мертвеца...

Любезно поприветствовав гостей, настоятель велел брату Бразгдо разместить их в гостевой комнате, рядом с залом капитула, и напомнил, что сразу после вечерни они должны уединиться в своих спальнях.

Настоятель направился в крытую галерею, а повар, Дурлиб и Гримпоу через боковую дверь вышли на узкую винтовую лестницу, что вела напрямик в комнату для гостей. Они поднялись в полной тишине по лестнице, освещенной лишь масляной лампой, которую брат Бразгдо нес в руке. В комнате было очень темно, однако в дрожащем свете лампы они сумели разглядеть несколько соломенных тюфяков на каменном

полу. Это была просторная прямоугольная комната со сводчатыми окнами. Комната располагалась над кухней, в центре имелась огромная труба, по которой выводился наружу дым снизу. Благодаря ей здесь даже суровой зимой было довольно тепло, хотя путники редко наслаждались этим теплом — снег обычно засыпал всю долину, да и немногие отваживались останавливаться в аббатстве.

— Зато вас не будет донимать чужой храп, и никакую заразу от других постояльцев не подцепите, — сказал брат Бразгдо, снимая с ветхого шкафа пару толстых шерстяных одеял.

— Здесь, похоже, давно никто не ночевал? — спросил Дурлиб, приноживаясь словно ищейка.

— Ну, разве что когда выпал первый снег, в самом начале зимы. С тех пор никто, кроме вас, в эту комнату не заходил.

На лице Дурлиба отчетливо читались его мысли. Если брат Бразгдо не врал, то, очевидно, мертвый рыцарь не гостил в аббатстве перед тем, как двинуться дальше, в горные леса; таким образом, никто не знает ни о его существовании, ни о его загадочном исчезновении.

— Однако, — продолжал монах более тихим голосом, как будто рассуждая о чем-то тайном, — вчера я вышел из аббатства, еще до темноты, чтобы размяться и собрать орехов, и мне показалось, что я увидел в тумане одинокого всадника, державшего путь в горы. Я подумал, что он сбился с пути и из-за тумана не нашел дороги в аббатство. Я даже окликнул его, чтобы привлечь внимание, но он, обернувшись, посмотрел на меня глазами, которые мне показались пустыми, как у мертвеца, и поскакал дальше.

От слов брата Бразгдо и теней, игравших на стенах, у Дурлиба и Гримпоу побежали мурашки по телу, и они словно потеряли дар речи.

— Вам не встречался в горах этот всадник? — спросил монах, прерывая затянувшуюся паузу, и поднял лампу повыше, чтобы лучше разглядеть их лица.

Гримпоу уже собирался помотать головой, но Дурлиб предостерегающе кашлянул.

— Ты говорил об этом с настоятелем, брат Бразгдо?

— Настоятель решил бы, что я напился и что именно винные пары заставили меня увидеть призрачный образ слонящегося около аббатства рыцаря, — безразлично произнес монах.

— Но ведь так и было? — настаивал Дурлиб.

— Клянусь останками святого Дустана, которые хранятся в монастырской крипте, вчера я не пил ничего, кроме воды.

— В таком случае ты можешь верить своим глазам: мы сами видели утром, как этот загадочный всадник проезжает рядом с нашей хижинкой, словно призрак, — сказал Дурлиб. От этих слов Гримпоу побледнел, как тот самый труп, который они нашли утром на снегу.

— Ты уверен? — интересовался монах, как если бы слова Дурлиба могли подтвердить то, в чем он сам сомневался.

— Да пусть мне сожгут обе руки на огне вашей кухне, если я лгу! — выпалил Дурлиб, протягивая ладони монаху в знак искренности.

На мгновение Гримпоу подумал, что его друг вот-вот расскажет брату Бразгдо обо всем, что случилось с ними этим утром в горах: о камне, о запечатанном письме и о сокровище, некогда принадлежавшем рыцарю.

— Все было именно так, — подтвердил Гримпоу, чтобы удостовериться слова Дурлиба, а заодно и остановить рассказ. — Заметив рыцаря, я пошел к нему, но, когда я уже собрался поприветствовать его, оба, он сам и конь, растворились в воздухе, как будто все это было сном.

— Невероятный кошмар, я бы сказал! — заметил брат Бразгдо.

— Мы так перепугались, что немедленно бросили нашу кижину и поспешили найти убежище в монастыре, где ни призракам, ни чертям нет места, — сказал Дурлиб, снова перекрестившись с той же набожностью, с какой говорил о пропавшем рыцаре.

Монах тоже перекрестился и тихонько произнес:

— Я слышал много языческих легенд о духах и демонах, которые водятся в воде, в лесу, в горах; рассказы-вают об ужасных великанах, драконах, русалках, добрых феях, ведьмах, магах, карликах и эльфах. Но я никогда не видел привидения столь явного, как этот рыцарь, о котором вы говорите, чье лицо, совсем не похожее на человеческое, мне показалось ликом бесовского призрака, одной из тех адских тварей, что бродят незримо по дорогам в полном одиночестве, искупая после смерти свою грешную жизнь.

Дурлиб посчитал, что ему удалось ввести в заблуждение брата Бразгдо своей историей о мертвом рыцаре, которую он сам считал неоспоримой истиной, и предсудотрительно поинтересовался:

— А ты говорил с кем-нибудь в аббатстве об этом?

— За дурака меня принимаешь? — нарочито оскорбился брат Бразгдо, хмуря брови. — Если бы вести об этих жутких событиях дошли до ушей настоятеля, мо-

нахов или людей из комарки Ульпенс, нашу долину посчитали бы проклятой, и ни один монах, странник или просто верующий не отважился бы остаться тут из страха встретиться лицом к лицу с призраком этого неизвестного рыцаря.

— Наверно, призрак пошел своей дорогой и сейчас уже далеко отсюда, за горами, — предположил Гримпоу, чтобы рассеять страхи брата Бразгдо.

— Будем надеяться, все именно так, — сказал монах.

— Ну, чтобы его нечистый дух не вселился в наши души, давайте помолим Бога о спасении нашем, для чего мы, собственно, и пришли в аббатство, — заключил Дурлиб.

Они направились в аббатскую церковь по широкой лестнице в углу гостевой комнаты. Лестница вела в просторный двор. Было холодно, снежинки порхали над двором, окрашивая белым темноту ночи. Они перебежали через двор и юркнули в двери, которые вели к боковому нефу церкви, единственному входу для мирян. Внутри несколько масляных ламп в углах центрального нефа едва освещали огромные колонны, которые поднимались вверх, образуя невероятное сплетение, до самых сводов, темневших подобно ночному небу.

Едва войдя в церковь, Дурлиб подошел к купели со святой водой, что стояла перед дверью, омочил в ней пальцы и перекрестился три раза, чтобы прогнать все зло, которое мог наслать дух мертвеца. Кроме того, он достал из потайного кармана панталон серебряные монеты, чтобы очистить те от колдовства.

Затем Дурлиб опустился на одну из скамеек церкви рядом с Гримпоу, воспользовавшись мгновением, когда брат Бразгдо опустился на колени и закрыл лицо рука-

ми для размышлений и раскаяния, и прошептал другу на ухо:

— Сделай то же самое с камнем, который служил мертвецу амулетом.

Гримпоу пропустил мимо ушей слова Дурлиба, засмотревшись на то, как входят монахи, готовясь к службе, о которой пару минут назад известил шум колоколов. Капюшоны закрывали головы, опущенные на грудь. Монахи шли, взявшись за руки, друг за другом. Гримпоу насчитал тридцать монахов разного возраста и наружности, несмотря на то что все были в одинаковых монашеских одеяниях коричневого цвета. Затем один, судя по голосу, совсем еще юнец, запел так сладко и мелодично, что Гримпоу даже задремал.

Когда служба закончилась, Гримпоу почувствовал, как Дурлиб толкает его в бок, чтобы предупредить о приближении настоятеля. Юноша едва разомкнул слипавшиеся веки. Высокая стройная фигура настоятеля, четко вырисовывавшаяся в свете восковых свечей, показалась ему призрачной, как труп умершего на снегу рыцаря.

— Вот так чудо, воришки проявляют набожность, — сказал настоятель, еще больше прищуривая свои крошечные глазки и подойдя к скамье, на которой расположились Гримпоу с Дурлибом.

Они уважительно поднялись, а брат Бразгдо ответил за них:

— Они решили оставить свою горную хижину в поисках жизни, свободной от греха, в каком-нибудь далеком месте, куда хотят отправиться на рассвете с вашего благословения.

— Это правда? — спросил настоятель, глядя в глаза Дурлибу.

— Мы пойдем в Страсбург. Я слышал, там строят новую церковь, и, может быть, до прихода зимы мы найдем там работу каменотесов.

Гримпоу смотрел на Дурлиба, восхищаясь его умением сочинять небылицы на ходу.

— Каменотесы очень недоверчивы и не принимают тех, в ком не уверены, — заметил настоятель.

— Я подумывал о том, что, возможно, вы не откажетесь порекомендовать нас епископу. Я уверен, с вашей помощью нам не составит труда подыскать достойную работу, чтобы Гримпоу начал вести безгрешную жизнь, — льстиво намекнул Дурлиб.

— Самый большой грех этого малого состоит в том, что он столько лет находился рядом с тобой, но Бог добр и наверняка понимает, что он не виноват, — произнес настоятель, внимательно разглядывая друзей.

— Дурлиб был для меня отцом, о котором можно только мечтать, и я никогда его не оставлю, — встал Гримпоу на защиту друга, но вовремя прикусил язык, чтобы не выпалить в лицо настоятелю все, что он думает о нем и о его грехах.

Тут Гримпоу кто-то дернул за рукав. Оказалось, брат Браздо хотел его утихомирить.

— Будет лучше, если мы перейдем в мои покои. Там вы сможете подробнее рассказать мне о своих намерениях. Кроме того, полагаю, вы желаете пообщаться с глазу на глаз, — сказал настоятель, не обратив внимания на дерзость юноши.

Монахи вышли из церкви друг за другом, словно строй муравьев, в полной тишине, по ближайшей лестнице, которая вела в спальню — длинную комнату с высоким деревянным потолком, где из мебели были толь-

ко соломенные тюфяки, лежавшие на полу друг против друга. Никаких одеял, чтобы защищаться от холода, а маленькие оконца спальни оставались открытыми всю ночь, и комнату наполнял ледяной воздух гор.

Брат Браздо остался молиться в церкви, а Дурлиб и Гримпоу последовали за настоятелем в глубь аббатства. Выйдя во двор, они убедились, что снегопад прекратился и что на небе, куда Дурлиб и Гримпоу устремили взгляды, появились просветы, через которые между облаками просачивалось сияние звезд.

Они вернулись в главное здание через маленькую дверцу в углу двора, прошли по узкому короткому коридору, тускло освещенному масляной лампой под потолком. Вскоре они попали в одну из галерей, освещенную факелами, и вдруг перед их глазами возник лес арок и колонн ни с чем не сравнимой красоты. Гримпоу остановился, разглядывая одну из колонн. На ней была вырезана человеческая фигура, окруженная хищными зверями, под барельефом — надпись, которую он с легкостью разгадал, несмотря на то, что она была на латыни:

DANILELEM CUM LEONIS

Настоятель, удивленный любознательностью Гримпоу, остановился и спросил:

— Ты знаешь, что означает это изображение?

— Это пророк Даниил, которого за преданность Богу враги бросили в ров со львами, — ответил Гримпоу.

Дурлиб посмотрел на него с тем же удивлением, что и настоятель.

— А проглотили ли львы пророка Даниила? — Настоятель испытующе поглядел на юношу.

— Нет, не проглотили, — сказал Гримпоу. — Ангел, посланный Господом Богом, закрыл львам пасти, и они не причинили Даниилу никакого вреда.

— Кто рассказал тебе эту историю? — удивился настоятель.

Гримпоу понимал, что не может рассказывать о чудодейственной силе камня, который висел у него на шее, и решил сказать, что причиной всему Дурлиб; тем самым он изменит отношение настоятеля к своему другу, вдобавок настоятель станет щедрее, когда придет время менять серебряные монеты на лошадей из его конюшни. Так что юноша, не колеблясь, ответил:

— Когда мы жили в горах, Дурлиб много рассказывал мне о Боге.

Дурлиб залился румянцем, но, как и всякий раз, когда ему приходилось выпутываться из подобных передряг, уверенно прибавил:

— Да я всего-то пересказал мальчонке пару историй, которыми со мной как-то поделился брат Бразгдо на монастырской кухне.

Настоятель недоверчиво взглянул на них.

— Еще меньше меня радует, что в воровской лачуге, где вы коротали зимы, все поминалось имя Божье, — сказал он и двинулся дальше.

Они миновали сводчатые аркады галереи, оставив позади капитулярый, и наконец вошли в промерзшую квадратную комнату, стены которой источали запах сырости и жженого воска.

Настоятель зажег свечи в канделябре, стоявшем на столе рядом с Библией, часословом и какими-то свитками, и жестом велел им сесть на стулья, перед которыми

ми стояло кресло с высокой резной спинкой, а сам расположился в этом кресле с величием патриарха.

— Значит, вы намереваетесь покинуть здешние места на рассвете?

— Именно так, — подтвердил Дурлиб. — Я уже давно подумываю о том, что хижина в горах не лучшее место для такого человека, как Гримпоу, и что я не хочу, чтобы он провел свою жизнь, шатаясь от одной деревни к другой, как это делал я сколько себя помню.

— И вы решили пойти в Страсбург в самый разгар зимы?

— Страсбург — богатый, процветающий город. Там мы найдем место, чтобы жить честно, как я уже говорил. Я знаю дорогу, по которой мы перейдем горы совершенно безопасно.

Пока Дурлиб и настоятель беседовали, Гримпоу с любопытством всматривался в заглавия манускриптов, лежащих на столе, и не мог не удивляться тому, что без каких-либо сложностей понимает написанное.

— Ты знаешь, если бы он захотел, то вполне мог бы надеть монашеское платье нашего ордена и остаться здесь послушником. Так поступают многие юноши, как благородного происхождения, так и обычного, с тех самых пор, как был основан наш монастырь, больше трех веков назад.

— Да я и сам ему сто раз советовал, а совсем недавно даже брат Бразгдо говорил ему об этом, но Гримпоу слишком свободолюбив, чтобы подчиняться и приносить себя в жертву строгим правилам вашего ордена.

— Бог захотел разделить людей на знать, священников и рабов, — сказал настоятель, смотря на Гримпоу. — Первые служат оружию, последние — первым, только у

священников есть высшая привилегия служить Богу. Ты всего лишь раб, а свобода, о которой говорит Дурлиб, не более чем иллюзия.

— Может, так и есть, но Гримпоу отказывается покидать меня, и я тоже не хочу лишать себя его компании, — откровенно признался Дурлиб.

— А ты ничего не хочешь сказать? — спросил настоятель у Гримпоу.

— Думаю, из меня не выйдет хорошего монаха, — незамысловато ответил юноша.

— Ну что ж, поступай, как тебе хочется. Вижу, ты такой же упрямец, как и твой учитель. А теперь расскажите-ка мне, о чем вы хотели поговорить наедине, — сказал настоятель, развалившись в кресле и сплетая пальцы на коленях.

Дурлиб откашлялся.

— Нам нужны два лучших жеребца из вашей конюшни.

— Ты прекрасно знаешь, что лошади из церковных конюшен не продаются, — сказал настоятель, не выказав и толики удивления.

Дурлиб правой рукой быстро вытащил из потайного кармана монеты мертвеца, как будто показывая некий трюк, и выложил их на столе. Испуганный настоятель приподнялся в кресле и выпучил глаза, когда серебро засверкало в бледном свете свечей.

— Где ты их взял?

— Украл уже давно у одного венецианского торговца шелком в окрестностях города Молвилер, — без запинки ответил Дурлиб.

Настоятель взял одну монету в руки, поднес к лицу и начал тщательно рассматривать.

— В том, что это серебро, сомнений нет, но я никогда не видел ничего похожего на эти странные знаки.

— Так мы получим наших лошадей? — спросил Дурлиб, чтобы избежать лишних вопросов о происхождении монет.

— Сегодня же ночью поговорю с ключником. Завтра вы заберете двух жеребцов из наших конюшен и получите еды в дорогу.

— А ваше благословение и рекомендательное письмо епископу Страсбурга? — спросил Дурлиб, торопясь воспользоваться щедростью настоятеля.

— Я выполню оба ваших желания утром.

Обмен всегда происходил одинаково: Дурлиб высказывал свои пожелания, а настоятель говорил о невозможности их выполнить, и тогда Дурлиб выкладывал на стол какую-нибудь драгоценность, почти всегда перстень или золотой браслет. После чего настоятель, уже без лишнего манерничанья, давал все, о чем его просили. Гримпоу подумал, что, наверно, таким же образом все обстояло у настоятеля и с дамой его мечтаний.

Они уже намеревались покинуть покои настоятеля, когда глухой стук в ворота снаружи прозвучал громом в ночной тиши, отчего все обитатели аббатства застыли как вкопанные.

— Кто еще, кроме мошенников вроде вас, может блуждать в горах холодной зимней ночью? — справился настоятель.

Дурлиб и Гримпоу переглянулись, не зная, что ответить.

— Надо посмотреть, — предложил Дурлиб.

Едва они вышли в галерею, как в дверь снова зашумели. За чередой колонн галереи мелькнула пузатая

ть брата Бразгдо, торопившегося с кухни в сопровождении нескольких слуг, которые тихонько перешептывались.

— Что происходит? Из-за чего такой шум и почему никто не открывает? — накинулся настоятель на повара.

— Никто из нас, даже слуги, не осмеливается. За двумя слышен лязг доспехов и ржание лошадей; кажется, будто четыре всадника Апокалипсиса прискакали в аббатство со своей устрашающей свитой, — пояснил брат Бразгдо, тяжело дыша от страха, от которого трепетало все его тело.

Услышав эти слова, Гримпоу уверился: брат Бразгдо убежден в том, что призрак мертвого рыцаря, которого, как ему показалось, он видел в окрестностях монастыря накануне, присоединился к адской компании в горных лесах и теперь намеревается вместе со всей мрачной процессией мертвецов взять аббатство приступом. Похоже, Дурлиб подумал о том же, судя по тому, как изменилось его лицо. Однако у Гримпоу было предчувствие, что всадники, ожидавшие за воротами, страшнее и свирепее всех привидений, каких только можно себе представить, и явно существа из плоти и крови.

— Пойдем поприветствуем того, кто столь яро стучится в наши двери, — сказал настоятель.

Многие монахи вышли из спальни и столпились в зале у входа в аббатство. Все взволнованно и настороженно ожидали настоятеля и, когда тот появился в конце сводчатой галереи, отступили к стене, образовав узкий проход. Одни держали в руках зажженные свечи, другие же прятали руки под шерстяными накидками, словно намереваясь встретить незваных гостей хвалебной песнью.

— Открывайте! — приказал слугам настоятель.

Скрип засовов прекратил перешептывание. Во мраке ночи проступили силуэты шести всадников, закутанных в длинные плащи, такие же черные, как и их лошади, и в капюшонах, которые спасали лица от застигнутого врасплох холода.

— Кто из вас настоятель? — крикнул один.

Его лошадь беспокойно перебирала копытами.

Настоятель выпшел вперед и остановился у створки ворот.

— Я настоятель Бринкдума. Назовитесь, дети мои.

Внезапно одно из животных заржало и встало на дыбы, колотя копытами воздух.

— Меня зовут Бульвар де Гостель, я член святого ордена доминиканцев, инквизитор Лиона и посланник папы Климента VI! Его именем требую приюта для меня и солдат короля Франции, которые меня сопровождают, — высокомерно сообщил тот же человек. Из-под капюшона стало видно его лицо, сильно изуродованное шрамами, которые пыталась скрыть короткая белесая борода.

Брат Бразгдо вздохнул с облегчением, услышав эти слова, но его полноватое лицо опять помрачнело, когда гости вошли в ворота аббатства и последний солдат ввел белого коня, того самого, на котором накануне ехал виденный им призрак.

ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ

Слуги занялись лошадьми; монахи разошлись по кельям; брат Бразгдо проводил солдат короля на кухню, чтобы накормить и напоить; настоятель пригласил инк-

визитора Бульвара в свои покои, где они плотно закусили за беседой; а Дурлиб с Гримпоу удалились в гостевую комнату, и во всех уголках аббатства вновь воцарилась тишина.

Развалившись на тюфяке, при свете масляной лампы, стоявшей на полу, Дурлиб обхватил голову руками и уставился на сводчатый потолок. Некоторое время спустя он решил поделиться с Гримпоу своими опасениями.

— Ты думаешь о том же, что и я? — спросил он.

— Наверное.

— Белый жеребец, которого вел один из солдат, вполне мог принадлежать мертвому рыцарю. — размышлял Дурлиб вслух.

— Брат Бразгдо в этом уверен. Я видел его лицо, полное ужаса, когда мимо проводили коня, — сказал Гримпоу.

— Возможно, несчастное животное убежало из леса, спасаясь от хищников, а они поймали его где-нибудь в низовье долины, — предположил Дурлиб.

— Когда я увидел, что жеребец хромает, то пригляделся к его ногам и заметил раны и кровавые пятна, будто от волчьих клыков.

Дурлиб поерзал на тюфяке, ощутив укус беспощадной блохи.

— Боюсь, как бы этот монах-доминиканец не начал тут вынюхивать, ведь брат Бразгдо может проболтаться, особенно если выпьет пару лишних кувшинов вина, — сказал он.

— Не думаю, чтобы он осмелился рассказать инквизитору, что видел в горах призрак еретика, — успокоил приятеля Гримпоу.

— Да еще этот настоятель, которого так заинтриговали необычные знаки на серебряных монетах.

— Ты прав, но настоятель не захочет обсуждать с посланником папы свои делишки, — сказал Гримпоу.

— Вполне вероятно, этот монах со своим конвоем здесь проездом, а жеребца напши по чистой случайности. — Дурлиб пытался утишить собственные страхи.

— Нет, — возразил Гримпоу, — у меня нет ни капли сомнений в том, что инквизитор Бульвар де Гостель преследовал рыцаря, чтобы сжечь того на костре, только никак не могу понять за что. Я подозреваю, что запечатанное письмо и камень, который он нес, как-то с этим связаны. — Юноша закрыл глаза, чтобы сосредоточиться на смутных видениях, которые возникали у него в голове, как у настоящего предсказателя.

— Ты действительно видишь то, о чем говоришь? — спросил Дурлиб, изумленно и в то же время недоверчиво.

— Я вижу только странные картины, Дурлиб, — вяло отозвался Гримпоу.

— Постарайся поспать немного, а я пойду потолкую с ключарем, чтобы наших коней приготовили к утру, а заодно попытаюсь выведать что-нибудь насчет этого монаха и того, что привело его в наши края.

— Мне страшно, Дурлиб, — прошептал Гримпоу, съжившись под одеялом, как если бы на него опускалась зловещая тень.

— Этот волшебный камень, который ты носишь на шее, защитит тебя, а сейчас засыпай, завтра мы будем уже далеко отсюда, — заверил Дурлиб.

Они даже не подозревали, насколько Дурлиб заблуждался.

Дурлиб поднялся, взял масляную лампу и вышел из комнаты. Он направился по узкой лестнице на кухню, где оживленные голоса королевских солдат тревожили привычный покой аббатства.

Окутанный мраком ночи, Гримпоу вытащил из льняного мешочка амулет рыцаря и в тот же миг увидел легкое сияние — казалось, уголек пылал между пальцами. Он разомкнул пальцы; камень, живой, красноватый и искрящийся, был похож на мимолетное сверкание звезды, падающей с неба. Необычное сияние усиливалось, прорываясь сквозь пальцы, и уже полностью освещало гостевую комнату, словно пламенем, открывая взгляду все нервы сводчатого потолка, похожие на скелет гигантского доисторического животного. Не зная почему, в этот самый миг юноша ощутил, что ничто уже не будет, как раньше: он вспомнил свою деревню в Обернальте и жалкий домишко родителей, свои детские годы, когда он ухаживал за свиньями и козами, сбор урожая, легкомысленные шалости и ссоры с другими деревенскими ребятами, смех и плач в таверне дяди Фельсдорна по кличке Порох. Сейчас он был уверен, что прежняя жизнь осталась позади навеки. Она всплывала в памяти, как лоскутки тумана, развеянные ветром. Гримпоу боялся, что не сможет встретить лицом к лицу опасные испытания, которые предвещало сияние камня. В конце концов, он был молод, и беспощадный, суровый мир только начинал ему открываться.

Гримпоу не знал, сколько времени проспал. Из своих сновидений он помнил лишь беспорядочные сцены из прошлого и будущего, которые перемешивались без особого смысла, множество незнакомых лиц, говоривших на странных древних языках, чередуя слова с бесконеч-

ными цифрами и непонятными знаками. Во снах он с ясностью видел вспышки в небе, породившие на небосклоне мириады новых звезд, катаклизмы, превратившие континенты и океаны в неизменно прекрасные пейзажи, вечные льды, покрывшие мир под почерневшим от непроницаемого пепла небом, эпидемии, поглотившие Землю, безжалостные машины-убийцы, дышащие огнем, войны, истребившие тысячи мужчин, женщин и детей...

Он спал, пока не почувствовал, что кто-то будит его, словно решив избавиться от этого кошмара, и чуть не закричал от ужаса, увидев перед собой в слабом свете лампы морщинистое печальное лицо незнакомого Гримпоу монаха.

— Пойдем-пойдем, поднимайся же! — торопил монах шепотом.

— Что происходит? — спросил Гримпоу, все еще щурясь ото сна.

— Нет времени объяснять. Тебе надо уходить как можно скорее, — сказал монах, помогая юноше встать.

— А как же Дурлиб? — не унимался Гримпоу, заметив, что соломенный тюфяк рядом пустует.

— С ним позже, пойдем скорее.

Старый монах задул светильник, который нес в левой руке, а правой взял Гримпоу под руку и живо зашагал в темноте, направляясь к лестнице, которая спускалась в церковный двор. Перепуганный Гримпоу прижался к нему, как к собственной тени, и шел на цыпочках, не говоря ни слова. Входная дверь в церковь осталась позади, а они быстро продвигались в глубь двора. Там монах, направляя юношу, словно слепца, открыл дверь плечом и повел по коридору, показавшемуся Гримпоу печально-бесконечным, наверное, от

того, как долго они по нему шли. Гримпоу слышал, как где-то вдали отдается под мрачными сводами звук его шагов по каменному полу, различал отдаленное журчание воды, словно под ногами бежал ручеек, и к плеску воды примешивался резавший ухо крысиный писк. Проведя рукой по неровной, шероховатой стене, юноша понял, что они спускаются по узкой винтовой лестнице: вот старый монах остановился и дрожащими пальцами снова зажег светильник. Гримпоу увидел множество черепов, сваленных в кучу, которые, казалось, таращились на него из ниш в каменных стенах пустыми глазницами.

— Не бойся, — сказал монах, — это всего лишь черепа, и им уже все равно, если кто-нибудь вроде тебя нарушает их вечный покой.

Не обращая внимания на ужас, который это зрелище внушало юноше, монах сделал несколько шагов вперед и принялся вертеть один из черепов, будто намеревался сломать ему несуществующую шею; перед глазами Гримпоу, стоявшего с выпученными от удивления и страха глазами, часть стены напротив начала отодвигаться, и показался проход, достаточно широкий, чтобы человек мог пройти через него. На мгновение Гримпоу пришла в голову мысль, что перед ним сами врата ада, и он вспомнил, сколько раз, в лесу и в горах, Дурлиб говорил о проклятии мертвого рыцаря.

— Куда ты меня ведешь? Почему не говоришь, где мой друг Дурлиб? — спросил он, боясь даже пошевелиться.

— Я всего-навсего привел тебя в надежное место. А теперь следуй за мной, наверху я все объясню.

Старый монах посмотрел на него с такой добротой в лишенных ресниц глазах, что все страхи Гримпоу рас-

сеялись как по волшебству. Разглядев проводника вблизи, Гримпоу прикинул, что тому, должно быть, больше восьмидесяти, несмотря на то что он говорит и двигается с ловкостью юнца. Только легкое дрожание рук и смуглое лицо, прорезанное глубокими морщинами, говорили о том, что этот человек уже не так силен и вынослив, как в молодые годы.

Гримпоу решил идти за ним, чтобы наконец выяснить, что же происходит и почему ему приходится прятаться в этом глухом и затерянном месте, похожем на склеп. Даже не посмотрев по сторонам, он прошел по коридору, усеянному костями, который вел к входу в маленькую пещеру, открывшуюся в стене, и оказался в небольшом помещении, где начиналась узкая и короткая лестница, вроде тех, что обычно ведут на колокольни церквей или башни замков.

Гримпоу поднимался за монахом, пока они не очутились в квадратном зале, где все стены были закрыты полками с манускриптами и свитками из пергамента. Там не было ни окон, ни дверей, только небольшой люк, закрывавший черную дыру, куда спускалась лестница, по которой они пришли. Затхлый запах старины смешивался с приятным ароматом засохших цветов, но откуда он исходил, Гримпоу понять не мог.

— Где мы? — спросил Гримпоу, восхищаясь сотнями книг вокруг, и вдруг почувствовал себя способным прочесть их. Им овладело странное чувство, будто он уже знал каждое слово на их страницах.

— В тайной библиотеке аббатства Бринкдум.

Монах поставил светильник на деревянный стол, стоявший посреди загадочной комнаты, взял огарок свечи и поджег его. Этим же огарком он зажег и прочие лампы, висевшие на цепях под потолком, и помещение

озарил теплый желтоватый свет. Потом он затушил огарок пальцами, и Гримпоу заметил, что кончики пальцев монаха измазаны черным. Только по прошествии дней он узнал, что пятна эти от чернил, которыми монах за долгу жизнь переписал десятки книг.

— Огонь — единственный, но беспощадный враг, которого ты сможешь здесь встретить. Когда останешься один, ты должен быть крайне осторожен, когда будешь зажигать и тушить светильники, — предупредил монах, сядя с усталым видом на табуретку у одного из столов в углу комнаты.

Гримпоу сел напротив.

— Вы хотите меня здесь запереть? — спросил он, предчувствуя тоскливое одиночество плена.

— Лучше здесь, нежели в подземелье, кишашем крысами и тараканами. Я не знаю места надежнее, где бы эти цепные псы, приехавшие сегодня ночью, не смогли бы тебя найти, — сказал монах.

— А Дурлиб? Что с ним случилось? — с грустью спросил Гримпоу.

Старик понурил голову, и по печальному выражению его лица Гримпоу понял, что монах не скажет ничего обнадеживающего.

— Точно я не знаю, но вполне возможно, что как раз сейчас твой друг уже под стражей в одном из таких подземелий, о которых я тебе говорил, и ждет, когда его будет допрашивать Бульвар де Гостель.

Услышав эти слова, Гримпоу почувствовал, что кинжал мертвого рыцаря, который он тайно носил на поясе, будто впился в тело, причиняя страшную боль. С того самого дня, когда они нашли труп на снегу и он взял камень в руки, Гримпоу предчувствовал, что его

подстерегает какая-то беда, а сейчас он уже не сомневался, в чем причина его несчастий.

— Как вы думаете, что могло произойти с Дурлибом? — спросил юноша, обеспокоенный судьбой своего друга.

— Это ведомо только Всевышнему.

— Кто вы такой и почему думаете, что инквизитора Лиона и солдат короля Франции может интересовать такой проходимец, как Дурлиб, и юнец вроде меня, родом из бедной деревушки Обернальт? — не отставал Гримпоу.

Монах глубоко вдохнул, как рыба, выброшенная на берег; Гримпоу даже подумалось, уж не страдает ли он какой-то болезнью, от которой тяжело дышать, ведь он уже далеко не молод.

— Мое имя Ринальдо Метц. Родился я десятого сентября тысяча двести двадцать восьмого года. В этом аббатстве я состою хранителем библиотеки уже более четырех десятков лет. Если хочешь, можешь называть меня братом Ринальдо, — сказал монах, явно гордясь своим именем и происхождением.

Гримпоу не знал, как ему удалось подсчитать, но сразу же понял, что старику уже исполнилось восемьдесят пять. Он ощупал свой камзол и наткнулся на рукоятку кинжала, который Дурлиб отдал ему перед тем, как закопать под крестом на дороге переметную суму мертвого рыцаря. Гримпоу подумал, что кинжала будет достаточно, чтобы держать монаха на расстоянии, если тот намеревается как-нибудь навредить. На мгновение ему пришла в голову абсурдная мысль, что брат Ринальдо Метц, возможно, сумасшедший, несмотря на свое кажущееся благоразумие.

— Хорошо хоть, что вы мне не говорите, что за нами охотится инквизиция, — проговорил Гримпоу, прервав молчание монаха.

— Известно, что один рыцарь ордена тамплиеров, которого Бульвар Гостель преследует еще от Лиона, намереваясь арестовать, по всей видимости, вчера добрался до этих гор, спасаясь бегством. Монах доминиканского ордена и солдаты сопровождения нашли принадлежавшего ему жеребца у самого входа в долину, со следами зубов диких зверей на ногах, волка, рыси или медведя — неизвестно. У лошади чуть ниже сбруи выжжено клеймо с одним из странных символов, принадлежащих ордену тамплиеров.

Гримпоу впервые слышал о рыцаре-тамплиере, да и о самом ордене тоже, хотя чувство было такое, будто в глубине он уже знал эту историю.

— Рыцарь ордена тамплиеров, говорите? — переспросил он.

— Именно так. Ты еще слишком молод, чтобы знать о них, но давным-давно было время, когда подвиги рыцарей Храма Соломона прославляли во всех христианских королевствах.

— Ни я, ни Дурлиб ничего не знаем об этом рыцаре, о котором вы говорите, и никогда не видели никого в горах, — соврал Гримпоу, не осмеливаясь рассказать брату Ринальдо правду о трупе, который они нашли на снегу, о драгоценностях и о послании в переметной суме мертвого рыцаря, о камне и том, каким образом тело рыцаря пропало прямо у них на глазах.

— Мне врать не обязательно, я всего лишь хочу помочь тебе вырваться из лап этого злобного монаха. Инквизитор Бульвар Гостель знает, что Дурлиб отдал действительно несколько отчеканенных серебряных мо-

нет со знаками ордена тамплиеров в обмен на пару лошадей.

— Откуда вам это известно?

— Мало что происходит в стенах аббатства Бринкдум, о чем у меня нет сведений, — с загадочным видом ответил монах. — Но сейчас это не имеет никакого значения.

— Так настоятель нас выдал? — допытывался монах Гримпоу.

— Именно, — подтвердил брат Ринальдо, — но он рассказал доминиканцу только о Дурлибе, а о тебе — ни слова.

— Но зачем же?

— Из страха перед клеймом инквизиции.

Гримпоу едва не закричал от гнева, когда представил себе, что может случиться с Дурлибом в руках палачей инквизитора Лиона. Он точно не знал, что собой представляет суд инквизиции, за что пытаются и сжигают живьем на костре так называемых еретиков, но однажды Дурлиб объяснил ему, что церковь преследует до смерти ведьм, чародеев, мудрецов, всех нищих монахов, которые отвергают ее богатство, доктрину и культ. Однажды подобное случилось, когда они только познакомились с Дурлибом. В городке Ульпенс стоял жаркий, не предвещавший ничего хорошего летний день, и они увидели в повозке беднягу, одетого в лохмотья, запачканные кровью, со связанными руками и деревянным крестом, который едва удерживали руки. Через огромную открытую рану на голове можно было видеть мозг, спутанные волосы засохли от крови, а перебитые ноги свисали со скамьи, к которой он был привязан. Пара барабанщиков сопровождала отряд солдат, который вел осужденного на костер из бревен, приготовленных на

площади, где его и сожгли заживо под вопли самого еретика и радостные возгласы тех, кто лицезрел его невыносимые муки.

— Отведите меня к этому Бульвару Гбстелло, я расскажу ему всю правду о рыцаре ордена тамплиеров, которого он ищет, — сказал Гримпоу, пришедший в уныние от одной мысли, что с его другом Дурлибом может произойти то же самое, что и с тем бедолагой.

Брат Ринальдо посмотрел на него с сочувствием.

— Неужели ты думаешь, что так вы оба сможете избежать смерти? — спросил монах.

— Не знаю, но так я хотя бы спасу своего друга от пыток. Я не прощу себе, если Дурлиб пострадает по моей вине.

— Ты должен перестать думать о том, что не в твоих силах изменить. Дурлиб сумеет защитить себя. А сейчас скажи-ка мне, — монах помолчал, будто гадая, как точнее сформулировать вопрос, и произнес: — Вы напали на рыцаря в горах, чтобы украсть у него серебряные монеты?

На мгновение Гримпоу подумал было соврать, сказать, что рыцарь предложил монеты в обмен на помощь, но какое-то подспудное чувство подтолкнуло его рассказать брату Ринальдо правду.

— Нет, я нашел его уже мертвым. Когда я возвращался домой, поймав несколько кроликов у водопадов в долине, он лежал на снегу рядом с нашей хижиной. Дурлиб предположил, что он, возможно, отбилсся от своего отряда и потерялся в горах из-за тумана. Должно быть, он умер ночью от холода.

— А вы похоронили труп?

Гримпоу помотал головой и ответил:

— Хотя вам сложно будет в это поверить, но мы не успели. Мы даже думали сообщить настоятельно о нашей находке, чтобы он похоронил рыцаря в церкви, но ни с того ни с сего его тело испарилось как по волшебству.

Глаза брата Ринальдо странно заблестели.

— Вот оно как! — воскликнул монах.

— Что вы хотите сказать? — удивился Гримпоу.

— Теперь мне все ясно.

— Я не понимаю. Вы что, даже не сомневаетесь в моих словах?

— А почему я должен сомневаться в этом чуде? Разве можно не верить в то, что каждое утро солнце восходит на востоке, а заходит на западе? Неужели нет ничего таинственного в чудесах природы, в движении луны или в спокойствии звезд?

— Да, но что общего у всего этого с загадочным исчезновением рыцаря ордена тамплиеров? — настаивал Гримпоу.

— Старинное предание о секрете тамплиеров повествует как раз о том, о чем ты мне сейчас рассказал, — проговорил старик с воодушевлением. — Именно эту тайну и хотел разузнать Бульвар Гостель, потому и преследовал рыцаря, которого ты нашел мертвым в горах.

— О какой старинной легенде вы толкуете? — спросил Гримпоу, перед глазами которого всплывали нечеткие образы давних времен и далеких земель.

— Прежде чем я перескажу тебе предание, ответь, не нашли ли вы у мертвого рыцаря что-нибудь еще помимо монет?

Гримпоу опять начало мучить сомнение, поведать ли брату Ринальдо правду или солгать. Все-таки он решил показать монаху предметы из дорожной сумки, но ни-

чего не говорить о камне, найденном в руке рыцаря, том камне, который Гримпоу теперь носил на шее в потайном мешочке.

— Рядом с трупом лежала переметная сума, где было много серебряных монет, кое-какие перстни и другие драгоценности, пара кинжалов, запечатанное письмо и золотая печать, — сказал юноша.

— Ценное сокровище, спору нет, думаю, вы его спрятали в надежном месте, — размышлял монах. — Но меня интересует не это: я уже много лет назад отказался от земных богатств. Расскажи о послании и о золотой печати. Вы открыли письмо?

— Дурлиб разрезал его вот этим кинжалом, — сказал Гримпоу, вытаскивая украшенный драгоценными камнями кинжал из-под камзола. — Там были какие-то знаки, которых ни я, ни Дурлиб не смогли понять. Мы оба не умеем ни читать, ни писать, — сказал он, не так уж и приврав, но все же утаив от монаха содержание письма, которое ему удалось разгадать благодаря камню, некогда принадлежавшему мертвому рыцарю.

Увидев кинжал, старик так вытаращил глаза, словно Гримпоу сообщил нечто, что он ожидал услышать давным-давно.

— Этот кинжал с рукояткой, украшенной сапфирами и рубинами, несомненно принадлежал рыцарю ордена тамплиеров, — восхищенно выдохнул монах. — А послание тоже при тебе? — добавил он с выражением лица, выдававшим его тайные намерения.

— Мы оставили его в сумке вместе с печатью.

— Ничего страшного. Все сходится, все ясно, как и то, что каждую ночь на небосводе появляются звезды, — прошептал монах себе под нос.

— Что вы говорите?

— Ничего, просто мысли вслух, — ответил брат Ринальдо, поглощенный раздумьями.

Гримпоу удивило, что монах не спросил, где именно они с Дурлибом спрятали сокровища рыцаря. Выходит, старика и вправду не интересуют ни серебряные монеты, ни драгоценности.

— А что насчет того предания, которое вы собирались пересказать? — спросил Гримпоу, стараясь отвлечь монаха от его мыслей.

Брат Ринальдо закрыл глаза на несколько секунд, будто погружаясь в бездну памяти, чтобы отыскать начало таинственной легенды о рыцарях ордена тамплиеров. Затем медленно открыл глаза с редкими ресницами.

— Уже почти два века назад, а если точнее, в тысяча сто восемнадцатом году, девять французских и фламандских рыцарей, уставших от своего образа жизни, решили надеть монашеское одеяние. Они поехали в Иерусалим, где явились к королю Балдуину II, чтобы стать защитниками странствующих христиан, которые еще со времен первого крестового похода большими группами приходили в Святую Землю, дабы поклониться могиле Христа. Они поселились в древнем храме Соломона, задержались на долгое время, посвящая себя размышлениям и молитвам, хотя, как гласит легенда, истинной их целью было открыть среди руин священного здания тайну тысячелетней давности, на которую намекали стариннейшие манускрипты, найденные крестоносцами после завоевания Иерусалима; тот, кто ее разгадает, должен получить власть над миром и даже бессмертие. И вот прошло девять лет с того дня, как девять рыцарей приехали в храм Соломона. Шестеро из них вернулись во Францию, везя с собой огромную повозку, так

что многие даже подумали, что они успешно выполнили свою миссию...

Взволнованный такими интригующими подробностями, Гримпоу прервал брата Ринальдо:

— Так они нашли то, что искали? — спросил он.

— Никто не может об этом говорить с уверенностью, но ходят слухи, что рыцари из храма Соломона вернулись во Францию, привезя с собой Ковчег Завета, которому Библия приписывает сверхъестественную силу, и снова спрятали его в неизвестном месте. Другие, однако, уверяют, что на самом деле рыцари нашли в конюшнях храма Соломона Святой Грааль.

— Святой Грааль?

— Святой Грааль — потир, из которого Иисус Христос пил вино во время Тайной вечери, — пояснил монах. — Говорят, этот сосуд чудесным образом воздействует на людей.

— И это действительно так? — спросил Гримпоу, интуитивно чувствуя, что камень, которым он ныне обладает, совсем не похож на то, о чем рассказывал старик.

— Не знаю, — признался монах. — Но в чем я уверен, так это в том, что вскоре орден тамплиеров пополнили тысячи воинов, и очень быстро власть ордена распространилась по всем королевствам Европы, в каждом появились командорства, церкви и замки. Рыцари ордена тамплиеров добились такой власти и богатства, что даже сами короли поверили, что они действительно нашли бесценное сокровище.

— Они были богатыми и могущественными? — спросил Гримпоу, снова перебивая.

— Их богатств не добивался ни один король или император, — пояснил брат Ринальдо.

— Так почему же их преследуют сейчас?

— От монахов, которые пришли в аббатство из Парижа, я узнал, что король Франции Филипп IV по прозвищу Красивый, несмотря на свое уродство и свиное лицо, ослепленный алчностью и жестокостью, приказал солдатам схватить всех рыцарей ордена тамплиеров, преследуя недостойную цель завладеть их замками, отобрать богатства и выведать все секреты. Сотни рыцарей ордена, закаленных в кровопролитных боях, были заключены в тюрьму, унижены и подвергнуты смертельным пыткам. Их незащищенно обвинили в том, что они отрицали Христа, надругались над крестом и поклонялись дьявольскому идолу Бафомету. Многие члены ордена признали свою вину на суде Святой инквизиции, не выдержав жестоких пыток, а затем без капли жалости были сожжены на костре. Даже сам папа Климент V, опасаясь гнева французского короля, попросил всех христианских владык преследовать любого рыцаря ордена, который мог укрываться в его владениях, не пытаясь никоим образом защитить тех, кто в течение почти двух веков помогал вершить крестовые походы.

— Так именно поэтому Бульвар Гостель преследовал рыцаря, добравшегося до наших гор? — спросил Гримпоу, полагая, что многое понял из рассказа монаха, и еще раз убедившись, что не ошибся, предположив в разговоре с Дурлибом, что мертвый рыцарь бежал от костра.

— С одной стороны, да, но, судя по тому, что доминиканец рассказывал этой ночью, — ответил старик, покачиваясь на стуле, — последний магистр тамплиеров Жак де Молэ, который до сих пор под стражей в парижском Тампле вместе с остальными командорами ордена, признался палачам, что секрет, открытый двести лет назад девятью рыцарями в храме Соломона, извес-

тен только небольшому числу мудрецов и больше никому, даже ему самому так и не удалось его познать.

— И вы думаете, что этот неизвестный рыцарь, который умер в горах и которого преследовал монах-доминиканец с солдатами короля, имеет какое-либо отношение к этой тайне? — спросил Гримпоу.

— Инквизитор Бульвар Гостель уверен, что это именно так, — заверил брат Ринальдо. — А судя по зашифрованному посланию и по золотой печати, которую вы с Дурлибом нашли в дорожной сумке рыцаря, у меня не остается сомнений на этот счет.

— Ну а если все это вранье? — настаивал Гримпоу, не желая допускать и мысли, что разгадка тайны тамплиеров может находиться в переметной суме, которую они закопали рядом с крестом перед тем, как идти в аббатство.

— Все, не исключая и предания о том, что девять рыцарей, ставших монахами, раскрыли тайну в храме Соломона два века назад, так же верно, как и то, что мы бодрствуем в столь позднее время. Это правда, а не вымысел, — сказал брат Ринальдо.

Тогда Гримпоу предположил то, о чем раньше даже и не задумывался.

— Вы были одним из рыцарей ордена перед тем, как заточить себя в аббатстве, разве не так? — с уверенностью проговорил юноша.

На лице старика отразилась тревога. Он прищурился, окинул взглядом манускрипты, которыми были завалены полки вокруг.

— Да, верно, в свое время я был рыцарем, но это было так давно, что сейчас моя худая память уже не дает припомнить, почему я бросил это занятие, — ответил он.

— Возможно, вам неприятно вспоминать, — сказал Гримпоу.

— Может, и так, — ответил монах, смотря на него как на провидца.

Гримпоу заметил легкую дрожь рук брата Ринальдо, заметил, как тот старается это скрыть, сжимая ладонями колени. И после нескольких секунд глубокой тишины старик поведал юноше все перипетии своей жизни с того самого дня, когда он, будучи едва ли чуть старше Гримпоу, вступил в командорство, которое принадлежало тамплиерам и находилось в его родном городке Метц, в Лотарингии, на северо-западе Франции, следуя совету дяди, который в то время был настоятелем монастыря ордена.

— Едва мне исполнилось шестнадцать, я перебрался в Святую Землю, защищал от неверных крепости ордена в Санфреде, Триполи, Дамаске, Газе, Галилее, Дамьетте, Акре, участвовал в седьмом и восьмом крестовых походах вместе с королем Франции Людовиком IX, который возглавлял христианское войско и умер от чумы в тысяча двести семидесятом году вместе с остальными членами королевской семьи.

В тот же самый год, когда мне опротивело видеть вокруг столько трупов и столько крови, бессмысленно проливавшейся во имя Господа, я решил бежать от этого мира, от его жестокости и несчастий, и нашел свое убежище в одиноком аббатстве Бринкдум, желая одного — провести остаток дней за изучением ценнейших манускриптов этой огромной библиотеки. Книги, которые ты видишь вокруг, запрещены церковью и хранятся здесь уже более двух веков, заботливо оберегаемые монахами, — заключил брат Ринальдо.

— Вы прочитали все книги? — спросил Гримпоу, с восхищением оглядывая комнату.

— Все без исключения, — ответил старик с гордостью, — и в них столько мудрости, что даже я сам не раз начинал сомневаться в существовании Бога.

— Я не понимаю, — прошептал Гримпоу.

— Если идея Бога как создателя земли и небес служит объяснением всего, что нас окружает, то становится сложно верить в Него, когда выходит так, что все явления могут быть объяснены сами по себе. Многие мудрецы приходили к пониманию этого, а их гениальные теории описаны в этих редких книгах, за которые инквизиция обвиняет в ереси. Но даже принимая существование Бога, я больше никогда не поверю в Бога воинственного и беспощадного, которого так почитают папы, короли и императоры, чтобы удовлетворить свою алчность. По возвращении из Святой Земли я убедился, что многие монахи, принадлежащие к бедным орденам, проповедуют милосердие и бедность, за что их преследуют и сажают за решетку. Первые рыцари-тамплиеры во время своего длительного девятилетнего пребывания в Иерусалиме были сторонниками того, чтобы поддерживать бедность и мудрость, но основание ордена и ход времени превратили их в честолюбивых и высокомерных людей, подобным их нынешним врагам. Лишь немногие из них остались верны принципам и только они унаследовали секрет девяти рыцарей Храма Соломона. Легенда, которую я тебе пересказал, повествует о рыцарях-тамплиерах, которые никогда не пускали в ход мечи, будучи Избранными.

— Избранными? — переспросил Гримпоу, заинтригованный новыми подробностями повествования.

— Избранный жаждет получить новые знания, оно обладает некой внутренней силой, способной связать все звенья мудрости в единую цепь, далеко выходящую за пределы человечества, способную открыть секрет мудрецов. Это необыкновенное сокровище пока никто не видел, а двери к нему для многих закрыты. Оно доступно лишь тем, кто ищет его, следуя знакам и придерживаясь верного пути.

— Вы тоже ищете это сокровище?

— Я слишком близок к смерти, чтобы искать приключений, свойственных юности. А вот у тебя есть возможность разгадать секрет мудрецов.

— Так вы полагаете, что тот рыцарь-тамплиер, который погиб в горах, был Избранным?

— Без сомнений. А судьба выбрала и тебя тоже, — сказал брат Ринальдо. — Раз уж ты нашел его труп на снегу вместе с печатью и посланием, значит, тебе суждено взять на себя миссию, которую он не смог выполнить.

Услышав эти слова, Гримпоу убедился в верности собственных соображений на этот счет, вспоминая, как в горах он почувствовал тепло камня в руках. Он знал, что обязан продолжить миссию, прерванную смертью рыцаря-тамплиера, но даже не мог себе представить, как это сделать, кроме как отправиться в далекий город Страсбург к Аидору Бильбикуму, которому предназначалось письмо, написанное на пергаменте.

— И что же я могу сделать, чтобы открыть секрет? — спросил Гримпоу.

— Первым делом ты должен будешь разгадать запечатанное письмо. Тамплиеры пользовались каббалистикой и затейливыми восточными языками, их шифр способны понять лишь те, кто владеет ключами. Не-

смотря на то, что я столько лет был одним из них, я не уверен, что смогу помочь тебе, даже если бы это письмо было у меня перед глазами.

Гримпоу уже не сомневался в искренности слов брата Ринальдо и решил ответить ему тем же, рассказав все как есть о запечатанном письме, которое он прочитал с помощью камня. Он подумал, что, возможно, старый монах поможет ему понять точный смысл загадочного текста, который повествует о небе, мраке и свете.

— А что бы вы сказали, узнав, что я понял содержание письма, лишь взглянув на него?

Монах вздрогнул, посмотрел на Гримпоу с недоверием, ожидая продолжения его откровений. Но поскольку юноша молчал, старик спросил тихим голосом, буд-то боясь услышать ответ:

— У тебя было сверхъестественное видение?

— Я не совсем понимаю, что это такое, — ответил Гримпоу. — Но, увидев странные знаки на пергаменте, я их сразу же понял, будто внутренний голос каким-то чудесным образом подсказал мне их значение.

— Вот чудеса! — воскликнул брат Ринальдо, проводя рукой по лбу, словно вытирал пот, несмотря на то что в комнате было очень холодно.

— Запечатанное послание гласило: «На небе есть свет и тьма. Айдор Бильбикум. Страсбург».

Лицо монаха говорило о том, что слова Гримпоу его порадовали.

— Пароль, имя и город, — прошептал он, погруженный в размышления.

— И что? — спросил Гримпоу, надеясь услышать от брата Ринальдо что-нибудь новое, помимо того, что ему было уже известно.

— Все сходится, все сходится, — просто сказал монах. Затем повторил громким и звучным голосом: — На небе есть свет и тьма.

— Как вы думаете, что бы это могло означать? — спросил Гримпоу.

— На небе свет и тьма, день и ночь, сияние и тень, мудрость и незнание, — ответил брат Ринальдо.

— Мне тоже пришло в голову нечто похожее.

— Я думаю, это ключ. Получив это послание, Аидор Бильбикум наверняка сообразит, что делать дальше. Но я одного никак не могу понять — как такой юнец, как ты, не умеющий ни читать, ни писать, смог разгадать эту тайну?

Монах поднялся со стула, подошел к одной из полок у себя за спиной и вытащил толстый раскрашенный манускрипт. Он положил его на стол, развернул и поднес зажженную свечу; страницы заиграли золотыми красками.

— Подойди сюда, — приказал он Гримпоу.

Гримпоу повиновался и встал рядом, не отрывая глаз от раскрытых страниц объемной книги, текст которой был разделен на две колонки, вписанных в четыре одинаковых круга, в каждом были изображены яркими голубыми и красными цветами ангелы и монахи, а также окруженный стеной город, обрамленный золотом.

— Ты можешь понять, что здесь написано? — спросил старик, пристально глядя юноше в глаза и одновременно показывая указательным пальцем на текст, написанный красивыми латинскими буквами.

— И стена города была построена из яшмы, а сам город из чистого золота, подобного чистому стеклу. Кирпичи стен были украшены всевозможными драгоцен-

ными камнями... — начал читать Гримпоу, будто латынь была родным языком его родителей, а он с рождения научился говорить на ней.

— Этого достаточно, вполне достаточно, — прошептал монах, изменившись в лице от удивления; глаза его загорелись.

— Дурлиб убежден, что все, что с нами происходило с того мгновения, как мы нашли в горах труп рыцаря, суть проделки самого дьявола, — сказал Гримпоу.

— Странно и необычно как раз то, что рассказываешь ты. Если бы я собственными глазами не увидел, как ты, не умея читать на латыни, вообще не зная такого языка, переводишь текст, я бы, несомненно, заподозрил происки комедиантов и бродячих циркачей. Но ясно, что мы имеем дело с чудом или даже с волшебством: с тобой произошло что-то необъяснимое, когда ты нашел в горах этого таинственного рыцаря. Многие называли рыцарей-тамплиеров колдунами и чернокнижниками, уверяя, что они добились своих богатств недостойными средствами магии. Однако после всего, что ты мне рассказал и что я сам увидел, я убежден, что твой секрет еще загадочнее, чем простое заклинание колдуна.

Гримпоу оставалось только поведать брату Ринальдо об амулете, который был в руке рыцаря-тамплиера, чтобы монах узнал все подробности этого происшествия и подтвердил, как предполагал Гримпоу, что этот необыкновенный камень и сотворил такие чудеса с его сознанием. Но в этот самый миг колокола зазвонили к заутрене.

— Сейчас я должен уйти, чтобы ни настоятель, ни инквизитор Бульвар Гостель не успели соскучиться по мне, заметив пустое место на хорах во время молитвы, — сказал старый монах.

Брат Ринальдо встал из-за стола, пошарил руками на одной из ближайших полок, а потом на другой, и вдруг одна из них, заваленная книгами, повернулась у пола и открыла отверстие, темное как ночь.

— Вы скоро вернетесь? — спросил Гримпоу, когда монах уже собирался перейти на другую сторону одного из залов основной, доступной всей братии библиотеки.

— Я приду к тебе снова после заутрени, как только рассветет. Постараюсь принести что-нибудь поесть и разузнать о твоём друге Дурлибе, — ответил монах.

— Вы забыли свечу, — напомнил Гримпоу, пока тот не ушел.

Но старый монах вышел из тайной комнаты, бросив через плечо:

— Мои глаза привыкли к темноте.

Едва различимый силуэт слегка сутулого старца растворился во тьме, книжная полка снова закрылась с глухим треском, и Гримпоу остался в одиночестве и глубокой печали.

КВАДРАТУРА КРУГА

Проснувшись на следующее утро, Гримпоу желал лишь одного — услышать хоть что-нибудь о судьбе Дурлиба. Прошлой ночью он почти не спал, содрогаясь от холода на жалком подобии кровати, которое соорудил на столе в темной, заваленной книгами комнате. Гримпоу потушил все подвесные лампы, оставив свечу в углу, чтобы не оказаться в полном мраке. Он постоянно вспоминал о тайне рыцарей-тамплиеров, которую ему поведал брат Ринальдо. Гримпоу был не на шутку взволнован, ведь Дурлиба могли жестоко пытаться, дабы раз-

вязать ему язык и заставить говорить о мертвом рыцаре. Понятное дело, если бы Бульвар Гостель нашел тело тамплиера в низовье долины, а потом увидел бы монеты, которыми Дурлиб расплатился с настоятелем, у него не осталось бы малейшего сомнения, что бандиты как-то связаны с гибелью рыцаря. Однако Гримпоу не был уверен, знает ли монах-доминиканец о его пребывании в аббатстве. Настоятель только и делал, что рассказывал инквизитору о Дурлибе.

Гримпоу пришел в себя только через несколько часов, когда колокола на башне уже давно отзвонили, а монахи отправились на утреннюю службу. Но, к его удивлению, совсем не брат Ринальдо, как обещал, пришел повидаться с ним. Услышав в глубине тайного хода шум открывающейся стены, юноша понял, что кто-то пытается проникнуть в его убежище. Гримпоу вытащил нож из-за пояса, опасаясь, что это инквизитор Гостель со своими ищейками. Он сдерживал дыхание, пока кто-то медленно поднимался по лестнице, и вздохнул с облегчением, увидев, что это Кенсе — глуповатый монастырский служка. Люк открылся, и огромная фигура предстала перед Гримпоу. Не успев войти, Кенсе замер и уставился на него, словно хищная птица на мелкого грызуна. Затем вытащил из мешка маленький бурдюк с водой, ломоть хлеба, свиную колбасу и пару сладких яблок и поставил все на пол. Без лишних слов Кенсе снова задвинул крышку люка и начал спускаться по лестнице, так же неспешно, как и поднимался.

Измученный жаждой, Гримпоу выпил всю воду до последней капли, а затем перенес еду на стол, который ночью служил ему постелью. Он принялся поглощать хлеб, колбасу и яблоки, показавшиеся ему наивкуснейшими яствами.

В этом закрытом помещении совсем не было света, и Гримпоу не знал, наступил ли новый день, хотя ему казалось, что уже давно рассвело. Огарком свечи он снова зажег все лампы, свисавшие с потолка, и стал разглядывать названия манускриптов, которые хранились в этой библиотеке. Он удостоверился в том, что с легкостью может все прочесть, хотя надписи были на латыни, греческом, древнееврейском и арабском. Однако этим мистическим способностям Гримпоу уже ничуть не удивлялся, более того, они казались ему естественными, после того как он прикоснулся к камню мертвеца. Одни книги были написаны изящным почерком, другие украшены драгоценными миниатюрами с растительными мотивами, исполненными яркими красками и изобиловавшими золотыми вкраплениями. Там были книги, посвященные философии, астрономии и астрологии, анатомии и медицине, лечебным травам, ядам, лекарственным отварам и заклинаниям, магии, волшебству и колдовству, диким животным, монстрам, демонам, фантастическим чудицам, дальним и экзотическим странам, геометрии, арифметике, минералогии, физике и алхимии. Гримпоу очень воодушевился, ощутив в себе способность прикоснуться к мудрости этих изречений, столь же загадочных, сколь старинных, ведь большая их часть была написана сотни лет назад, а собраны они с разных концов света.

В тот самый миг, когда Гримпоу наслаждался разглядыванием гравюры, представлявшей собой круглые орбиты планет, написанные почти тысячу лет назад мудрецом по имени Леаффар Солабба, он услышал шум за книжными полками. Через мгновение открылся тот же потайной ход, через который прошлой ночью брат

Ринальдо выходил из библиотеки. Увидев, что в комнату входит старый монах, Гримпоу тут же свернул манускрипт, ожидая услышать последние новости о Дурлибе.

— Этот твой приятель хитрее загнанного лиса, — выдал брат Ринальдо с улыбкой, поворачиваясь, чтобы задвинуть за собой полку.

— Ему удалось сбежать? — спросил Гримпоу, которому не терпелось услышать ответ.

— Покуда нет, но я уверен, что в скором времени ему удастся это сделать. Вчера ночью королевские солдаты схватили его в монастырской конюшне, когда он беседовал с местным слугой, и Дурлиб показал себя таким смиренным и услужливым, что сам Бульвар Гостель увидел в нем надежного союзника в поисках рыцаря-тамплиера, даже не догадываясь, что того уже и на свете нет.

— Так ему ничего не сделали? — уточнил Гримпоу и вздохнул с облегчением.

— На сей раз он умело избежал пыток. Дурлиб рассказал доминиканцу, что тем утром у хижины он действительно встретил пешего рыцаря, который, казалось, заблудился в горах из-за тумана. Он в подробностях описал внешность и одежду незнакомца, сказал, что успел побеседовать с путником. Тот поведал ему, что очень спешит и держит путь на север по срочному делу. Дурлиб, мол, сказал рыцарю, что неподалеку от хижины есть аббатство Бринкдум, в котором тот без труда сможет обзавестись хорошим конем и запастись провизией для дальнейшего путешествия. Рыцарь ответил, что сильно устал и, кроме того, упав с лошади, поранил спину, а потому и попросил Дурлиба, передав ему несколько серебряных монет, отправиться в аббатство за

парой коней для долгого пути, предложив по возвращении сопроводить его в качестве слуги, если он того пожелает.

— Значит, Дурлибу удалось-таки убедить инквизитора, что рыцарь жив! — воскликнул Гримпоу.

— Еще он заверил, что инквизитор застанет рыцаря лежащим в хижине, дескать, тот ожидает его возвращения с лошадьми и провизией. И сам вызвался сопроводить доминиканца и солдат в горы, все время повторяя, что нет такого места, которого бы он не знал, где бы этот беглый рыцарь мог бы укрыться. Инквизитор, соблазнившись идеей схватить беглеца, как зверя, угодившего в ловушку, приказал Дурлибу спать этой ночью с солдатами в монастырском зале для знатных гостей. Он сказал, что ближайшим утром они отправятся в горы, чтобы немедленно без жалости схватить добычу.

— И что, они уже направляются к хижине?

— Да вот только отъехали, я сам видел, как они выезжали из конюшен во главе с Дурлибом, исполненным высокомерия, достойного незаменимого провожатого, — сказал старик с улыбкой.

— Ну, в таком случае я уверен, что он удерет от них на первом повороте какой-нибудь извилистой тропы, ведущей в горы. — заверил Гримпоу, убежденный, что его дружок сможет отделаться от солдат в этих заснеженных и не слишком гостеприимных местах, которые он знал как свои пять пальцев.

— Бульвар Гостель повел себя как наивный простак, поверив в историю, выдуманную твоим другом, но все же он не так глуп, чтобы позволить Дурлибу сбежать, и потому он связал ему обе руки за спиной кожаными веревками.

— Ты это видел?

— Да, видел, хотя, даже связанный, Дурлиб насвистывал от удовольствия, будто его сопровождали на бракосочетание какого-нибудь монарха, а он сам вез выкуп за невесту.

Новость о том, что друг направился в горы, успокоила. Впрочем, Гримпоу и не сомневался, что Дурлиб воспользуется любой возможностью, чтобы удрать и вернуться за ним в аббатство, зато его беспокоило другое — известно ли инквизитору Бульвару Гостелю что-нибудь о его укрытии?

— Как вы думаете, доминиканец будет искать и меня тоже?

— Он даже не знает, что ты здесь. Настоятель говорил с ним только о Дурлибе, чтобы не впутывать тебя в это дело с серебряными монетами рыцаря-тамплиера, а твой друг тоже ничего не сказал доминиканцу о том, что ты в аббатстве, — объяснил брат Ринальдо.

— Так мне придется оставаться взаперти еще долгое время? — спросил Гримпоу, окинув взглядом обстановку, чтобы показать, как страстно ему хочется как можно скорее выбраться из этого замурованного помещения и избавиться от клаустрофобии, которую он уже начинал ощущать.

— По крайней мере до тех пор, пока Бульвар Гостель и солдаты короля не покинут аббатство. Еще до полудня я отправлю к тебе с Кенсе соломенный тюфяк и несколько шерстяных одеял, чтобы твое пребывание здесь было приятнее.

— Вы полагаете, этому нелюдимому Кенсе можно доверять? — спросил Гримпоу с опаской.

— Да бедняга отдаст за меня жизнь, даже если я об этом не попрошу. Когда он был совсем маленьким, настоятель нашел его на заброшенном кладбище и при-

вел в аббатство, чтобы излечить от странной болезни, которой он страдал.

— А что же будет, когда доминиканец поймет, что Дурлиб над ним посмеялся? — спросил Гримпоу, возвращаясь к вопросу, интересовавшему его более всего.

— Если Дурлиб к тому времени не успеет удрать, то настоятель медленно спустит с него шкуру, затем разорвет его тело на части и бросит кровоточащие куски в загон со свиньями, чтобы те полакомились. Надеюсь, ему удастся сбежать до того, как он будет вынужден рассказать всю правду о случившемся в горах с рыцарем-тамплиером. Если он поведаст о смерти рыцаря и об исчезновении трупа на снегу, инквизитор подумает, что Дурлиб смеется ему в лицо.

— Но ведь это произошло на самом деле! — вскричал Гримпоу.

— И ты думаешь, кто-нибудь способен в это поверить?

— Вы же поверили.

— Я поверил тебе, а Бульвар Гостель ни за что не поверит в пропажу трупа, даже если бы видел все своими глазами. Сегодня утром за завтраком в трапезной брат Асбен рассказал мне, что познакомился с этим доминиканцем несколько лет назад во Вьене, рядом с Лионом, — раньше он был шпионом французского короля, ему удалось просочиться в ряды рыцарей Храма в Святой Земле и узнать местные тайны и обряды посвящения. Бульвар Гостель сразу сделался одним из самых приближенных помощников последнего великого магистра Жака Молэ, которого он предал по возвращении в Париж, обвинив в ереси. Таким образом, Бульвар Гостель сделался инквизитором доминиканского ордена и посвятил тело и душу преследованию тамплиеров, ко-

торым удалось удрать от ищеек короля Франции. Многие из них укрылись за северной границей, в Германии, нашли пристанище в замках Каменного Крута, под покровительством герцога Гульфа Остембергского и его верных рыцарей.

Новые факты и персонажи в рассказе брата Ринальдо оживили интерес Гримпоу, и он внимательно слушал.

— Я никогда не слышал об этих замках, — сказал юноша.

— Насколько я знаю, хотя мне не довелось увидеть их воочию, — пояснил старый монах, — Каменный Крут состоит из восьми маленьких замков, стоящих очень близко друг к другу на вершинах скалистых, неприступных гор. Они выстроены чудесным образом в крут с крепостью герцога Остембергского в центре. Сама крепость тоже расположена на возвышенном и недоступном хребте в сердце окружности...

Брат Ринальдо объяснил, что такое расположение способствует быстрой помощи одного замка другому в случае войны и сильно осложняет осаду. Помимо неудобств, создаваемых ландшафтом, над которым возвышались замки, препятствием служило и то обстоятельство, что осаждающие оказывались окруженными другими замками, включая крепость герцога, и, таким образом, сами превращалось в жертву своего же нападения. Кроме всего этого, не стоило забывать о бесчисленных проходах в скалах и о запутанном лабиринте подземных ходов от замка к замку. Всегда можно уйти от нападения и посмеяться над врагами, скрываясь, как заяц от лисы, в тысячах нор. Само расположение замков подсказал предкам герцога Гульфа Остембергского один великий мудрец во времена, когда часто случались войны с южными соседями, которые жаждали заполу-

чить эту процветающую территорию, славившуюся плодородными землями и богатствами. С тех самых времен все потомки герцога Остембергского обучались у мудрецов ордена тамплиеров и становились их ближайшими советчиками и союзниками. Говорят, последний мудрец герцога был совсем еще ребенком, когда уже осуществлял сложные математические расчеты, доказывал геометрические теоремы и с точностью показывал созвездия на небе. Первый меч, подарок отца, и множество манускриптов, заполнявших тайную лабораторию мудреца, который являлся его учителем, стали для него лучшими друзьями детства, и вскоре он сам стал развивать собственные теории относительно алгебры многочленов и уравнений. Также он сочинял поэмы, знал язык иероглифов, а в возрасте двадцати лет сумел построить в отцовском замке, на удивление всем, астрономическую обсерваторию, где вместе со своим учителем проводил долгие бессонные ночи, созерцая чудеса вселенной.

— Герцог Гульф Остембергский тоже Избранный? — спросил Гримпоу, вспоминая рассказ брата Ринальдо о мудрецах, которым был известен секрет, открытый девятью воинами ордена тамплиеров два века назад в Храме Соломона в Иерусалиме.

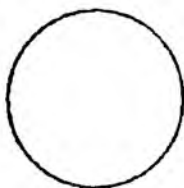
— Этого никто не знает, но все вассалы считают его великим мудрецом. И хотя он никогда не входил в орден Храма, по крайней мере официально, он, должно быть, связан с ним, поскольку его покровителем был рыцарь-тамплиер, а замки выстроены по кругу, как по воображаемой линии.

— А какое отношение имеют замки Каменного Круга к рыцарям-тамплиерам? — спросил Гримпоу, заинтересованный в том, как бы выяснить побольше о

принадлежавшем ему камне, когда-то служившем ушедшему в мир иной рыцарю.

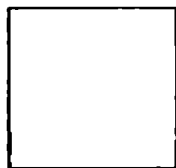
— Я тебе сейчас покажу.

Старый монах сел за маленький столик в углу комнаты, взял перо, обмакнул в чернила, а левой рукой зачистил кусочек неиспользованного пергамента, развернутого на попитре. Гримпоу подошел к брату Ринальдо и с любопытством стал наблюдать, как тот медленно вырисовывает на пергаменте идеальную окружность, несмотря на то, что руки его немного тряслись.

— Круг, — с торжественным видом начал старый монах, — одна из геометрических форм, которая заключает в себе величайшие загадки. Непрерывность его бесконечной линии являет собой совершенство и вечность без начала и конца, каковая возможна лишь на небесах. Даже у полной луны и заходящего солнца такая форма, как и у всех звезд Вселенной.

Затем старый монах замолчал и нарисовал под кругом квадрат того же размера.

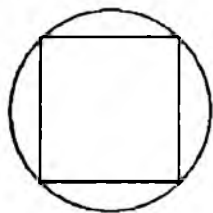

— И если небо — круг?

— То Земля — квадрат, — перебил Гримпоу, сам не ведая, как пришел к этому утверждению.

— Точно, — продолжал брат Ринальдо, в глазах которого читалось восхищение сообразительностью юноши, — если бесконечное небо представлено в виде круга, то имеющую границы Землю символизирует квадрат. Ничего удивительного — четыре одинаковых стороны квадрата соответствуют четырем сторонам света: северу, югу, западу и востоку; а также четырем временам года: весне, лету, осени и зиме, и главным элементам природы: воде, земле, воздуху и огню. Кроме того, квадрат, то есть Земля, может заключаться в круг, то есть в небо, создавая тем самым космическое единство.

И старик нарисовал круг, а внутри него квадрат, так, что центр круга совпадал с центром квадрата.

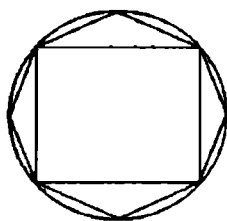

— Таким образом, небо и Земля образуют нераздельную пару, а их соединение так же невозможно, как квадратура круга. Многие ученые тщетно трудились, пытаясь превратить круг и квадрат в единую геометрическую фигуру, но ничего не вышло, как невозможно единение Земли и неба, Бога и человека, — сказал брат Ринальдо, довольный тем, с каким вниманием его слушает Гримпоу.

Он ждал, пока юноша попросит объяснить, как же все-таки происхождение замков Каменного Круга связано с тамплиерами.

— Из вашего рассказа я понял, что восемь замков Каменного Круга символизируют идеальное сочетание небесного и земного, божественного и человеческого. Однако вы уверяете, что квадратура круга невозможна, и на рисунке, где вы изобразили включение Земли в небесное полотно, другими словами, заключение квадрата в круг, между ними всего четыре точки соединения, а не восемь, как должно было бы быть, поскольку мы видим восемь замков Каменного Круга, выстроенных вокруг общего центра, который занимает крепость герцога Гульфа Остембергского.

— Так и есть, Гримпоу, только теперь посмотри вот на что, — произнес старик и начал заново рисовать круг с квадратом внутри, куда потом добавил восьмигранник между линиями круга и квадрата.

Потом, довольный своим рисунком, добавил:

— Теперь ты сам можешь убедиться, что если мы попробуем придать четырехугольную форму кругу, приближая его к квадрату, то получим новую геометрическую фигуру с восемью равными сторонами, центр которой будет совпадать с центром круга и квадрата. Восьмиугольник, как и замки Каменного Круга, представляет собой идеальную гармонию неба и Земли,

единение божественного и человеческого, духа и материи, души и тела, видимого и скрытого от наших глаз.

— Между светом и тьмой! — вдруг выпалил Гримпоу, неожиданно вспомнив текст послания, что нес в своей дорожной сумке рыцарь-тамплиер.

— Это, бесспорно, ключ к посланию, Гримпоу, и потому я совершенно убежден в том, что оно связано с тамплиерами, — заявил брат Ринальдо.

Сам Гримпоу был не совсем уверен, что дело обстоит именно так.

— Как же вам удалось разгадать тайну восьмиугольника и восьми замков Каменного Круга? — спросил юноша, не отрывая глаз от геометрической фигуры, вписанной между кругом и квадратом.

— Я выяснил истину, прочитав несколько манускриптов этой секретной библиотеки. У меня всегда вызывала интерес восьмиугольная форма многих башен и часовен ордена тамплиеров, и я решил узнать, что заставляет людей выбирать именно эту форму при постройке. Ну а затем оставалось только проверить мои заключения, исследуя восемь замков Каменного Круга.

— Разве, будучи рыцарем-тамплиером, вы не должны были знать это изначально?

— Рыцарь-тамплиер вроде меня, поклявшийся посвятить себя войне и молитве, должен лишь исправно выполнять приказания и не задавать лишних вопросов. Да я и не стремился приобрести какие-либо новые знания, которые не касались обращения с копьём, луком или мечом, до тех пор пока не пришел в аббатство.

Продолжая разговор со старым монахом, Гримпоу никак не мог избавиться от мысли о том, что объяснением всех странных событий, случившихся с ним по-

сле находки в горах, является, по-видимому, камень погибшего рыцаря, теперь висящий у него на шее. Ему захотелось рассказать брату Ринальдо о камне, но тихий внутренний голос подсказывал хранить тайну, как в свое время девять рыцарей-тамплиеров скрывали секрет, открытый в храме Соломона более двух столетий назад.

— А как связано слово «камень» с названием замков Круга? — спросил Гримпоу, пытаясь выведать, что мог означать камень мертвеца, который так долго служил тому амулетом.

— Я об этом никогда не думал. Но предполагаю, из-за твердости их стен, — ответил старик не очень уверенно.

— Но не все замки строят из камня, — возразил Гримпоу, не принимая столь простого объяснения.

— Ты прав, Гримпоу, но ответ на твой вопрос, если таковой существует, ты должен найти сам, прочитав множество пергаментов и манускриптов в этой комнате, не теряя зря время, которое тебе придется провести взаперти. На этой полке, как раз за тобой, — монах с трудом поднялся на ноги и вытянул указательный палец, — ты найдешь бесчисленное множество книг о минералогии, алхимии и несколько работ о философском камне. Возможно, в них ты отыщешь разумное объяснение всему. Многие тамплиеры были великими алхимиками. Свое нелегкое мастерство, а также обычаи, они переняли у арабов после долгих лет тесного соседства в Святой Земле. Есть люди, которые уверяют, будто Орден Храма добился стольких богатств и драгоценностей за счет трансмутации дешевых металлов в серебро и золото, но меня это никогда не интересовало, да я и не особо верил в такие рассказы.

— А что, если это и была их тайна? — спросил Гримпоу, явно заинтересовавшись рассказом о философском камне.

— Тогда не следует стараться узнать ее. Ведь тогда тебе вряд ли захочется от нее избавляться. Соблазн, исходящий от золота, совращает сильнее, чем сам дьявол, — сухо произнес старик. — А сейчас мне пора уходить, скоро полдень, и я не хочу пропустить ни службу, ни обед. Я приду к тебе, когда вернутся с гор инквизитор Гостель и солдаты короля, и расскажу, что же произошло с твоим дружкой Дурлибом.

— Обещайте не скрывать от меня правду, какой бы жестокой она ни была, — попросил Гримпоу.

— Я бы никогда в жизни не стал тебе врать, — буркнул монах, — зато уверен, что ты не рассказал мне всего, что знаешь.

Гримпоу покраснел и стыдливо уставился в пол, чтобы не смотреть в холодные глаза старца.

— Боюсь, как бы брат Бразгдо не напился и не сболтнул, что я в аббатстве. Он тоже видел, как рыцарь-тамплиер уходил в горы, правда, подумал, что это призрак искупает свою вину, неприкаянно блуждая в тумане, — попытался оправдаться юноша.

— Брат Бразгдо знает, что следует держать язык за зубами, когда рискуешь потерять его, — сказал монах, даже не обернувшись, и хмыкнул.

В полдень пришел Кенсе и притащил соломенный тюфяк, несколько одеял и гору еды. Как обычно, он молча оставил все рядом с люком. Гримпоу подумал, что если какой-нибудь призрак и разгуливает по темным закоулкам аббатства, то это непременно Кенсе. Безобразное лицо и беззубый рот служки внушали ему

жутчайший страх, хотя глаза делали того по-детски грустным и незащитным. Видимо, именно это много лет назад заставило настоятеля спасти ему жизнь. Примерно так же Гримпоу был обязан жизнью Дурлибу, но, в отличие от Кенсе, не был готов отдать ее ради спасения друга. Гримпоу почувствовал себя трусом и решил немедля выбраться из комнаты, чтобы подождать у ворот аббатства возвращения инквизитора Бульвара Гостеля и рассказать ему всю правду о рыцаре, а также предложить магический камень в обмен на свободу Дурлиба. Но попытки отыскать полки с потайными рычажками, открывавшими невидимые двери, через которые старый монах выходил в залы, прилегающие к библиотеке, оказались тщетными. На полках были только покрытые пылью манускрипты, а паутина прилипала к пальцам, будто он угодил в ловушку страшного и беспощадного монстра, разинувшего свою жуткую пасть. Гримпоу передвинул несколько книг, и взгляд юноши остановился на названии старинного манускрипта, который его заинтересовал. Оно было написано на латыни, текст потрепанной временем обложки гласил:

LAPIS PHILOSOPHORUM

— Философский камень! — вскричал юноша.

Гримпоу позабыл о своих страхах, уселся за стол в центре комнаты и принялся перелистывать эту волнующую книгу, написанную неизвестным автором. Гримпоу был уверен, что на плотных листах пергамента найдет сведения о происхождении камня погибшего рыцаря, и горел желанием скорее начать распутывать эту таинственную историю.

Он начал читать книгу, сначала не очень понимая смысл слов, но чем больше читал, тем яснее в его голове вырисовывались картины истории давних времен, где главными героями были мудрецы прошлого из дальних стран, чьим единственным и самым страстным желанием было найти философский камень. Насколько понял Гримпоу, в манускрипте речь шла о том, как из простых металлов получить серебро и золото, а это священное искусство называли алхимией. Также книга описывала бесконечные запутанные методы, использованные мудрецами в лабораториях, чтобы создать столь желанный lapis philosophorum, которому приписывали способность не только превращать дешевые металлы в чистое золото, но и наделять человека абсолютным знанием и бессмертием. Опыты алхимиков были доступны только посвященным. Знание передавалось от учителя к ученику из страха, как бы философский камень не попал в недобросовестные руки, которые могли бы использовать его чудодейственную силу для личного обогащения и приобретения власти. Гримпоу подумал, что, возможно, его амулет и есть тот философский камень, о котором говорила книга, и что таинственные рыцари-тамплиеры создали его в секретных лабораториях, воспользовавшись одним из манускриптов Храма Соломона. И именно поэтому папа и король Франции столь жаждали завладеть им, дабы наполнить золотом пустые сундуки и разбить врагов. Гримпоу также предположил, что именно камню орден тамплиеров обязан своими богатствами, а задачей погибшего рыцаря было спрятать его в надежном месте, чтобы он не достался врагам, после того как рыцари-тамплиеры под жесточайшими пытками короля в застенках Парижа вынуждены были рассказать о его существовании. Но

Гримпоу даже не мог представить себе, насколько он заблуждался, поскольку магический камень, принадлежавший ныне ему, обладал еще большей силой, чем философский, о котором шла речь в манускрипте.

За подобными размышлениями юноша провел остаток дня. Он был убежден, что в его распоряжении бесценный камень, ради обладания которым два самых жестоких и властных человека на Земле готовы пойти на все.

Прошло некоторое время после того, как колокола прозвонили, созывая на вечернюю молитву, когда брат Ринальдо Метц пришел навестить Гримпоу. Юноша подсчитал, что уже должно было стемнеть. Выражение лица старого монаха сулило недобрые вести. Не успел он войти в тайную комнату, как тут же уселся на скамейку рядом со столом, оперся о него локтями и сказал мрачно:

— Дурлиб не вернулся в аббатство вместе с инквизитором и солдатами короля.

— Его убили? — испуганно спросил Гримпоу.

Старик слегка качнул головой.

— Нет, судя по тому, что рассказал настоятелю доминиканец, Дурлиб попытался сбежать, кинулся в пропасть и погиб, разбившись о скалы.

— Вы уверены, что он умер? — спросил Гримпоу, едва сдерживая рыдания.

— Ярость инквизитора Гостеля, обманутого столь гениальной уловкой, вполне это доказывает. Доминиканец мечтает отомстить твоему другу, медленно убивая его собственными руками. Скорее всего, Дурлиб догадывался, что его ожидало, когда хитрость будет раскрыта. Поэтому и решил ускорить развязку трагедии, которую решил разыграть, чтобы живым выбраться из аббатства.

Несмотря на уверенность инквизитора, Гримпоу отказывался верить в смерть Дурлиба. Ни одна способность Дурлиба не могла сравниться с его умением заставить врага поверить в то, что требовалось ему самому. Дурлиб знал каждый изгиб тропы, каждое узкое место, каждую пропасть и опасную расщелину, скрытую снегом, так что, решишь броситься в пропасть где-нибудь в горах, он уж точно бы рассчитал свой прыжок так, чтобы оказаться на выступе скалы, невидимом инквизитору и солдатам.

— Возможно, Дурлиб разыграл свою смерть перед инквизитором, — сказал юноша, пытаясь убедить себя, но никак не мог забыть, что у Дурлиба были связаны руки и ему было бы довольно непросто уцелеть в горах, каким бы ни было его состояние после падения.

— Дай Бог, чтобы все было, как ты говоришь, Гримпоу. Надеюсь, что он не ударился настолько сильно, что не сможет залечить свои раны. Если Дурлиб спасся, то скоро придет за тобой, а если нет, то, как только сойдет снег, мы найдем его, чтобы похоронить по всем христианским обычаям на кладбище для слуг. А сейчас нам остается только надеяться на то, что Бульвар Гостель как можно скорее покинет стены этого святого дома, которой после появления инквизитора с королевскими ищейками содрогается, словно перед надвигающимся концом света.

— Так вы думаете, он скоро уедет?

— Настоятель ничего не сказал, но полагаю, ему совершенно бесполезно оставаться здесь. К тому же, они уверены, что рыцарь-тамплиер жив и держит путь к северной границе. Окажись я в его шкуре, я бы подумал, что беглец направляется к замкам Каменного Круга в

надежде найти пристанище у своих братьев в крепости герцога Гульфа Остембергского.

Последние слова брата Ринальдо приободрили Гримпоу, и теперь он не только пылал желанием выбраться из заточения, но и воодушевился мыслью о том, что Дурлиб остался в живых.

— Вижу, ты не терял времени, сокрушаясь о своем одиночестве в этих четырех стенах, — сказал монах, пальцем указывая на лежащий на столе манускрипт, посвященный так называемому *lapis philosophorum*. — Удалось что-нибудь узнать?

— Не особенно, это очень сложный и запутанный текст, но, по крайней мере, я выяснил, каким образом в лаборатории можно получить философский камень.

— Ты уверен? Алхимия — непостижимая наука, в ней ничто не является тем, чем кажется.

— Я думаю, что вся завеса таинственности вокруг алхимиков всего лишь пустая болтовня, — сказал Гримпоу, не стыдясь своих слов.

— Действительно, среди алхимиков всегда было много, да и сейчас хватает, шарлатанов, обманщиков, аферистов и мошенников, предлагающих чудесные рецепты получения золота, многие из них окончили дни на виселице, ценой собственной жизни отвечая за невежество и дерзость; но что-то все же есть в стремлении мудрецов всех времен заполучить знание о тайнах, которые правят миром. Истинными алхимиками являются как раз те, кто ищет в философском камне идеал абсолютной мудрости.

— Вы действительно верите, что философский камень существует? — спросил Гримпоу.

— Многие старинные тексты говорят о так называемом *lapis philosophorum* как о чудесной силе, способной

превратить вульгарный металл в благородный, вроде золота. Именно поэтому многие мечтают получить его в лабораториях благодаря определенному химическому процессу. Но я все же склоняюсь к мысли о том, что это не более чем аллегория, символ, скрывающий истинный смысл, который заключается не в чем другом, как в поиске полноты знания, истинной и первостепенной сущности человека.

— Так вы полагаете, что истинный философский камень совсем и не камень? — спросил Гримпоу, сгорая от нетерпения услышать ответ старца, ведь его объяснение было очень похоже на то, что он сам ощутил, получив в горах от Дурлиба амулет рыцаря.

— Кто знает? — сказал монах, устремив взгляд к своду деревянного потолка, будто пытаясь отыскать ответ где-то там, выше крыш аббатства, мысленно поднимаясь в бескрайнее ночное небо. Затем он произнес тихим голосом: — Единственное, что я знаю наверняка, так это то, что ни один мудрец, ни один алхимик не смог описать его точную природу, хотя несколько знатоков искусства превращений утверждают, будто философский камень красный, как языки пламени, и светится в темноте, словно звезда.

Поскольку все это напомнило Гримпоу как раз то, что происходило с его камнем, или чем бы ни оказался этот чудесный предмет, который он тайно носил на шее в маленьком льняном мешочке, юноша спросил:

— Вы пытались когда-нибудь получить философский камень, следуя всем алхимическим процессам, описанным в этом манускрипте?

— Мне бы не хватило терпения выдержать такое длительное ожидание, несмотря на мое увлечение астрологией, в изучении которой оно столь необходимо, —

сказал брат Ринальдо, улыбаясь. — Но могу поклясться перед Богом, что брат Асбен, монах-аптекарь, уже много лет пытается получить его в своей маленькой лаборатории при лазарете, используя все формулы, рецепты и трюки, описанные в этих запрещенных книгах. И насколько я знаю, а прошло уже много лет, ему удалось получить лишь кое-какие золотые краски, которые много веков назад создали жрецы Египта для захоронений и бальзамирования. Это что-то вроде чудесной настойки из полевых трав, которую брат Бразгдо называет настоящим эликсиром жизни, — заключил монах с усмешкой.

— Я смогу поговорить с братом Асбеном, когда выйду отсюда?

— Я уверен, он обрадуется такому молодому и увлеченному ученику, как ты, готовому принимать участие в его опытах.

Затем монах привел в действие тайный механизм, который отодвигал полку, и покинул комнату подобно призраку, незаметно и неслышно проходящему сквозь стены.

КРИК СРЕДИ НОЧИ

Гримпоу услышал крик, похожий на вой страшного зверя, но не мог узнать, что же произошло, до самого утра, пока не пришел брат Ринальдо, чтобы все рассказать.

Когда колокола отзвонили к заутрени, все монахи собрались на хорах церкви и, борясь со сном, ждали настоятеля, который должен был начать петь псалмы. Когда стало ясно, что он опаздывает, послушники начали взволнованно переглядываться, чем привлекли

внимание старожиллов монастыря. Они, похоже, были погружены в молитву, а может, еще не отошли от сна, который совсем недавно были вынуждены прервать. Брат Ринальдо встал со скамьи, чтобы жестом прекратить нарастающий шепот. В этот миг и раздался страшный крик Кенсе, который разбил на тысячи осколков тишину, царившую в аббатстве.

Под гул беспокойных голосов монахи бросились со своих мест на хорах церкви к галерее. Перед спальней настоятеля они увидели Кенсе, распластавшегося на полу, он бился в страшных конвульсиях, а глаза вылезали из орбит от страха. Брат Ринальдо начал трясти его, как человека, уходящего в мир иной, выпрашивая, что же произошло, но ответом ему было только нечленораздельное бормотание, смешивающееся со слюной, которая струилась из беззубого рта слуги. Один молодой монах зашел в покои настоятеля, но тут же выскочил с искаженным лицом.

— Настоятелю перерезали горло! Настоятелю перерезали горло! — кричал он, не переставая креститься, будто увидел лицо самого дьявола.

Брат Асбен сразу же вошел в спальню вместе с братом Бразгдо и другими старшими монахами, в то время как остальные столпились у двери, в ужасе перешептываясь и вытягивая шеи, чтобы лучше разглядеть мрачную сцену убийства: настоятель сидел за столом, голова нелепо склонилась к правому плечу, лицо исказила гримаса ужаса, а взгляд закатившихся глаз терялся в бесконечности. Удар распорол его горло на две части, так что видны были лоскутки мяса и кожи среди непрерывного клокотания крови, пропитавшей все его одеяние и медленно стекавшей в черную лужу на полу.

Брат Ринальдо боролся с конвульсиями бедного Кенсе. Своими большими пальцами он сдерживал тому язык, чтобы служка не проглотил его во время приступа, а затем приказал слугам отнести Кенсе в лазарет. Потом брат Ринальдо подошел к монахам, которые закрыли собой вход в покои настоятеля, и увидел, как брат Асбен закрывает глаза покойнику, вычерчивая большим пальцем крест над его веками. Ему подумалось, что единственной причиной этого страшного преступления было чье-то желание навеки закрыть настоятелю рот, но, кроме Ринальдо, об этом больше никто не догадывался. С тех пор как в аббатстве появились посланник папы и агенты французского короля, брат Ринальдо подслушивал все личные разговоры настоятеля, подозревая, что визит инквизитора отнюдь не случаен. Поначалу он даже боялся, что доминиканец пришел за ним, но не из-за его прошлого, связанного с тамплиерами, а в связи с еретическими теориями мятежных нищенствующих братьев, которые он защищал во многих своих книгах, написанных за последние годы в аббатстве. Зато сейчас у него не было ни единого сомнения в том, кто повинен в убийстве настоятеля: столь безжалостно ему перерезали глотку только из опасения, как бы он не проговорился о намерениях папы и французского короля завладеть секретом тамплиеров.

Вскоре к покоям настоятеля подошел и Бульвар Гостель с солдатами короля. Монахи отошли в сторону, услышав грохот их шагов по темной сводчатой галерее, и затянули похоронную песню по душе усопшего брата, которая звучала, как шепот богов посреди ночи.

— Тот, кто это сделал, умело владеет арабским кинжалом, — заявил инквизитор, хладнокровно и безразлично осмотрев перерезанную глотку настоятеля, и ог-

ляделся вокруг, словно надеясь найти среди присутствующих убийцу.

— Почему же вы так уверены, что настоятеля зарезали арабским кинжалом, а не христианским? — спросил брат Ринальдо.

— Если бы вы хоть раз в жизни сражались в Святой Земле, что довелось мне, то прекрасно бы знали, как неверные перерезают глотки христианам.

Старый монах, как никто другой, знал, с какой жестокостью христиане и мусульмане убивали друг друга во имя Бога, но и словом не обмолвился о том, что ему довелось пережить во время крестовых походов.

— Вы что, намекаете, что один из монахов нашего аббатства убил настоятеля кинжалом неверного? — спросил брат Ринальдо.

— Многие крестоносцы, а среди них были и монахи-воины ордена тамплиеров, научились убивать врагов, перерезая им глотку, у жестоких мусульманских воинов секты ассасинов, которые одним ударом своего заточенного клинка могли лишить жизни христианина.

Высокомерие Бульвара Гостеля не пугало брата Ринальдо.

— Ищите убийцу не среди служителей аббатства, а среди ваших воинов, — съязвил брат Ринальдо. — С какой стати кому-нибудь из нас убивать нашего лучшего брата?

— По той же причине, по какой Каин убил Авеля, — ответил доминиканец, сдерживая ярость. — Не беспокойтесь, настоятель рассказал мне, что видел, как тот самый беглец-тамплиер, которого мы преследуем еще из Лиона, слоняется по окрестностям аббатства, на него-то и пали мои подозрения. Столь умелый разрез шеи, такой, что вся рана открыта, не оставляет никаких сомнений.

— В этом аббатстве не было ни одного чужака с той самой ночи, когда сюда явились вы со своими солдатами, — сказал старик.

— Я полагаю, вам известно, что тамплиеры были объявлены еретиками и изгнаны самим папой Климентом и что порочная связь с дьяволом позволяет им использовать колдовские заклинания, чтобы появляться и исчезать у вас на глазах, проходить сквозь стены, делать людей немыми и наделять голосом зверей. Они могут превратить старца в юношу, а мужчину — в женщину, разговаривать с бесами, спускаться в ад и возвращаться оттуда.

— Как же вы тогда собираетесь схватить беглеца, если представляете его чуть ли не самим Сатаной, превратившимся в человека?

— К несчастью для них, черная магия быстротечна, подобно блеску звезд на небосклоне, поэтому они не способны ни сбежать, ни спрятаться полностью. Уверяю вас, я схвачу этого тамплиера-убийцу, даже если мне придется ради этого поменять местами небо и землю. Ну а сейчас вы как старший монах аббатства должны проследить, чтобы труп настоятеля перенесли в церковь и чтобы монахи всю ночь молились за спасение его души перед утренними похоронами. Я же с восходом солнца отправлюсь по следам беглеца и не буду сдерживать галоп моего коня, пока не доберусь до него, — зло процедил доминиканец.

Монахи, понурив головы, вернулись в церковь и тихо затянули заупокойную молитву, а брат Бразгдо и брат Асбен вместе с двумя солдатами отнесли на носилках тело настоятеля в лазарет, чтобы надеть саван.

Уже рассвело, когда брат Ринальдо пришел повидать Гримпоу в тайную комнату библиотеки и поведать о слу-

чившемся ночью. Старик сказал, что Гримпоу может смело покинуть свое убежище.

— А что, инквизитор и солдаты короля уже ушли? — спросил Гримпоу, не веря, что это правда.

— Еще до рассвета они оседлали лошадей и покинули Ульпенс с первыми лучами солнца. Доминиканец даже не захотел подождать, пока мы похороним настоятеля после полуденной службы.

Гримпоу тревожили неясная судьба Дурлиба и ужасная смерть настоятеля, но все же, ощутив на лице нежное прикосновение прохладного ветра долины, просочившегося через открытые окна библиотеки, он почувствовал, что душе его возвращается теплое дыхание жизни. Очень скоро вновь обретенная свобода поможет Гримпоу узнать что-нибудь о том, что так терзало его по ночам, с тех пор как брат Ринальдо рассказал, будто Дурлиб бросился в пропасть, спасаясь от инквизитора, и встретил смерть в отчаянной попытке освободиться от плена. Юноша полагал, что, если Дурлибу удалось остаться невредимым, он, несомненно, вернется к кресту, указующему путь к аббатству, где они зарыли дорожную суму погибшего рыцаря.

Поэтому Гримпоу решил при первой возможности незаметно покинуть аббатство и спуститься к дорожному кресту, чтобы проверить, забрал ли Дурлиб мешок с запечатанным посланием и золотой печатью.

Они прошли через несколько залов библиотеки, заваленных книгами, затем по просторному и хорошо освещенному коридору, огромные своды которого, открываясь в галерею, позволяли видеть серое и мутное небо. Снега не было, но сильный холод взбудрил Гримпоу, как будто он умылся в ледяном пруду. Они вышли к галерее

и направились к церкви, придерживаясь того же пути, по которому сопровождали настоятеля в его покои в день своего приезда. Гримпоу на мгновение представил себе кровь настоятеля, разбрызганную по стенам и полу, и по его телу пробежала дрожь. Он снова подумал, что магический камень мертвого рыцаря никакой не философский, о котором написано в манускрипте, хранящемся в секретной библиотеке, а самый настоящий дьявольский амулет, о чем намекал в свое время Дурлиб, — ведь из-за его колдовской силы уже погибли два невинных существа. Однако очень скоро Гримпоу убедится, что и в этом он ошибался.

В церкви все было готово к похоронам. Песни монахов звучали в нефх меланхолическим гулом ангельского хора, а через цветные витражи сочился слабый свет, бросая расплывчатые блики на мертвенно-бледное лицо покойника; тело же, в коричневом одеянии, подпоясанное белым ремнем ордена, покоилось в деревянном гробу перед алтарем. Глаза его были закрыты, но, несмотря на все попытки брата Асбена загримировать следы ужаса, которые до сих пор искажали лицо настоятеля, Гримпоу все же разглядел гладкую бледную кожу и гримасу рта, вытянутого в сторону, словно в трагической усмешке. Четыре больших свечи пылали в высоких бронзовых канделябрах по углам церкви, а пронизывающий запах ладана парил под сводами церкви, как невидимый благоухающий туман.

Гримпоу сел рядом со слугами и слушал с искренней набожностью заупокойное богослужение по душе убитого, но в глубине сердца молился также и о спасении своего дорогого друга Дурлиба, на случай если тот все-таки сорвался со скалы, как утверждал доминиканский мо-

нах. К тому же, он подумал, что, даже если это не так, красивые песни монахов не причинят Дурлибу никакого вреда.

— *Requiem aeternam dona ei, Domine...* — произнес брат Ринальдо, заканчивая церемонию.

Когда отпевание подошло к концу, четверо слуг взяли гроб на плечи и в сопровождении выстроившихся в два ряда монахов в капюшонах с зажженными свечами в руках двинулись к кладбищу под непрекращающееся пение и молитвы. Они вышли из церкви во двор, зашли в узкий и длинный сводчатый коридор, который вел в открытую галерею. Затем вошли в капитулярий, где монах с огромными синяками под глазами и сильно выступающим круглым носом снова оросил святой водой безжизненное тело настоятеля, произнося краткую и красивую плегарию. Оттуда в полной тишине они продолжили путь через другую галерею, вошли в незнакомый Гримпоу коридор и, пройдя через мрачные помещения, освещенные факелами, оказались наконец в просторном саду за апсидой церкви, усыпанном могилами и крестами. Двое слуг, вооружившись лопатами, уже ждали у вырытой ямы. В то время как слуги укладывали гроб на землю, монахи остановились и выстроились вокруг. Безжизненное тело настоятеля опустили в могилу, засыпали землей, увенчали могилу железным крестом. Несколько снежинок медленно опустились с темнеющего неба, предвещая надвигающуюся с гор снежную бурю. Пока монахи молчаливо возвращались к своим занятиям, брат Ринальдо и брат Асбен, сборщик лекарственных трав, остались на кладбище: они прогуливались между могил и окружавших кладбище высоких кипарисов. Гримпоу встал неподалеку, прислушиваясь к разговору.

— Я не знал, что рыцарь запрещенного ордена тамплиеров ехал через долину по пути в горы, — сказал брат-аптекарь.

Это был низенький худощавый человек, с кожей белой и лоснящейся, как и его выбритый череп; острый нос в сочетании с тонзурой придавал ему добродушный вид.

— Никто из монахов об этом не догадывался. Да я уверен, что и настоятель ничего не знал.

— Но ведь Гостель сказал, что настоятель видел, как беглец бродит по окрестностям аббатства.

— Ты и правда поверил небылицам инквизитора? — спросил брат Ринальдо, медленно шагая по тонкому снежному покрову.

— Но кто же тогда обезглавил настоятеля? — недоуменно спросил брат Асбен.

— Спроси лучше, что же такого мог знать настоятель, что его убили?

— Я не понимаю, — сказал брат Асбен, замедляя шаг.

— Бульвар Гостель, ныне доминиканский монах и инквизитор Лиона, с которым ты сам познакомился давным-давно, когда он был еще послушником, разговаривал наедине с настоятелем в его покоях в ночь своего приезда и объяснил ему, по какой важной причине он столь отчаянно преследует беглого рыцаря.

— Из каких же еще соображений он мог его преследовать, если не за то же, за что отправлял в тюрьмы, на муки или на костер сотни рыцарей Храма? — спросил аптекарь.

— Чтобы овладеть секретами и богатствами, — прошептал старик, беспокойно оглядываясь, будто опасаясь, что кто-то может их услышать.

— Но ведь король Франции уже овладел сундуками с серебром и золотом, которые рыцари-тамплиеры хранили в парижском Тампле. Это первое, что он сделал, арестовав всех братьев. Правда, кое-кто уверяет, что будто бы за несколько дней до ареста великий магистр Жак де Молэ приказал своим самым верным рыцарям уехать утром из крепости в неизвестном направлении, но это не более чем рассказы бродяг.

— Я имел в виду тайну, — уточнил старый монах.

— Ты про тот секрет, который раскрыли девять рыцарей в Храме Соломона в Иерусалиме более двух веков назад? — спросил аптекарь и моргнул.

— Именно. Гостель рассказал настоятелю, что Жак де Молэ под пытками проговорился, мол, эта тайна известна только определенному числу мудрецов, которых даже он сам не знал.

— Так, значит, легенда верна! — воскликнул брат Асбен, смахивая снежинку, опустившуюся ему на нос, словно хрупкая белая бабочка.

— Она так же верна, как и то, зачем сам инквизитор Лиона преследует в этих горах беглеца, — заметил старик.

— Они полагают, что рыцарь знает ключ к тайне?

— Судя по тому, что мне известно, он нес послание.

Гримпоу решил, что брат Ринальдо собирается рассказать брату Асбену все, что он узнал о необъяснимом исчезновении в горах мертвого рыцаря, о монетах, кинжале, драгоценностях, запечатанном послании и о золотой печати, которую рыцарь вез в своей сумке. Но библиотекарь и словом об этом не обмолвился.

— Меня удивляет, что ты, зная столько же, сколько настоятель, все еще жив, — сказал аптекарь со вздохом. — Ты присутствовал при его разговорах с Гостелем?

— Нет, но лучше не спрашивай, откуда я все знаю.

Оба монаха в задумчивости продолжали путь, будто осмысливая беседу или продумывая ее продолжение. В конце концов брат Асбен сказал:

— Однако кое-чего я никак не могу понять... — Он выдержал паузу и продолжил: — Если это доминиканец перерезал горло настоятелю, то как вышло, что он пришел в галерею намного позднее нас?

— Возможно, он сначала убил, а затем быстро вернулся в комнаты для гостей, — размышлял вслух старший монах.

— Но когда я вошел в покой, у настоятеля из шеи струилась кровь. У Гостеля не было достаточно времени, чтобы совершить убийство, потом уйти к себе и снова вернуться в галерею как ни в чем не бывало.

Брат Ринальдо ужаснулся, будто вся его теория о виновности инквизитора Лиона в убийстве настоятеля была не более чем горячечным бредом. Доводы аптекаря были столь безапелляционны и разумны, что он не мог не усомниться в ошибочности своих заключений. Примпоу по внимательному выражению лица монаха догадался, что старик мог подозревать даже Дурлиба в убийстве настоятеля. Если тот остался цел после своего прыжка в пропасть, то вполне мог вернуться ночью в аббатство, перелезть через стену, добраться до покоев настоятеля и зарезать его кинжалом мертвого рыцаря, желая отомстить за то, что его заложили доминиканцу. Но эта мысль показалась брату Ринальдо абсурдной, и он сказал:

— Ты прав, возможно, это не Гостель собственными руками убил настоятеля, но я уверен, что именно он приказал одному из своих солдат зарезать его, а потом спрятаться где-нибудь рядом с покоем, может, в капи-

тулярии, где мало дверей, пока все не утихнет. Никто не заметит, что солдат стало на одного меньше, ведь они появились в галерее почти сразу после нас, когда уже нашли бьющегося на полу, словно одержимого, Кенсе.

— Это точно, — подтвердил брат-аптекарь. — Из-за всего этого не думаю, чтобы кому-нибудь из монахов пришло в голову пересчитать королевских ищеек, сопровождавших инквизитора Лиона. Кроме того, сам он не случайно винил в преступлении человека, которого здесь и в помине не было.

— Поэтому он и придумал весь этот фарс насчет дьявольских сил тамплиеров.

— Мне известно, что несколько монахов аббатства поверили ему и теперь боятся, что рыцарь-тамплиер зарежет и их. А еще я слышал, как послушники говорят, что это Кенсе убил настоятеля в припадке бешенства.

— Они никогда в жизни не видели человека в конвульсиях, да еще издающего душераздирающие вопли, так что, конечно, могли по незнанию заподозрить бедолагу Кенсе, — понимающе кивнул библиотекарь.

— Да, Кенсе всего лишь бедолага, которого Бог при рождении лишил разума, чтобы он никогда не понял человеческого несчастья. Его ощущение яви настолько ограничено, что он не способен ненавидеть и уж тем более убить кого-нибудь, — сказал брат Асбен.

— Когда мы его нашли, кинжала в руке не было. Вдобавок, сегодня до утренней молитвы он признался мне, что упал в обморок, увидев настоятеля с перерезанным горлом, а что было потом, не помнит, — добавил брат Ринальдо, направляясь к церкви.

Ледящий ветер дул над аббатством, сгибая ветви кипарисов на кладбище с такой же легкостью, как Гримпоу — тетиву своего лука.

Тем временем на кухне брат Бразгдо давал указания расставить столовые приборы и тарелки в столовой. Настало время завтрака. Посреди печи в тагане, поднимая в воздух большие облака пара, разносившие аромат свиного сала, покоилась огромная кастрюля, и у Гримпоу потекли слонки от одной только мысли о возможности вкусить изысканное блюдо, которое он представлял себе кипящим на огне.

— Голод всегда был хорошей приманкой для пройдох! — воскликнул повар с красными, как раскаленный уголь, толстыми щеками на опухшем от жара лице, увидев, как Гримпоу входит на кухню.

Монах жестом велел ему сесть за стол и, после того как слуги начали расставлять еду в столовой, сам поднес Гримпоу глиняную миску с наваристым кушаньем, кусочек горячего хлеба и кувшин воды.

— Я сожалею о том, что случилось с Дурлибом, — сказал он, усаживаясь рядом, — солдаты сказали, что он упал в пропасть в горах.

— Да, мне передал брат Ринальдо, — подтвердил Гримпоу, погрузнев.

Брат Бразгдо сел ближе и прошептал юноше на ухо, чтобы никто не услышал:

— Похоже, призрак мертвого рыцаря принялся за свое. Я имею в виду этот роковой несчастный случай и ужасное убийство.

— Вы и вправду верите, что оба несчастья — дело рук загадочного призрака? — спросил Гримпоу, пытаясь подшутить над страхами повара.

— Я в этом уверен так же, как и в том, что однажды за мной придет смерть с длинной косой и ужасным черепом вместо лица, — прошептал монах, целуя распятие на своей шее. — Я подозревал, что призрак прине-

сет несчастью аббатству, но не хотел в это верить. Несколько братьев уверяют, что слышали ночью странное шипение и стенания, похожие на шепот задыхающегося человека, другие рассказывают, что видели страшные тени, скользящие по крышам. Все наши беды только начинаются, — продолжал повар тихим голосом, — подобно тому, как в конце прошлого столетия все боялись конца света и люди в ужасе пытались избежать пророчества, предвещавшего приход Сатаны, в то время как чума, голод и войны покончили с половиной человечества.

Брат Браздо смотрел на Гримпоу и, поскольку тот молчал, продолжил:

— Инквизитор Гостель сказал вчера, что настоятеля, царствие ему небесное, — он замолчал на минуту, чтобы перекреститься, — убил рыцарь-тамплиер, который шатался в окрестностях аббатства. Только он ошибается, полагая, что речь идет о существе из плоти и крови, как мы с тобой. Этот странствующий призрак, которого, как ты знаешь, я недавно видел верхом на лошади в горах, пришел, чтобы рассчитаться со своими должниками из прошлого, и он не уйдет из долины, пока не добьется своего. Да защитит нас Бог от его разящего кинжала, пока не поздно!

Монах вытащил из кармана плаща кроличью лапку и головку чеснока и прикоснулся к ним обеими руками, будто ласкал свое единственное спасение. Гримпоу едва сдержал улыбку, еще раз убедившись в страхах и суевериях повара, и спросил:

— Вы уверены, что кроличья лапка и чеснок защитят от острого ножа?

— Я не знаю более надежного способа защититься от злых духов, только не рассказывай ничего брату Ри-

нальдо, а то за мой грех он наложит на меня епитимью, так что придется молчать дольше, чем целый год, включая и время сна, — выдал брат Бразгдо, как на исповеди.

— Не тревожьтесь, я буду нем, как бедняга Кенсе. Кстати, не знаете, он уже поправился? — спросил Гримпоу.

— Не так давно я относил еду в лазарет — он спал как сурок на своей скромной кровати. Думаю, брат Асбен дал ему выпить липового чая с отваром лекарственных трав, от которого он ни жив ни мертв, — и повар расхотался. — Не беспокойся за него, парень, Кенсе бес смертен, как боги, и кроме того, ему посчастливилось попробовать все настойки и отвары, которые получает брат-аптекарь в своей лаборатории в поисках эликсира жизни. Я не удивлюсь, если он нас всех переживет и дотянет до возраста Мафусаила, умершего, как гласит Библия, в возрасте девятисот шестидесяти девяти лет и даже тогда не выглядевшего стариком.

— Это правда, что некоторые монахи подумали, будто Кенсе мог зарезать настоятеля в припадке? — спросил Гримпоу, пытаясь выведать что-нибудь, убежденный в том, что если кто из монахов и знает слухи, разносящиеся быстрее молнии по аббатству, так это брат Бразгдо.

— Подобная клевета могла сойти только с порочно-го, змеиного языка, подобного языку того, что соблазнил Адама в раю, а в этом аббатстве, уж я-то знаю, многие заслуживают, чтобы их бросили в змеиное гнездо, — ответил брат Бразгдо, поднося ко рту сладкое яблоко. Затем, слегка укусив плод своими пожелтевшими зубами, он прибавил: — Кенсе пришел в аббатство почти взрослым. Родителей он никогда не знал. Кажется, его

мать была шлюхой, она бросила его сразу после рождения в пещере старой ведьмы в окрестностях деревни Корбей. Одна старуха сжалась над ним и начала кормить молоком козы, такой же дряхлой, как и она сама. Позднее, когда Кенсе подрос, они вместе искали помощи, прося подавание в рыночные и ярмарочные дни у дверей церквей. Но вместо того, чтобы сочувствовать ему, люди в ужасе бежали прочь, увидев его уродливое лицо и беззубый рот. Придя сюда, он даже не умел толком говорить, разве что повторял все время: «Спрячься, спрячься от людей и их зла!»

— Почему он так говорил? — поинтересовался Гримпоу, заинтригованный рассказом монаха.

— Некоторое время спустя мы узнали, что это единственные слова, какие он слышал от старой ведьмы, а когда она умерла, Кенсе остался один в пещере и только чудом тоже не умер от холода и голода. Такой сильный страх вызывали у него соседи по комарке, что он, следуя совету старухи, спрятался в лесах, и больше никто его не видел. Однажды на ферме в лесу Альгфорф нашли жестоко убитую молодую женщину и стали искать Кенсе, чтобы повесить.

— Они подумали, что он убил девушку?

— Всегда проще обвинить в преступлении того, кто не может защищаться.

Гримпоу подумал, что подобной мысли мог придерживаться и инквизитор Гостель, обвиняя рыцаря-тамплиера в убийстве настоятеля Бринкдума, но не сказал ничего брату Бразгдо, который, увлеченный своим рассказом, продолжал:

— Кенсе, не зная усталости, бежал и в конце концов спрятался на заброшенном кладбище, где, как живой мертвец, провел в склепе одной знатной семьи несколь-

ко дней, до тех пор пока неудержимый голод не заставил его выбраться из убежища. Он искал еду только в окрестностях кладбища после наступления ночи, а когда ему удавалось что-нибудь найти, ну не знаю, каких-нибудь улиток, червей, тараканов, жуков, букашек, крыс, может быть кота или собаку, он возвращался на кладбище, чтобы проглотить их в темноте, как дикое лесное животное.

К горлу Гримпоу подступала тошнота, но его совсем не удивило то, что монах-повар рассказывал о Кенсе, ведь иногда им с Дурлибом приходилось без лишних сомнений давиться самыми отвратительными тварями, чтобы хоть как-то усыпить голод, пожиравший внутренности.

— Он до сих пор ест эту гадость? — спросил Гримпоу, сдерживая отвращение.

— Однажды я с удивлением наблюдал, как он охотится за крысами в клоаке, хотя Кенсе клялся, что это по приказу брата Асбена, которому крысы нужны для опытов в лаборатории для создания каких-то там микстур и ядов.

— Так вы не верите, что Кенсе мог убить настоящего? — спросил Гримпоу, выслушав повествование брата Браздо.

— Настоятель нашел его однажды на дороге к кладбищу, где он прятался, во время приступа эпилепсии, похожего на тот, что произошел с ним вчера ночью. Он посадил беднягу на свою лошадь, довез до аббатства и оставил прислужником. Неужели ты думаешь, что Кенсе мог убить святого человека, спасшего ему жизнь? Этот неполноценный бедняга — невинный ребенок и не способен убить даже муху, если только не для собственного пропитания. — И повар снова расхохотался.

Пройдет совсем немного времени, и Гримпоу убедится в том, что Кенсе, этот умственно отсталый слуга-великан, все такой же наивный ребенок, несмотря на свой возраст.

Юноша навестил Кенсе днем в лазарете. Бушевавшие ветер и снег со зловецким шумом хлестали крыши и толстые стены аббатства. Брат Ринальдо сказал, что, так как он вынужден оставаться с монахами до тех пор, пока они не решат, что с ним делать дальше в отсутствие Дурлиба, он может проводить вечера в лазарете, помогая брату Асбену, а утро посвящать изучению тривия и квадривия в библиотеке. Старый монах прибавил, что, если Гримпоу не против, он сам будет его учить, на что юноша с радостью согласился. На следующий день он узнал, что тривием ученые мужи называли три искусства красноречия: грамматику, риторику и диалектику, а квадривий включал четыре математических дисциплины: арифметику, гармонию, геометрию и астрономию. И хотя очень скоро благодаря брату Ринальдо Гримпоу овладел секретами языка и наук, ничто так не увлекало его, как тайны алхимии, которые он познал в лаборатории аптекаря.

Лазарет располагался в северо-восточном крыле аббатства и впитывал теплые полуденные лучи утреннего солнца на ясном небе. Брат Асбен любил говорить, что нет более чудодейственного лекарства, чем свет и тепло солнца. Рядом с лазаретом находилась комната послушников, которые часть каждого дня проводили в молитвах в маленькой часовне. Когда Гримпоу приходил, некоторые монахи, особенно самые молодые, смотрели на него с любопытством, а он ясно читал в их глазах ничем не прикрытую зависть к его свободе. Они знали, что Гримпоу совсем не обязан присутствовать на

службах, не должен хранить обет молчания, заниматься физическим трудом в аббатстве, то есть свободен от всего, чем им приходилось заниматься постоянно. Естественно, они спрашивали себя, что такой человек, как Гримпоу, делает в аббатстве, и мечтали о его свободной жизни, ведь многие из них надели монашеское одеяние больше по наказу родителей, чем по религиозному призыванию или божественному зову. Часто вкусив сладость любви и рыцарства, которая так влекла юношей, родившихся, на свое счастье, в благородных стенах замков Ульпенса.

Кенсе лежал на жалкой кровати в прихожей лазарета, под большим окном, закрытым деревянными ставнями, за которыми слышался рев ветра, похожий на визг разъяренного привидения. Казалось, что слуга спит, но, едва услышав шаги Гримпоу, он испугался и, непонятно почему, посмотрел на того с ужасом в глазах. Гримпоу улыбнулся ему, впечатленный трогательной историей, которую рассказал на кухне брат Бразгдо, и, к своему удивлению, заметил, что лицо Кенсе тоже озарила приятная, хоть и грустная улыбка.

Брат Асбен вышел ему навстречу из смежной комнаты справа, где располагалась комната, предназначенная для монахов. Там было несколько кроватей, поставленных в ряд под тремя окнами лазарета, но только две были заняты больными. На одной дремал молодой монах с наложенной шиной, который, как позднее узнал Гримпоу, сломал лодыжку, упав с лестницы, когда пытался залатать протечку в крыше церкви. На другой кровати Гримпоу видел едва различимый под одеялами силуэт старого бородатого монаха. Он уставился в невидимую точку на потолке, не сводя с нее глаз, так что Гримпоу предположил, что тот слеп. Этот монах был одним из

старожилов аббатства, его звали Уберто Александрийский, он уже более двадцати лет лежал без движения, не видя ничего, погруженный в собственные мысли.

ТАМ, ЗА ЗВЕЗДАМИ

Пронизывающий эфирный запах олова и жженой серы заполнял алхимическую лабораторию брата Асбена, которая находилась в маленьком дворике, прилегающем к лазарету. Это было вытянутое узкое помещение. Дневные лучи попадали в него через два окна в стенах, а люди входили через каменную арку с огромной дверью. Две объемные колонны поддерживали низкий и почерневший от печного дыма потолок, а прозрачные колбы, заполненные жидкостями разных цветов, теснились на полках, беспорядочно смешиваясь с многочисленными бутылками, дистилляторами, пробирками, плавильными тиглями, блюдами, глиняными чашками и медными котлами. На столе, заваленном темными рисунками, рядом с канделябром на пять свечей, перьями и чернильницами лежало несколько манускриптов и пергаментов. Все в этом помещении казалось затянутым паутиной, старой как мир.

Маленький монах-аптекарь не скрывал своей радости, получив Примпоу в ученики. Едва войдя в лабораторию, он принялся рассказывать, что уже много лет назад его самого обучил брат Уберто, слепой монах, который лежит теперь в лазарете. Он научил его всему, что знал сам, о болезнях тела и души, о травах, мазях, микстурах, снадобьях и даже ядах, которые в маленьких дозах могли исцелять. Переполняемый неудержимым желанием выказать свои познания в медицине челове-

ку, ничего в этом не смыслящему, монах долго рассказывал о туберкулезе, гангрене, опухолях, оспе, чуме и проказе, страшнейшем оружии смерти.

Затем аптекарь, приготовляя сироп из меда и мяты, чтобы облегчить приступы кашля столетнего монаха, а также мазь из алоэ, смешанного с маслом, чтобы зажила наконец рана на сломанной ноге другого больного, поведал Гримпоу о том, что истинным его призванием всегда было стать знатоком таинственного искусства алхимии, секреты которого он научился раскрывать, следуя указаниям брата Уберто, до того как роковой взрыв дистиллятора вонзил тому в глаза сотни осколков и навсегда лишил зрения.

— Он потерял зрение, пытаясь найти философский камень в этой самой лаборатории? — спросил Гримпоу, заинтересованный судьбой слепого монаха.

— Брат Уберто потерял намного больше. С того дня, как свет пропал из его глаз, пропал и его интерес к жизни. Обессиленный, он днем и ночью лежал в кровати, отказываясь подниматься, даже когда ему приказывал настоятель. И, несмотря на то что настоятель угрожал ему отлучением от церкви, он упорствовал в своем непослушании и никогда больше не вставал ногами на землю, даже для того, чтобы дойти до отхожего места в лазарете.

— Он и не говорит тоже? — спросил Гримпоу.

— Только когда ему захочется, а это случается редко. Последний раз я слышал, как он говорит что-то, прошлой зимой, и хочу заметить, он выпалил ругательство. Хорошо это помню, потому что тоже шел сильный снег. Думаю, он единственный монах нашей обители, который благочестиво соблюдает обет молчания.

Гримпоу сопровождал брата Асбена до больничной палаты и увидел, как аптекарь дает брату Уберто тестообразное желтоватое месиво с металлической ложечки. Гримпоу всматривался в иссохшие глазные впадины и в побледневшую кожу лица этого слепого монаха, которая, увядшая за более чем сто лет жизни, все еще сохраняла черты человека ученого и благородного.

— Тебя удивило, что он не выглядит дряхлым, так? — спросил брат Асбен, возвращаясь в лабораторию после того, как смазал бальзамом из алоэ и масла ногу монаха помоложе.

Гримпоу молча кивнул, и аптекарь продолжил:

— Незадолго до того, как случилось это несчастье, лишившее его прекраснейшего из чувств, брат Уберто рассказывал мне, что будто бы наконец создал эликсир жизни и выпил его, поддавшись соблазну получить бессмертие, бросая при этом вызов заповедям церкви и не испытывая страха перед наказанием Божьим за дерзость. После того как он ослеп, монахи, включая самого настоятеля, решили, что Бог сделал так, чтобы дистиллятор взорвался, ведь Уберто осмелился оскорбить Его.

— Но это всего лишь случайность! Разве Бог мог поступить так жестоко? — воскликнул растерянный Гримпоу.

— Мы с братом Ринальдо тоже так думаем, но от разума до предубеждения один шаг, столь же незначительный, как и тот, что отделяет жизнь от смерти.

— А брат Уберто никогда не показывал формулу, которую он использовал, чтобы получить философский камень? — спросил Гримпоу, горя желанием получить ответ.

— Нет, никогда. А если бы и открыл, мне бы все равно это не пригодилось.

— Брат Ринальдо сказал, что вы тоже ищете так называемый lapis philosophorum, проводите ночи напролет без сна, пытаетесь найти философский камень.

Лицо маленького монаха озарила хитрая улыбка.

— Дорогой мой Гримпоу, истинных алхимиков интересует не столько финальный результат, сколько обучение во время поиска. Поэтому каждый алхимик должен найти свой путь в учении, чтобы отыскать гениальное в себе самом. Я же, признаться, до сих пор его не нашел.

— Так вы не пытаетесь получить из грубых металлов наичистейшее золото? — спросил Гримпоу, смущенный рассуждениями монаха.

— И да и нет, — ответил тот. — Это правда, что я экспериментирую с металлами, чтобы попытаться сделать их столь же чистыми, как золото, но это не та цель, которая движет мной, меня привлекают не богатства. Этот сверхъестественный философский камень, желанием найти который горят все ученые, не золото, как врут многие шарлатаны, это нечто нематериальное, мудрость и знание. Образ золота не более чем символ, аллегория, с помощью которой можно представить идеал души, ради достижения коего истинные алхимики прикладывают немислимые усилия посредством алхимического процесса для превращений металла, что показывает способность человеческого существа познавать и открывать секреты природы. Задачей алхимии можно считать желание сделать подвластной материю, преобразовать ее, создав, как сделал Бог, сотворив мир. Именно поэтому каждая эпоха отличается от предшествующей и от последующей, а наша будущая жизнь и жизнь всего человечества так неопределенна и подвластна чувствам. — Прокашлявшись, брат Асбен продол-

жил: — Любое наше открытие очень скоро потеряет свою значимость из-за изобретений многих мудрецов, ведь сколько гениального способны придумать люди! Единственное, что должно нас интересовать, так это то, чтобы подобные чудеса служили на благо человеку, а не разрушению. Потому-то наши знания, наблюдения, открытия хранятся в строжайшем секрете и доступны только посвященным. Остальные бы не поняли всего или использовали бы в корыстных целях, а иные, может, просто бы посмеялись.

— По этой причине церковь считает алхимиков еретиками?

— Церковь и королей волнует одно, как бы кто-нибудь и вправду не создал чистое золото и не стал могущественнее самого папы, как давным-давно случилось с орденом тамплиеров, которых преследовали как еретиков за власть и богатства, каковые они снискали.

Снова в разговоре появились рыцари-тамплиеры, и Гримпоу не мог не вспомнить о магическом камне погибшего рыцаря, принадлежавшем теперь ему, камне, который, судя по тому, что только что рассказал брат Асбен, имел определенное отношение к алхимии, к философскому камню и к ордену Храма в Иерусалиме. Но вдруг Гримпоу одолело предчувствие того, что, возможно, хранимый им камень, если он на самом деле ключ ко всему, может оказаться источником всех легенд, придуманных за долгие века теми, кто искал таинственный философский камень, *lapis philosophorum*, о котором слышали все, но никто не уверен ни в его существовании, ни в значении и пользе.

Но должно пройти еще много времени до того дня, когда Гримпоу наконец разгадает секрет.

Снежная буря и сильный дождь отложили на несколько дней намерение Гримпоу спуститься в долину к кресту, указывающему дорогу в аббатство, чтобы проверить, не откопал ли Дурлиб походную сумку, хранившую сокровище; ведь это послужило бы безошибочным доказательством того, что он все еще жив. Этот секрет знали только они с Дурлибом, и никто более не догадывался о месте, где запрятано сокровище. Однако Гримпоу очень скоро узнал, что стены аббатства скрывают столько тайн, сколько душ его населяют.

Однажды утром, ближе к полудню, когда колокола только что закончили созывать монахов к очередной молитве, Гримпоу заперся в библиотеке, посвятив себя изучению трактата по астрономии, написанного египтянином по имени Птолемей. И тут юноша заметил уродливую физиономию Кенсе, высунувшегося из-за колонны. Тот жестом предложил пойти за ним. Гримпоу оставил манускрипт на столе, не в силах сдержать любопытство, и последовал за Кенсе.

По порывистым движениям служки, когда они шли по коридорам библиотеки, Гримпоу предположил, что Кенсе хочет, чтобы их никто не заметил и не узнал, куда они направляются. Они спустились в крытую галерею, оставив позади капитулярий и покои настоятеля, и направились в постоялый двор для знати. Служка открыл дверцу, которая вела в помещение для слуг, в сад и на ферму. Сильный ветер клонил деревья и кружил снежинки над их головами, заставляя щуриться.

— Куда мы идем? — крикнул Гримпоу, но ответа не дождался.

Он дошел за Кенсе до конюшни, где по меньшей мере дюжина породистых жеребцов, не страшась бури, холода и голода, безмятежно пожевывала корм, от кото-

рого ломились кормушки. Все они были черны как смоль, за исключением белого, в котором Гримпоу сразу же признал жеребца погибшего в горах рыцаря. Он подошел к белому коню и почувствовал по его взгляду, что тот обрадовался ему, будто бы узнал. Кенсе встал рядом, и жеребец испуганно заржал, трясая гривой из стороны в сторону. Гримпоу погладил его по гриве, чтобы успокоить, и заметил шрам на хребте. Это было клеймо, выжженное огнем. Оно изображало знак, который Гримпоу уже видел раньше на запечатанном письме и на золотой печати мертвого рыцаря: змея, кусающая свой хвост.

— Я думал, что инквизитор Гостель забрал этого жеребца с собой, — сказал Гримпоу, ожидая, что Кенсе наконец произнесет хоть слово.

Но Кенсе всего лишь показал на задние ноги жеребца, и юноша увидел, что они перевязаны бинтами. Гримпоу подумал, что, поскольку к тому времени еще не исцелились раны от зубов диких зверей, напавших на жеребца в долине, Гостель вынужден был оставить животное в стойле аббатства. Юноша решил попросить у брата Ринальдо разрешения вывести коня на прогулку, как только утихнет снежная буря, и поблагодарил Кенсе, что тот привел его сюда. Служка довольно заулыбался и что-то неразборчиво пробормотал, а затем потянул Гримпоу за рукав куртки, настаивая, что пора идти дальше. Гримпоу понял, что служка хотел показать ему не жеребца погибшего рыцаря, а нечто другое.

Кенсе прошел до конца стойла, где своей вершиной гора соломы упиралась в массивные балки потолка. Он отодвинул солому в сторону и расчистил проход, так что стало видно темное и глубокое отверстие, похожее на высохший колодец. Служка с легкостью забрался внутрь.

маня за собой Гримпоу. Юноша знал, что ему нечего бояться этого великана с уродливым лицом и душой ребенка, поэтому и последовал за ним без всяких сомнений. Отверстие закрылось над их головами, и они спустились в крошечной тьме по железной лестнице, прислоненной к краю потайной дверцы. Достигнув дна колодца, Кенсе пробрался на ощупь в угол и зажег факел, в свете которого они увидели узкий туннель. В конце длинного подземного коридора открылся просторный грот, через который бежал ручеек с темной водой, стены были скалистые, а остроконечные сталактиты блестяли, подобно прозрачным моллюскам в лучах луны.

Кенсе направился к предмету, напоминавшему очертаниями старинный деревянный сундук, и подозвал Гримпоу. Он отдал юноше факел и отодвинул крышку сундука, будто намереваясь найти ценное сокровище, уже много веков спрятанное в этом подземном гроте. Гримпоу приблизил свет факела к сундуку и окаменел, увидев великолепный клинок, лежавший на аккуратно сложенных нарядах какого-то рыцаря. Гримпоу спросил Кенсе, знает ли он, кому принадлежит меч, но служка лишь пожал плечами и улыбнулся, открыв беззубый рот. Гримпоу сразу же пришла в голову мысль, что, возможно, эту одежду брат Ринальдо носил, когда много лет назад пришел в аббатство Бринкдум, чтобы отринуть орден Храма и скрыться в одиночестве гор. Рукоять клинка была выполнена из золота и усыпана драгоценными камнями, похожими на те, что украшали кинжалы из дорожной сумки погибшего рыцаря. На клинке был выгравирован крут, посередине — красный восьмигранный крест, а в центр креста, образованного рукоятью и острием, был вставлен небольшой медальон.

изображающий всадника, скачущего галопом и поднимающего в воздух копьё. Примпоу отдал Кенсе факел и взял тяжелый клинок в руки. Дотронувшись пальцами до рукояти, он сразу ясно увидел череду изображений, на которых появлялся брат Ринальдо Метц. Лицо его пряталось за забралом шлема, он был одет в чешуйчатую кольчугу и белую накидку с большим красным крестом, вышитым в верхней части груди, того же цвета, что и крест на плече. Юноша увидел тот же крест на длинном щите и на гарде клинка. Рыцарь вздымал черного боевого коня, сражался среди толпы детей и женщин, убегавших с криками, окутанных языками пламени, среди тех, кому воин, не зная жалости, отсекал головы мечом, опьяненный кровью, ненавистью и яростью. Примпоу, не в силах вынести это ужасное зрелище, полное крови и смерти, закрыл глаза и бросил меч на пол, к сильному изумлению Кенсе, на него ошеломленно и испуганно, как будто ребенок с картинки, погибший во время страшной бойни.

День после бури был ясным и светлым, несмотря на холод. Вершины гор четко вырисовывались на горизонте подобно заостренным клыкам, будто желавшим пронзить небо, а в самой вышине солнце вальяжно перемещалось в своем вечном странствии от востока к западу. Снег тяжелым бременем лежал на елях, наклоняя их ветви, а ближе к югу, рядом с водопадами, косяк грифов выписывал причудливые спирали над долиной, предвкушая богатое пиршество из падали.

Примпоу сказал брату Ринальдо, что пойдет в стойла поухаживать за раненым конем тамплиера, и покинул аббатство после того, как монахи отправились в трапез-

ную. Главные ворота были закрыты, но Кенсе подсказал ему, как можно попасть на огород и на ферму, а оттуда достаточно было перепрыгнуть через маленький заборчик, чтобы оказаться за пределами аббатства. Гримпоу нес с собой кинжал погибшего рыцаря, спрятанный под меховой накидкой, и переживал страстное желание узнать, вернулся ли Дурлиб к разветвлению дороги, чтобы забрать закопанный мешочек с сокровищами. Оставалось только спуститься с холма, заваленного снегом, у подножия которого проходила извилистая дорожка. Крест был уже близко, совсем скоро юноша увидел его в просвете между елями. Когда он слезал с лошади, погрузившись по колено в снег, его внимание привлекли многочисленные волчьи следы. Изголодавшиеся стаи зимой часто спускались с гор в поисках добычи в деревнях, особенно после сильных снегопадов вроде того, что случился в последние дни. Гримпоу с грустью вспомнил о своем луке и колчане, но, покидая аббатство, он даже и не подумал забрать их из гостевой комнаты.

Основание камня, над которым возвышался дорожный крест, было засыпано снегом, Гримпоу пришлось сгребать его руками, так что он скоро уже не чувствовал пальцев от сильного холода. Затем он вытащил кинжал и начал копать землю, чтобы добраться до мешочка. Отыскать его труда не составило, но, увидев мешочек на том же месте, где они с Дурлибом оставили сокровища, юноша вдруг почувствовал, что сердце у него замерзает, как ооченело сердце рыцаря, погибшего в горах. Поскольку мешочек лежал на месте, было очевидно, что Дурлиб не вернулся забрать его, а из этого следовало, что он действительно умер, сорвавшись с

обрыва, в чем инквизитор Гостель уверял настоятеля. Гримпоу позволил себе крик, выплеснувшийся подобно потоку, вырвавшемуся из берегов, крик, который долгое время сдерживал в аббатстве, питая надежду, что Дурлиб все еще жив. Он вспомнил тот день, когда познакомился с ним в таверне своего дяди Фельсдрона и решил убежать, чтобы увидеть мир, и как совсем скоро Дурлиб заменил ему отца, такого, какого он всегда мечтал иметь. Тот отец, которого Гримпоу знал в детстве, умер несколькими годами раньше в деревне Обернальт и был драчливым пьяницей, дурно обращавшимся с женой и обижавшим сына и дочерей, дышавшим на них прогорклым вином.

Но когда, не унимая слез, Гримпоу вытащил мешочек из ямки и открыл его, он увидел, что внутри нет ни серебряных монет, ни драгоценностей мертвого рыцаря. Замерзшими руками он снова и снова ощупывал кожаный мешочек, дабы убедиться, что глаза его не обманывают, и наткнулся пальцами на веточки розмарина, которых раньше там не было. У него вырвался радостный крик, который эхо унесло далеко за горы. И он снова крикнул, так громко, что если Дурлиб еще прятался в соседних лесах, то наверняка услышал бы. Теперь у Гримпоу не осталось ни единого сомнения в том, что его друг жив. Об этом говорили веточки розмарина, найденные в мешочке. Дурлиб должен был помнить, что это амулет, который юноше повесила на шею мать, когда он был еще ребенком, и превратил веточки в своего рода метку. Сам того не ведая, Дурлиб создал для них двоих несложный тайный язык. Дурлиб знал, что Гримпоу поймет, только он догадается, что никто, кроме него, не мог положить эти веточки в мешочек, забрав дра-

гоценности и серебряные монеты. Гримпоу взял запечатанное письмо и золотую печать, оставленные Дурлибом, и снова закопал пустой мешочек в ямке. Он был уверен, что Дурлиб вернется, чтобы удостовериться в том, что Гримпоу получил его послание, но чтобы он не сомневался, кто это был, юноша положил в мешочек камушек, похожий на тот, что принадлежал мертвому рыцарю. Так Дурлиб точно поймет его послание и не замедлит вернуться в аббатство, чтобы снова встретиться с ним.

Так сильна была радость Гримпоу, что, едва вернувшись в аббатство, он побежал на кухню, чтобы сообщить брату Ринальдо добрую весть. К его удивлению, брат-повар уже все знал.

— Но откуда? — изумился Гримпоу.

Монах поднес ко рту половник, отведал капельку и положил обратно в кастрюлю с супом, кипевшим на огне.

— Дурлиб приходил сегодня утром после молитвы третьего часа, когда все монахи были заняты своими делами, а ты занимался с братом Ринальдо в библиотеке, — сказал он так, будто ему было тяжело об этом упоминать.

— А почему ты мне не сказал? Ты как никто другой знал, как я хочу его видеть! — яростно упрекал Гримпоу, заметив, что брат Бразгдо смотрит в пол.

— Дурлиб просил меня не говорить тебе, что он здесь, пока снова не уйдет, — сказал повар огорченно. — Он подумал, что будет лучше, если ты его не увидишь.

— Как такое может быть, чтобы Дурлиб не захотел меня увидеть?! Он ведь знал, что я жду его возвращения! Мы должны были продолжить наше путешествие на конец света! Он ведь сам об этом рассказал в ту ночь,

когда мы приехали, помните? — Во рту у Гримпоу пересохло от злости.

Брат Браздо подошел к юноше и положил увесистую ладонь ему на плечо.

— Гримпоу, Гримпоу, мой мальчик... — сказал он со вздохом. — Твой друг Дурлиб не хочет, чтобы ты продолжал вести жизнь бродяги и беглеца, которую он влачил как вечное наказание. Он сказал мне, что все эти дни, после того как оказался на волосок от смерти в руках инквизитора Бульвара Гостеля, много думал о твоём будущем в одиночестве гор и пришел к выводу, что рядом с ним ты никогда не избавишься от бедности и невежества и, скорее всего, закончишь жизнь на виселице на какой-нибудь жалкой деревенской площади.

В этот миг Гримпоу вспомнил, что когда впервые дотронулся до камня мертвого рыцаря, то почувствовал важные, роковые перемены в своей жизни, внутри себя ощутил сильное волнение от осознания всего, что его окружало. Потому он радовался, что добрался до обители, что познакомился там с библиотекарем Ринальдо Метцем, который столько мог рассказать о природе и космосе; но в душе он оставался тем же озорным, веселым и строптивым мальчуганом, который привольно бродил с Дурлибом по деревням и дорогам, беспокоясь только о том, чтобы просыпаться каждое утро живым. Если бы он мог выбирать, то не променял бы неопределенность жизни рядом с Дурлибом ни на какие богатства и знания мира.

— Но я не хотел покидать его! Дурлиб мой единственный настоящий друг! — Гримпоу залился слезами.

— Дурлиб решил, что для вас обоих будет лучше расстаться, особенно сейчас, когда ты привык обходиться

без него. Он убежден, что в аббатстве ты научишься всему, чего он сам никогда не смог бы тебе дать, и сможешь найти свой путь в жизни. Он просил меня передать тебе, чтобы ты перестал искать тот магический путь, о котором мечтал, а если найдешь, чтобы помнил о нем, будто он с тобой рядом.

Гримпоу подумал, что это тайный способ передать ему, что если когда-нибудь он решит продолжить миссию погибшего рыцаря, чтобы не переставал пытаться; именно поэтому Дурлиб не взял с собой послание и золотую печать. Он предположил, что Дурлибу хватит серебряных монет с драгоценностями, чтобы начать новую жизнь, далекую от бедности.

— Но почему он не сказал это мне сам? Я хотя бы попрощался с ним.

— Он боялся, что, если снова увидит тебя, ему не хватит сил расстаться, — сказал брат Бразгдо уже с улыбкой.

Смирившись, Гримпоу принял решение Дурлиба и постарался скрыть свои чувства, хотя понимал, что грусть надолго поселилась в его душе.

— А Дурлиб не сказал, куда собирается пойти и что собирается делать? — спросил он.

— Он только сказал, что поедет посмотреть на море, чтобы выяснить, существуют ли на самом деле сирены.

Когда на следующее утро Гримпоу спросил брата Ринальдо, видел ли тот море, глаза старого монаха наполнились меланхолией. И он объяснил, что море — как огромное озеро без берегов, иногда зеленое, как изумруд, а бывает и голубым, как само небо. Еще он рассказал, что море может казаться спящим, но становится

жутким, как ад, когда гигантские волны вздымаются, чтобы безжалостно поглотить судна, осмелившиеся помешать их пути.

— А вы видели в море хотя бы одну сирену? — спросил Гримпоу, увлеченный мыслями о путешествии, о котором Дурлиб сообщил брату Бразгдо.

— Во время моих морских приключений мне так и не повезло встретиться хотя бы с одним из этих существ с телом женщины и рыбьим хвостом, о которых мореплаватели рассказывают сказочные легенды.

Брат Ринальдо попросил прощения и вышел ненадолго из библиотечной комнаты, где Гримпоу изучал трактат по анатомии человека, написанный арабским мудрецом по имени Авиценна. Старый монах направился в комнату, где хранились запрещенные книги, и вскоре вернулся с объемным манускриптом под названием «Liber monstruorum», который и положил на письменный стол. Он открыл его, полистал страницы и нашел изысканное изображение девушки необычайной красоты, чьи золотые косы падали на плечи подобно фонтану золотых нитей. Ее глаза небесно-голубого цвета, казалось, бросали вызов глазам Гримпоу, который без какого-либо стыда наслаждался, рассматривая крутлую и большую грудь, ощущая странную и в то же время приятную тревогу. Ниже пупка тело сирены переходило в сияющий серебряный хвост крупного морского существа, которое безмятежно покоилось на скалистом берегу. А рядом с изображением колонка текста, написанного на латыни, гласила: «Сирены — морские девушки, которые соблазняют моряков великолепием своей фигуры и сладостью песен. С головы до пупка у них женское тело, такое же, как и у представителей рода людского, но отличаются они своими чешуйчатыми хвос-

тами, как у рыб, при помощи которых они передвигаются в пучине вод».

В то время как Гримпоу не сводил глаз с обнаженной груди девушки, полурыбы-получеловека, брат Ринальдо рассказывал историю, которую он слышал в одном из своих путешествий. В ней говорилось об отряде крестоносцев, что направлялся по морю в Святую Землю и был заброшен бурей на неизвестный остров, где все они отчетливо слышали шепот, пение и смех сирен. Крестоносцы, привлеченные сладостью голосов, поддались соблазну, и больше о них никто ничего не слышал до тех пор, пока много лет спустя корабль с венецианскими торговцами не приплыл к берегам загадочного острова, где были найдены скелеты рыцарей, наряженные в парадные одежды.

Услышав эту легенду, Гримпоу не на шутку заволновался, ведь Дурлиб собирался искать сирен. Юноша боялся, что его друг найдет в море смерть, которой ему удалось избежать в горах. Но старый монах успокоил его: мол, прекрасные сирены суть всего лишь химеры, эмблемы сладострастия и влечений тела, которые еще со времен, когда Адам был соблазнен Евой, приносят людям уйму несчастий.

Многочисленные изображения получеловека воспали любопытство Гримпоу, и он провел все утро, предаваясь размышлениям, в то время как брат Ринальдо рассказывал о таких фантастических существах, как единорог, кентавр, дракон или василиск — сказочное животное, наполовину змея, наполовину петух, способное убить человека одним взглядом. Монах сказал, что все эти существа и легенды не более чем фантазии, с помощью которых люди с самого сотворения мира

пытались представить и объяснить магию и чудеса Вселенной.

В последующие дни Гримпоу удостоверился в этом, изучив множество старинных манускриптов из библиотеки аббатства; там говорилось, что первые люди, населявшие Землю, использовали мифы о фантастических существах, дабы описать чудеса, окружавшие их, обозначив небо местом пребывания богов, Землю — животных и людей, а мрачные подземелья — обиталищем монстров, бесов и демонов. Для них все, что происходило в каждом из этих миров, было хаотичным и случайным, и только богам под силу упорядочить призрачное будущее всех событий. Однако Гримпоу также узнал, что после появления письменности много лет назад некоторые мудрецы стали по-иному ощущать мир и природу, пришли к выводу, что явления, их окружающие, не просто следствия причудливой воли богов, а подчиняются постоянным законам, заключавшимся в самой природе, чью сущность люди могли разгадать. И ничто не произвело на Гримпоу впечатление более сильное, чем изучение математических теорий греческого мудреца по имени Пифагор, которого, как рассказал брат Ринальдо, пленили персы почти за пятнадцать веков до рождения Христа; когда его привели в Вавилон, местные маги поведали ему, что с помощью чисел можно объяснить все на свете. Кроме того, Гримпоу узнал, что Пифагор основал в Кротоне школу для молодых ученых, звавшихся пифагорейцами, чьи знания и опыт хранились в строжайшей тайне, и юноше вспомнились картины, которые он за несколько дней до этого смутно видел во сне, когда ночевал в гостевой спальне аббатства: он видел множество цифр и математиче-

ских формул, а также будто слышал рассуждения о природе и Вселенной.

Сам не зная почему, Гримпоу подозревал, что камень мертвого рыцаря имеет прямое отношение к загадочным древним мудрецам. Он убедился в этом однажды, когда после обеда пошел навестить брата Асбена в лазарете. В аббатстве, казалось, уже давно восстановилась тихая, спокойная, привычная жизнь, чуждая суете и страху, вспыхнувшему в сердцах монахов после зверского убийства настоятеля. Все вернулись к своим обязанностям и молитвам, даже молодой монах с переломом лодыжки — Гримпоу, проходя мимо его кровати, убедился, что его уже нет в лазарете.

Он шел через комнату, где располагались больные монахи, направляясь в лабораторию брата Асбена, когда вдруг услышал за своей спиной грубый голос, который парализовал его, словно укус змеи.

— Этот камень может в конце концов прикончить тебя!

Гримпоу обернулся. Кроме него и брата Уберто Александрийского в помещении никого не было. Лица старца не было видно из-за одеяла, защищавшего от холода, но Гримпоу предположил, что обращался к нему именно слепой столетний монах.

— Что вы хотите сказать? Я не понимаю, — проговорил Гримпоу, остановившись у кровати брата Уберто.

Он чувствовал себя неловко, задавая вопрос неподвижному телу, однако неловкость рассеялась, когда голос монаха зазвучал вновь.

— Меня тебе не провести, — сказал Уберто. — Едва я услышал впервые твои шаги в этой комнате, где для меня невидимо даже разложение, я понял, что ты носишь камень. В черном мраке моей слепоты я узрел его,

как вспышку светила в сумерках ночи. С тех самых пор я ждал возможности поговорить с тобой наедине.

— Я не понимаю, о чем вы. Вы, наверняка, ошиблись, — сказал Гримпоу, не смея поверить, что монах мог догадаться о камне, спрятанном в льняном мешочке под камзолом.

— Я говорю о камне мудрецов, о философском камне, если тебе так больше нравится, — сухо ответил монах.

— Нет у меня никакого камня, и уж тем более философского! — возразил Гримпоу, усевшись на соседней кровати, чтобы получше разглядеть ничего не выражающее лицо монаха, почти полностью закрытое густой седой бородой.

— Сейчас я его чувствую особенно остро, не стоит тратить время, отрицая очевидное, — отрезал старец.

Брат Уберто, когда разговаривал, шевелил только губами, а остальная часть лица и тело оставались неподвижными, так что, когда старик умолкал, Гримпоу казалось, что он беседует с мертвецом.

— Думаю, вы бредите; лучше позову брата Асбена, он принесет вам лекарство, — сказал Гримпоу, чтобы закончить этот разговор.

— Весь мой бред заключался в безудержном желании обладать этим камнем, настолько безудержном, что оно свело меня с ума, — произнес Уберто.

— Я вижу, вы и впрямь потеряли рассудок, вы говорите о философском камне, словно бы о красоте дамы, которой вы отдали свою любовь.

— Если бы речь шла о женщине, я бы выразался иначе. Я всегда следовал обету целомудрия, меня не привлекали плотские улады, — сказал монах.

— Однако раз вы искали философский камень с таким рвением, что даже потеряли зрение и разум, зна-

чит, не столь уж вы были верны вашей клятве бедности. Что вы намеревались сделать с золотом? — спросил Гримпоу, пытаясь подловить брата Уберто; казалось очевидным, что раз монах смог вычислить, что у него есть философский камень, то он непременно должен много о нем знать.

— Золото — ничто в сравнении с силой Бога! — произнес Уберто взволнованно, впервые пошевелившись под одеялом. Успокоившись, он продолжил: — Было время, когда философский камень принадлежал мне, человеку с чистым сердцем способного ученика. Не было такого вопроса, на который я не мог бы ответить, секрета, который я не мог бы разгадать. Это было подобно восхождению к границам неба, как если бы я стоял рядом с Богом, наслаждаясь созерцанием вселенной, лишенной тайн, где все объяснимо и понятно, как было в начале сотворения мира.

Такое описание не показалось Гримпоу опрометчивым, ведь он сам, изучив манускрипты библиотеки, почувствовал магическую силу камня, будто в одно мгновение открывшего ему все знания человечества, уже полученные и те, которые должны быть получены в будущем. Так что не приходилось сомневаться: брат Уберто Александрийский очень хорошо знал, о чем говорил.

— Вам удалось обрести абсолютное знание? — спросил Гримпоу, глядя в окно, где вечер, окрашенный в огненные цвета, медленно опускался на долину.

— Не абсолютное, но достаточное для того, чтобы не желать ничего более в этой жизни. Пока я использовал камень, руководствуясь желанием добиться мудрости, я, не зная усталости, писал обо всем, начиная с астрологии, заканчивая арифметикой, геометрией, философией, алхимией, медициной, ботаникой, минералогии-

ей, гармонией... Самые мудрые умозаключения и самые сложные выводы были доступны моему перу — словно плоды деревьев, падали мне в руки. И всем этим я был обязан философскому камню. Он был настоящим источником моего вдохновения.

— По меньшей мере, вы стали мудрецом, я видел много ваших книг в библиотеке, — сказал Гримпоу.

— Да, но точнее сказать, что я стал мудрецом, который совершил глупость, достойную самого бездарного неуча.

— Вы в чем-то ошиблись?

— Я стал слишком амбициозным и решил использовать камень, чтобы получить золото и добиться бессмертия. Жажда остаться живым, да еще и в окружении богатств во все грядущие эпохи, и увидеть собственными глазами будущее мира, не старея телом, с течением времени сделалась моим наваждением, настолько сильным, что я поступился всеми своими принципами и верованиями.

— И что же произошло? — спросил Гримпоу.

— Камни, которые мне удавалось получить, превращались в пыль, как только я вытаскивал их из колбы. Обезумевший от своего высокомерия и жадности, я заперся в лаборатории аббатства, где проводил дни и ночи, не смыкая глаз, до того самого дня, когда, потеряв терпение и желая ускорить процесс перехода, я настолько нагрел перегонный куб, что он взорвался прямо перед моим лицом. Тогда-то я и потерял навеки божественный дар зрения.

— Я знаю, брат Асбен рассказал мне, что с вами произошло, но ведь это не более чем случайность, такое могло случиться с любым алхимиком, — сказал Гримпоу, чтобы хоть как-то утешить Уберто.

— Возможно, — допустил монах, — но в чем нет сомнений, так это в том, что глаза мои высохли, а с ними и все амбиции. Я больше двадцати лет лежу в этой постели, не видя другого света, кроме того, что у меня в голове, и не имея компании, помимо воспоминаний. Все эти годы я только и думал о том, как разгадать загадку философского камня, но теперь я знаю, что его возможно получить лишь в лаборатории своей души. Если ты забудешь об этом, он покончит с тобой так же, как покончил со мной, да и со всеми остальными, кто будет возжелать обладать им за любые деньги, ведь в философском камне заключено и добро, и зло, как во всем в жизни.

— Почему вы утверждаете, что невозможно получить философский камень в лаборатории? Разве не ради этого становятся алхимиками? — спросил Гримпоу, не совсем поняв умозаключение.

— Об этом гласят легенды и сомнительные манускрипты, которым никогда не откроется секрет мудрецов. Ты должен был бы знать это, как и я, — сказал монах.

— Нет, нет, я ничего не знаю, — смутился Гримпоу, — почему бы вам не рассказать?

Старый монах, похоже, некоторое время сомневался, но в конце концов произнес:

— Единственный философский камень, который существует, который всегда существовал, — это тот, что более двух тысяч лет назад был в распоряжении волшебников Вавилона, Египта, Греции... Этим камнем обладали такие старинные мудрецы, как Тал Мелецкий, Пифагор, Гомер, Парменид, Птолемей, Сократ, Платон, Аристотель... И все ученики, постигавшие их наставления в школах и тайных обществах. Никогда более с тех пор люди не утруждались настолько, пытаясь объяснить устройство мира. Наше время, однако, — темное

и прогнившее, управляемое страхом и предрассудками, голодом и бедностью, болезнями и смертью.

Гримпоу очень обрадовался, услышав из уст брата Уберто Александрийского имена греческих мудрецов, чьи манускрипты юноша тоже изучал в библиотеке аббатства; эти имена лишний раз подтвердили догадку, что они были, несомненно, связаны с камнем. Так что Гримпоу спросил:

— А как же им достался камень?

— Будь это известно, не было бы секрета, который стоит разгадать. И я сильно сомневаюсь, что они сами знали ответ на этот вопрос. Решение загадки где-то там, за звездами, — заключил брат Уберто, и больше Гримпоу никогда не слышал его голоса.

ЗОЛОТО АЛХИМИКОВ

Дни тянулись с той же неспешностью, с какой опадают по осени листья. За осенью прошла и зима, уступив место весне, и все вокруг начало таять, предвещая приход жаркого лета. В аббатстве совсем не осталось снега, а на окрестных лугах трава торопилась пробиться к свету, окрашивая склоны гор в сочный зеленый цвет.

С приходом весны поменялся и распорядок дня Гримпоу в аббатстве. По утрам юноша продолжал заниматься с братом Ринальдо в библиотеке, с заутрени и до обеденной молитвы, а потом бежал в конюшни, седлал коня тамплиера, которого решил назвать Астро, Звездой, из-за его белоснежного цвета и блеска небесно-голубых глаз. Обычно он отправлялся к водопадам долины или поднимался к ледникам, чтобы оттуда, с высо-

ты, наблюдать за горизонтом. Гримпоу настолько скучал по Дурлибу, что, расставляя охотничьи силки на кроликов в близлежащих лесах (а этим они занимались каждое утро, когда жили вместе в хижине), не терял надежды вновь встретить своего друга. С тех пор как Дурлиб ушел, не было ни дня, чтобы Гримпоу о нем не вспомнил. Он полагал, что таким образом сможет сохранить в памяти лицо друга и никогда не забудет его, хотя уже давно стерлись из памяти лица матери и сестер, чьи милые черты и беззаботный смех он не мог вспомнить, сколько бы ни старался. Гримпоу чувствовал себя сиротой, брошенным на произвол судьбы, несмотря на все внимание и заботу, которыми столь щедро окружили его монахи, особенно брат Бразгдо. Повар заботился о юноше так, будто Гримпоу был послушником из благородной семьи, у которого всего должно быть в достатке.

Однако Гримпоу был всего лишь мирянином, которому аббатство Бринкдум дало приют в своих стенах, не требуя взамен принять обет. Монахи приняли это решение, собравшись в капитулярии после убийства настоятеля, чтобы назначить замену и обсудить другие важные дела обители, среди них и будущее Гримпоу. Некоторые настаивали на том, чтобы он надел коричневые одежды и соблюдал обет молчания и литургии, как всякий молодой монах. Но брат Ринальдо посчитал, что для Гримпоу будет лучше, если он сосредоточится на занятиях в библиотеке и станет учеником брата Асбена в лазарете, а потом уже, если почувствует желание и, более того, призвание, пусть примет обет послушания. Все одобрили это предложение, а новый настоятель его утвердил. Это был спокойный человек с серыми глазами, которого в обители уважали за рассудительность и добрый нрав. И хотя Гримпоу не присутствовал при

обсуждении, он все слышал из соседней комнаты, где ему велел спрятаться брат Ринальдо. Старик показал Гримпоу место в стене, к которому достаточно приложить ухо, чтобы прекрасно расслышать беседу в капитулярии. Позднее Гримпоу узнал, что во всех кельях аббатства, даже в покоях самого настоятеля, имеются такие тайные места, известные только брату Ринальдо; прижавшись ухом, можно было подслушивать из смежных комнат все разговоры. Старый монах поведал, что подобным образом прознал об интригах инквизитора Бульвара Гостеля и о том, что доминиканец рассказал прежнему настоятелю о рыцаре-тамплиере. Секрет стен был известен брату Ринальдо давно, еще до того, как умер старый библиотекарь аббатства (оказывается, библиотекари передавали эту тайну друг другу с самого основания обители). Гримпоу не сомневался в том, что и секрет мудрецов передавался схожим образом от поколения к поколению. Юноша часто задавался вопросом, не был ли рыцарь, погибший в горах, последним из мудрецов; если так, выходит, никто живой не знает о чудесных свойствах камня, висевшего ныне у Гримпоу на шее. Иными словами, Гримпоу оказался окружен загадками; некоторые ему удалось вскоре разгадать, а другие казались непостижимыми, как небосвод звездной ночью.

Едва прояснилось ночное небо, зимой затянутое низкими тучами, брат Ринальдо начал после службы наблюдать за звездами с макушки ближайшего холма. Монах много лет трудился над объемным трактатом по астрономии под названием «Theorica Planetarum» и, как он уверял Гримпоу, намеревался закончить свой труд до того, как Бог призовет его к себе. Гримпоу сопровождал старца каждую ночь, помогая тащить астрорябию, ме-

ханический прибор из латуни, который позволял производить различные наблюдения за положением небесных тел. Гримпоу очень быстро овладел этим устройством, следя за старым монахом. Астролябия брата Ринальдо состояла из кольца, с которого свисал металлический диск; по краю диска была выгравирована окружность с нанесенными делениями от 0 до 360, а на внутренней стороне имелась другая шкала, разделенная на двадцать четыре часа. На нее была наложена крутящаяся линейка, позволявшая фиксировать небесный объект; остальные диски накладывались на первый, они содержали шкалу, по которой можно было измерять углы в градусах. Астролябию поддерживало металлическое кольцо, в вертикальном положении ее можно было направить на звезду, чтобы измерить ее положение и высоту над горизонтом. Брат Ринальдо изготовил несколько восковых табличек, на которые собирался занести свои заметки по поводу звезд, их положения и времени наблюдения, чтобы на следующий день наконец-то переписать все в манускрипт по астрономии на латинском языке, который лежал на попитре его письменного стола в библиотеке, где другие монахи переводили, переписывали и иллюстрировали великолепные старинные тексты.

Однажды безлунной ночью, покуда Гримпоу наблюдал с холма за падающими звездами, маленькими, как светлячки, стремительно пронзавшими небо, брат Ринальдо развернул пергамент, который держал в руке. Это была карта полушарий с нарисованным на ней небосводом.

— Здесь собраны все звезды, которые сейчас видны. Вот, сравни карту с небом.

Гримпоу послушался, сел на влажную траву, взял карту, вскинул глаза к небу, затем поглядел на карту. Рисунок изобиловал светлыми точками, и Гримпоу показалось, будто он держит в своих руках весь небесный свод. Рядом с точками располагались буквы, обозначая всякую звезду, а каждое созвездие соединяли прямые линии. Гримпоу тут же узнал Венеру, изображенную в обоих полушариях, Сатурн, Юпитер, звезды Бетельгейзе и Беллатрикс в созвездии Орион, звезду Кастор на востоке и Ригель на западе. И пока он сопоставлял реальный небосвод с нарисованным, перед лицом его кружились мириады светлячков.

— Разве не чудесно? — спросил брат Ринальдо, присаживаясь рядом.

— О чем вы? — спросил Гримпоу.

— О небе.

За последние недели Гримпоу несколько раз приходил ночью на этот холм, чтобы полюбоваться звездным небом; он словно умирал от этого великолепия, как умирает юноша от любви к прекрасной девушке. В библиотеке он изучил все книги о Земле, Солнце, Луне, планетах, спутниках и звездах и прекрасно усвоил, сколько тайн хранит в себе мрак вселенной. Но Гримпоу был уверен, что однажды человеку удастся познать эти тайны, пусть даже на познание уйдут тысячи лет. Также он знал, что раз придумали астролябию, позволяющую высчитывать расположение звезд, рано или поздно придумают другие механизмы, которые позволят человеку подняться в небо.

— Когда-нибудь люди будут путешествовать по небесным сферам, как сейчас ездят верхом, — несмело произнес юноша, не отводя глаз от звездного неба.

— То, что ты говоришь, — святотатство. Одному Богу покоряется твердь небесная, — отозвался брат Ринальдо, покосившись на Гримпоу. Помолчав, монах прибавил: — Но, возможно, ты прав; некоторые способны заглядывать в далекое будущее, и, похоже, ты приобрел это свойство после того, как нашел труп рыцаря в горах. Сам не знаю, почему меня не удивляет то, что ты говоришь.

— Дело не в предсказаниях, а в науке, — возразил Гримпоу. — Месяц с лишним назад, еще зимой, когда я поговорил в лазарете с Уберто Александрийским, он поведал мне кое-что, благодаря чему я во многом разобрался.

— Ты говорил с братом Уберто? Он уже много лет ни с кем не разговаривает, с тех самых пор, как ослеп. И что же он тебе сказал? — заинтересовался брат Ринальдо.

— Он рассказывал мне о философском камне и о мудрецах, уверял, что загадочный lapis filosoforum явился откуда-то из-за звезд.

— Этот столетний старик все такой же чокнутый. За звездами только Бог! — отрезал монах.

— Вы же сами говорили мне, что нынче труднее верить в Бога, потому что человек начал объяснять собственное происхождение и начала всего, что его окружает, — возразил Гримпоу.

Брат Ринальдо явно разволновался.

— Если иногда мне сложно верить в Бога, это еще не значит, что я Его отрицаю. Отрекись я от веры, я не смог бы жить дальше. Жизнь монаха лишена смысла, если он не молится каждый день, не восславляет величие Бога.

— Возможно, мы говорим об одном и том же. Для меня Бог не более чем олицетворение мудрости. В кон-

це концов, это одно и то же, просто слова разные: для вас Бог создал мир, и это не требует объяснений, а для меня мудрость объясняет мироздание, не создавая, — сказал Гримпоу.

— Сдается мне, за эти две недели ты узнал столько, сколько не подобает знать отроку твоего возраста. Не забывай, тебе будут встречаться вопросы, на которые ты не найдешь ответов...

Гримпоу надеялся, что брат Ринальдо пояснит, что же это за вопросы, на которые нет ответов, но библиотекарь молчал, поглощенный наблюдениями за бескрайним небом, будто Гримпоу вовсе и не было рядом.

— Что за вопросы без ответов? — не выдержал наконец юноша.

— Где начало? Каким оно было? Если не верить в Бога, никогда этого не объяснишь, — нехотя ответил монах.

— Но даже веря в Бога, нельзя ответить на этот вопрос! Ведь он порождает следующий: «Кто сотворил Бога?» И если мы принимаем, что Бога сотворили люди, чтобы объяснить устройство мироздания, то можем принять и то, что Бог их создал, — не соглашался Гримпоу, довольный тем, что может поддержать такой ученый спор.

— Это так, но, по крайней мере, Бог служит утешением моему незнанию.

— Зато незнание не мешает вам признать несостоятельность ваших доводов, — произнес Гримпоу, понимая, что говорит не сам, а что-то внутри него.

По глазам монаха видно было, что брат Ринальдо утомился: и то сказать, уже более двух часов они наблюдали звезды, и оба заочеченели от холода и сырости, а роса пропитала их шерстяные накидки.

Возвращаясь в аббатство, Гримпоу думал о том, что всем, что изучил в библиотеке, он обязан брату Ринальдо, а также необъяснимому влиянию камня. Брат Ринальдо, несомненно, был человеком сведущим, хотя и застрял в прошлом, как баркас, севший на мель в иссохшей реке. Однако знания, полученные Гримпоу во время занятий в библиотеке, подтверждали, что представления человечества о природе и космосе со временем меняются, от религии и суеверий к науке и торжеству разума, у которого нет границ, как и у воображения.

— Возможно, ты прав, — признал брат Ринальдо, — разум и воображение человека поистине удивительны. Без них человек не сумел бы ничего узнать о себе и о вселенной. Лиши человека сновидений и фантазий, и перед тобой окажется самое тупое, самое примитивное из всех существ Земли.

Той ночью Гримпоу долго не мог заснуть. Когда инквизитор Гостель покинул аббатство, Гримпоу занял кровать в комнате для послушников. Когда он улегся, все уже спали, ведь совсем скоро снова зазвонят колокола, созывая к утренней молитве. В тишине Гримпоу съездился под одеялом и начал вспоминать все, что с ним случилось с того дня, когда он нашел мертвого рыцаря и таинственный амулет. Сейчас он знал намного больше не только о природе и Вселенной, но и о загадочном камне, висевшем у него на шее. Он пришел к выводу, что этот чудесный камень древнее, чем кто-либо способен представить; его передавали из поколения в поколение в абсолютной тайне, пока он не оказался в руках рыцаря. Гримпоу сомневался, был ли этот рыцарь на самом деле тамплиером, в чем убеждал настоятеля инквизитор. Юноша был более чем уверен, что на самом деле

погибший — некий мудрец, чуждый оружия, войн и религий. Однако история о девяти рыцарях Храма Соломона и о найденном ими ценнейшем предмете выглядела вполне правдоподобно; этот предмет был затем тайно доставлен во Францию, как и рассказывал брат Ринальдо. Камень, принадлежавший сейчас ему, определенно имел какую-то связь с той находкой, в этом юноша был уверен; вот только какую? Очевидно, что папа и король Франции хотят заполучить этот камень любой ценой, готовы даже пойти на убийство. В своих мыслях Гримпоу пришел к заключению, что философский камень, который алхимики пытались получить в лабораториях, — то же самое, что и его камень. Хотя легенды и манускрипты, говорившие о lapis philosophum, скорее всего, суть искажения истинной истории о камне мудрецов, которым владели маги Вавилона, египетские жрецы и чародеи Греции более тысячи лет назад. После всех этих размышлений оставалось лишь проверить, может ли камень превратить свинец в золото, и однажды, когда брат Асбен был на вечерне, юноша провел опыт.

В тот день брат Асбен показал ему один из многих методов алхимического процесса, воспользовавшись старым текстом под названием «Physika kai Mystika», который приписывали греческому мудрецу по имени Демокрит. Монах разложил текст на столе и следовал его указаниям.

— Представим себе, что мы в Древней Греции, входим в лабораторию знаменитых алхимиков, — сказал брат Асбен, подготавливая печь и колбу, в которой намеревался совершить превращение.

Затем взял с полки стеклянные фиалы и достал по толিকে свинца, олова, меди и железа.

— Эти металлы останутся, если отнять от числа известных семи два благородных, золото и серебро, и хрупкий металл для превращений — ртуть.

Брат Асбен поместил металлы в колбу, и под действием тепла они начали плавиться, превращаясь в черноватую смесь, совсем не похожую на металл. От колбы исходил сильный запах чего-то паленого.

— Мы смешали металлы, получив густую жидкость, которую алхимики называют «первоначальной материей», — она черна, как ночь, рождающая день...

— И как мрак неба, рождающего свет, — закончил Гримпоу, вспоминая текст послания в запечатанном письме погибшего в горах рыцаря.

— Именно так, меня радуют твои познания, — одобрил аптекарь, не ведая, что Гримпоу говорит совсем о другом, и продолжил: — А теперь мы добавим к нашей смеси немного серебра.

С этими словами монах взял другой пузырек, крошечной латунной ложечкой зачерпнул немного серебряной пыли и всыпал ее в колбу, медленно перемешивая.

— Подождем, пока серебряное зернышко не принесет плоды во чреве колбы, как семя розы приносит плод, превращаясь в цветок, и тайное станет явным, а покуда будем думать о семени, дающем жизнь неживому, и добавим немного того странного металла, который не жидкость, не твердая масса, зато способен просочиться во все.

— Ртуть, — подсказал Гримпоу, и брат Асбен подпрыгнул так, будто Гримпоу выкрикнул проклятие.

— Правильно, Гримпоу, — удивленно согласился аптекарь, поморщился и погрузил тестообразную массу из колбы в раствор ртути. — Неплохо бы добавить немно-

го плавленного олова и несколько граммов мышьяка, чтобы выбелить нашу массу.

Гримпоу наблюдал за тем, как черноватая бесформенная масса, с которой брат Асбен начал алхимический процесс, медленно превращается у него на глазах в брусок серебра, который рос постепенно, как поднимается хлеб, когда в тесто добавляют дрожжи.

— Это серебро, несмотря на свой благородный вид, так же фальшиво, как Иуда, но оно могло бы ввести в заблуждение самого папу в его авиньонском дворце, — с улыбкой промолвил монах, явно гордый тем, сколь удачным оказалось превращение.

Длинными тонкими щипцами он достал из колбы брусок серебра и поместил его в лохань с холодной водой, отчего в воздух взметнулся фонтан пара. Брат Асбен завернул охлажденный слиток в хлопковое сукно и принялся вытирать его досуха.

— Остается попытать удачу с кульминацией, — сказал монах со вздохом. Он добавил немного золота и положил серебряный слиток в theion hydor, другими словами в «священную воду», которую многие алхимики зовут «водой богов».

— Фальшивый серебряный слиток станет настоящим золотом? — спросил Гримпоу, не в силах поверить, что брат Асбен сумел получить в лаборатории подлинный философский камень.

Аптекарь между тем не спешил, действовал вдумчиво: заново поместил серебряный слиток в колбу, добавил щепоть золотой пыли, которую достал из маленького мешочка, припрятанного в одном из ящичков его стола.

— Если я добыю желаемого, долив необходимое количество священной воды, тогда, наверное, можно

будет считать, что я совершил чудо, потому что до этого у меня получалась лишь желтоватая настойка, которую ни за что не выдать за золото даже несмышленому младенцу. По правде сказать, во время одного из моих опытов создания священной воды у меня получилась зеленоватая настойка, такая вкусная и полезная, что брат Бразгдо назвал ее настоящим эликсиром жизни.

Гримпоу вспомнился рассказ Ринальдо Метца о пристрастии брата Бразгдо к настойкам, вину и пиву. Между тем брат Асбен взял объемный дистиллятор со скамейки у ближайшего стола и поставил его на другой очаг. Затем влил в дистиллятор бутылку уксуса и потихоньку, пока уксус закипал, добавил извести, несколько кристаллов серы, лимонных корок, пчелиного меда, острого перца, мускатного ореха и сандала, отчего лаборатория наполнилась приятным, усыпляющим ароматом.

Ожидая, пока священная вода приобретет необходимые характеристики и произойдет чудо окончательного превращения серебра в золото через дистилляцию, брат Асбен рассказывал Гримпоу, что старинный алхимик Зосим получал чудодейственную воду дистилляцией куриных яиц. Он признался, что пытался это повторить, но у него получалось лишь сварить яйца, как делает брат Бразгдо у себя на кухне, оставляя их кипятиться в водяной бане, придуманной еврейкой Марией, которой приписывают мудрость и изобретение дистиллятора, с чьей помощью ей удалось добыть философский камень более семи веков назад.

— Сейчас я уверен в том, что яйца, о которых говорил Зосим, не более чем символ, смысл которого был известен лишь ему самому и его ученикам, — добавил монах.

Об этом Гримпоу уже знал, так как манускрипты, прочитанные им в библиотеке, полнились упоминаниями о символических образах, олицетворяющих алхимический процесс: солнце, луна, планеты, возлюбленные, драконы и змеи. Сама эмблема алхимиков представляла собой змею, кусающую себя за хвост, и носила имя Уроборос; точно такая метка была на шее коня тамплиера, погибшего в горах, и на его золотой печатке.

Когда священная вода освободилась от всех нечистот, маленький аптекарь вылил в сосуд жидкость из дистиллятора и с торжественным видом положил в нее кусок серебра.

Они подождали немного, пока не истекло назначенное время (брат Асбен четырежды перевернул песочные часы, стоявшие рядом с сосудом), и наконец фальшивое серебро начало приобретать желтоватый оттенок.

— Это и есть алхимическое золото? — спросил Гримпоу недоверчиво.

— Называть золотом фальшивое пожелтевшее серебро все равно что рассуждать о его стоимости, которой оно, к сожалению, не обладает, — разочарованно проговорил аптекарь.

В этот самый миг зазвонили колокола, созывая к вечерней молитве, и брат Асбен поспешил в церковь, оставив серебряный слиток в сосуде. Гримпоу остался в лаборатории расставлять пузырьки и раскладывать инструменты, разбросанные по столам и скамейкам, и, воспользовавшись одиночеством, решил провести собственный опыт. Он вытащил из льняного мешочка, висевшего на груди, камень и положил тот в священную воду, приготовленную братом-аптекарем. Камень засветился, будто в воде образовался вулкан, священная

вода снова закипела, и желтоватый слиток приобрел превосходный золотой цвет, более насыщенный, чем цвет солнца на небе в ясный день.

Потихоньку Гримпоу свыкся с тем, что Дурлиба нет рядом, хотя ни дня не мог провести, чтобы не вспомнить о друге и не утешиться мыслью, что, сложись все иначе, он никогда бы не узнал всего, что ему известно сейчас. Он уговаривал себя, что Дурлиб принял решение идти своим путем только для того, чтобы Гримпоу смог посвятить время учебе под руководством Ринальдо Метца. Но что-то внутри Гримпоу подбивало его покинуть аббатство Бринкдум и попытаться раскрыть секрет мудрецов.

Несколько дней назад послушник по имени Побе де Ланфорг, — сын графа де Ланфорга, сеньора богатого владения на юго-западе комарки Ульпенс, — с которым Гримпоу сошелся, поскольку их кровати в общей спальне стояли рядом, предложил сбежать из аббатства и пообещал сделать юношу своим оруженосцем сразу по приезду в замок отца в долине Ланфорг, где они возьмут лошадей и оружие и отправятся совершать подвиги. Побе был молод, суетлив и весел, с черными как смоль волосами и искристыми глазами. Отец заставил его принять обет в начале осени в наказание за бесконечные проказы и шалости, которые отпрыск себе позволял. Граф считал, что длительное пребывание его младшего сына в аббатстве научит того подчиняться строгой дисциплине и обуздывать любовные порывы, а в молитвах и трудах он найдет способ послужить Богу: кроме того, в их благородном семействе рыцарей было в достатке, зато клириков не доставало.

Побе де Ланфоргу исполнилось семнадцать, и он яростно убеждал Гримпоу, что не успеет закончиться весна, как он убежит из аббатства, воспользовавшись приходом паломников из Эльзаса, которые каждый год пересекают горы, направляясь из далекого города Компостела. Говорят, в Испании все еще воюют с неверными, а значит, королю нужны рыцари, способные привести войско к победе. Как-то ночью, когда оба мучились от бессонницы и время от времени проваливались в зыбкую дремоту, Побе рассказал Гримпоу, что земли, отвоеванные у мусульман в Испании, раздадут рыцарям, победившим в сражениях, и там возводят крепости, чьи башни уходят в небо, увековечивая подвиги. Побе де Ланфорг мечтал о славе и говорил, что если Гримпоу откажется сопровождать его, он найдет другого оруженосца, который почтет за честь ему служить.

Раньше Гримпоу ни минуты не сомневался бы и с радостью согласился бы стать верным оруженосцем блестящего рыцаря. Вот только Побе желал двинуться на юг за славой героя, а путь Гримпоу лежал на север.

— Я уйду сегодня ночью, когда монахи уснут. Еще не поздно пойти со мной. — прошептал на ухо юноше Побе де Ланфорг как-то утром, когда Гримпоу занимался в библиотеке, а брат Ринальдо переносил за своим рабочим столом записи с дощечек в манускрипт.

— Ты спятил? Разбойники схватят тебя раньше, чем ты покинешь долину, а узнав, кто ты, потребуют у твоего отца выкуп, угрожая отрубить тебе голову, если он не согласится заплатить. Я хорошо знаю этих людей, мошенников и убийц, им собственных детей не жалко, уж поверь мне, — ответил Гримпоу тихо.

— Я не вынесу больше и дня заточения, тут мы словно в склепе. Все эти молитвы не для меня, я мечтаю взять меч, вскочить на коня и пуститься в путь, покаяя сердца незнакомок. — стоял на своем Побе, привыкший изъясняться в стиле трубадуров.

— Обожди хотя бы каравана паломников. Ты ведь знаешь, они придут в аббатство, едва в лесах сойдет снег. — настаивал Гримпоу.

Побе де Ланфорг покачал головой.

— Завтра может быть слишком поздно. За этими стенами меня ожидают свобода и слава, но я совсем не уверен, что эти утонченные дамы будут долго ждать. Каждый день я слышу их сладкие голоса, манящие тысячами наслаждений и приключений, так что я решил без промедления вручить себя в нежные руки этих богинь до того, как моя душа увянет от песнопений и молитв. — Глаза молодого послушника сверкали.

Уже не в первый раз Побе де Ланфорг говорил Гримпоу о наслаждениях любви, сладости поцелуев и нежных ласках. Слова его вызывали в памяти изображения сирен, их округлые груди и волшебные голоса, и очарование делалось столь всепоглощающим, что Гримпоу чувствовал готовность поддаться соблазну и сбежать из аббатства, чтобы как можно скорее отправиться на поиски приключений и любви. В конце концов, это именно то, о чем Гримпоу мечтал всю жизнь, — стать оруженосцем рыцаря, объездить весь мир от турнира до турнира, подобно героям романсеро, которые распевали хуглары на площадях и рынках. Похожая цель была у них с Дурлибом, они собирались отправиться на поиски *finis mundi*, найдя труп рыцаря в горах; но сейчас, когда появилась реальная возможность убежать из аббатства и открыть для себя новую жизнь, полную при-

ключений, рядом с Побе де Ланфоргом, внутренний голос подсказывал, что у него другая судьба и не стоит принимать второпях столь важное решение.

— Куда ты собираешься идти? — спросил наконец Гримпоу.

— Пойду на юго-запад, доберусь до замка Ланфорг, чтобы попрощаться с матерью до отъезда в Испанию.

— Отец вернет тебя обратно под конвоем, как только увидит в замке.

— Поверь, я даже мертвым не вернусь на это кладбище.

— Да здесь не так плохо, — искренне сказал Гримпоу, — я ведь достаточно пожил бродячей жизнью.

— Ты так говоришь, потому что свободен, как птица, пусть тебе и нравится проводить дни в окружении бесполезных манускриптов, которые ничем не послужат рыцарю и нисколько не нужны оруженосцу. Если пойдешь со мной, никогда об этом не пожалеешь, клянусь, — воскликнул Побе де Ланфорг.

— Дай подумать, я не совсем уверен, что судьба направит нас по одной дороге, а наши приключения и подвиги будут общими, — ответил Гримпоу, терзаемый сомнениями.

— У тебя есть время до вечерни. Если, когда погаснет последний факел галереи, ты не придешь в конюшню, я посчитаю это отказом и уйду один, чтобы больше никогда сюда не возвращаться.

Этой ночью соломенный тюфяк Побе де Ланфорга пустовал. Когда еще до рассвета колокола отзвонили к заутрене, Гримпоу понял, что в церкви будет большой переполох, как только монахи заметят пустую скамью. Поэтому он побежал предупредить брата Ринальдо до того, как слухи о новом убийстве распространятся сре-

ди монахов быстрее, чем огонь по жнивью. Но когда Гримпоу пришел на кухню и попросил повара передать настоятелю и брату Ринальдо, что ему нужно с ними поговорить по личному и очень срочному делу, было уже поздно. Несколько послушников заметили, что Побе де Ланфорг исчез, и пришли в ужас при мысли, что призрак рыцаря-тамплиера убил молодого человека.

— Да его точно зарезали, как бывшего настоятеля! — закричал брат Бразгдо, увидев входящего на кухню Гримпоу и не давая тому возможности рассказать что-либо о случившемся.

— Вы о чем? — поразился Гримпоу.

— Ты еще не знаешь? Молодой послушник Побе де Ланфорг пропал. Его никто не видел со вчерашней вечерни, на заутреню он тоже не явился. Его ищут по аббатству, и ходят слухи, что он убит.

Посмотрев на брата Бразгдо — лицо у повара было такое, словно он ожидал в любой миг увидеть перед собой призрак тамплиера, — Гримпоу сказал:

— Перестаньте хоронить его, ибо Побе де Ланфорг жив и здоров.

— Что?

— Он покинул аббатство, чтобы сменить религиозный орден на рыцарский, в поисках наслаждений любви, — усмехнулся Гримпоу.

Повар поставил на стол ковш с молоком, вытер руки о ризу и проговорил:

— Я всегда подозревал, что этот шустрый подлец... Но ты-то откуда знаешь, что он сбежал?

— Он сам мне сказал. А еще предложил убежать с ним заодно, стать его оруженосцем, расписал напши подвиги, каких не видел свет, во всех христианских королевствах.

— Когда его отец узнает, что блудный сын, которого он мечтал превратить в епископа, сбежал из аббатства, юному Побе останется один подвиг — попробовать спасти свою спину от порки.

— Граф де Ланфорг так суров? — поинтересовался Гримпоу.

— Рассказывают, что ударом кулака он валит медведя и что никто никогда не смел перечить его желаниям, иначе дерзкого наденут на клинок, как на вертел.

Гримпоу не знал, шутит ли брат Бразгдо, но уточнить не успел: в кухню вошли настоятель и брат Ринальдо, о чем-то беседуя.

— Если в конюшне не хватает одного коня, значит, его увел послушник, — услышал Гримпоу слова библиотекаря.

Гримпоу подошел и выложил все, что знал. Настоятель нахмурился, выказывая досаду по поводу услышанного, ведь граф Ланфорг был не только ревностным приверженцем святого Дустана, отшельника, чьи мощи хранились в сырой и темной крипте аббатства, но и каждый год выплачивал солидное пособие на содержание монахов, а побег сына ставил под сомнение щедрые графские дары.

Оба монаха покинули кухню, обсуждая случившееся, а Гримпоу остался наедине с братом Бразгдо, который увлеченно пытался сотворить козий сыр в глиняном тазу, полном свежего молока.

— Это правда, что граф Ланфорг часто посещает аббатство? — спросил юноша у повара, встав рядом с ним и помогая заворачивать сыр в тонкое льняное полотно.

— Он имеет обыкновение приезжать в аббатство вместе со свитой, весной и пару раз летом, пока тепло, ведь ему досаждают подагра с тех пор, сколько я себя помню.

Он всегда говорит, что, помолвившись святому Дустану в крипте и приняв травяной отвар брата Асбена, он чувствует такое облегчение, что если бы не бесконечные обязанности и заботы, он поселился бы в аббатстве, чтобы каждый день наслаждаться такими чудесами.

— Неужели граф Ланфорг верит, что святого Дустана заботят приступы подагры? — спросил Гримпоу.

— Хоть ты и не верующий, так что еретиком тебя не назвать, — сказал брат Бразгдо, покосившись на юношу, — чудеса святого Дустана известны по всему христианскому миру. Сам увидишь, когда в аббатство придут первые паломники.

Теперь-то Гримпоу понял, почему Побе де Ланфорг так торопился покинуть аббатство до того, как его отец придет по весне. Однако юноша не ведал, что вскоре снова встретит графа, вооруженного копьем и мечом, в замке барона де Вокко.

И ЗАХОТЕЛО СОЛНЦЕ ВЛЮБИТЬ В СЕБЯ ЛУНУ

Первые паломники начали прибывать в аббатство в апреле, а с ними пришли и свежие новости. Великого магистра ордена Храма заживо сожгли на костре вместе с другими тамплиерами, а Жак де Молэ проклял папу и короля Франции, пообещав, что и года не пройдет, как они умрут. Гримпоу не придавал большого значения слухам, а монахи аббатства их обсуждали, но спустя некоторое время юноша все-таки осознал важность этих новостей.

Мрачным облачным днем, когда в небе то громыхали раскаты грома, то проглядывало солнце, Гримпоу

увидел через окно библиотеки группу знатных людей в ярких нарядах и в сопровождении пажей и слуг. Юношу привлек шум под крытой галереей, оттуда он направился на постоялый двор, чтобы помочь Кенсе и другим слугам, которые занимались размещением недавно прибывших, повинувшись бесконечным и сбивающим с толку приказаниям брата Бразгдо. Повар беспрестанно жестикулировал и тряс брюхом, приседая в приветствиях перед дамами, вышедшими из карет. Гримпоу хотел было узнать, чем может быть полезен, как вдруг увидел девушку с прозрачными, как две капли застывшей воды, глазами, которая вышла из кареты, украшенной гирляндами. Девушка остановилась перед Гримпоу, смотревшим на нее с восхищением, и подарила ему улыбку, отчего бедняга покраснел, а беспорядочные мысли понеслись в его голове, подобно стае спугнутых птиц. Впервые в жизни он ощутил любовный трепет, обжигающий бег крови в теле, отчего задрожал, как тростник под ветром. Именно тогда Гримпоу понял, что хотел сказать Побе де Ланфорг, когда рассуждал о любви и сопровождающем ее душевном беспокойстве, и ему возмечталось, чтобы сказочная встреча с девушкой со светлыми глазами длилась вечно. Однако брат Бразгдо заметил застывшего юнца и тут же отправил Гримпоу обратно в библиотеку, пока бес не попутал и не соблазнил греховными чувствами. Гримпоу неохотно подчинился и вернулся в библиотеку, но весь день занимался тем, что рассеянно пялился вдаль, погружаясь в сладостные мечтания, время от времени выходил к постоялому двору, но так и не сумел вновь увидеть юное божество, которое, казалось, возникло пред его взором из ничего, чтобы рассеяться, подобно трупам того рыцаря в горах. В последующие ночи Гримпоу не мог заснуть до

утра, его преследовало прекрасное лицо незнакомки, чей голос он, казалось, слышал во сне, голос, напоминавший пение прекраснейшей в мире сирены.

Многие паломники приходили в Бринкдум по пути из Сантьяго-де-Компостела, пересекая Альпы с северо-востока на юг, придерживаясь дороги, что объединяла комарку Ульпенс и далекое французское аббатство Вецелэй; там паломники присоединялись к другим пилигримам, из Германии и Парижа, каялись и очищались от грехов у могилы местного святого в испанских землях. Но приходили и люди из ближайших комарок, их привлекала молва о чудодейственных мощах святого Дустана, хранящихся в беломраморном саркофаге в крипте обители. Святой Дустан был первым монахом-отшельником, который пришел в аббатство Бринкдум в те времена, когда в здешних лесах обитали только волки да медведи, и построил маленький деревянный скит, чтобы жить в одиночестве, не соприкасаясь никоим образом с другими людьми. Согласно легенде, его настоящее имя было Дустан де Гильоль. Считалось, что он вышел из Иерусалима вместе с Петром Пустынником и его войском, чьи ряды составляли нуждающиеся, искатели приключений и беглецы, чаявшие найти в Святой Земле конец своим бедствиям и вечное спасение, однако встретили лишь мор, собачий голод и острые клинки мусульман. Дустан де Гильоль был одним из немногих, кто выжил и вернулся из этого ада. Он объезжал деревни и города верхом на осле, подобно Христу. Осунувшийся, изможденный, босой, он продолжал свой путь, предвещая священную войну против неверных криком, воодушевлявшим всех, кто его слышал. Но однажды Дустан де Гильоль перестал появляться на дорогах, и никто боль-

ше ничего о нем не слышал до тех пор, пока группа монахов, проходивших через горы, не нашла скит посреди леса и кости святого на полу. Слепленные красотой гор, монахи решили остаться в долине Бринкдум и охранять мощи отшельника в крипте аббатства, которое они решили здесь возвести. Крипта вскоре стала знаменита по всей комарке Ульпенс благодаря мощам святого предсказателя. Аббатство воздвигли на том самом месте, где располагался скит, но из-за постоянных снежных лавин пришлось перенести его на нынешнее место.

Гримпоу не переставал удивляться тому, что церковь причисляет к лику святых тех, кто со рвением убивает себе подобных. На следующее же утро, ожидая увидеть в окно библиотеки девушку с прозрачными глазами среди группы странников, собиравшихся продолжить путь в Сантьяго, юноша спросил брата Ринальдо:

— Если Бог в Библии призывает к любви между людьми, почему тогда церковь превозносит крестовые походы, завоевание Святой Земли и истребление неверных?

Старого монаха удивил вопрос ученика; вдобавок он не смог скрыть своего неудовольствия.

— Брат Бразгдо рассказывал мне, что святой Дустан провел полжизни верхом на осле, провозглашая, что с ним говорил Бог и воспламенил его дух, дабы он призвал всех христиан, населяющих землю, освободить святые места Иерусалима, убивая неверных, которые встретятся им на пути, — настаивал Гримпоу.

— Брат Бразгдо болтун, не умеющий держать язык за зубами, пусть боится, как бы ему не зашили рот за такие слова, — сердито сказал старый монах.

— Так это правда? — не отставал Гримпоу.

Караван паломников между тем покинул аббатство, а он так и не увидел прекрасную девушку с прозрачными глазами.

Брат Ринальдо, помедлив, сказал:

— Три столетия назад христианским миром овладел религиозный фанатизм, который трудно объяснить. Было решено отнять Гроб Господень у мусульман, топтавших нашу величайшую святыню. Так захотел Бог.

— А кому Бог сообщил, что нужно столько жертв? — спросил Гримпоу, понимая, что этим вопросом ставит монаха в тупик.

— Бог сообщил христианам о Своем желании через папу Урбана II, Его наместника на земле в те времена. На рубеже первого тысячелетия все стремились в Иерусалим, ибо верили, что там царство небесное, но на паломников безжалостно нападали мусульмане. И тогда папа призвал знатных людей и рыцарей взять мечи и защитить паломников: «Ступайте, братья по вере, нападайте на врагов Господа, захвативших святыне места!» Так начинался первый крестовый поход, в Клермоне в 1095 году. — Брат Ринальдо, казалось, воспрял, вернувшись мысленно во времена своей молодости.

— Вы говорили, что участвовали в восьмом крестовом походе, их ведь столько было? — поинтересовался Гримпоу.

— Мусульмане никогда не прекращали преследовать христиан и нападать на наши крепости в Святой Земле. Необходимо было приструнить их, и со всей Европы собирались славные рыцари. Почти два века кровопролитной и нескончаемой борьбы, — проговорил брат Ринальдо с грустью в голосе.

— Поэтому вы убивали женщин и детей, отрубали им головы? — спросил Гримпоу.

Он понимал, что несправедлив к своему наставнику, но без этого было не обойтись: юноша хотел, чтобы старик подтвердил те видения, которые нахлынули на него, когда он взял в руки меч в подземной келье.

Лицо брата Ринальдо приобрело скорбное выражение.

— Откуда тебе знать? — прошептал старик; губы его дрожали, он словно увидел перед собой дьявола.

— Кенсе отвел меня в подземную келью и показал ваши меч и наряды. Когда я взял меч в руки, то увидел будто воочию эту бойню так же отчетливо, как сейчас вижу вас.

Старый монах тяжело вздохнул.

— Я отвечу на твой вопрос, если ты пообещаешь быть со мной столь же откровенным.

— Так будет правильно, — согласился Гримпоу.

Минута прошла в молчании и показалась обоим вечностью.

— В те времена я был убежден, что заслужу пропуск в рай, убивая этих невинных, незащитных созданий, ибо следую воле Бога, пожелавшего покончить с неверными, пусть это всего лишь женщины и дети. — Старик был явно удручен воспоминаниями.

— Вы были настолько слепы, чтобы поверить в подобное? — упрекнул его Гримпоу.

— От фанатизма может помутиться сознание самого разумного человека. Поверь, я сполна заплатил за свои ошибки.

Этого объяснения было достаточно, чтобы юноша узнал все, что хотел.

— Ваша очередь спрашивать.

Брат Ринальдо прокашлялся и уже более твердым голосом спросил:

— Ты помогал брату Асбену превращать металлы чистое золото? — Старец смотрел Гримпоу в глаза, будто проверяя, насколько юноша искренен.

— Да, — просто ответил Гримпоу, надеясь, что библиотекарь удовлетворится этим кратким ответом.

— Ты сводишь брата Асбена с ума. Он как увидел в своем дистилляторе кусочек золота, посчитал, что нашел правильную формулу алхимического превращения, и теперь в отчаянии ходит по лаборатории, пытаясь восстановить ее, и все без толку! Как тебе это удалось?

Гримпоу хотел скрыть, что воспользовался камнем погибшего рыцаря, но ведь он поклялся говорить откровенно. Так что он вытащил камень из льняного мешочка на шее и показал брату Ринальдо, который зачарованно смотрел на него, как будто ему показывали какую-нибудь святую реликвию из Веракруса.

— Я положил этот камень в священную воду, которую брат Асбен сотворил в дистилляторе.

— Ты позволишь посмотреть? — попросил брат Ринальдо, протягивая руку.

Гримпоу предложил ему взять камень: мол, у вас он будет в большей безопасности; но библиотекарь лишь поднес камень к глазам и прошептал:

— Так вот в чем дело.

— Что вы хотите сказать?

— Этот минерал, несомненно, — самый настоящий философский камень, о котором гласят предания. Он один способен превратить свинец в золото, а невежу — в мудреца, — благоговейно прошептал монах. — Где ты его взял? Он был у тамплиера?

— Да, рыцарь, которого мы с Дурлибом нашли на снегу, сжимал этот камень в руке, — ответил юноша. — Дурлиб думал, что это обычный амулет, и отдал его

мне, дескать, теперь этот камень навеки связан с моей судьбой.

— И он не ошибся. Дурлиб очень быстро убедился в том, что у него другая судьба, потому и оставил тебя в аббатстве. Теперь ты знаешь все, чему я мог тебя научить, и я не сомневаюсь, что в своем юном возрасте ты умнее многих мудрецов, которых я видел за свою долгую жизнь. Возможно, пришло тебе время предпринять путешествие в Страсбург; может быть, ты найдешь там того Айдора Бильбикума, о котором говорится в послании. Может, он сумеет помочь и откроет секрет мудрецов, ведь твой камень наверняка с ним связан.

— Иногда мне кажется, что это камень подталкивает меня уйти из аббатства, — сказал Гримпоу.

— Если ты уйдешь из аббатства и будешь поступать так, как велит твое сердце, препятствия, которые встретятся тебе на пути, лишь закалят твой дух. А вот если ты останешься и будешь делать то, чего тебе не хочется, тебя ждет провал. Выбор за тобой. Я соглашусь с любым твоим решением.

Когда Ринальдо Метц сообщил брату Бразгдо, что Гримпоу решил покинуть обитель, повар опечалился, как в тот вечер, когда узнал, что настоятеля убили.

— Я думал, Гримпоу останется у нас послушником и вскоре примет обет. Такой умный парень мог бы стать настоятелем, епископом, а не исключено, что и папой.

— Твоя забота о Гримпоу весьма похвальна, но этому юноше судьба уготовила столь важную миссию, что ты не можешь себе и представить. Гримпоу многое узнал о великих загадках, восходящих к началу времен, и о тех, что еще предстоит раскрыть. Его судьба там, за звездами.

— Что ты хочешь сказать? — недоуменно спросил повар.

— Не задавай мне вопросов, на которые я не могу дать ответа. Ломай голову хоть сотню бессонных ночей, все равно поймешь не многое.

— Я и не понимаю, Ринальдо, — повторил брат Бразгдо.

— Эта тайна, доведись тебе ее узнать, отравила бы твою жизнь. И в неведении есть благо. Забудь все, что слышал.

После долгих тоскливых дождливых дней и весенних бурь в аббатство прибыл одинокий всадник с лицом искателя приключений. Он прискакал на прекрасном черном жеребце, чья шерсть блестела, как поверхность озера, освещаемая полной луной. Осторожным, неуклюжим шагом за ним плелся мул, нагруженный мешками и дорожными сумками, а сверху были прикреплены старые доспехи. В отличие от большинства паломников, приходивших с севера, этот прибыл с юга.

Гримпоу вышел на рассвете охотиться на кроликов, вооружившись луком, и увидел, как всадник поднимается по тропинке. Не испугавшись, юноша побежал ему навстречу и забрался на скалу, выводящую к дороге. Всадник был молод и крепок телом; когда он говорил или улыбался, на правой его щеке появлялась ямочка. Одежда его была потрепана, но что-то сразу выдавало в нем безземельного рыцаря, охочего до сражений. С пояса свисал длинный меч с золотой рукоятью, а на муле Гримпоу заметил попону с гербом, говорившем о благородном происхождении: солнце на голубом фоне и полная луна на черном. Юноше вспомнилось стихо-

творение, которое однажды прочитал в лаборатории брат Асбена во время одного из опытов по превращению свинца в золото.

За Луной ходило Солнце
И в любви ей признавалось:
«Ах, краса небес ночная,
Ты внемли моим страданиям.
Очарованный тобою,
И смеюсь, и горько плачу.
Снизойди ко мне, молю я,
Ты любовью не бросайся».
А Луна в ответ: «Увы мне!
Круглый год по небосводу
От тебя обречена я
Убегать, и так — вовеки».

Поднявшись наверх, всадник придержал коня и, уставившись на лук в руках Гримпоу, спросил:

— Ты кого-нибудь поймал, мальчик?

— Нет, я не видел ни одного кролика. Наверно, они все утонули из-за дождей в последние дни, — ответил Гримпоу.

— Ты уверен, что знаешь, как обращаться с луком? — спросил рыцарь, по его губам скользнула улыбка.

Гримпоу молча достал стрелу из колчана за спиной, наложил на тетиву и прицелился в фиолетовый цветок, колыхавшийся на ветру примерно в шестидесяти шагах. Он натянул тетиву и отпустил, стрела просвистела в воздухе и перебила стебель цветка, словно лезвием незримого ножа.

— Неплохо, — одобрил рыцарь. — Внизу я только что видел косулю. Возможно, если поищешь вон в тех зарос-

лях, ты сможешь поймать ее. — И он указал в сторону долины.

— Если вы не против, я лучше побегу в аббатство и доложу настоятелю о вашем прибытии.

— Ты живешь в аббатстве Бринкдум?

— Всего несколько месяцев. Я пришел сюда в начале прошлой зимы.

— Как тебя зовут?

— Гримпоу, я из деревни Обернальт. А вы кто?

— Меня зовут Сальетти, Сальетти де Эсталья.

Орел пролетел над елями, широко расправив крылья. В его клюве трепыхался заяц.

— Вы итальянец?

— Именно.

— В аббатстве живет слепой столетний монах, родившийся в Александрии, из итальянского графства Пьемонт. Его зовут Уберто, — сказал Гримпоу.

— Я слышал о нем и о его алхимических теориях, — ответил всадник, натягивая поводья: его конь беспокойно перебирал копытами.

— Вы алхимик? — с интересом спросил Гримпоу.

— Нет, но мой отец увлекался алхимией и иногда рассказывал мне о монахах, искавших секрет философского камня. Уберто Александрийский был очень знаменит в свое время.

От этих слов незнакомца у Гримпоу мурашки побежали по телу.

— А куда вы направляетесь? — решил он сменить тему.

— Я еду на север, в направлении Страсбурга. Собираюсь поучаствовать в весенних турнирах в замках Эльзаса, которые устраивает барон Фигельтах де Вокко.

— Вы собираетесь биться на турнире? — воскликнул Гримпоу. Он настолько воодушевился, что готов был немедленно уйти из аббатства с этим рыцарем. Отправиться в город Страсбург, найти Айдора Бильбикума, кем бы тот ни был, и отдать ему загадочное послание.

— Таково мое решение, и я надеюсь победить всех рыцарей, которые отважатся поднять на меня свое копье. Я слышал, глашатаи барона де Вокко публично объявили, что победитель будет выбирать королеву турнира среди всех дам, присутствующих на состязаниях, и я надеюсь встретить там принцессу своей мечты.

На мгновение Гримпоу увидел в Сальетти де Эсталья послушника Побе де Ланфорга, у которого тоже кипела кровь и который тоже жаждал подвигов и любви.

— В таком случае вам понадобится оруженосец, верно? — выпалил Гримпоу, сам себе поражаясь.

— Ты бы хотел поехать со мной?

— Больше всего на свете, — заверил юноша.

Сальетти ответил, что если он действительно того хочет, то с этого самого мгновения может считать себя назначенным на новую должность. Когда слова были сказаны, он расстегнул кожаный ремень, вынул из ножен меч и плашмя ударил лезвием по плечу Гримпоу, после чего торжественно произнес:

— Этим прикосновением моего меча, символа благородного подчинения законам рыцарства, нарекаю тебя своим оруженосцем!

Затем он передал меч Гримпоу, чтобы тот безотлагательно приступил к исполнению обязанностей, главная из которых — носить оружие рыцаря. Едва юноша дотронулся до клинка, как ощутил, что перед ним открывается новый мир, полный драм и захватывающих тайн.

Часть II

ЗАМКИ КРУГА

ВИСЕЛИЦА

Вот и наступил день отъезда. Монахи из аббатства и брат Ринальдо, обливающийся слезами, принялись прощаться с Гримпоу и рыцарем Сальетти. Гримпоу тоже жаль было покидать обитель, к которой он за эти месяцы вполне привык, но он знал, что ему суждено довести до конца прерванную миссию рыцаря, погибшего в горах, а присутствие Сальетти обещало редкую возможность попасть-таки в Страсбург, от чего он не мог отказаться никоим образом. Брат Ринальдо не только не препятствовал Гримпоу в отъезде с рыцарем Сальетти де Эсталья, но даже обрадовался, услышав от юноши, что он вызвался быть оруженосцем. Перед самым отъездом старый монах позвал Гримпоу в библиотеку и сказал, что брат Уберто Александрийский знает в Страсбурге хозяина постоялого двора по прозвищу Хромой Хунн, который может помочь найти Айдора Бильбикума.

— Постоялый двор называется «Глаз зеленого дракона». Расположен он недалеко от главной площади Страсбурга, там, где сейчас строят новую церковь. Ты легко

найдешь ее. Скажешь, что ты от брата Уберто Александрийского.

Затем брат Ринальдо повел своего ученика к конюшням, где Гримпоу заметил Кенсе. Тот смотрел на юношу глазами, полными боли. Чувствовалось, что ему тоже очень не хочется, чтобы Гримпоу уезжал из аббатства, но когда юноша собрался с ним попрощаться, служка выбежал наружу и скрылся в свинарнике. Брат Ринальдо направился напрямиком к белому коню погибшего рыцаря, которого Гримпоу уже давно прозвал Астро.

— Новый настоятель разрешил подарить его тебе, — сказал старик. — Если ты намерен завершить миссию, не законченную его прошлым хозяином, лучше ему тоже отправиться с тобой.

Гримпоу поблагодарил брата Ринальдо за все, что тот для него сделал, надел на Астро седло и взял повод. Конь заржал от удовольствия, предчувствуя, что уже никогда не разлучится с новым хозяином.

— Не забывай, что поиски истины — долгий и мучительный путь. Дай Бог, тебе удастся когда-нибудь ее найти и повезет открыть секрет мудрецов. Вероятнее всего, когда это случится, я уже буду в ином, лучшем мире, наслаждаясь вечным покоем небес или век за веком пылая в глубинах ада, — заключил старый монах, улыбаясь так, что его глаза без ресниц словно заискрились.

Рыцарь Сальетти де Эсталья ждал Гримпоу перед воротами аббатства, верхом на своем жеребце, рядом с мулом, навьюченным оружием и провизией, приготовленной братом Бразгдо для долгого странствия. Увидев, что оруженосец приближается, ведя на поводу Астро, рыцарь, смеясь, воскликнул:

— Подразумевается, что это оруженосец должен ожидать своего господина!

— Ну, на сей раз простите его, сеньор Сальетти. Виноват я, — сказал брат Ринальдо с улыбкой.

Одним прыжком Гримпоу взобрался на спину Астро и с гордостью произнес:

— Можем отправляться в путь, когда вам будет угодно, мой господин.

Тихий хор монахов прощался с ними, протягивая руки, а из глаз брата Бразгдо текли слезы, которые он так долго пытался сдерживать, поглаживая в руках кроличью лапку.

Едва они тронулись, как послышался голос аптекаря. Вот с кем Гримпоу было расстаться тяжелее всего. Он пробирался среди монахов, потихоньку возвращавшихся к своим делам.

— Подождите! — закричал он. Затем брат Асбен подбежал к ним, вручил юноше маленький кожаный мешочек и прошептал: — Возможно, тебе это пригодится больше, чем мне. Я долго думал и решил, что этот золотой слиток, который я нашел в лаборатории, скорее твой, чем мой. Я его снова переплавил и превратил в маленькие золотые крупинки, которые, может быть, пригодятся в твоём путешествии.

— Вы очень щедры, — сказал Гримпоу с благодарностью.

— Не более, чем ты ко мне, — ответил аптекарь и долго с улыбкой глядел им вслед.

Когда они поднимались в горы, чтобы пересечь западные Альпы через узкое ущелье на северо-востоке, завеса облаков покрыла солнце, так что заснеженные вершины гор потемнели. В последний раз Гримпоу обернулся назад, зная, что за красноватыми каменными

стенами аббатства остается навсегда его прошлое, как беспокойный горько-сладкий сон, который живет только в памяти. Там он в последний раз видел своего дорогого друга Дурлиба, там спрятался от инквизитора Бульвара Гостеля, там убили настоятеля, и именно в этом месте он узнал все то, что знает сейчас, включая легенду о секрете мудрецов и то, что погибший рыцарь, возможно, был тамплиером. Но теперь все иначе, нужно смотреть вперед, продолжать путь, не совершая ложных шагов, выяснить, кто такой Аидор Бильбикум, что означает текст загадочного послания, что же такое на самом деле философский камень и какое он имеет отношение к секрету мудрецов, которым так жаждали завладеть папа и французский король.

— Тебя что-то беспокоит, Гримпоу? — спросил Сальетти, восседая в седле с важностью обедневшего монарха.

— Нет, ничего. Просто я думал о том, что больше никогда не увижу эту долину, — ответил юноша.

— Да брось! Будущее неопределенно и капризно, как летние бури. Может, когда-нибудь ты и вернешься в аббатство, — сказал Сальетти.

Но Гримпоу знал, что уже никогда не вернется.

— Вы даже не спросили, что мне дал брат-аптекарь, — сказал Гримпоу, пытаясь сменить тему разговора.

— Мне не нравится вмешиваться в дела моего оруженосца, — изрек Сальетти.

— Думаю, будет лучше, если этот кожаный мешочек будет у вас, — предложил Гримпоу.

Сальетти протянул руку и взял мешочек.

— Что там?

— Посмотрите сами.

Сальетти натянул поводья и развязал узелок на ленте, затянувшей горловину мешочка. Он высыпал на ладонь золотые крупички, маленькие и круглые, как зерна жареной кукурузы.

— Клянусь старой бородой алхимика! — воскликнул рыцарь и громко присвистнул. — Да это целое состояние!

— Можете считать его вашим. В конце концов, вы рыцарь, а я ваш оруженосец. Чьи сокровища, тот их и несет, — с ухмылкой объяснил Гримпоу.

— Хороший рыцарь никогда не лишит своего оруженосца его собственности, но если тебе хочется, чтобы именно я охранял этот мешочек с золотом, ты не найдешь охранника лучше для столь благородной миссии, дорогой Гримпоу. Клянусь моей честью и пастью мифологического Кербера, что буду защищать твое золото своим мечом, а если понадобится, то и своим именем рыцаря. — И Сальетти спрятал мешочек под камзолом.

— Как вы смотрите на то, чтобы купить в Ульпенсе одежду, соответствующую вашему положению, и новые доспехи? Эти ведь более дряхлые и ржавые, чем кастрюли на кухне брата Бразгдо, они недостойны такого рыцаря, как вы, а также не заслуживают, чтобы их таскал богатый оруженосец вроде меня, — предложил Гримпоу.

— Я бы с радостью принял твое предложение, только вот менять меч не стану. Этот, который я зову Афиной, часто спасал мне жизнь. Это лучший меч из всех, о каких только может мечтать странствующий рыцарь, — сказал Сальетти, упирая руку в бок.

— Вам знакома греческая мифология? — спросил Гримпоу, услышав имя богини войны.

— Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, у меня был учитель, преподавший мне кое-какие познания, — холодно ответил рыцарь.

— Афина была богиней войны у греков, — сказал Гримпоу.

— Кроме того, она считалась богиней разума, покровительницей искусств и литературы и имела отношение к философии, — рассуждал Сальетти.

У Гримпоу не осталось ни единого сомнения в том, что его новый друг и господин умнее, чем старался казаться, но при этом беден, как бродяга.

Они продолжали подъем, миновали зеленые поля, где летом пастухи, перегонявшие скот на зимние пастбища, разжигали костры, чтобы уберечь стада от волков. Позади оставались высокие водопады, которые низвергались длинными лошадиными хвостами в горные ущелья, и ледники, в которых зияли огромные бездонные трещины. Путники спешили и вели лошадей на поводу по узкому, нескончаемому ущелью и наконец перевалили через горы и с другой стороны крутого перевала увидели город Ульпенс, окруженный стенами, возносившимися над обширной равниной.

Еще не успело сесть солнце, как они добрались до города. Несколько тележек, нагруженных сеном, катились через мост, а солдаты, что несли дозор на маленькой башенке, лениво наблюдали за ними. Путников ни о чем не спросили: ни откуда они, ни куда держат путь, хотя настоятель Бринкдума по настоянию брата Ринальдо снабдил их охранной грамотой, адресованной архиепископу Страсбурга и позволявшей свободно входить и выходить из любого города или замка, где нужен будет ночлег.

Улицы Ульпенса были пустынно в столь поздний час, только возле площади слышались крики, которые Сальетти приписал торговцам, во весь голос превозносящим достоинства всяких безделушек, хаотично разложенных на прилавках.

Гримпоу тоже так посчитал, но его страх перешел в панический ужас, когда они дошли до площади и там увидели Дурлиба, повешенного, как чучело, на виселице. Толпа, собравшаяся вокруг, смеялась и ликовала, обезумевшая от лицемерия публичной казни. Полураздетое и окровавленное тело Дурлиба слегка покачивалось, словно маятник, все еще открытые глаза вылезали из орбит, язык свисал из открытого рта, будто насмехаясь над палачами. Гримпоу зажмурился и стиснул кулаки так сильно, что ногти впились ему в ладони.

— Ты знал этого человека? — удивленно спросил Сальетти.

Гримпоу с запинкой признал, что этот несчастный повешенный — Дурлиб, заменивший ему отца до того, как он остался жить в аббатстве Бринкдум.

— Пойдем отсюда, мы уже не можем ничем ему помочь, — сказал Сальетти, сочувственно кивая.

Гримпоу не мог пошевелиться, больше всего хотелось выхватить меч, пришпорить коня и кинуться на толпу, не прекращавшую вопить и смеяться перед жутким, безжизненным телом его друга.

— Идем, Гримпоу, думаю, тебе есть что мне рассказать, — сказал Сальетти, беря в руку поводья Астро.

Они вышли с площади по низкому, с арочной крышей, проулку, прошли мимо старой разрушенной церкви. На узкой улочке, где стояли вплотную друг к другу маленькие приземистые дома, она нашли таверну; стройная женщина с лицом, изъеденным оспой, чисти-

ла глиняные кувшины на засаленной стойке. Сальетти слез с лошади и велел Гримпоу тоже спешиться. Затем он привязал животных к большому металлическому кольцу, висевшему рядом с дверью.

Женщина недоверчиво посмотрела на них, вытерла руки тряпкой и спросила, как же так вышло, что они не на площади и не наслаждаются казнью.

— Там собрался весь город, кружат над трупом, как вороны над падалью, — прибавила она. — Иным забавно смотреть, как человек умирает, они забывают, что их ожидает та же участь.

Сальетти велел Гримпоу сесть за столик под окном, а у женщины попросил немного водки. Затем спросил:

— Что же такого сделал этот человек, что его казнили?

Женщине, казалось, была приятна любознательность Сальетти.

— Из того, что я знаю, он несколько ночей ходил пьяным, хвастаясь и тут и там, что у него теперь сокровище рыцаря, погибшего в горах рядом с аббатством Бринкдум, а когда солдаты графа пришли за ним, вытащил меч и отрубил одному из них ухо, а другому — руку, да вдобавок убил третьего. Люди говорят, что он был обычным мошенником, но пришел в Ульпенс, швыряя направо и налево серебряные монеты с чеканкой этих рабов дьявола, которых называют тамплиерами, и сошел с ума, потеряв свое состояние. — Женщина наполнила стакан водкой, потом дернула головой в сторону Гримпоу. — А с парнишкой-то что стряслось?

— Захворал немного. Это ему поможет, — ответил Сальетти и пододвинул своему оруженосцу водку.

Гримпоу без особого желания выпил, не переставая думать о Дурлибе и его несчастной судьбе, сыгравшей

с ним злую шутку. Дурлиб окончил дни на виселице Ульпенса, на той самой, о которой все время упоминал. Тело повешенного упорно возникало перед мысленным взором юноши. Он думал о том, как часто Дурлиб предсказывал свою смерть. Гримпоу вспомнились слова Дурлиба в день их знакомства, когда они ускакали из таверны дядюшки Фельсдрона: «Со своей свободой я кончу где-нибудь на виселице в какой-нибудь жалкой деревушке». И он не ошибся, только вот Гримпоу никак не мог понять, что же с ним приключилось после того, как он покинул горы. Ведь Дурлиб говорил брату Бразгдо в день, когда собирался покинуть аббатство, что уезжает, дабы повидать море и убедиться, существуют ли на самом деле сирены. Эта красивая мечта уже не могла осуществиться. Да, Дурлиб, бывало, напивался и устраивал драки, но юноша не мог себе представить, чтобы его первый учитель потерял рассудок, лишившись драгоценностей и серебряных монет.

Краем уха Гримпоу услышал, как Сальетти спрашивает женщину с рябым лицом, не знает ли она места, где они с оруженосцем могли бы провести ночь и накормить лошадей.

— Лошадей и мула можно оставить на конюшне, а вы, если хотите, можете занять чердак. Кроме того, могу предложить ужин и отличный бульон для мальчика, чтобы он наконец поправился; не похоже, чтобы водка сильно ему помогла.

Сальетти согласился и выжидательно посмотрел на Гримпоу. Юноша резко кивнул, ему хотелось остаться наедине со своей болью и заснуть как можно скорее, чтобы ее унять.

Спальня оказалась истинным свинарником. Находилась она на чердаке, над головой нависали прелые от

постоянных протечек балки. Обстановку составляли табурет и пара тюфяков, жестких, как пол. Но Гримпоу заснул сразу же после того, как хозяйка принесла горячий суп из хлеба и чеснока с парой поджаренных яиц. Он даже не заметил, что Сальетти вышел из комнаты, едва юноша заснул.

На следующее утро, пока Гримпоу, все еще в удрученном состоянии, прятал лицо под одеялом, Сальетти рассказал, что с наступлением ночи он пошел позаботиться о том, чтобы труп Дурлиба похоронили, ведь его могли оставить на площади на несколько дней. Убедить могильщика стоило двух золотых крупинок и бессонной ночи, ведь пришлось ждать, пока площадь опустеет, чтобы перерезать веревку виселицы и отвезти тело Дурлиба на кладбище за жалкими домишками у крепостной стены.

Юноше подумалось, что, скорее всего, Дурлиб уже несколько месяцев приходил и уходил из Ульпенса в одежде идадьго, готовый отдать свое состояние воле случая, играл в карты и кости, напивался в тавернах и борделях и яростно спорил со всеми подряд. Выяснилось, что история, которую он рассказывал о теле рыцаря, найденном в горах, дошла до епископа, а тот, обеспокоенный побегом тамплиера от инквизитора Гостеля, послал солдат задержать его; как раз тогда-то Дурлиб и убил одного из них, а еще двоих сильно поранил до того, как пал наземь. Граф приказал дать ему сто ударов плетью на городской площади, а затем повесить на дереве, служившем виселицей для убийц и воров в комарке Ульпенс.

Гримпоу никак не мог избавиться от чувства вины за смерть друга. Если бы они не нашли мертвого рыцаря в горах, ничего бы не произошло. И ничего не случилось

бы, не останься Гримпоу в аббатстве, а пойдй с Дурлибом в Страсбург. Он упрекал себя, что согласился расстаться с другом, и именно поэтому Дурлиб не смог справиться с одиночеством и пошел топить тоску в игре и вине. Гримпоу даже было решил избавиться от камня погибшего рыцаря, который висел у него на шее, как от дурного знака, уже послужившего причиной смерти рыцаря в горах, настоятеля Бринкдума и его доброго друга Дурлиба. Но что-то внутри отказывалось верить, что истинной причиной всех этих бед является камень. Ему подумалось также, что если б они с Сальетти приехали пораньше, то, возможно, смогли бы помочь Дурлибу; но когда он поделился своими соображениями с рыцарем, Сальетти ответил:

— Случай — это загадочная игра в кости, так увлекавшая твоего друга Дурлиба. Неясная и неизбежная игра, в которую мы начинаем играть, едва рождаемся на свет, и бросаем кости с каждым вздохом, не ведая, будет ли судьба милостива к нашим желаниям, нашим открытиям, нашим иллюзиям и мечтам. В этой обманчивой игре, заставляющей нас позабыть о наших страхах, мы идем вперед всякий день, принимая или отменяя удачи и неудачи, несмотря на то что все старания избежать ловушек судьбы столь же тщетны, как попытки улизнуть от смерти.

— Нечего сказать, утешение, — проворчал Гримпоу.

Сальетти тем временем открыл окно и впустил на чердак солнечные лучи, на мгновение ослепившие юношу.

— Оплачь смерть своего друга, пусть в твоих глаза не останется ни одной слезинки. А когда отплачешься, подумай о том, что нужно продолжать жить, и порадуй-

ся мысли, что и твой друг Дурлиб будет продолжать жить в твоей памяти.

Гримпоу вдруг вскочил. Надо бежать на конюшню, седлать коня и немедля скакать в Страсбург.

— Я пойду седлать лошадей, — сказал он.

— погоди, — Сальетти вскинул руку. — Если мы хотим продолжать путешествие вместе, давай поговорим начистоту, как мужчина с женщиной, забыв о том, что я рыцарь, а ты мой оруженосец. Между нами нет никакой разницы. — Он вопросительно приподнял бровь, ожидая ответа Гримпоу.

— Договорились, — буркнул Гримпоу, снова усаживаясь.

Сальетти сел напротив и посмотрел ему в глаза.

— Кем был на самом деле твой друг Дурлиб? — спросил он.

Гримпоу ответил, что Дурлиб был вором и мошенником, рассказал, когда и при каких обстоятельствах они познакомились и почему проводили зимы в горах близ аббатства Бринкдум.

Сальетти остался вполне доволен объяснением.

— А что за историю рассказывал твой друг о рыцаре, замерзшем в горах?

Гримпоу поведал о трупе, найденном на снегу, о сокровище, хранившемся в дорожной суме: серебряных монетах, драгоценностях, кинжалах с рукоятями, инкрустированными сапфирами и рубинами, о запечатанном письме и золотой печати, о том, что тело мертвого рыцаря растворилось в воздухе совершенно необъяснимым образом. Затем объяснил, что ему удалось расшифровать странные знаки послания, и не утаил их с Дурлибом цели найти Айдора Бильбикума в Страсбур-

ге, а после рассказал обо всем, что случилось после приезда в аббатство инквизитора Бульвара Гостеля и солдат короля: о бегстве Дурлиба, убийстве настоятеля, обучении в библиотеке и разговоре со слепым столетним монахом Уберто Александрийским, который более двадцати лет прикован к постели.

— А что стало с камнем? — вдруг спросил Сальетти.

— С каким камнем? — деланно удивился Гримпоу.

— Мы пообещали быть откровенными... — сказал Сальетти, хмурия брови.

Гримпоу вытащил маленький камень из льняного мешочка, висевшего на шее, и протянул рыцарю.

— Я не слишком уверен, что это именно камень, — сказал он, чтобы как-то оправдать свою нерешительность.

Сальетти взял камень в руки, и Гримпоу заметил, что тот не поменял цвета, не приобрел красноватого оттенка, как тогда, когда юноша впервые прикоснулся к нему.

— Это брат Уберто Александрийский рассказал мне, что ты нашел lapis philosophorum, или философский камень мудрецов, если угодно, — сказал Сальетти.

— Брат Уберто? — переспросил Гримпоу, не скрывая удивления, и вспомнил, как Сальетти рассказывал, когда приехал в аббатство, что знает слепого монаха; кроме того, солнце и луна на его гербе — явные алхимические знаки, которые распознает даже новичок. — Так вы... то есть ты... ты никакой не рыцарь, а обманщик, как Дурлиб, дерзкий плут, решивший обмануть меня.

Обида переполняла юношу, а Сальетти рассмеялся.

— Не думаю, что я больший плут, чем ты. Ты ведь мне тоже раньше не рассказывал о своих загадочных целях. Но не беспокойся, я всего лишь хочу тебе помочь.

— Тебя позвал брат Уберто? — тихо спросил Гримпоу.

— Нет, Ринальдо Метц. Он послал ко мне своего надежного слугу с письмом, в котором просил, чтобы я пришел в аббатство Бринкдум, чтобы оттуда сопроводить тебя в Страсбург. Брат Уберто заговорил с ним после долгих лет молчания, и они решили, что тебе нельзя одному отправляться на поиски секрета мудрецов. Когда я тебя встретил по пути в аббатство, я уже знал, что ты тот самый юноша, о котором они говорили, хотя и не представлял себе, что ты поддашься так легко и сразу захочешь стать моим оруженосцем.

— А почему выбрали именно тебя? — спросил Гримпоу растерянно.

— Как я тебе уже говорил, когда мы только познакомились, и в этом я не соврал, мой отец был близким другом Уберто Александрийского, они вместе провели множество алхимических опытов в университете Падуи. Мой отец обычно навещал его каждые два года, когда он ослеп, я тоже приезжал, когда подрос и начал хоть что-то понимать. Брат Уберто и брат Ринальдо меня хорошо знают, им известно, что я учился в Падуе и Париже, несмотря на мою любовь к оружию и титул, доставшийся мне от деда, Джакопо де Эсталья, после отказа моего отца от наследства, обремененного множеством долгов. По этим причинам оба посчитали меня подходящим спутником для некоего отважного юноши.

— Смею предположить, что и о секрете мудрецов ты кое-что знаешь, — проговорил Гримпоу, тщетно стараясь скрыть свое удовольствие тем, что братья Уберто и Ринальдо проявили такую заботу.

Сальетти поднялся и посмотрел через маленькое оконце на голубое небо Ульпенса, вертя в руках загадочный камень.

— Не больше тебя. Это загадочное послание при тебе? — спросил он.

Гримпоу сунул руку в потайной карман своего камзола, вытащил письмо погибшего в горах рыцаря и протянул его Сальетти. Тот внимательно посмотрел на послание, провел по нему камнем, надеясь понять странные знаки.

— Невероятно!.. Как только тебе удалось прочитать эту надпись? — прошептал Сальетти, убедившись, что даже магический камень не в состоянии помочь.

Гримпоу лишь пожал плечами.

— Камень помог мне прочитать ее, в этом нет сомнения, а вот как это вышло, даже не спрашивай, я сам не знаю.

— И там написано именно то, что ты прочитал? — настаивал Сальетти.

— «На небе есть свет и тьма. Аидор Бильбикум. Страсбург». После того как прочитал эти слова, я их не забуду никогда. Думаю, брат Ринальдо рассказал тебе, что с тех пор, как я нашел этот камень, у меня появилась необыкновенная способность понимать любые языки, сколь бы древними они ни были.

— Он что-то говорил, но сложно поверить, чтобы этот малый камешек мог творить подобные чудеса. — Сальетти покачал головой и вернул юноше камень и письмо.

— Брат Ринальдо убежден, что рыцарь, погибший в горах, был братом ордена тамплиеров, а этот камень — часть секрета девяти рыцарей, найденного в Храме Со-

ломона в Иерусалиме более двух веков назад, а потом перевезенного во Францию и спрятанного в некоем потайном месте.

— Вполне возможно, — согласился Сальетти не слишком уверенно. — Как раз это нам и предстоит выяснить.

Хозяйка таверны показала, где искать торговца тканями: им требовалось обновить бедный гардероб и купить одежду, более подходящую знатному рыцарю с оруженосцем. Сальетти оплатил за ее любезность и гостеприимство золотой крупинкой. Женщина дала им сдачу — нескольких серебряных монет и поцеловала руку Сальетти с таким трепетом, будто это была некая святыня.

Покончив с нарядами — рубашки, камзолы, сапоги и ремни, — они отправились в самую знаменитую в Ульпенсе оружейную лавку, где их встретил грузный и лысый мужчина, лицо которого лоснилось от пота. Все звали его мастер Аилгрупп.

— Добро пожаловать, сударь! — сказал Аилгрупп и изобразил нечто вроде поклона, насколько ему позволило это сделать дородное брюхо. — Скажите, что вам нужно, и я постараюсь помочь.

Сальетти ответил на любезность мастера легким кивком.

— Мне нужны крепкие латы для состязаний, — ответил он, окидывая взглядом выставленные в лавке оружейника отполированные доспехи, лучившиеся светом на обтянутых полотном панелях красного цвета. Гримпоу замороженно разглядывал мечи самых разных размеров и форм. Сальетти указал на доспехи из легких стальных пластинок, словно посеребрённые луной.

Шлем украшало изображение солнца, поверх тянулся изогнутый гребень с многочисленными отверстиями для воздуха.

— В таком случае можете быть уверены, что вы попали в лучшую оружейную лавку в Ульпенсе. Наши доспехи повсюду славятся своей крепостью, а еще говорят, что краше их нигде не сыскать.

— Я бы хотел примерить вон те доспехи, мастер. Они кажутся крепкими и в то же время легкими, — проговорил Сальетти, которому не терпелось обзавестись латами.

— Прекрасный выбор, господин...

— Сальетти, Сальетти де Эсталья. Можете называть меня просто герцог, — промолвил Сальетти без какого-либо высокомерия.

— Если вы намерены принять участие в турнире замков Эльзаса, сеньор Сальетти, знайте: доспехи, которые вы выбрали, принесут вам победу. Дамы станут вами восхищаться, а самые достойные рыцари утратят покой от зависти, — льстиво проговорил Аилгруп. — Во всем Ульпенсе не найти доспехов лучше, уж поверьте.

Длинной палкой с крючком на конце он дотянулся до доспехов, выбранных Сальетти, а затем принялся раскладывать их на широком столе, не забывая нахваливать достоинства каждого предмета, от шлема и забрала до нагрудника, нарукавников и латных рукавиц. Гримпоу безуспешно старался запомнить, что и как крепится: ведь рано или поздно ему придется помогать Сальетти надевать эти доспехи. Юноша чувствовал, что память его подводит; мастер Аилгруп тем временем помог Сальетти облачиться в доспехи, а потом спросил:

— Вы тоже собираетесь присоединиться к войску барона де Вокко?

Сальетти и Гримпоу переглянулись.

— К войску барона? — переспросил Сальетти, притворяясь, будто не понимает, о чем речь.

— Смотрю, до Италии еще не добрались слухи о нашей войне, — негромко произнес Аилгруп.

— Увы! Насколько я знаю, глашатаи барона де Вокко объявляли только, что приглашают на турнир замков Эльзаса, чтобы, как всегда, отметить наступление весны. Во всяком случае, у нас на севере Италии было именно так, — сказал Сальетти.

Мастер Аилгруп наклонил голову, явно довольный возможностью просветить благородного клиента.

— Мой господин герцог де Эсталья, позвольте вас предупредить. В этом году турнир — не более чем повод собрать в крепости барона де Вокко как можно больше рыцарей, чтобы они приняли участие в крестовом походе.

Гримпоу, услышав слова «крестовый поход», насторожился, а оружейник понизил голос, словно опасаясь, что его могут подслушать.

— Неужели Фигельтах де Вокко думает возглавить новое войско для захвата Святой Земли? — недоверчиво спросил Сальетти.

Пухлые губы Аилгруппа исказила ухмылка.

— О нет, что вы, сеньор Сальетти! — воскликнул он. — Поход собирают не против неверных на Востоке, а против еретиков, скрывающихся в замках Каменного Круга, по ту сторону границы, разделяющей земли Фигельтаха де Вокко и Германию. — Оружейник поправил наплечник доспеха Сальетти, громко вздохнул и продолжил: — Мне известно наверняка (от благородных рыцарей, не извольте сомневаться), сам король Франции будет присутствовать на турнире; он и объявит о

священном походе против замков, укрывающих беглых тамплиеров.

Услышав эти слова, Гримпоу сразу вспомнил, что брат Ринальдо рассказывал ему в аббатстве Бринкдум о замках Каменного Круга: мол, герцог Гульф и его верные рыцари предоставляли убежище тамплиерам со всей Франции, бежавшим от преследований короля Филиппа Красивого. Юноше очень хотелось вмешаться в разговор, однако скромное положение оруженосца вынуждало его хранить молчание. Оставалось лишь надеяться, что Сальетти не упустит случая вытянуть из говорливого мастера Аилгруппа как можно больше сведений.

— И в этом тоже замешаны непокорные тамплиеры? Я-то думал, что король Франции покончил с ними и с их дьявольской ересью шесть лет назад, — сказал Сальетти, вручая оружейнику несколько монет с королевским орлом.

— Из Парижа мне сообщили, — произнес Аилгрупп заговорщицким шепотом (Гримпоу пришлось подойти поближе, чтобы расслышать), — что магистра тамплиеров вместе с прочими рыцарями сожгли заживо перед собором Парижской Богоматери. Но перед смертью он проклял папу и короля Франции, сказал, что не пройдет и года, как они умрут. Потому-то, по слухам, король Франции ищет не беглых тамплиеров, а секрет, найденный девятью рыцарями Храма Соломона в Иерусалиме более двух веков назад, ибо только этот секрет может разрушить проклятие.

— Что общего у замков Каменного Круга с секретом тамплиеров? — недоуменно спросил Сальетти и дернул ногой, проверяя, как сидят на нем доспехи.

Аилгрупп взял шлем и поднял забрало.

— Некоторые верят, что те самые девять рыцарей, которые нашли сокровище в Храме Соломона, привезли его во Францию и спрятали в крепости, что в центре замков Каменного Круга. Девять рыцарей и девять неприступных замков, — и мастер подмигнул Сальетти.

— Понимаю. Нет места лучше этих замков, чтобы спрятать такое сокровище, — сказал Сальетти и жестом велел оружейнику надеть ему на голову шлем.

Мастер выполнил повеление. В новых блестящих доспехах Сальетти выглядел грозно и величественно, истинным рыцарем, каких восхваляют хутлары.

— Знаете, сеньор Сальетти, — проговорил оружейник, — вам придется решать, на чьей стороне вы будете сражаться.

И на его лице промелькнула злая усмешка.

ПРОКЛЯТИЕ ОТШЕЛЬНИКА

До Страсбурга оставалось несколько дней пути. Сальетти горел желанием принять участие в весенних состязаниях, организованных в замке де Вокко, и время от времени поглядывал на свои новые доспехи на спине мула; эти отшлифованные металлические пластины, сверкавшие под солнечными лучами, подобно золоту алхимиков через стекло дистиллятора, должны были спасти ему жизнь. Весть о крестовом походе, который будто бы собирался объявить французский король против замков Каменного Круга, не давала ему покоя. Особенно после того как он узнал, что секрет мудрецов, который они с Гримпоу ищут, может быть спрятан в крепости герцога Гульфа или в одном из остальных восьми замков Каменного Круга. Сальетти не был столь наи-

вен, чтобы верить сплетням, но фраза насчет девяти рыцарей в девяти замках звучала разумно. Да и с какой стати иначе королю Франции возглавить новый крестовый поход против замков Каменного Круга? Но если все так, а секрет мудрецов действительно спрятан в одной из этих крепостей, что за таинственный камень носит на шее Гримпоу и что за рыцарь погиб в горах, рыцарь, чей труп растворился в воздухе? И что означает запечатанное послание и кто такой Аидор Бильбикум? Все эти вопросы осаждали мысли Гримпоу, молча ехавшего по долинам Ульпенса, и вдруг Сальетти остановил своего коня.

— Думаю, надо начать сначала.

Гримпоу придержал Астро и недоуменно посмотрел на Сальетти.

— Не понимаю. Ты хочешь, чтобы мы вернулись в аббатство?

— Я имею в виду секрет мудрецов. Мы сами не знаем, что ищем, что это такое и где оно может быть спрятано, — размышлял Сальетти вслух.

— Весьма разумно, — подтрунивал Гримпоу.

— А что мы знаем? — спросил Сальетти, не обращая внимания на сарказм своего спутника, и его вопрос повис в воздухе, словно ястреб над каменистой равниной.

— Что есть загадочный предмет, способный творить чудеса, не подлежащие объяснению, — ответил Гримпоу уверенно.

— Загадочный предмет, который очень похож на камень, — добавил Сальетти.

— Камень, который, судя по всему, ведет свое происхождение от начала рода человеческого, — продолжал Гримпоу.

— Человечества, однажды открывшего мудрость *lapis philosophorum*, — продолжил Сальетти. Их диалог начинал напоминать игру «в слова».

— Мудрость, которую обрели мудрецы.

— Мудрецы, передавшие свои знания новичкам.

— Новички, хранившие свои знания в секрете.

— Секрет, открытый девятью рыцарями более двух веков назад.

— Девять рыцарей, основавших орден тамплиеров.

— Тамплиеры, которых король Франции преследовал и которые бежали от него.

— Беглецы, искавшие прибежища в замках Круга.

— Замки Круга, куда направлялся погибший рыцарь.

— Погибший рыцарь, который бежал он инквизитора Гостеля и нес с собой золотую печать, загадочный камень и пергамент.

— Пергамент с посланием.

— Послание говорит об Аидоре Бильбикуме и городе Страсбурге.

— В Страсбург мы направимся после турнира.

— Турнир созван бароном де Вокко. На турнире король Франции объявит о новом крестовом походе.

— Крестовый поход, целью которого является завладеть секретом мудрецов.

— Секрет мудрецов, связанный с камнем, который мы тоже ищем и который предположительно спрятан девятью рыцарями в замках Круга.

— Круг, который, играя словами, мы замыкаем, проясняя то небольшое, что нам известно, и огромное количество того, что для нас тайна, — заключил Гримпоу, и оба рассмеялись, так как никто из них ничего подобного уже давно не проделывал.

Долину Ульпенса покрывали обширные виноградники и поля пшеницы, маленькие деревеньки иногда возникали на фоне этого пейзажа на берегу широкой реки, зигзагами бежавшей между густыми тополиными рощами. По обе стороны вдалеке виднелись гряды холмов, на чьих вершинах возвышались каменные замки, ленивые и сонные часовые долины. Многие сеньоры комарки Ульпенса примут участие в турнире на празднике весны в замках Эльзаса, а некоторые уже отправились в путь к крепости барона де Вокко вместе с дамами, оруженосцами и слугами, а также знаменами, оружием и доспехами. Пожитки Гримпоу и Сальетти были весьма скудными, их кортеж состоял лишь из мула, нагруженного доспехами, штандарта и украшения для лошади с гербом герцога де Эсталья.

Они добрались до пересечения дорог. В центре перекрестка стоял скит без окон и дверей, крохотная часовенка со сводчатым крыльцом, которое поддерживали две круглые колонны. Рядом со скитом виднелся колодец и поилка для лошадей. Старый отшельник, присматривающий за часовней, загорал на каменной скамье, держа в левой руке длинный посох с изогнутым концом; правая его рука притягивала взгляд отсутствием ладони.

Отшельник улыбнулся беззубым ртом, облаченный в ветхую власяницу, подпоясанную столь же ветхим кушаком. Босой, растрепанный, он казался безумным.

— Бегите, бегите прочь, покуда еще возможно спастись от гнева Господня, несчастные дети дьявола, или войдите в святой скит и преклоните колени перед крестом мученика и просите милости Господа и прощения грехов ваших! — вскричал он, стоило Гримпоу и Сальетти спешиться, чтобы напоить лошадей.

Старик поднялся, оперся на посох и продолжил свою пламенную речь, недоверчиво поглядывая на молодых людей.

— Трубы Апокалипсиса снова звучат с небес, а на земле черви извиваются в могилах, прячась от всевидящего света! Вечный огонь готов разгореться в ваших душах! Вы будете пылать в аду! Предатели веры! Рабы похоти! Слуги чревоугодия и алчности! Слушайте предвестие конца! Коса смерти низвергнет ваше высокомерие в грязь, а ваши головы будут безжалостно растоптаны копытами ваших же лошадей! Ни к чему вам будут ваши копья и мечи! Предсказания сбудутся! Я раскаялся, а вы помолитесь со мной! — Он встал на колени и принялся неразборчиво молиться.

Сальетти жалостливо посмотрел на старика и прошептал Гримпоу:

— Притворяется, милостыню добывает.

Прежде Гримпоу доводилось вместе в Дурлибом прикидываться и слепыми, и увечными, чтобы просить подаяния на паперти или на рынке; он знал, что многие плуты и мошенники, с пустыми животами шатающиеся по дорогам и деревням, готовы на любые ухищрения, только бы получить кусочек хлеба. Но во взгляде этого отшельника Гримпоу увидел искреннюю печаль.

— Он говорит все это не нам, — сказал юноша.

Сальетти осмотрелся.

— А кому еще? Здесь больше никого нет, кроме мула и лошадей.

— Он обращается к рыцарям-тамплиерам. Возможно, в своем бреде он перепутал нас с ними.

— И с чего ты это взял? — поинтересовался Сальетти.

— Вспомни слова, которые он произносил.

— Я не понимаю, о чем ты. Все что он говорил, мог сказать любой предвестник конца света.

— В том, что он перечислил, обвиняли тамплиеров, чтобы выставить их еретиками, — пояснил Гримпоу. — Когда он нас увидел, то посоветовал бежать, пока еще возможно избежать преследования, и именно поэтому назвал нас детьми дьявола и говорил о червях, прячущихся от всевидящего света, об адском огне, в котором будут гореть наши души, о том, что мы предатели веры, рабы сладострастия, слуги чревоугодия и алчности, о смерти, которая покончит с нашим высокомерием, и о головах, растоптанных копытами лошадей, так что нам не понадобятся ни копыя, ни мечи.

Сальетти озадаченно покачал головой.

— Ты прав, Гримпоу, тамплиеров обвиняли в поклонении дьяволу, в том, что они скрываются, подобно червям, под землей, устраивают свои обряды, прячась от всевидящего Божьего ока. А также в предательстве веры, в грехе сладострастия, в поедании мяса в пост и в накоплении богатств, да таких, что они почувствовали себя богами.

— И их ведь действительно разгромили папа и король Франции, прежде весьма к ним расположенные, — добавил Гримпоу, — так что ни копыя, ни мечи не помогли им избежать костра.

Гримпоу слез с коня, оставил Астро пить воду, а сам подошел к старику, продолжавшему стоять на коленях с опущенной головой. Он помог отшельнику подняться, и они вместе пошли к скамье рядом со скитом. От шелковицы на землю падала густая тень, а с ветвей доносился птичий щебет.

— Как вас зовут? — спросил Гримпоу старого отшельника.

— Какая разница! — недовольно буркнул тот.

Гримпоу помог ему сесть на каменную скамью. Тут-то он и заметил у старика под подбородком метку в виде восьмиугольного креста, выжженную раскаленным железом, точно такую же, как на белом плаще и на мече Ринальдо Метца в подземной келье аббатства.

— Вы тамплиер? — без обиняков спросил юноша.

— Едва ли орден еще существует, — ответил старик, устремив взгляд в пустоту.

Усевшись рядом, Гримпоу начал рассматривать его правую руку, точнее, обрубок, заканчивавшийся чуть выше запястья.

— Как вы потеряли руку? — спросил Гримпоу.

— Мне ее отрубили, чтобы я не мог больше держать меч, — ответил старик.

Сальетти подошел к ним и встал так, чтобы заслонить солнце, уже начавшее клониться к западу. Гримпоу взглядом велел ему не вмешиваться.

— Кто? — уточнил Гримпоу.

— Палачи короля Франции, — ответил старик.

— Вас пытали?

Старик утвердительно кивнул.

— У нас не было возможности защищаться. Они ворвались в Тампль на рассвете, как лисы в курятник, всех похватали, отобрали наши бумаги и сокровища. Не осталось ничего, кроме сотен сожженных трупов тех, кто мечтал упокоиться в Святой Земле. — Отшельник предавался воспоминаниям, а Гримпоу молча слушал. — Меня отделили от остальных, кинули в темницу, кишевшую крысами, где я просидел в заключении долгие

годы, не видя света, подвергаемый самым страшным пыткам. Они твердили, будто мне известно то, что они хотят знать, и собирались вырвать из меня признание клещами инквизиции.

— Как же вам удалось сбежать?

— Они посчитали, что я настолько спятил, что никто мне не поверит. Инквизитор Бульвар Гостель (я считался его сенешалем, пока был членом ордена Храма) решил проявить снисходительность и позволил мне уйти после того, как я во всем сознался. Я долго бродил по стране, пока не нашел пристанище в этом заброшенном скиту, и здесь я дожидаюсь конца своих дней, зову смерть, ее прихода я жажду так же, как пустыня ждет дождя. Нас оклеветали, наших братьев убили, и все ради того, чтобы вызнать наш секрет.

Сальетти подскочил, будто его ущипнули.

— О каком секрете вы говорите? — спросил он.

— О том, который, по легенде, узнали девять рыцарей в Иерусалиме более двухсот лет назад, еще до того, как был сформирован орден Храма.

Сальетти подмигнул Гримпоу.

— Я так понимаю, вы знали этот секрет, — проговорил Гримпоу.

— Нет, — отрезал старец и замолчал, будто не желая продолжать разговор, причинявший ему видимую боль.

— Вы хотите сказать, не было никакого секрета? — встрял Сальетти.

— Я хочу сказать, что девять рыцарей Храма не открывали никаких секретов, они всего лишь перевезли что-то из Иерусалима в Париж по просьбе тайного общества мудрецов взамен на внушительное количество золота. Их миссия заключалась в том, чтобы уберечь содержимое загадочной кареты от мусульман и доста-

вить во Францию. Они даже не знали, что везут. Никто и никогда не знал.

Сальетти, похоже, разочаровал ответ старика, но все, что тот говорил, подтверждало подозрения Гримпоу по поводу того, что погибший рыцарь был не тамплиером, а преследуемым мудрецом.

— Откуда вы это узнали?

— В парижском Тампле хранились старинные пергаменты, которые это подтверждали: письма, соглашения, чеки. Мне было поручено спрятать их, что я и сделал. А потом меня начали пытать и я рассказал, где укрыв бумаги.

— А в этих пергаментах называлось имя тайного общества мудрецов? — спросил Сальетти.

— Уроборос, — ответил старик, словно перекатывая это слово во рту, как лакомство.

«Да!» — мысленно воскликнул Гримпоу.

Сальетти вытаращил глаза, будто тоже догадавшись, о чем говорит отшельник.

— Вы разумеете змею, кусающую себя за хвост? — спросил Гримпоу.

Старик кивнул.

— А вы знали кого-нибудь из этого общества?

— Их никто не знает, они незримы, как привидения. Они могут быть где угодно, проходить незамеченными перед самым пристальным взглядом. Это не люди, а тени.

— В бумагах, которые вам достались, говорилось что-нибудь о месте, где спрятан секрет мудрецов? — спросил Сальетти.

— Нет, эти пергаменты повествуют лишь об обычном коммерческом соглашении между девятью рыцарями и загадочным обществом Уроборос. Об этом сек-

рете много говорят, но никому еще не удалось разгадать его.

— А зачем он королю Франции? — спросил Гримпоу.

— Филипп верит, что, найдя секрет, обретет великую власть, с какой не сравнится никакая другая, а также бессмертие. И тогда не сбудется проклятие великого магистра Жака Молэ, брошенное перед смертью на костре. Я знаю, вы тоже ищете этот секрет, я читаю это в ваших мыслях. Уже несколько столетий многие его ищут, и многие потеряли жизнь, пытаясь узнать тайну. Все позабыли о древнем проклятии, но оно подстерегает, как хищник, готовое безжалостно истребить любопытных, осмелившихся потревожить его вечный сон.

— Проклятие? Вы имеете в виду проклятие магистра Храма? — спросил Сальетти.

Старый отшельник закатил глаза.

— Нет, проклятие, о котором я говорю, старо, как мир. Прокляты те, кто норовит проникнуть в тайну, и двери для тех, кому удастся открыть их, закроются за ними навеки!

Сальетти и Гримпоу озадаченно переглянулись, а отшельник, похоже, понял их без слов.

— Если вы хотите найти то, что ищете, вы должны научиться понимать язык камня, — сказал старик, даже не посмотрев на них.

— Философского камня, вы говорите о lapis philosophum? — спросил Гримпоу.

Но отшельник отвернулся и вновь забормотал что-то неразборчивое, будто постепенно возвращаясь в прежнее полупомраченное состояние сознания.

Затем он поднялся, опираясь на посох, и направился к часовне.

— Бегите, бегите прочь, покуда еще возможно спастись от гнева Господня, несчастные дети дьявола, или войдите в святой скит и преклоните колени перед крестом мученика и просите милости Господа и прощения грехов ваших!

Гримпоу и Сальетти видели, как он ступил в сумрак часовни, и голос его стих, задохнулся, как день — во тьме ночи.

ЛЮТЫЙ БАНДИТ

Ближе к ночи они разбили лагерь на обширном плоскогорье, лишенном всякой растительности. Повсюду, куда ни посмотри, не было ничего, кроме нескончаемой прямой линии, соединявшей черноту неба с земными пределами. Небесный свод на всем своем протяжении казался прозрачной полусферой, раскинувшейся над плоскогорьем и растворяющейся в бесконечности звезд. Ночь выдалась безлунной, и все вокруг окутала тьма. Не разводя огня, они перекусили полузасохшими свиными колбасками, хлебом, сыром и гроздьями винограда, которые нарвали утром в обширных угодьях по пути.

Над их головами сверкали созвездия, подобно рою светлячков, внезапно застывших в своем неумолимом ночном полете. Сальетти подложил дорожную сумку под голову Гримпоу и укрыл юношу одеялом. Легкий северный ветерок разносил над равниной смутный шепот, смешивавшийся с треском цикад и кваканьем лягушек.

— Брат Уберто сказал мне, что ответ на вопрос о секрете мудрецов дальше звезд, — произнес Гримпоу, не сводя глаз с беспредельного ночного небосвода.

— Это красивые слова, — откликнулся Сальетти, — ведь как иначе скажешь о тайне, окутывающей мироздание? Брату Уберто очень нравилось изучать тайны космоса и материи, он мог часами смотреть на небо, а потом шел к дистиллятору. Вполне логично, что он полагал, будто за звездами находятся все ответы на вопросы, которые для нас, людей, кажутся непостижимыми. Но подумай сам, Гримпоу. Земля, по которой мы ходим, много миллионов веков назад тоже появилась из звездной пыли и до сих пор вращается вокруг Солнца. Помню, когда я был в твоём возрасте, отец часто говорил мне, что нет на свете ничего загадочнее вселенной, а я с изумлением каждую ночь смотрел на небо, учась опознавать Меркурий, Венеру, Юпитер и Сатурн среди созвездий зодиака, и воображал, как однажды своими руками дотронусь до звезд. — Сальетти указал на Венеру, будто планета, мерцавшая среди мириадоз звезд, была блестящим наконечником его меча.

— Не знаю, — Гримпоу покачал головой, — когда я говорил с братом Уберто в лазарете, мне показалось, что он знает о философском камне намного больше того, что рассказал.

— Я не понимаю, о чем ты, — сказал Сальетти.

Гримпоу достал камень и посмотрел на него так, будто видел впервые.

— Брат Уберто знал, что этот камень теперь у меня. И он, несмотря на свою слепоту, догадался, что камень светится необыкновенным образом.

— Возможно, все дело в его интуиции, он много чему научился за столько лет полной слепоты. У многих слепцов развивается настолько чуткий слух, что они изда- лека способны различить шаги самого осторожного кота.

— Думаю, дело не только в этом. Я почти готов поклясться, что брат Уберто — один из тех самых мудрецов, хранителей секрета философского камня.

— С чего ты взял? — спросил Сальетти, с живым интересом наблюдая за камнем в руках Гримпоу: при свете звезд тот начал приобретать красноватый оттенок.

— Когда я говорил с ним, я как-то пропустил мимо ушей, что лишь мудрец, принадлежащий к тайному обществу Уроборос, может столько знать.

— Это тайное общество настолько старинное, что, возможно, давным-давно распалось, — сказал Сальетти, зевая.

— Что-то мне подсказывает, что оно до сих пор существует и брат Уберто Александрийский с ними связан.

— Отец часто о нем рассказывал, — задумчиво проговорил Сальетти. — Они познакомились в университете Падуи, где брат Уберто учил философии и астрономии, революционным идеям о бесконечности вселенной, вопреки аристотелевским теориям о сферах и геоцентризму Птолемея. Александрийский монах, как его называл мой отец, без тени сомнения уверял, что Земля круглая и что все планеты вращаются вокруг Солнца; это принесло ему немало врагов из числа клириков, ведь церковь утверждала, что Земля — центр вселенной и что небеса вращаются вокруг нее. Уберто много лет путешествовал по Испании, был наставником королей и принцев, жил в Париже, преподавал в университете, а затем уехал в Англию, в Лондон, где написал пять десятков книг во всех областях науки. Кроме того, он много странствовал по Азии и Африке, изучал языки и письменности и чуть было не погиб, когда дикари попытались его четвертовать. Все признавали в нем великого ученого до того дня, когда он, семидеся-

тилетний, был обвинен в ереси и доставлен в Рим на суд. Но он вовремя отрекся от своих идей. Можешь не сомневаться, иначе его сожгли бы на костре, чтобы он поджарился, как грешники в аду. Униженный и изможденный, он укрылся в аббатстве Бринкдум, и с тех пор его имя кануло в забвение.

Гримпоу вздрогнул.

— Конечно! — воскликнул он, напугав Сальетти. — Теперь мне все ясно!

Сальетти уставился на Гримпоу.

— Что тебе ясно? — спросил он.

— Неужели не понимаешь? Этот вот камень долгие годы был в руках брата Уберто. Ему поручили хранить его вместе с золотой печатью тайного общества мудрецов Уроборос, а когда пришло время передать камень ученику, новому хранителю тайны, брат Уберто не смог с ним расстаться. Он сам мне сказал, в лазарете, просто тогда я не придавал значения его словам. Он соблазнился бессмертием и богатством, потому и предал братство. Но потом раскаялся и вернул камень обществу. Зря он пытался создать подобный камень в своей лаборатории, ведь сам уже знал, что это невозможно. Потому-то он и сказал мне, что камень может убить меня.

— Возможно, брат Уберто имел в виду то же проклятие, о котором утром говорил отшельник, — сказал Сальетти.

— Я тоже об этом подумал. Стоило мне найти этот камень, меня окружили беды и несчастья: смерть рыцаря в горах, расставание с Дурлибом, смерть моего друга на виселице, убийство аббата Бринкдума, война, приближающаяся к замкам Каменного Круга, слепота брата Уберто... — удрученно перечислил Гримпоу.

— Если так, ты бы мог обвинить свой загадочный камень во всех несчастьях рода людского. — Сальетти грустно усмехнулся. — Рыцарь, погибший в горах, умер от холода, настоятеля Бринкдума убил Бульвар Гостель, чтобы монах не проболтался о намерении папы и короля Франции завладеть секретом мудрецов; да, твой друг Дурлиб окончил дни на виселице, но ведь так часто случается с ворами, а объявленная война не более чем следствие не знающих меры притязаний таких власть имущих, как король и барон Фигельтах де Вокко. Что же до слепоты брата Уберто, это чистая случайность. Осколки дистиллятора, а не твой камень сделали его слепым. Нет тут никакого проклятия, и произошло бы все то же самое, даже если бы ты и не нашел свой камень.

— Возможно, ты прав, все это дело случая. Но мне кажется, что слова старика о проклятии, падающем на тех, кто осмелится проникнуть в сущность тайны, истинны хотя бы отчасти.

— Судя по его очевидному безумию, не думаю, чтобы что-либо из его слов о проклятии, рыцарях-тамплиерах и обществе мудрецов Уроборос было правдой. Ты, верно, видел хугларов, что ходят по деревьям и пересказывают всякие байки, да так, будто сами в них верят. Так вот, тот безумный старик тоже поверил в свою историю, — подытожил Сальетти, снова устремляя взгляд на небо.

— Не думаю, что он врал, — возразил Гримпоу. — Знак Уробороса присутствует на золотой печати и на письме, которое нес погибший в горах рыцарь, а у отшельника чуть ниже затылка был выжжен восьмиугольный крест тамплиеров.

— Ты его видел? Почему мне не рассказал? — удивился Сальетти.

— Я думал, ты тоже заметил. А ужасная культия вместо руки говорила сама за себя о тех пытках, которым его подвергли.

— Да уж, этих извергов-инквизиторов заслуженно называют убийцами, — согласился Сальетти.

— По крайней мере, теперь мы знаем, что тамплиеры никак не связаны с секретом мудрецов, что они ничего не перевозили из Иерусалима в Париж.

— Это точно. Это общество мудрецов отыскало секрет в Иерусалиме.

— А потом спрятали во Франции, — добавил Гримпоу.

— Если так, значит, один из них сохранил камень, передал своему ученику перед смертью, и так далее, пока камень не попал к Уберто Александрийскому.

— Именно так, а рыцарь, погибший в горах, верно, был последним обладателем камня, по всей видимости, бывшим учеником брата Уберто или учеником его ученика, — сказал Гримпоу, пытаясь вслух разложить свои мысли по полочкам.

— А что если этот Аидор Бильбикум из Страсбурга и есть тот самый мудрец, которого избрали следующим хранителем? — предположил Сальетти.

— Возможно, — согласился Гримпоу. — Но тогда зачем инквизитор Гостель преследовал беглеца в горах?

— Наверняка этим цепным псам короля Франции удалось напасть на след тайного общества мудрецов. Помнишь, что сказал отшельник, когда рассказывал нам о пергаментях парижского Тамплия? — спросил Сальетти.

— В чем я уверен, так это в том, что старик не столь безумен, как показалось с первого взгляда. Помнишь, он учил нас, как узнать секрет мудрецов?

— Ну да. Он сказал, что нам надо научиться понимать язык камня, — с запинкой произнес Сальетти, борясь со сном.

— Правильно. — Гримпоу поглядел на красноватый отблеск в своей руке. — Но каков этот язык и как нам его понять?

Ответом ему было похрапывание благородного герцога Эстальи, мирно заснувшего рядом со своим оружиеносцем.

Появившийся на востоке бледно-голубой свет медленно набирал силу, стирая звезды с небосвода. Затем показался огненный шар солнца, и, когда они снова отправились в путь, золотые лучи светила пали на плоскогорье, раскинувшееся впереди подобно океану бесплодной бурой земли. Много лье они проскакали по прямой, и по пути Сальетти рассказывал Гримпоу о своей студенческой жизни в Падуе и Париже с восторгом человека, скужающего о счастливом прошлом, сохранившимся лишь в воспоминаниях.

Ландшафт начал меняться: вдали угадывались очертания высоких лесистых холмов, до которых путники в конце концов добрались по удушающей жаре. Они держались в стороне от троп и дорог, чтобы не встретиться ни с паломниками, шедшими на юг, ни с рыцарями, направляющимися к крепости барона де Вокко для участия в весеннем турнире в замках Эльзаса.

Подул ветерок, закачались ветви деревьев; эта перемена погоды застала путников в сумраке леса с густым подлеском. Тишины не нарушал ни щебет птиц, ни пересвист белок. Собственные ноги, казалось, ступали неслышно по устилавшей землю листве... И вдруг над головами прозвучал голос, будто сам Бог заговорил с ними.

— Стойте! Сложите ваше оружие, если не хотите получить между глаз отравленную стрелу!

Сальетти и Гримпоу настолько не ожидали ничего подобного, что растерянно замерли. Сальетти расстегнул пояс, и его вложенный в ножны меч упал наземь, а Гримпоу тем временем бросил к копытам Астро лук с колчаном стрел.

Сальетти внимательно огляделся, но никого не увидел.

— Слезайте с лошадей и отойдите подальше! — продолжал командовать голос.

Они подчинились, а потом Сальетти крикнул:

— Вы настолько храбры, что не смеете выйти на свет?

Какое-то время ничего не происходило, словно бесплотный голос был миражом или прихотливой игрой ветра. Но вот с ветвей прыгнули вооруженные луками люди и выстроились вокруг пленников. Их было более дюжины, все крепкие, бородатые, мрачные, в поношенной обуви и ветхой одежде.

Один вышел вперед и приблизился к Сальетти. Длинная рыжая борода, один глаз голубой, другой черный, большой круглый нос весь в оспинках.

— Кто вы и как вас занесло в лес Опшернай? — спросил он все тем же звучным голосом.

— Меня зовут Сальетти де Эсталья, а моего оруженосца — Гримпоу. Мы направляемся в крепость барона Фигельтаха де Вокко, чтобы принять участие в весеннем турнире.

— Но тракт на север в нескольких лье отсюда. Если ты рыцарь, то почему выбрал кружную дорогу?

— Мы заблудились, — объяснил Сальетти, глядя, как разбойники подбирают с земли оружие.

— Ну, нам на радость вы выбрали правильный путь, сеньор! — расхохотался вожак. — Коли у вас при себе драгоценности или золотишко, лучше сами отдайте, пока я не вытряхнул из вас все до последней вши в ваших волосах. Вы ведь вошли в лес Оппернай без разрешения. — И разбойник озорно подмигнул голубым глазом.

— Наше единственное богатство — наши лошади, мул и оружие. Если вы их отберете, мы останемся нищими, — сказал Сальетти.

— Тогда добро пожаловать в нашу шайку, — усмехнулся разбойник, — мы всегда рады бродягам и нищим. Снимайте одежду и положите вон там, под деревом.

— Ты хочешь, чтобы мы разделись? — оскорбленно спросил Гримпоу. Впрочем, это был обычный способ, к которому прибегали разбойники, обчищая своих жертв.

— Или разденешься сам, сопляк, или сдеру с тебя рубашку с камзолом, а потом разделаю, как зайца, а что останется, прибью к деревьям на съедение медведям и муравьям!

Сальетти знаком велел Гримпоу подчиниться, и они стали раздеваться. Гримпоу не боялся, что разбойники найдут золотую печать, послание или мешочек с золотыми крупинками, подарок брата Асбена, так как Сальетти спрятал их в седле. Но тут один разбойник заметил льняной мешочек на шее Гримпоу и бесцеремонно его сорвал.

— Ба! Камень и ветка розмарина. Моя бабушка тоже носила амулет, а ее сожгли на костре вместе с другими старыми ведьмами за то, что они будто бы наслали мор на свиней, коз, коров и баранов, — презрительно проговорил он, кидая обратно юноше мешочек с розмари-

ном, но оставив себе камень. — Надеюсь, у вас есть при себе что-нибудь подороже, и вы это отдадите, если не хотите, конечно, чтобы Друскло подпалил вам пятки.

Разбойник расхохотался, и смех его разнесся по всему лесу.

— Друскло? Друскло Кровожадный? — воскликнул Гримпоу, услышав это имя.

— Ну да. Неужто тебе знакомо его имя? — спросил рыжий.

— Нет, нет, — замотал головой Гримпоу, — просто в комарке Ульпенс даже хуглары восхваляют его, словно героя древности.

Между тем разбойники принялись обыскивать одежду Сальетти, проверяя все складки и швы. Они ничего не нашли и взялись за одежду Гримпоу. Едва один из них поднял сапог юноши, из голенища выпал кинжал, усыпанный рубинами и сапфирами, полученный в горах от Дурлиба.

— Вот это да! — вскричал бандит, вертя в руках оружие.

— Дай сюда! — Рыжий выхватил кинжал, осмотрел его, поднес к глазам, затем спросил у Гримпоу: — Откуда это у тебя?

Сальетти ответил вместо Гримпоу:

— Я отдал кинжал своему оруженосцу на случай, если нам придется защищаться в лесу от какого-нибудь животного.

— Это кинжал неверного из числа тех, что убивали христиан в Святой Земле, — процедил разбойник. — Я навидался таких кинжалов, уж поверь, ведь я сам отправился в этот треклятый поход по молодости лет, и только чудом мне удалось спастись. Друскло обрадует-

ся такому трофею, вашим лошадям и оружию; возможно, он даже пощадит вас, только отрежет пальцы и уши.

Снова расхохотавшись, вожак велел пленникам надеть штаны и сапоги. Затем отвесил каждому пинок и приказал пошевеливаться, а его люди уперли им в спины стрелы на тетивах луков. Сальетти держался смиренно и робко, но то и дело подмигивал Гримпоу, давая понять, что как-нибудь найдет возможность вернуть все, что разбойники у них отняли.

Какое-то время они шли в западном направлении, вслед за солнцем, медленно клонившимся к закату на фоне черных туч — где-то вдалеке разразилась гроза. С каждым шагом лес становился все гуще, ветви деревьев нависали над головами. Разбойники запретили пленникам переговариваться, но Сальетти улучил миг и шепотом спросил, вправду ли Гримпоу знает типа по имени Друскло Кровожадный. Юноша молча кивнул. Это прозвище Друскло заслужил той жестокостью, с которой распарывал животы своих жертв острым ножом торговца мясом и оставлял несчастных истекать кровью. Дурлиб еще до знакомства с Гримпоу состоял в пайке Друскло, но покинул ее из-за разногласий с вожаком и недовольства его кровожадностью. Все закончилось поединком, Друскло потерпел поражение и поклялся отомстить Дурлибу, так что последнему пришлось бежать. Дурлиб рассказывал Гримпоу, что Друскло совсем еще мальчишкой убил выстрелом в сердце своего господина за пощечину во время охоты на лис — сеньор разгневался, что юнец спустил собак, не дождавись сигнала. Он укрылся в лесу, а когда той же ночью вернулся в деревню своих родителей, то на-

шел их и двух маленьких братьев повешенными перед жалкой лачугой, с выпотрошенными животами. Тогда Друскло присоединился к беглым крестьянам и со временем сделался предводителем крупной шайки воров, бродяг, священников-расстриг, убийц и беглецов. Они нападали на церкви, аббатства, деревни, фермы и даже замки, сжигали поместья и посевы, грабили путников и паломников, которых безжалостно четверговали, а тела бросали на дороге.

Вот показался просвет, там пылал костер, донесся запах жареной оленины. На поляне теснились хижины, сложенные из хвороста и покрытые звериными шкурами. Навстречу отряду вышли несколько мужчин, вооруженных длинными палками и большими луками. Они принялись насмехаться над полураздетыми пленниками и рассматривали их с любопытством дикарей, никогда в жизни не видавших человека благородного происхождения со связанными руками.

Сальетти решил, что видит перед собой Друскло. На том был изрядно поношенный плащ гранатового оттенка, спутавшиеся волосы венчала корона из позеленевшей бронзы, придававшая ему вид свергнутого монарха. Лицо пятнал ожог, глубокие шрамы скрывала густая седеющая борода. Гримпоу представлял его себе более молодым, возможно, ровесником Дурлиба, однако Друскло выглядел стариком, пусть и весьма крепким для своего возраста. Его глаза были черными и холодными и, казалась, источали гнев, копившийся в разбойнике с той поры, когда сеньор расправился с его семьей.

— Вы считаете себя королем и потому позволяете себе подобным образом обращаться с рыцарем? — съязвил Сальетти.

— Законы этого королевства не имеют ничего общего с рыцарскими правилами. В этом лесу правят звериные законы, а вы сейчас словно олени, которых вот-вот сожрут волки. Мы и есть те самые волки, а вы явились незваными в лес Оппернай, где властвует моя стая. — И Друскло переглянулся с окружающими его разбойниками.

Рыжий робко протянул Друскло кинжал.

— Это все, что мы у них нашли, да еще камень висел у мальчишки на шее, — сказал он, показывая камень своему вожаку.

Друскло и внимания не обратил на камень, а вот кинжал с рукоятью, усыпанной драгоценными камнями, напротив, весьма его заинтересовал.

— Откуда вы? — спросил бандит, не сводя глаз с кинжала.

— Меня зовут Сальетти де Эсталья.

— Итальянец?

— Да, из Пьемонта.

— И как вас занесло в наши края?

— Мы направляемся в замок барона Фигельтаха де Вокко, чтобы принять участие в весеннем турнире.

Друскло передернул плечами, нацелил кинжал в сердце Сальетти и замер на мгновение, погруженный в свои мысли. Затем дотронулся острием до груди рыцаря и пристально поглядел тому в глаза.

— Возможно, нам удастся договориться.

Сальетти недоуменно покосился на Гримпоу: мол, о чем договариваться-то, но юноша хранил молчание, подобающее оруженосцу, который не вмешивается в дела своего господина.

— Если желаете договориться, велите для начала вашим людям развязать нас и вернуть нам нашу одежду.

Беспощадный главарь дал знак рыжему, и тот перерезал веревки на руках пленников, а другой разбойник тут же принес камзолы, пояса и рубахи.

— А как там мой меч, конь и доспехи? — поинтересовался Сальетти, шевеля затекшими запястьями.

— Об этом потолкуем позже. А сейчас отвечайте, что вам известно о войне, о которой столько говорят путники с севера?

— По моим сведениям, барон де Вокко совместно с королем Франции и с благословения папы Климента намеревается напасть на замки Круга, чтобы схватить беглых тамплиеров, нашедших прибежище у герцога Гульфа и его верных вассалов. На весеннем турнире он собирается созвать добровольцев для крестового похода, и, возможно, сам король Франции примет участие.

— Значит, вы собираетесь присоединиться к войску барона де Вокко, чтобы напасть на замки Каменного Круга?

Лицо Сальетти отразило работу мысли, будто Друскло загадал ему загадку, от которой зависела его жизнь. О замьшлявшейся войне он знал лишь то, что рассказывали в Ульпенсе. Надо было немедля решать, что именно ответить: что они в самом деле намерены примкнуть к войску, которое созывает барон де Вокко, или же что совсем наоборот. Знать бы, какого ответа ждет разбойник!

— Да, разумеется, — решительно заявил Сальетти, — именно ради этого я отправился в столь дальний путь. Мое герцогство в Пьемонте обнищало, и я надеюсь на турнирах и в крестовом походе против замков Круга добиться славы, почестей и богатств.

— Я слышал, что барон де Вокко дал слово помиловать всех преступников, которые пожелают присоединиться к его войску против тамплиеров, — сказал Друскло.

— Так что же вам мешает прийти к нему и предложить свою помощь в обмен на помилование? — спросил Сальетти.

Друскло беспокойно потерял бороду, словно то, что он собирался сказать, было ему крайне неприятно. Но в конце концов он выдал:

— Когда я был совсем еще мал, я убил его деда, а солдаты барона Фигельгаха даже сейчас преследуют нас по лесам и горам. Поэтому я не уверен, что он согласится принять нас в свое войско.

Сальетти повел плечами.

— Это было давно. К тому же, насколько мне известно, барон де Вокко, когда ему что-то нужно, готов забыть все распри.

— Я хочу вам кое-что поручить, — сказал Друскло, вид которого выдавал растерянность и борьбу с сомнениями.

— Что именно? — уточнил Сальетти.

Друскло замялся, очевидно, непривычный к тому, чтобы кого-либо уговаривать.

— Поклянитесь на своем мече, что передадите мое послание барону де Вокко, и я позволю вам продолжить путь через лес Оппернай вместе с вашим оруженосцем.

— И что я должен сказать барону? — сухо спросил Сальетти.

— Просто скажите, что я смиренно прошу его прощения и что только мои люди способны забраться на высокие скалы замков Круга и установить там катапульты.

ты. Он, наверно, понимает, как сильно мы можем пригодиться ему в этой войне.

Гримпоу очень хотелось, чтобы Сальетти отказался и не стал заключать союза с разбойником. Более того, он ожидал, что Сальетти, гордый герцог де Эсталья, найдет выход из положения, достойный отважного рыцаря.

— А что с нашим оружием и лошадьми? — спросил Сальетти.

— Ваши меч и доспехи, а также лошадей и мула можете забрать.

— А мой кинжал и камень юноши?

— Кинжал я оставлю себе, но обещаю, что верну его, если мы увидимся снова, под знаменами барона. А насчет камня договаривайтесь с Блейкстоуном. У нас принято, что подобная мелочь достается тому, кто ее добыл. Отобрать ее может любой, если одолеет владельца в поединке.

Рыжий разбойник, на которого покосился главарь, расхохотался.

— Если благородный рыцарь Сальетти де Эсталья желает, чтобы его оруженосец получил обратно свой камень, пускай сам его отберет.

Прочие разбойники громогласно выразили свое согласие и стали подначивать Блейкстоуна переломать все кости итальянскому рыцарю.

— Выбирай оружие, — сказал Сальетти, смирившись с неизбежным.

— Мы будем биться палками, ваши мечи для рыцарей, а это спор простых людей.

Галдеж становился все громче, двое разбойников выдали поединщикам длинные палки, а остальные

встали в круг. Но прежде, чем поединок начался, Гримпоу выскочил в центр круга и закричал:

— Камень мой, мне и драться!

Разбойники переглянулись, а потом разразились смехом.

— Мальчишка прав, — сказал вдруг Друскло, — если амулет его, никто другой не может его вернуть, а в этом лесу ему не потребуется разрешение господина, здесь нет сеньоров и вассалов. Пускай мальчишка дерется. Удача решит судьбу камня!

Гримпоу посмотрел на Сальетти и глазами попросил того не спорить.

— Мы повесим камень на самой низкой ветке вон того дерева, — предложил юноша, ткнув пальцем, — и приз достанется тому, кто попадет стрелой в веревку с пятидесяти шагов.

Блейкстоун оскалил в ухмылке желтые зубы.

Разбойники выстроились двумя рядами. Друскло взял камень, привязал его тонкой веревкой к ветке дерева, а Сальетти тем временем забрал у горбатого бандита лук и колчан и отдал Гримпоу.

Друскло вернулся, вместе с прочими разбойниками вслух отсчитывая пятьдесят шагов, затем прочертил палкой линию на земле. Камень раскачивался, как крошечный маятник, а веревка, на которой он висел, была едва различима.

Первым стрелял Блэйкстоун, как владелец камня. Если он перебьет веревку, камень его навеки, а если нет, юноша сможет попытаться вернуть свое имущество, объявил Друскло, отходя в сторону.

Рыжий разбойник встал на линию, зажмурил голубой глаз и поднял лук. Он глубоко вздохнул и натянул

тетиву. Сальетти скрестил пальцы, невольно вспомнив древние приметы, а Гримпоу закрыл глаза. Тетива глухо тренькнула, стрела просвистела в воздухе и пропала в кустах, не задев ни веревки, ни камня.

Разбойники шумно огорчились, Блейкстоун с досадой хлопнул в ладоши, а Сальетти с Гримпоу вздохнули с облегчением.

Пришел черед Гримпоу. Когда юноша встал на линию, прочерченную на земле, взгляды всех вокруг сошлись на нем. Время словно замерло, в лесу сделалось неестественно тихо. Сальетти подмигнул, подбадривая оруженосца. Гримпоу поднял лук, начал медленно натягивать тетиву, пока веревка и камень не оказались точно перед ним. Он задержал дыхание и выстрелил, ощущая трепет тетивы и полет стрелы. Та мелькнула и исчезла, но камень упал наземь, как прекраснейший миндаль, никем ранее не сорванный. Радостный вопль Сальетти заглушил причитания разбойников, под которые рыжеволосый Блейкстоун вернул Гримпоу камень.

ПЫЛАЮЩИЙ КОРНИЛЬ

Плотно подзакусив сочной олениной с грибами, они покинули лес Оппернай, лишившись драгоценного кинжала, но вернув себе камень. Сальетти не сомневался, что им предстоит новая встреча с Друскло, и тогда он вернет и кинжал.

— Ты и вправду решил передать барону де Вокко послание от самого страшного бандита, который когда-либо угрожал этим землям? — спросил Гримпоу, пока они неторопливо пробирались по холмам меж высоких

деревьев, пытаясь найти дорогу на север, которая была где-то поблизости.

— Я дал Друкло слово рыцаря, а рыцарь не отказывается от своей клятвы.

— Но это же убийца! — возмутился Гримпоу. — Если он отпустил нас невредимыми, то только потому, что ему нужно помилование барона.

— Возможно, и мне удастся что-либо выгадать из разговора с бароном де Вокко и вытянуть из него что-нибудь о планах нападения на замки Круга.

— Ты и вправду веришь, что война будет?

— Очень скоро мы об этом узнаем.

Долгое время они ехали молча, а ландшафт изменялся, как шкура змеи, становясь то цвета земли и скудных трав, то цвета лесов и гор, то — болот и плоскогорий. Гримпоу задавал себе вопрос, что ждет их в замке барона де Вокко и удастся ли им когда-либо войти в ворота Страсбурга. Он даже не знал, жив ли еще Хромой Хунн, друг брата Уберто, чей постоялый двор называется «Глаз зеленого дракона». Ведь уже много-много лет брат Уберто Александрийский не покидал стен аббатства, и, скорее всего, его друга, вопреки уверенности монаха, нет в Страсбурге. Из-за суеты последних дней Гримпоу совсем не вспоминал о секрете мудрецов. Их с Сальетти единственной подсказкой было письмо погибшего рыцаря. Если бы Хромой Хунн помог им найти в Страсбурге Айдора Бильбикума, то, возможно, тайна наконец бы развеялась, а его миссия завершилась; Бильбикум наверняка знает, что делать с печаткой и посланием, как знал, должно быть, и рыцарь, погибший в горах. Гримпоу сразу ощутил в этом рыцаре нечто магическое, что-то из другого мира, таинственное и необычайное. Где

уж ему самому притязать на подобное? В конце концов, пусть он многое узнал о природе и космосе в библиотеке аббатства Бринкдум, ему еще больше предстоит открыть, прежде чем он хотя бы приблизится к началам посвящения. А порой юноша сомневался в том, существует ли вообще хоть какая-то тайна помимо загадки доставшегося ему камня. Кто, где, как и когда его нашел? Почему от него исходит странный свет? Почему благодаря камню возможно понимать неизвестные языки и читать книги, будучи неграмотным? Как он превращает металлы в золото? Неужели это и вправду философский камень? Действительно ли это настоящий и единственный философский камень, о котором столько говорят алхимические трактаты? Кем был погибший рыцарь, растворившийся в воздухе, как мираж? Почему его преследовал инквизитор Бульвар Гостель? Был ли этот рыцарь членом тайного общества мудрецов Уроборос? Связаны ли с этим обществом рыцари ордена тамплиеров? Почему хотят завладеть камнем папа и король Франции? Почему король готов осаждать замки Круга вместе с бароном де Вокко? Кто такой Аидор Бильбикум? И что означает фраза из послания: «На небе есть свет и тьма»?

Все эти вопросы осаждали Гримпоу, когда они подъехали к склону, с которого виднелась дорога на север, извивавшаяся между обширными виноградниками и пологими холмами.

Густое облако дыма поднималось вдалеке, сливаясь с серыми тучами на горизонте. Беспокойный западный ветер перешептывался тысячей голосов, а небо приобрело металлический отблеск холодного и блеклого заката. Сальетти встревожился и приподнялся в седле, вглядываясь в даль.

— Горит деревня Корниль, похоже, была стычка. Едем туда, посмотрим, в чем дело, — сказал он, посылая коня вниз по склону.

Гримпоу последовал его примеру и тоже дал шенкеля Астро, а мул покорно побежал следом. Юноша прислушался и различил набат, и сердце его заколотилось, точно у зверя, убегающего от охотников.

— Но, но!! Давай!

Едва они подъехали ближе, стали видны охваченные пламенем дома и амбары деревни Корниль и пожираемые огнем соломенные крыши. Несколько женщин и мужчин тщетно пытались затушить пожар, заливая огонь водой, ведра с которой они доставали из колодца. Сальетти подъехал к лысому потному полуголому мужчине в фартуке кузнеца. Рыцарю пришлось кричать, чтобы его услышали.

— Что тут случилось?

— Отряд солдат барона де Вокко прибыл в деревню еще до рассвета, разыскивая постоялый двор, на котором остановился некий Гуриельф Лабокс, совсем недавно приехавший в Корниль с дочерью. Их вытащили из дома, связали руки, посадили на телегу и увезли, а на прощание спалили нашу деревню и все поля.

— Знаешь, почему их схватили?

— Капитан приказал отряду сжечь нашу деревню за то, что мы приютили мага, одного из обожателей звезд, которых преследует инквизиция, — ответил мужчина, вытирая пот со лба.

— А в вашей деревне нет никого, кто бы хорошо знал этого мага? — поинтересовался Сальетти, сдерживая встревоженного коня.

— Спросите у священника, возможно, он что подскажет.

По обе стороны улицы пылали дома, и лошади противились желанию всадников въехать в огненное ущелье. Колокольня церкви виднелась совсем рядом и была окутана дымом и пеплом. Пламя не унималось, а закат словно наливался огнем в этих роковых сумерках. Гримпоу с печалью смотрел на беготню отчаявшихся людей, спасавших от разрушительного пламени свои скудные пожитки. Когда-то давно, в лесной хижине, огонь вызывал у него благоговение. В лаборатории брата Асбена в аббатстве он узнал об алхимическом огне, способном переплавлять металлы и подготавливать их к превращению, возносящему от нечистот к совершенству. Но огонь, который он видел сейчас, был безжалостен и равнодушен и уничтожал все чаяния и мечты.

— Зачем тебе знать, кем был тот человек, которого увезли из деревни солдаты барона де Вокко? — спросил Гримпоу у Сальетти по пути к церкви.

— Если, как говорит кузнец, его арестовали за любовь к звездам, скорее всего, он мудрец-астроном, а никак не чернокнижник, пусть церкви и выгоднее выставлять их колдунами и магами и обвинять в ереси.

— Ты думаешь, этот астроном может быть как-то связан с секретом мудрецов? — уточнил Гримпоу.

— Я не удивлюсь, если это так, ведь папа и король Франции ищут именно этот секрет. Скорее всего, как раз потому и задержали этого мудреца, обвиненного в черной магии. А поскольку мы ищем то же самое, будет нелишним выяснить, насколько получится, кто такой этот Гуриельф Лабокс. Если его отвезли в крепость барона де Вокко, возможно, нам удастся с ним поговорить и получить какие-нибудь сведения об обществе Уроборос.

Сам не зная почему, Гримпоу вдруг заподозрил, что его добрый друг и господин Сальетти де Эсталья не совсем искренен.

На площади приходской священник давал указания крестьянам убрать балки, тлевшие у боковой стены старинного здания из камня и дерева. Это был стройный мужчина с бледным лицом и темными кругами под глазами, в длинном черном одеянии, перехваченном поясом. Он то и дело кричал и яростно жестикулировал, явно охваченный отчаянием.

К счастью, церковь оказалась в безопасности от ненасытного пламени. Сальетти спрыгнул с лошади и принялся помогать оттаскивать тлеющие балки. Затем он подошел к священнику и низко поклонился.

— Сейчас я не могу принять вас, придите позже, — бросил священник.

Несмотря на грубый ответ, Сальетти и не подумал уйти.

— Я знаю, вы беспокоитесь о своих прихожанах, но мое дело не терпит отлагательств.

Священник поднял голову и посмотрел на Сальетти.

— И что же это за дело?

— Гуриельф Лабокс.

— Его только что увели вместе с дочерью солдаты барона де Вокко.

— Это я знаю, — отмахнулся Сальетти. — Я ехал в Корниль предупредить его, что за ним должны прийти по приказу инквизитора Бульвара Гостеля.

Слова Сальетти ошеломили Гримпоу. Это правда или всего лишь хитрая выдумка, чтобы завоевать доверие священника?

— Как видите, вы опоздали. Но кто вас послал? — спросил священник.

— Сожалею, но этого я открыть не могу. Тайна.

— Тайна? — переспросил священник, нахмутив брови.

Сальетти утвердительно кивнул, а Гримпоу помалкивал, опасаясь подвести спутника каким-нибудь глупым вопросом.

— Я понимаю, — сказал священник, ненадолго задержал взгляд на лице Сальетти и наконец спросил: — Вы друг Гуриельфа Лабокса?

— Скажем так, я хочу помочь ему, но мне нужно знать, нашел ли он в этой деревне то, что искал.

Священник посмотрел на мула и на герб на щите Сальетти, задержался взором на солнце на голубом небе и полной луне на черном небе.

— Ваш щит — вот настоящая загадка, — прошептал он.

— Не для тех, кто понимает, — загадочно ответил Сальетти.

Казалось, сомнения священника развеялись.

— Оставьте животных здесь и идемте со мною внутрь, нам лучше поговорить в ризнице.

Они привязали лошадей и мула к дверным кольцам, рядом с крыльцом церкви, и вошли в полумрак храма. Через окна внутрь все еще влетали хлопья пепла, кружившиеся под сводом крошечными черными ласточками. Это была старинная церковь средних размеров, с двумя центральными нефами и двумя маленькими по бокам, разделенными плотной чередой арок, а также полная приделов, посвященных Богородице и различным святым. Свет, исходивший от восковых свечей перед алтарем, выхватывал из сумрака истощенное тело распятого Христа, казалось, чудесным образом возникшего среди теней.

Внутреннее убранство церкви показалось Гримпоу исполненным символов и тайн, как манускрипты алхимиков. Каждое изображение, каждая статуя, каждая капитель словно обладали особым значением, о котором большинство людей не догадывалось, но священник, как человек сведущий, вероятнее всего, знал.

Уже в сводчатой комнате с низким потолком и маленькими закрытыми окнами в одной из стен священник зажег свечи в канделябре, стоявшем на столе. По одну сторону стола висело парадное облачение священника, с кружевами и золотым шитьем, а на деревянном шкафчике лежал поднос с медным кувшином. Священник достал из ящика три кубка того же металла и наполнил их жидкостью из кувшина.

— Это вишневая настойка, которую я делаю сам, она очень полезна в такие мгновения, как сейчас, когда миром повелевают тени, а нас подстерегают ужасы ночи, — сказал он, протягивая стаканы нежданном гостям.

Сальетти залпом опустошил кубок, в то время как священник и Гримпоу медленно потягивали настойку, наслаждаясь ароматом вишни.

— Несомненно, наступили темные времена, — подтвердил Сальетти. — Я так полагаю, вам известно о намерениях барона де Вокко напасть на замки Круга?

Священник причмокнул в знак согласия.

— Во всем Эльзасе только об этом и говорят. Глашатаи барона ходят из деревни в деревню и из города в город, объявляя о наборе солдат для войска, обещают хорошую оплату и даже сулят прощение всем мятежникам и разбойникам, которые прячутся в горах и лесах. Я полагаю, со времен крестовых походов не созывали более многочисленного войска, чем то, что собирает барон для осады крепости герцога Гульфа.

— Да, король Франции заключил союз с бароном, потому что полагает, что в замках Круга он найдет секрет тамплиеров, — выпалил Сальетти.

— А я думал, потому что герцог Гульф укрыв в своих замках рыцарей ордена тамплиеров вопреки булле папы Климента и воле инквизиции.

— Группка беглецов, обескураженных разгромом своего ордена, не стоит того, чтобы идти на них войной. Это не более чем оправдание для короля Франции, чтобы напасть на герцога Гульфа де Остемберга и получить возможность отыскать в ее подземельях секрет, который он так желает заполучить, — сказал Сальетти, — Именно поэтому они и схватили Гуриельфа Лабокса, думая, что мудрец вроде него может знать, где спрятан секрет.

— Вы обещаете никому меня не выдавать? — спросил священник.

— Вы не найдете среди всех могил Корниля мертвеца менее болтливой, чем я, клянусь честью рыцаря, — заявил Сальетти, поднося в губам большой и указательный пальцы в форме креста и целуя их, как будто это было распятие.

— А ваш оруженосец? — поинтересовался священник, недоверчиво посмотрев на Гримпоу.

— Вы можете доверять Гримпоу, как и мне, ведь я его господин, да и вообще у нас с ним нет секретов, — заявил Сальетти столь же торжественно.

Священник снова пополнил бронзовые кубки, и все трое снова выпили, наслаждаясь богатейшим вкусом настойки.

— Несколько недель назад из Парижа пришел старик, которого я ранее никогда не видел, и принес письмо, запечатанное сургучом папской резиденции в

Авиньоне и адресованное приходскому священнику Корниля, каковым я и являюсь. Можете себе представить мое удивление, когда я его увидел. В этом письме говорилось, что в Корниль должен прийти рыцарь Гуриельф Лабокс и что я должен предоставить ему доступ к приходским книгам, которыми он мог располагать по своему усмотрению в любое время дня и ночи, и так, чтобы его никто не беспокоил и не задавал лишних вопросов. Я должен лишь помогать ему, если он обратится с просьбой, а также подыскать жилье для них с дочерью, так как состояние его здоровья весьма плачевно, и дочери необходимо за ним присматривать. И наконец, мне приказывали хранить это письмо в строжайшей тайне. Я так полагаю, вы знаете, о чем идет речь и что искал в книгах благородный старец, которого, признаться, я глубоко уважаю.

Сальетти сделал еще глоток и прокашлялся, чтобы избавиться от комка в горле.

— Как вы понимаете, по причине секретности моей миссии я не могу ничего подтвердить, но, поскольку рыцаря Гуриельфа Лабокса схватили и мы так и не успели выяснить, нашел ли он, что искал, думаю, вам следует показать нам эти приходские книги, чтобы мы просмотрели их до того, как завтра утром отправимся в замок барона де Вокко и попытаемся освободить славного рыцаря.

— Если хотите, могу показать их вам прямо сейчас. Изучайте их сколько вам угодно, а я вернусь на площадь, чтобы помочь моим прихожанам.

Священник взял в руки подсвечник и жестом позвал рыцаря за собой в прилегающую к ризнице комнатку, через маленькую арку без двери. Эта комнатка едва ли превышала три метра в длину и два в ширину; в ней

имелся крохотный письменный столик и книжная полка до потолка вдоль одной из стен.

— Вот все документы, которые сохранялись со времен вестготов, — сказал священник, ставя канделябр на стол. — Свидетельства о крещении, заключении браков, смертях, покупках, дарениях, траты на переустройство, визиты сановников и королей, назначения приходских священников и похороны... Как видите, если бы не вечное избавление, ожидающее нас в царстве небесном, вся наша жизнь свелась бы к ограниченному числу документов, которые кто-нибудь однажды сожжет, как солдаты барона де Вокко спалили сегодня дома этой деревни. Оставайтесь столько, сколько вам захочется. Увидимся позже, — сказал священник и удалился, тихонько нашептывая, будто читая молитву: — Бедный Гуриельф Лабокс.

Гримпоу не терпелось поскорее остаться наедине с Сальетти, чтобы тот объяснил, чем он сумел повлиять на священника, согласившегося помочь, и выяснить, соврал ли он насчет того, что должен был предупредить Лабокса. Едва шаги священника стихли в глубине ризницы, юноша тут же спросил:

— Ты и правда знал, что Гуриельф Лабокс пришел в эту деревню как посланник папы и что его должны арестовать?

— Я и понятия не имел об этом, — заявил Сальетти, увлекшийся толстой книгой, которую он только что взял с полки и в которой были перечислены все приходские священники за последние триста лет.

— Так как же тебе удалось убедить священника поверить, что ты тоже посланник его святейшества?

— Я подумал, что если речь пойдет о некоей тайне, мне не придется давать никаких объяснений, а священ-

ник не усомнится в нашей миссии, приведшей в эту деревню Гуриельфа Лабокса. В конце концов, я убежден, что этот старец искал то же самое, что и мы, — ответил рыцарь, торопливо листая страницы книги и проводя указательным пальцем по бесконечному списку имен.

— Я полагал, что папа ищет секрет мудрецов вместе с королем Франции.

— Это так, но, хотя они и играют вместе, каждый пытается выгадать что-нибудь для себя. Вероятно, шпионы папы выяснили, что в этой церкви есть что-то очень ценное, ведь не зря они отправили сюда одного из своих.

— Гуриельфа Лабокса?

— Его самого.

— Ты думаешь, он нашел секрет? — недоверчиво спросил Гримпоу.

— Это как раз то, что я пытаюсь разузнать, если ты меня оставишь хоть на минуту в покое со своими бесконечными расспросами. Возьми одну из этих книг, где записаны все посещения сановников и королей, вдруг увидишь знакомое имя. — Таким раздраженным Сальетти Гримпоу еще не видел.

Они просмотрели все документы, дремавшие под толстым слоем пыли и преданные забвению, но так и не нашли ничего, что помогло бы им понять, что же искал Гуриельф Лабокс.

— Возможно, он вовсе и не смотрел эти документы, — предположил Гримпоу.

— Но что-то он здесь искал, это очевидно. Если нет, зачем он явился в эту деревню с письмом из папской резиденции в Авиньоне?

— Может быть, то, что он искал, находится в церкви, — сказал Гримпоу.

— Ты прав, Гримпоу, пойдём. — Сальетти было поднялся, но тут заметил кончик маленького пергамента, торчавший среди листов книги. — Что это?

На пергаменте затейливым почерком было выведено:

Ты иди в Долину солнца.
Там найдешь ты труп и крипту.
Где история сокрыта.
Дальше путь в известный город.
Отыщи, кого уж нету.
Глас теней тогда услышишь.

— Крипта должна быть в этой церкви, — сказал Гримпоу, — а городом послания может быть Страсбург. Возможно, именно это и искал Гуриельф Лабокс.

— Или, может быть, Гуриельф Лабокс ждал кого-то и оставил ему эту записку, опасаясь, что с ним может что-нибудь случиться, — размышлял Сальетти.

— Если все так, как ты говоришь, то эти слова адресованы рыцарю, погибшему в горах, который должен был доставить послание в Страсбург.

— А кто это — «тот, кого нет»? — спросил Сальетти, думая об Аидоре Бильбикуме, чье имя тоже упоминалось в послании рыцаря, погибшего в горах.

— Пойдем поищем крипту. Я подозреваю, что если мы отправимся в эту загадочную долину солнца, то многое прояснится. Потом отправимся в Страсбург, потому что об этом городе говорится в послании. Там и спросим о том, кого нет, и, может быть, услышим голос теней. Все сходится, — сказал Гримпоу.

Войдя в боковой неф церкви через ризницу, они ощутили тревогу, которая накатила, как накатывает в оке-

ане гигантская волна. Вокруг было так мрачно и тихо, что когда они поднесли подсвечник к образам, то почувствовали, словно наяву, всю выстужавшую кровь тяжесть их взглядов. Они молча обошли три нефа церкви, рассматривая каждую напольную плиту, каждый уголок и каждую щель, осмотрели могилы нескольких знатных людей, располагавшиеся обок клироса, купели со святой водой, часовню для крещения, кафедры и алтари, но так и не нашли ничего, заслуживавшего внимания, пока наконец за главным алтарем не увидели узкую лестницу в крипту.

— Там хоронили всех приходских священников, — сказал Сальетти, нахмутив брови и тем самым давая понять, что его совсем не радует необходимость спускаться к могилам в столь поздний час.

Гримпоу тоже не очень-то хотелось спускаться в столь зловещее место лишь с подсвечником в руке, но его уже ничто не могло испугать после того, как он увидел гору скелетов перед входом в секретную библиотеку аббатства Бринкдум.

— В криптах всегда хранятся какие-то тайны, нам лучше спуститься, — сказал юноша.

Сальетти поднес канделябр к узкому входу, и слабый свет свечей выхватил из мрака своды потолка и ступеньки, спускавшиеся спиралью.

— Я пойду первым, — сказал Сальетти, наклонив голову, чтобы не удариться о низкий потолок.

Когда они спустились в крипту, пламя свечей дрогнуло, будто некое невидимое существо дунуло на них, пытаясь затушить, и тени зашевелились на влажных каменных стенах.

Своды потолка оставались низкими, но, по крайней мере, тут можно было стоять, не опасаясь удариться

головой. Перед ними темный коридор уходил влево. Крипта располагалась под апсидой церкви.

Справа начиналась череда арок, поддерживаемых колоннами, и в каждой виднелись мраморные саркофаги, этакие лучи, перпендикулярные окружности, которую образовывал коридор. Сальетти направил свет поочередно на каждый саркофаг, на которых возлежали статуи восьми мужчин в роскошных одеждах. Все длинноволосые и длиннородые, руки у всех сложены на груди, будто они беззаботно спали. И ни единой надписи, ни имен, ни даты захоронения.

— Это старинные могилы, — сказал Сальетти.

Когда они обошли круг, Гримпоу неожиданно пришла в голову мысль.

— Фундамент крипты — восьмиугольник! — закричал он, вспомнив рисунок невероятной квадратуры круга, который ему показал Ринальдо Метц в секретной комнате аббатства Бринкдун.

Он объяснил Сальетти значение восьмиугольника и замков Круга словами брата Ринальдо, а также прибавил, что многие крепости и церкви рыцарей тамплиеров имели восьмиугольную форму, олицетворяя единение неба и земли, гармонию между божественным и человеческим, у которых один центр во вселенной.

— Но эта церковь никогда не принадлежала рыцарям Храма Соломона, — заметил Сальетти.

— Поэтому она должна иметь какое-либо отношение к секрету мудрецов. И, должно быть, как раз это и выяснял Гуриельф Лабокс, — сказал Гримпоу, направляясь в центр крипты.

Сальетти следовал за ним, освещая путь свечами, а Гримпоу не знал, как сдержать ликование, когда увидел надпись, вырезанную в центральном круге крипты, ок-

руженном восемью могилами рыцарей, которые будто охраняли сокровище.

— Вот оно! — воскликнул юноша.

Оба впились глазами в знаки, вырезанные на одном из кругов каменного пола. Это были те же самые знаки, что и в запечатанном письме погибшего рыцаря, поэтому Гримпоу смог без труда прочесть их.

‡‡‡‡ ‡‡ ‡‡‡‡ ‡‡ ‡‡‡
‡‡‡‡‡‡‡‡‡‡‡‡

— Что означают эти символы? — нетерпеливо спросил Сальетти.

Гримпоу держал в руках кусочек пергамента и уголек, которые взял в церкви. Он поднес ближе канделябр и написал:

ИДИ В ДОЛИНУ СОЛНЦА
ISTERIMUS

— Здесь говорится о той же долине солнца, что и в записке Гуриельфа Лабокса.

— Возможно, это всего лишь надгробная надпись, общепринятая для всех безымянных могил, — сказал Сальетти, явно потрясенный находкой.

— Да, написано теми же символами, что и послание рыцаря, погибшего в горах, — согласился Гримпоу.

Сальетти задумался, всматриваясь в вырезанную в камне надпись, а потом сказал:

— Возможно, в этой крипте похоронены не предыдущие приходские священники, а восемь мудрецов, сте-

регущих секрет. Поэтому могилы такие старинные и на них нет ни имен, ни даты захоронения.

— Ты полагаешь, секрет мудрецов может быть под этой плитой? — спросил Гримпоу.

— Это всего лишь догадка, но слова «Ступай в долину солнца» могут относиться к посмертному бытию. Долина солнца может быть чем-то вроде Эдема или рая, куда, согласно всем религиям, отправляются души умерших и где вечно сияет золотистый свет. А «Iste-gitius», возможно, — имя мудреца, оставившего эту надпись, — размышлял Сальетти.

— Или, возможно, эта долина солнца и есть место, где спрятан секрет мудрецов, или, только пройдя через нее, можно его найти, — заметил Гримпоу.

— В любом случае ясно, что перед нами очередная загадка, которую непросто разгадать. Я не перестаю спрашивать себя, успел ли Гуриельф Лабокс открыть крипту до того, как его схватили солдаты барона де Вокко.

— Этого мы не узнаем никогда, если не поговорим с ним, — сказал Гримпоу.

— А если это криптограмма? — вдруг произнес Сальетти.

— Бьюсь об заклад, что палачи инквизиции выпытают у него все, что он знает. Под пытками он расскажет, что искал в этой церкви, и ищейки барона и короля Франции очень скоро вернутся сюда.

Оба погрузились в размышления, пытаясь найти разумное объяснение загадочной надписи. Гримпоу даже предположил, что долина солнца могла означать то же, что подразумевали алхимики, когда в своих сочинениях рассуждали о свете премудрости. Ему вспомнились слова из послания рыцаря: «На небе есть свет и тьма».

В одном, впрочем, юноша не сомневался: в крипте есть что-то еще помимо надписи, вырезанной на камне.

Гримпоу вспомнил, как брат Ринальдо Метц рассказывал ему в аббатстве Бринкдум о зашифрованных посланиях, издревле используемых для укрытия секретов.

— Ты имеешь в виду зашифрованное письмо?

— Именно.

— Но послание написано иероглифами, не сведущие не смогут его расшифровать, — сказал Сальетти.

— Иногда тайные послания защищены несколькими шифрами. Это может быть один из таких случаев, когда, чтобы раскрыть секрет до конца, необходимо разгадать все шифры, которые его защищают.

В этот миг до них донесся топот ног большого числа людей.

— Сельчане заходят в церковь. Возможно, многие из них пришли, чтобы провести тут ночь, ища спасения от невзгод. Пойдем отсюда, пока мы не слишком привлекли внимание, — сказал Сальетти.

— Но... А как же надпись?

— Подумаем над ней наверху, в ризнице. А сейчас идем отсюда, и поскорей.

Они снова поднялись по лестнице крипты и поспешили в ризницу, которая была совсем близко, справа от главного алтаря. В глубине церкви, рядом с входной дверью, люди окружили священника и под его руководством расставляли скамьи центрального нефа, отделяя одну часть для женщин и детей, а другую для мужчин. Некоторые несли одеяла и шубы, и все казались подавленными.

Тем временем в ризнице Сальетти наполнил бронзовый кубок, а Гримпоу стал листать книгу под названием «Учебник Божественных ремесел», написанную бра-

том Гильермо Дурандо, но не нашел в ней ничего интересного. Оба размышляли над разгадкой тайны крипты. Надпись могла обозначать что угодно, но ее можно было толковать дословно — и тогда следовало отправляться на поиски долины солнца.

— Мой камень! — вдруг воскликнул Гримпоу. — Может, он нам поможет?!

Когда они снова выглянули из ризницы, выяснилось, что церковь опустела. Аромат ладана витал в воздухе, мерцали зажженные у алтаря свечи. Священника нигде не было видно, и молодые люди взяли канделябр, зажгли свечи, чтобы освещать себе дорогу в мрачные глубины крипты, и вновь спустились вниз, спрашивая себя, какая новая загадка их ожидает, если вдруг, проведя камнем Гримпоу по надписи, они найдут секрет мудрецов.

Подойдя к надписи, вырезанной на центральном круге крипты, Гримпоу вытащил камень из льняного мешочка, висевшего у него на шее, наклонился, практически встав на колени, и поднес камень к знакам на полу. Загадочный камень немедленно покраснел и стал похож на горячий уголек. Юноша осторожно провел камнем по надписи, и знаки, вырезанные в круге, сделались ярко-красного цвета, очень насыщенного, словно углубления в камне заполнились пламенем.

Однако больше ничего не происходило.

— И что теперь? — взволнованно спросил Сальетти, надеявшийся, что их камень и есть единственный в своем роде философский камень, мистический и истинный lapis philosophorum, принадлежащий мудрецам, ключ к загадкам вселенной.

— Не знаю. Понятия не имею, что нам делать.

— Возможно, наш философский камень вовсе не ключ к тайнам, — грустно заключил Сальетти.

— А что если камнем нужно провести не только по надписи? — внезапно осенило Гримпоу.

Он инстинктивно поднял взгляд на свод потолка и заметил в центре место схождения нервюр.

— Уроборос!

Знак, изображавший кусающую себя за хвост змею, такой же, что и на золотой печати и на письме, которые нес погибший в горах рыцарь, был вырезан на своде крипты, а они и не догадывались об этом.

— Дай мне камень, я проведу по знаку, просто вытянув руку, — предложил оживившийся Сальетти.

Но когда они провели камнем по знаку, ничего опять не произошло.

— Дай я попробую, — предложил Гримпоу, взяв камень из рук Сальетти.

И едва он поднес камень к знаку Уробороса, в центре свода крипты появился похожий на небесный огонь луч света, упавший на надпись. Они услышали треск и, обернувшись, увидели, что крышка одного из саркофагов сдвинулась, открыв темный проем, будто распахнулись врата преисподней.

— Ясно, что этот камень или, если угодно, lapis philosophorum мудрецов, выбрал тебя, — заключил Сальетти.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Гримпоу.

— Что только в твоих руках он проявляет свою магическую сущность. Ты ему нужен, чтобы он мог действовать, и очевидно, что камень сам выбирает своего обладателя, — высокопарно высказался Сальетти.

— А если бы его нашел кто-нибудь другой? — спросил Гримпоу.

— Полагаю, этот другой нашел бы всего лишь не имеющий никакой ценности красноватый камень.

Тогда Гримпоу принялся вспоминать слово за словом, что говорил брат Ринальдо в потайной комнате библиотеки аббатства Бринкдум, а именно: «Избранный отличается рвением к учебе и получению новых знаний, что является его внутренней силой, способной открыть реальное устройство мира, чтобы он мог собрать все звенья одной цепи мудрости, выходящей за пределы человечества, что приведет его к разгадке секрета мудрецов. Это чудесное сокровище, которое покуда никому не удалось увидеть и чьи двери для многих закрыты, доступно лишь тем, кто ищет его согласно правильным знакам и путям».

— Ты полагаешь... Думаешь, здесь может находиться секрет мудрецов? — запинаясь, выговорил Гримпоу.

— Пока не заглянем внутрь, мы этого не узнаем, — сказал Сальетти и, осветив канделябром открытый саркофаг, просунул голову в черную дыру.

— Что ты видишь?

— Здесь нет ни единой косточки, — ответил Сальетти, ощупывая стенки саркофага руками. — Нет, погодика, тут, похоже, что-то есть.

— Что там? Ну говори же! — умирая от нетерпения, выпрашивал Гримпоу.

— Это всего лишь какой-то старый манускрипт, — ответил Сальетти без всякого восторга, передавая Гримпоу древнюю книгу, покрытую пылью.

Юноша подул на обложку, и густое облако сероватой пыли взметнулось в воздух. Затем он протер старый манускрипт рукавом камзола, и золотая обложка засверкала с магической силой. Эта книга была необыкновенно красива. Она была переплетена в кожу, а застежка и подпорки выполнены из золота. Посередине был нарисован Уроборос, кусающая себя за хвост змея.

а над ней шло название уже знакомыми Гримпоу иероглифами. Этот Уроборос был точно таким же, как на золотой печати и в письме погибшего в горах рыцаря, и ничем не отличался от знака, по которому юноша провёл ключом к загадкам, чтобы открыть саркофаг.

ЭЛ ƷƷƷƷƷƷƷƷ ƷƷƷƷƷƷƷƷ *Ʒ ЭЛ МҮҮҮ*
ΛƷƷƷƷƷƷƷƷ ƷƷƷƷƷƷ

— Что означает название? — поинтересовался Сальетти.

— Космическая сущность камня! — довольным голосом воскликнул Гримпоу, держа в руках старый манускрипт, который мог помочь наконец понять, что же такое доставшийся им философский камень, и подсказать ключи к разгадке секрета мудрецов, чем бы тот ни был.

Сальетти тоже не скрывал своей радости по поводу находки и заулыбался, как только услышал перевод названия.

— Имя автора есть? — нетерпеливо спросил он.

— Я так думаю, что под названием написано что-то вроде «Мукиблиб Родиа». По крайней мере, это то, что я смог прочесть, — сказал Гримпоу.

— Это имя из какого-то чужого языка, но в нем что-то есть.

Сальетти попросил у Гримпоу лист пергамента и уголек, чтобы записать прочитанное его оруженосцем имя.

МУКИБЛИБ РОДИА

— Думаю, на сей раз ты кое-что упустил, — сказал Сальетти, сдерживая злорадную улыбку.

— И что же? — Гримпоу смертельно устал от загадок.

— Прочти наоборот.

Гримпоу последовал совету и радостно воскликнул:

— Аидор Бильбикум! Эту книгу написал Аидор Бильбикум!

— Правильно, — подтвердил Сальетти с гордостью в глазах.

— Как ты догадался, что это новый шифр?

— Будем считать, что мне просто повезло, — ответил рыцарь. — А сейчас давай-ка заглянем в текст, пока не догорели свечи и мы не остались без света.

Этот манускрипт был небольшого объема, в нем насчитывалось не более восьми плотных страниц пергамента, но лишь окинув взглядом его знаки, Гримпоу понял, что эта старая книга красивее и загадочнее, чем все непостижимые трактаты алхимиков.

— Прочитай что-нибудь вслух, так мы хоть узнаем, о чем речь, — попросил Сальетти.

Гримпоу открыл книгу и принялся читать.

Когда я впервые заговорил с этим загадочным мудрецом, я подумал, что он не в себе. Я познакомился с ним волею судеб во время одного из моих странствий на другую сторону моря, когда мы плыли на прочной

парусной галере, на которой торговали шелком и пряностями экзотических берегов. Ночью дул теплый западный бриз, а спокойствие волн позволяло нам проводить время на палубе, наслаждаясь усыпанным звездами куполом небосвода и необыкновенным сиянием. Несомненно, отсутствие луны предоставляло подходящую возможность забавляться рассматриванием созвездий зодиака, и я тут же принялся искать их, указывая в небо посохом. Только я нашел знак Овна в квадранте запада, ведь приближалось весеннее равноденствие, как почувствовал спиной, что кто-то за мною наблюдает. Я обернулся посмотреть и увидел человека, лицо которого словно серебрилось в свете звезд, и те же звезды сверкали в его глазах. Это был мужчина среднего роста, с густой бородой и длинными волосами. Он выжидающе смотрел на меня, видимо, надеясь, что я первый представлюсь, а потом объясню ему предмет моих наблюдений на великолепном своде ночи. И только я собрался представиться, как он сам назвал меня по имени и сказал, что, если я того желаю, он может отвести меня в замок, чьи стены поднимаются до самых звезд, которые я с таким усердием рассматривал. Меня не удивило, что он знает мое имя, ведь я плыл на той же галере, и он мог слышать мое имя от кого-нибудь из моряков или даже от меня самого, когда я представлялся экипажу при отплытии из порта в самом начале нашего приключения. Но, услышав его слова, я подумал, что этот человек бредит как сумасшедший из-за долгого времени, что мы провели в плаванье по морям, страдая от палящего солнца, качки и резкого ветра. Я улыбнулся ему, чтобы скрыть свое крайнее изумление по поводу неразумности его предложения. И мне не только показалось невежливым

принимать всерьез вздор, который он нес, но я просто-напросто боялся, как бы он из-за своего сумасшествия не разолился и не бросил меня безжалостно за борт на съедение ненасытным акулам, столь многочисленным в этих глубоких водах. Решив подыгрывать ему и поддаться его фантазиям, я ответил, что с радостью согласился бы на такой рискованный и новый для меня полет, если бы мне не нужно было попасть в порт на побережье, чтобы навестить одного хорошего друга и большого знатока небес, с которым я собираюсь обсудить некоторые вопросы, связанные с движением планет по эллипсам вокруг Солнца. Я подумал, что таким объяснением, каковое, собственно, было правдой, мой спутник удовлетворится и позволит мне вернуться к моим занятиям, оставив на более удачный случай посещение звезд, которое он без доли смущения предлагал мне. Однако он, совершенно для меня неожиданно, отнесся к моим оправданиям с пониманием и даже похвалил меня за столь благородные причины, которые вполне оправдывали мой отказ. Так вот, он занимался тем же самым и был готов просветить меня, если я того пожелаю, по поводу химического состава небесных тел и измерения расстояния между звездами. Я с удовольствием принял его предложение, не вынуждавшее меня покидать галеру или летать по ночным небесам и показавшееся мне более подходящим для нашей беседы. Тогда мой собеседник начал красноречивый рассказ о Вселенной, подкрепляя его настолько обоснованными и оригинальными теориями, что я слушал в изумлении. И когда я услышал повествование, мое удивление было столь велико, что я подумал, что сам вдруг сошел с ума и стал жертвой безжалостного поме-

шатательства. Нигде в мире (а, поддавшись страстной любви к астрономии, я много где побывал) не встречались мне столь правильные идеи относительно науки о звездах. Так что я сдался перед блеском его знаний и попросил разрешения наслаждаться его обществом во время нашего путешествия и сопровождать его, куда бы он ни отправился. Таинственный собеседник с радостью принял мои слова, и мы продолжали нашу приятную беседу до самого рассвета. Тогда он поведал мне, что тоже намеревался добраться до берегов, к которым мы держали путь, чтобы исследовать неизведанный рай, заселенный чудесными, магическими существами. Услышав это, я вновь усомнился в его благоразумии, но, поскольку предшествующие рассуждения моего нового знакомого были просто блестящими, я совсем скоро позабыл все свои опасения и продолжал внимательно слушать его рассказ, пока не почувствовал в глазах жгучую боль, верный знак необходимости предаться мирному сну. Мы тут же попрощались, пообещав друг другу на следующий день продолжить нашу увлекательную болтовню. Затем, уже в каюте, я отдал себя в сладкие объятия дремоты, позволив моим космическим сновидениям унести далеко ввысь, и крепко уснул. И совсем рядом со звездами я все еще слышал ритмичный плеск волн, ласкающих корпус галеры среди сплетен водорослей, сирен и улиток...

— Это похоже на фантастическое путешествие, — сказал Сальетти.

— Я подозреваю, что это всего лишь начало и что в этом послании Айдора Бильбикума говорится об истории камня, о секрете мудрецов и о том, как его разга-

дать. К тому же, мне кажется, этот текст надо читать между строк, а для этого нам придется разгадать еще много тайн. Может, если мы найдем Айдора Бильбикума в Страсбурге, он поможет выпутаться из этого лабиринта.

— Ну, тогда давай вернемся в церковь, свечи догорают, а нам еще нужно закрыть этот саркофаг. Расскажешь мне о том, что это за природа камня, о которой идет речь в манускрипте, по пути в крепость барона де Вокко. Я не разбираюсь в иероглифах, которые ты умудряешься читать так, будто с рождения их наблюдал.

Гримпоу провел камнем по знаку Уробороса в центре сводчатого потолка крипты, так же, как и когда открывал склеп, и саркофаг с глухим стуком захлопнулся, возвращая мраку его отторгнутые было владения. В одном Гримпоу совершенно не сомневался — этот мрак больше не скрывал никаких секретов.

Священник из Корниля, несмотря на всю свою приветливость и желание помочь, вполне мог отправить предупреждение в крепость барона де Вокко, и тогда в деревню поспешат солдаты, чтобы задержать их, как случилось с Гуриельфом Лабоксом и его дочерью. Но все страхи молодых людей развеялись, когда они снова увидели священника в ризнице; он готовил к полуденной службе свое облачение, а лицо его не выражало ни малейшего беспокойства и не скрывало угрызений совести.

— Вам помогли ваши молитвы в церкви? Вы нашли в крипте то, что искали? — спросил он, надевая шерстяную накидку.

— В крипте этой церкви одни лишь кости! — раздраженно сказал Сальетти.

Священник надел ризу и поерзал, будто что-то показывало его тело.

— Если вы ищете золото, вам лучше поискать его в сундуках папы в Авиньоне или в лаборатории алхимиков, — усмехнулся он.

Но его лицо тут же изменилось, едва он заметил золотые крупинки, которые Сальетти высыпал себе на ладонь.

— Вы нашли клад? — спросил священник с изумлением.

— Нет, зачем? Это золото вам посылает папа Римский, чтобы отблагодарить за вашу помощь и участие. Почините церковь, одарите нуждающихся и восстановите деревню.

Священник хотел было взять золотые крупинки из рук Сальетти, но тот резким движением отвел ладонь.

— Но до этого вы должны кое в чем поклясться, — сурово заявил он.

— Поклясться?

— Вы должны поклясться крестом, висящим у вас на шее, что никому не скажете ни о Гуриельфе, ни о нас... — Рыцарь выдержал паузу. — Вы меня слышите, никому, даже если вам покажется, что человек знает наш секрет.

Священник взял распятие, поднес его к губам и со всей набожностью поцеловал.

— Клянусь! — прошептал он.

— Если вы нарушите клятву, пусть Бог наполнит ваши кишки червями, которые сожрут заживо ваши внутренности, а если соблюдете, Он одарит вас удачей на всю долгую и счастливую жизнь. — С этими словами Сальетти отсыпал священнику горсть золотых крупинок.

— Не беспокойтесь, я вас уверяю, что черви не сожрут мое тело, пока я не умру, и даже тогда я ни слова не промолвил ни о вас, ни о вашем оруженосце.

ТРЕВОЖНЫЕ ВЕСТИ

Покинув деревню Корниль в лучах тускнеющего за пеленой перистых облаков солнца, они продолжили путь, иногда перекусывая кабаньим окороком и коврижгами, дарами приходского священника, и запивая еду вкусной сливовой настойкой. Их окружали пологие склоны, поросшие кустарником и каменным дубом, а дорога на север проходила в прохладной тени окаймлявших ее деревьев.

Продолжая есть на ходу, они подробно обсудили все события, приключившиеся с ними за время путешествия, начавшего приносить первые плоды. Теперь в их распоряжении был не только философский камень, lapis philosophorum, или, как гласила надпись в церковной крипте Корниля, ключ к тайнам, но и загадочный манускрипт Аидора Бильбикума «Космическая сущность камня», который должен был открыть многие загадки. Также они знали, что папа и король Франции страстно желают заполучить камень, манускрипт и секрет мудрецов и каждый из них хочет завладеть этим сокровищем раньше другого, — так спешит насладиться жизнью человек, предчувствующий свою скорую гибель. Проклятие, брошенное великим магистром Жаком де Молэ на костре, заставило владык земных броситься на поиски секрета, приписываемого тамплиерам, с очевидной целью избежать предсказанной смерти. Секрет мудрецов был единственным средством против проклятия, которым последний великий тамплиер заразил их кровь, подобно ядовитому укусу змеи.

— Лучше жить вечно, чем умереть скоро. — размышлял вслух Сальетти о том, что, скорее всего, подумали папа и король Франции, услышав проклятие тамплиера.

И прекрасно зная, что время бежит быстрее обезумевшей лошади, двое самых властных людей на земле наняли лучших сыщиков, отправившихся на поиски секрета мудрецов, чтобы никто другой не добрался до него первым. Гримпоу предполагал, что по этой самой причине папа послал Гуриельфа Лабокса в деревню Корниль, а король приказал барону де Вокко схватить его. Однако папа и король Франции не знали, что камень у рыцаря по имени Сальетти де Эсталья и его юного оруженосца и что без ключа к тайнам совершенно невозможно раскрыть секрет мудрецов, где бы тот ни был спрятан. Так без доли сомнения утверждалось в манускрипте Айдора Бильбикума относительно космической сущности камня, а о нем и о секрете мудрецов больше него никто ничего не знал.

В первой части манускрипта, которую Гримпоу читал Сальетти в церковной крипте Корниля, Аидор Бильбикум рассказывал о своей встрече с таинственным ученым, состоявшейся во время одного из путешествий на Восток незадолго до первого крестового похода в Святую Землю. Согласно тому, о чем говорил Аидор Бильбикум на других страницах манускрипта, этот необыкновенный мудрец без имени открыл ему поразительные загадки природы и космоса, которых в ту пору ни один человек и представить себе не мог, и вручил необыкновенный камень, упавший со звезд. С его помощью можно было не только превращать свинец в золото, но и получить абсолютное знание и бессмертие. А еще

он показал ему в одном из подземных гротов Храма Соломона в Иерусалиме какой-то предмет, позволяющий при контакте с камнем творить невероятные чудеса. Через некоторое время этот таинственный безымянный мудрец пропал, и Аидор Бильбикум больше никогда его не видел. Вернувшись во Францию, Аидор Бильбикум втайне открыл небольшую школу мудрецов Уроборос, выбрав для нее знак, изображающий кусающую себя за хвост змею, символизирующий бесконечность и хаос. По прошествии времени Аидор Бильбикум вернулся в Иерусалим и вместе с семьей мудрецами своей школы, которым показал спрятанный там необыкновенный предмет, вознамерился перевезти его во Францию для подробного изучения. В то время в Иерусалиме также находились девять французских и фламандских рыцарей, прибывших в Святую Землю, чтобы защищать паломников и тех, кого в конюшнях Храма Соломона приютил король Балдуин II. Связавшись с ними, Аидор Бильбикум и его ученики поручили рыцарям защищать своими мечами укрытый руном необыкновенный предмет по дороге во Францию и за это посулили поистине невероятное количество золота. Рыцари приняли поручение, они все равно собирались возвращаться во Францию, чтобы учредить там орден для защиты паломников в Святой Земле от набегов мусульман. Так что когда настал назначенный день, из Иерусалима в Париж отправился в путь караван. Как только они добрались до места, то, изумленные бесконечной силой этого загадочного предмета, Аидор Бильбикум и его ученики решили спрятать его в надежном укрытии и держать в секрете его существование, чтобы никто, кроме них, не знал о магической природе этого чуда. Шли годы, и один за другим умерли все семеро

мудрецов общества Уроборос. Похоронили их в старой восьмиугольной церковной крипте деревни Корниль, в которой родился Аидор Бильбикум.

— Но в приходских книгах Корниля мне не встретилось его имени. А я проверил записи о рождениях и крещениях с самой первой страницы, — возразил Сальетти.

— Возможно, Аидор Бильбикум не настоящее имя, а придуманное, за которым скрывалась его настоящая личность.

— Да, может быть, — сказал Сальетти. — Но давай продолжай, история, которую ты рассказываешь об Аидоре Бильбикуме, мне кажется весьма интересной.

— В живых остался только он, — продолжал Гримпоу, — ведь он был единственным обладателем необычного камня, подаренного загадочным мудрецом, да и сам уже стал таковым, а тело его обладало бессмертием богов. Но Аидор Бильбикум понимал, что он должен передать камень одному из своих учеников, о чем предостерегал таинственный мудрец. Если бы он послушался, камень бы покончил с ним, привел бы к верной гибели. Тогда он нашел некоего юношу и рассказал тому все, что ему было известно. Он показал место, где спрятан магический предмет, чтобы юноша знал о его существовании. Пришло время, когда Аидор Бильбикум, уставший от бессмертия, решил положить конец своей жизни и упокоиться с миром. Тогда он передал камень ученику, попросив похоронить его вместе с манускриптом в том же саркофаге церковной крипты Корниля, где уже покоились семеро мудрецов общества Уроборос. Поэтому в крипте восемь могил, а манускрипт был в одной из них. Саркофаг, который мы открыли, должно быть, принадлежит Аидору Бильбикуму.

— Так, значит, Аидор Бильбикум мертв! — воскликнул Сальетти, немного растерянный, ведь в саркофаге в крипте не было никакого скелета.

— Судя по тому, что говорится в манускрипте, это так.

— Значит, мы его не найдем в Страсбурге, а послание погибшего в горах рыцаря бессмысленно. Один мертвец не может прочитать послание другого, тем более находясь не в том городе, в каком уже много веков захоронен другой. — вздохнул Сальетти.

— Может быть, текст послания — новая загадка. Я не знаю, — признался Гримпоу, прикидывая, как разобратся с клубком мыслей в голове. — В любом случае манускрипт объясняет, где спрятан секрет мудрецов, но, похоже, здесь не хватает последней страницы и карты. Аидор Бильбикум подумал о том, что, возможно, придет время, когда будет необходимо, чтобы этот чудесный предмет, найденный в Храме Соломона, снова нашли какие-нибудь мудрецы, и поэтому он написал, как это можно сделать, несмотря на то что все изложено иероглифическим письмом тайного общества Уроборос и, кроме того, защищено бесконечными загадками. Все на месте, кроме карты и последней страницы. — Гримпоу потряс книгу, которую держал в руках.

— Но если Аидор Бильбикум не в Страсбурге, чего нам там искать? — спросил Сальетти.

— Настоящего начала без конца, — сказал Гримпоу. — Если мы будем искать Аидора Бильбикума, несмотря на то что он мертв, то, возможно, тогда отыщем в Страсбурге ключи к разгадкам манускрипта. Это, наверно, и хотел сказать Гуриельф Лабокс в записке, которую он оставил в церкви Корниля. Только отправившись в путешествие в город, откуда пришло это посла-

ние, и отыскав того, кого нет, мы сможем услышать голос теней, — добавил юноша.

— И что этот голос нам скажет?

— Если не ошибаюсь, — сказал Гримпоу, — он расскажет, как открыть тайну космической сущности камня.

По пути к крепости барона де Вокко они догнали группу рыцарей, тоже направлявшихся на север, чтобы принять участие в весенних турнирах. Гримпоу очаровала красочность и величественность кортежей. Кареты прекрасных дам и юных девушек были украшены цветочными гирляндами и шелковыми лентами, острия копий блестели под ярким солнцем, флажки и знамена над многочисленными отрядами рыцарей развевались в воздухе.

Кони Гримпоу и Сальетти шли намного быстрее кортежных и вскоре обогнали повозки со слугами, флагами, оружием, доспехами и провизией. Несколько детей с обочины шумно и весело приветствовали их, размахивая руками, а когда Гримпоу поравнялся с каретами, то увидел, как шушукаются девушки, пряча покрасневшие от куртуазностей Сальетти личики. Солдаты смотрели на путников с завистью, а рыцари высокомерно задирали головы и не замечали чужаков.

Только один рыцарь благородного вида, ехавший в одиночестве, с оруженосцем неподалеку, вежливо поприветствовал их, когда они собирались его обогнать. Этот человек не был стариком, но и не сказать, чтобы очень молод: у него были серые глаза, прямой нос, короткие волосы пепельного цвета, такие же брови и борода; из шляпы торчало перо. Его наряд был весьма изысканным, хотя и потускнел из-за покрывавшей его пыли, а рукоять меча отливала золотом.

— Герб на вашем щите кажется мне знакомым. Вы направляетесь в крепость барона Вокко? — спросил его Сальетти.

Он натянул поводья коня, чтобы держаться вровень с рыцарем, и обогнал Гримпоу, а тот покосился на оруженосца, смуглолицого юношу, который безразлично взглянул на него.

— Я, например, туда направляюсь, как, полагаю, и вы, сеньор?..

— Радогиль, Радогиль де Курнильдон. А вас как зовут? — спросил рыцарь.

— Сальетти де Эсталья, внук герцога Джакопо де Эсталья.

— Так вы не отсюда?

— Нет, я родился в Италии, в области Пьемонт.

— И вы перевалили через Альпы, чтобы участвовать в турнире?

— Для рыцаря, жаждущего приключений и подвигов, альпийские горы подобны великанам, которых он одолеет в нелегкой схватке, — сказал Сальетти.

Рыцарь язвительно рассмеялся.

— Вы правы, мой друг. Ну, раз уж вы рассуждаете о приключениях, подвигах и битвах, скажите мне, не собираетесь ли вы сражаться против замков Круга в новом крестовом походе барона де Вокко и короля Франции.

— Когда я покидал Пьемонт, то еще ничего не знал о грядущей войне, а во время пути кое-что услышал об этом крестовом походе, но не очень понимаю, ради чего его задумали. Насколько я знаю, барон заключил союз с королем Франции, чтобы захватить тамплиеров, нашедших приют в крепостях герцога Гульфа, и его верных рыцарей. Я не прав? — спросил Сальетти.

— Ба! Ну и вранье! — с презрением ответил рыцарь. — Король Франции прекрасно знает, зачем настолько удалился от своего роскошного дворца в Париже. Хоть он и пытается скрыть свои истинные намерения, всем известно, что он жаждет сровнять с землей замки Круга, как уже поступил шесть лет назад с Тамплем в Париже, чтобы обчистить сокровищницы и найти секрет тамплиеров.

— Но секрет тамплиеров — всего лишь легенда. Кто поверит, что он спрятан в крепости герцога Гульфа Остемберга? — выспрашивал Сальетти, притворяясь, будто не верит в эту историю.

Рыцарь пересел поудобнее в седле и поправил ножны.

— Друг мой, — сказал он, — если великий магистр ордена Храма, обвиняемый в сговоре с дьяволом и владении черной магией, заявляет королю и папе, что не пройдет и года, как они умрут, что-то ведь должно быть в его угрозе, правда?

— А если проклятие великого магистра Жака де Молэ не настоящее? Людям нравится выдумывать истории о магии и чудесах, а потом они сами начинают в них верить, — сказал Сальетти.

— Я вам говорю, что это правда, уж поверьте. Я воочию наблюдал казнь восемнадцатого марта прошлого года перед внешней колоннадой Нотр-Дама, на острове парижских евреев, и слышал, как великий магистр Храма возглашал свое проклятие суровым и громким голосом. Когда великий магистр Жак де Молэ окутался языками пламени и все решили, что он вот-вот испустит дух, он прокричал: «Я проклинаяю моих убийц и предрекаю, что не пройдет и года, как они ответят перед судом Божьим за свое преступление против ордена Храма!» И его проклятие уже начало сбываться.

— Я вас не понимаю, — сказал Сальетти, удивленный последними словами Радогиля де Курнильдона.

— Как сообщил вчера гонец, обогнавший нас, папа Климент V умер всего несколько дней назад в замке Рокмор, рядом с Авиньоном.

— Да что вы?! — поразился Сальетти.

— Именно так. Сначала подумали, он просто захворал, но потом у него начались сильные боли, от которых он начал харкать кровью, будто ему внутренности вывернули наизнанку.

— Значит, проклятие исполнилось, — растерянно проговорил Сальетти.

— Неужели вы еще сомневаетесь? — загадочно спросил рыцарь.

— Ну, вообще-то я не очень доверяю всему, что касается проклятий, магии и колдовства, — признался Сальетти.

Рыцарь рассмеялся.

— Я тоже, друг мой, я тоже. Папу убило не колдовство, а яд, — сказал он, не изменившись в лице.

Удивление Сальетти сменилось потрясением. Вот только — можно ли верить словам рыцаря де Курнильдона?

— Откуда вы знаете?

— Потому что только отравленный лекарственный отвар может вызвать такую кровавую и страшную смерть, да и вообще ясно как божий день, что речь идет о мести. Уже шесть лет назад тамплиеры, которым удалось избежать тюрьмы и костра, бежали из Франции, южные — в сторону Испании и Португалии, а северные — к замкам Каменного Круга в Германии. Во Франции еще остались одиночки, готовые кровью омыть поруганную честь своего ордена. Король Филипп это зна-

ет и напуган сильнее, чем свиньи во время бойни. Он боится, что его ждет та же участь, и прекрасно знает, что, если вовремя не найдет секрета тамплиеров — а это эликсир жизни, по преданию, дарующий бессмертие, — то очень вероятно, умрет до наступления весны.

Сальетти не скрывал изумления, вызванного словами рыцаря.

— Я так понял, что король Франции будет присутствовать на весеннем турнире замков Эльзаса, — сказал он.

— Это был всего лишь повод, и он уже отправился в путь, но, как сообщил вчерашний гонец, едва узнав о смерти папы, сразу вернулся в Париж, поджав хвост, как трусливый пес.

— А что другие рыцари? Вы разве не вместе едете? — спросил Сальетти.

— Нет, нет. Мне казалось, я об этом упомянул, — сокрушенно проговорил рыцарь. — Мы с мои оруженосцем направляемся в замок барона де Вокко. Вчера до заката солнца мы поравнялись с этим кортежем и присоединились к ним, чтобы заночевать вместе.

— Вы будете участвовать в состязаниях?

— Нет, я обычно не сражаюсь в поединках. У нас миссия, которую теперь мы можем выполнить лишь частично.

— Почему вы говорите мне все это? Если дела обстоят так, как вы говорите, то вы подвергаете опасности свою жизнь, — сказал Сальетти.

Он решил, что Радогиль де Курнильдон — мстительный тамплиер, вознамерившийся убить короля Франции, если тот все же явится на турнир.

— Не беспокойтесь, я же сказал, что герб на вашем щите мне знаком.

Задул сильный ветер, начала опускаться ночь. Небо все еще оставалось безоблачным, хотя первые кучки облаков, пухлые и пористые, как плотная масса цветов хлопка, уже высунулись из-за вершин близлежащих холмов.

В ЗВЕЗДАХ МАГИЯ ЕСТЬ

Крепость барона Фигельтаха де Вокко возвышалась среди гор, занимавших всю равнину Эльзаса. Это была грандиозная постройка с бесчисленными дозорными башенками, толстыми стенами, по верху которых тянулись узкие бойницы, и высокими зубчатыми башнями, округлой формы и крытых черепицей, благодаря чему они напоминали колпаки над дымовыми трубами. Главные ворота между двумя пузатыми башнями защищали решетка и подъемный мост, перекинутый через ров. У ворот в окружении музыкантов стояли оруженосцы со штандартами, приветствуя прибывающие рыцарские кортежи; каждому гостю выделяли двоих слуг: один отводил лошадей в стойла, другой сопровождал рыцарей и благородных дам в их покои.

Внутри замка жизнь тоже кипела. Сотни рыцарей и солдат в кольчугах и шлемах бродили по двору, повсюду чадили огромные факелы и жаровни, и языки пламени, казалось, норовили убежать из громадных чаш.

Едва войдя в ворота, Гримпоу пришлось выполнить настоящий акробатический трюк, чтобы увернуться от копыт вставшего на дыбы коня под рыцарем, который скрывал лицо под шлемом жуткого вида. Слуга повел путников через просторный двор, а другой тем време-

нем увел к стойлам их лошадей и нагруженного доспехами мула; Гримпоу озирался по сторонам, поражаясь суматохе.

— Что это за рыцарь нещадно хлещет своего коня? — спросил Сальетти сопровождавшего их слугу, который, как и Гримпоу, тащил на себе пару дорожных сумок.

— Этого никто не знает, сеньор, кроме герольда, встречавшего его сегодня утром при входе в замок. Рыцарь назвался ему, но скрыл лицо под шлемом и пожелал остаться инкогнито до конца турнира, — ответил слуга. — С самого первого дня он прячется под шлемом, и все спрашивают, кто он такой. Каждый год на турнир съезжаются во множестве искатели приключений, и каждый старается чем-то да выделиться. А вот вы, я уверен, не из таких. С первого взгляда ясно, что вы можете победить и выбрать королеву турнира.

— Тебя как зовут? — спросил Сальетти слугу, юношу чуть старше Гримпоу, с большими ушами и зубками острыми, как у мыши.

— Можете называть меня Гишваль, господин.

— Гиш-валь, — повторил Сальетти по слогам, — неплохое имя для смышленного юноши.

По дружелюбному тону Сальетти Гримпоу тут же смекнул, что его спутник нашел прекрасный источник сведений обо всем, что происходит в крепости барона де Вокко.

— Если вам что-то понадобится, только скажите. — Вдруг Гишваль подбоченился и воскликнул: — А вот и мой господин Фигельтах де Вокко!

Рядом с колодцем стоял богато одетый вельможа, дававший указания рыцарям. Он был моложе, чем представлялось Гримпоу по описаниям. Барон не носил

бороды, черная грива его волос развевалась на ветру, глаза блестели, выдавая человека, беспощадного к врагам, голос и жесты были резкими. Длинная накидка черного бархата, украшенная золотой каймой, ниспадала с его плеч, на белой блузе был вышит черным ползущий медведь. На поясе барона висел меч, чья рукоять сверкала так, будто целиком была вырезана из самоцвета.

Проходя мимо, путники поклонились и направились дальше, мимо сараев и кухни, затем вошли в башню, которую охраняли два стражника в кольчугах и шлемах. На щитах был изображен тот же самый медведь, герб барона, как и на всех вымпелах, что развевались на ветру над стенами. Затем они поднялись по узкой лестнице и наконец вошли в помещение с толстыми стенами и низким потолком; тут стояли десятка два коек с соломенными тюфяками, и большинство уже заняли рыцари, прибывшие в замок раньше Сальетти.

— Вот ваше спальное место, койка для вас, а тюфяк для оруженосца, — объяснил Гишваль.

Впрочем, Гримпоу и без подсказки слуги догадался, что ему предстоит спать на полу.

— Можете оставить сумки на этой скамье, вон там ведро с водой, уборную найдете в самом конце двора. Мой господин желает, чтобы пребывание в крепости доставило вам удовольствие. Ужин через два часа в большом зале. На рассвете объявят, кому с кем предстоит сражаться, а затем начнутся состязания.

— Спасибо, Гишваль, очень мило с твоей стороны, — продолжал подхалимничать Сальетти.

Слуга, собиравшийся уходить, изобразил поклон.

— Подожди-ка, — сказал Сальетти шепотом, чтобы не услышали другие рыцари, которые умывались и

стирали одежду, запыхавшись в пути. — Скажи мне, Гишваль, ты видел когда-нибудь блеск золотой песчинки?

Гишваль смущенно взглянул на Сальетти, потом на Гримпоу, будто спрашивая того, в своем ли уме рыцарь, которому он служит.

— Нет, господин, — застенчиво ответил он. — Единственное золото, которое я видел в жизни, — печать моего барона и драгоценности прекрасных дам этого замка.

— Возможно, я подарю тебе золотую песчинку, если ты мне поможешь, — прошептал Сальетти на ухо Гишвалю.

Слуга подскочил, словно ужаленный.

— Что я должен делать? — спросил он с готовностью.

— Пока я хочу узнать, не приводили ли в крепость несколько дней назад пленников — старика с дочерью. — Сальетти решил идти напролом.

Перед тем как ответить, слуга огляделся, чтобы убедиться, что за ними никто не наблюдает.

— Я не уверен, что могу говорить об этом. Если мой господин узнает, что я распускаю язык, то не преминет его отрезать и бросит на съедение собакам.

— Поверь, он никогда не узнает, клянусь честью рыцаря, — успокоил Сальетти.

— Два дня назад солдаты короля привели в замок старика с дочерью. Скажу честно, я никогда не видел девушки прекраснее, — сказал Гишваль.

— Их заточили в темницу? — уточнил Сальетти.

— Нет, господин, — ответил слуга. — Старик был очень плох, его заперли в сторожевой башне, а вчера он скончался. Сегодня утром саван с телом опустили в осуарий, рядом с тюрьмой, без всякого отпевания, бро-

силы, будто труп прокаженного. Солдаты болтают, что этот старик чернокнижник.

Сальетти словно пронзили кинжалом. И хотя он попытался скрыть боль, Гримпоу понял по влажному блеску его глаз, что Гуриельф Лабокс не был случайным человеком в его жизни. Юноша лишний раз убедился в том, что Сальетти многое от него скрывает, — а заподозрил он это в деревне Корниль, когда им сообщили, что солдаты барона де Вокко увезли любителя звезд по имени Гуриельф Лабокс.

— Его дочь знает, что старик умер?

— Да. Она со вчерашнего вечера плачет. Ее зовут Вейнель.

— Где она сейчас?

— В одной из гостевых башен. Мой господин, барон де Вокко, очарован ее красотой и, думаю, намерен добиться ее любви, пусть она его пленница.

Гримпоу заметил, что Сальетти скривился.

— У кого ключ от ее спальни? — спросил герцог.

— Мой господин хранит его в маленьком ларце в своих покоях.

Сальетти вытащил две золотые крупинки из мешочка на поясе и исподтишка передал слуге.

— Гишваль, спасибо за помощь. Сделай так, чтобы их никто не заметил, а то подумают, что ты кого-то обчистил. Ты мне еще понадобишься.

— Если что, пошлите вашего оруженосца в конюшни, и я к вашим услугам, — радостно откликнулся слуга, не переставая кланяться.

Оставшись одни, Гримпоу и Сальетти привели в порядок вещи и умылись. Сальетти разделся, отряхнул свою пыльную одежду и положил ее на кровать. Из сумы он достал новые чулки, рубашку, элегантный камзол,

купленный в Ульпенсе, и облачился в подобающий герцогу наряд.

— Думаю, ты не был до конца откровенен со мной, когда после повешения Дурлиба мы поклялись друг другу не таить секретов, — недовольно сказал Гримпоу.

Сальетти его слова, очевидно, застигли врасплох.

— Не понимаю, о чем ты, Гримпоу. Ты знаешь обо мне столько же, сколько я о тебе, — ответил он тихим голосом, подпоясываясь мечом.

— Я про Гуриельфа Лабокса и его дочь. Ты знал их раньше. Мы ведь не просто так поехали в Корниль, верно? Ты знал, что они там, хотя и не догадывался, что их уже схватили солдаты барона, не так ли? — настойчиво выпрашивал Гримпоу.

Сальетти печально посмотрел на него.

— Я не могу сейчас об этом говорить, Гримпоу, но это не то, о чем ты подумал.

Сам не зная почему, Гримпоу не смог сдержать слез. Что было тому причиной — усталость от долгого пути, напряжение последних месяцев, воздействие магического камня, страх перед опасностями, ожидавшими их в замке барона, смерть старика, которого он никогда не видел, неразгаданная тайна мудрецов, а может, всего-навсего чувство, будто его опять предал тот, кого он считал своим лучшим другом?..

— Да ладно тебе, парень, перестань! Я просто не могу говорить об этом сейчас. Это долгая и запутанная история, обещаю потом рассказать как на духу. А пока у нас есть другие, более важные дела.

Слова Сальетти успокоили Гримпоу. Юноша даже подумал, что был немного несправедлив, осыпая спутника упреками, ведь у Сальетти могли быть свои причины, чтобы утаить прошлое и истинную причину ин-

тереса к поискам секрета мудрецов. В конце концов, у любого человека есть потаенные мысли и желания, о которых не рассказывают даже близким друзьям.

— Извини, я не хотел тебя попрекать.

Сальетти с улыбкой принял извинения и подмигнул.

— Не беспокойся. Давай заканчивай мыться и пойдем прогуляемся по крепости. Надеюсь, сегодня нам посчастливится съесть что-нибудь горячее.

— У тебя есть план, как добраться до дочери Лабокса? — спросил Гримпоу, зная, что мысли Сальетти заняты только этим.

— Пока нет, но у меня есть очень важное дело, о котором я должен потолковать с бароном де Вокко. Ты что, забыл?

— Ты хочешь передать ему послание Друскло?

— Я поклялся, а рыцарь всегда держит слово. Кроме того, возможно, под разговор мне удастся выкрасть ключ от спальни, который он хранит в ларце в своих покоях.

— Неужели ты полезешь в пасть к волку?! — воскликнул Гримпоу, догадываясь о намерениях Сальетти.

— Только так я узнаю, насколько острые у него клыки.

Сальетти подошел к скамье, где стояли их сумки, и достал толстую колоду карт. Гримпоу раньше их не видел.

— Ты хочешь сыграть с бароном в карты? — спросил юноша.

— Нет, — рассмеялся Сальетти. — Это не обычные карты, они полны аллегорий, и с их помощью в некоторых восточных землях предсказывают будущее. Многие знатные люди очень обеспокоены собственной судьбой и хотят узнать ее заранее, будто таким образом ее воз-

можно изменить. Фигельтах де Вокко как раз из таких, он обожает подобные вещицы. Я уверен, что он никогда не слышал, что можно предугадывать судьбу с помощью вот этой незатейливой игры. Я хочу подарить ему карты, чтобы заслужить его доверие.

— А мне что делать?

— У меня есть для тебя поручение. Уголек и пергамент, которые ты взял из церкви Корниля, еще при тебе?

— Да, они в этой сумке.

— Достань, мне нужно кое-что написать.

Гримпоу взял уголек и оторвал кусочек пергамента — ему не хотелось расставаться со своими записями на счет таинственного послания в крипте, которое стоило немалых трудов расшифровать. Сальетти попросил юношу повернуться и стал писать на его спине, как на письменном столе; Гримпоу подумалось, что герцог попросту скрывает, что именно пишет.

— Не волнуйся, я дам тебе прочитать, когда допишу, — сказал Сальетти, будто догадавшись о его мыслях.

Изящным почерком, более свойственным монахам-переписчикам, чем странствующим рыцарям, он написал:

В звездах магия есть

И колдовство в ночах при полной луне.

Взотришь в них и найдешь свою мечту.

— Это для нее? — спросил Гримпоу после того, как Сальетти позволил ему прочитать послание.

— Именно.

— Новая загадка? Или подсказка?

— Не совсем так, но она поймет.

— И ты не подпишешься?

— Мое имя ей ни о чем не скажет, — сказал Сальетти, явно утомившись отвечать на вопросы оруженосца. — А сейчас слушай внимательно. Пока я буду разговаривать с бароном, ты пойдешь в конюшни, якобы узнать, как там наши кони. Там ты встретишь Гишваля и так, чтобы никто не заметил, отдашь ему еще одну крупцу золота с просьбой передать это послание как можно скорее дочери Гуриельфа Лабокса.

Юношу окружало множество загадок и тайн, уже раскрытых и тех, что еще предстояло раскрыть, но ни одна не занимала Гримпоу сильнее, чем секрет, который таил Сальетти. И потому, пагая при свете факелов по двору, проталкиваясь мимо солдат, рыцарей, оруженосцев, слуг, экипажей и лошадей, Гримпоу снова и снова спрашивал себя, кто же все-таки такой Гуриельф Лабокс, почему он искал в церкви Корниля секрет мудрецов, что его связывает с Сальетти и почему герцог так беспокоится о его дочери. Кроме того, Гримпоу без конца обдумывал послание, которое он должен передать Гишвалю, спрашивая себя, не влюблен ли Сальетти в эту даму подобно барону де Вокко. Если так, то где и когда он с нею познакомился, ведь с того дня, как вместе покинули Бринкдум, с женщинами они не заговаривали, не считая хозяйки грязной таверны в Ульпенсе.

КАРТА СМЕРТИ

После долго блуждания по сырым коридорам и узким винтовым лестницам Сальетти наконец добрался до оружейного зала замка. Там собрались несколько моло-

дых людей и дам знатного происхождения, одетых весьма изысканно. Они толпились вокруг барона де Вокко, оживленно с ними беседовавшего. Все было готово к ужину, многие рыцари уже занимали места за длинными столами. Обстановка зала поражала пышностью: яркие ковры, охотничьи трофеи, знамена, свисавшие с потолка, множество щитов, копий и мечей... Лампы и курильницы давали свет вроде того, какой исходит от церковных свечей, а у дальней стены пылал камин, где можно было зажарить целого оленя.

Сальетти подошел к рыцарю, распорядившемуся празднично одетыми глашатаями, и спросил:

— Вы кастелян крепости?

— Совершенно верно, — ответил тот с легким поклоном, и Сальетти тоже поклонился. — Чем могу помочь?

— Меня зовут Сальетти де Эсталья. Видите ли, я знаю, что барон сейчас очень занят, но не могли бы вы оказать мне любезность и сообщить ему, что я желаю поговорить с ним наедине по очень срочному делу, которое наверняка его заинтересует?

— Я передам барону вашу просьбу, когда все рассядутся за столы, — сказал кастелян и, снова поклонившись, повернулся к герольдам, ожидавшим его указаний.

Сальетти порадовался, что пока все идет как задумано. Теперь остается только ждать, пока барон кклонет на приманку. Скорее всего, Радогиль де Курнильдон, рыцарь, встретившийся им с Гримпоу по пути к замку барона и поведавший об отравлении папы Климента V и об опасениях короля Франции за свою жизнь, уже добрался до крепости и скоро войдет в этот зал. А не он ли это вон там с вожделением утоляет жажду пивом? Саль-

етти подошел поздороваться и сесть рядом, но выяснилось, что он обознался. Слуга поспешил на помощь и указал место рядом с компанией молодых рыцарей, которые громко хохотали над какой-то шуткой.

Затрубили фанфары, возвещая начало ужина, и толпа слуг высыпала из кухни с подносами жареной оленины и баранины, салатами, фруктами и сладостями. После долгого недоедания за время пути Сальетти с жадностью набросился на еду, поглощая все, что попадало под руку, и не обращая внимания на шумное веселье рыцарей, сидевших рядом. Ему казалось, что за этими столами собрались самые благородные люди Эльзаса, Лорена, Бургундии, и он, насытившись, принялся исподволь разглядывать лица. Так продолжалось, пока он не встретился взглядом с бароном де Вокко: тот внимательно рассматривал Сальетти, а кастелян, сидевший справа от барона, что-то нашептывал ему на ухо. Сальетти наклонил голову, и барон ответил тем же. Слева от де Вокко сидел монах-доминиканец с раскрасневшимся, изуродованным шрамами лицом. Гримпоу сразу узнал бы в нем инквизитора Бульвара Гостеля.

Не дожидаясь окончания ужина, барон поднялся и обратился к рыцарям, призывая принять участие в войне против замков Круга, упомянул о тамплиерской ереси и необходимости предать еретиков очищающему пламени. Затем в просторный оружейный зал вошли жонглеры. Они дышали огнем и выполняли удивительные прыжки под аккомпанемент труб и барабанов. Рыцари произносили тосты и сдвигали кубки, а дамы шушукались и посмеивались.

Сальетти заметил, что барон выходит из-за стола и явно направляется в свои покои. «Фигельтаху де Вокко

не терпится познакомиться со мной, — размышлял Сальетти, — и очень скоро он пришлет одного из герольдов, чтобы меня проводили к нему».

Через некоторое время к нему и вправду подошел герольд.

— Сеньор, мой господин хочет видеть вас. Окажите милость следовать за мной.

— Заходите, заходите, располагайтесь! — сказал Фигельтах де Вокко, едва Сальетти вступил в просторный зал.

Барон рассказывал перед роскошной шпалерой с вышитым на ней медведем. По обеим сторонам от шпалеры висели огромные олени головы.

Сальетти поклонился с любезной улыбкой, хотя его переполняли злоба и ненависть.

— Кастелян сообщил, что вы хотели поговорить наедине о каком-то важном деле.

— Это так, мой господин. Меня зовут Сальетти, я внук герцога Джакомо де Эсталья из Пьемонта.

Барон повел рукой.

— Наверное, дело ваше большой важности, раз вы проделали такой долгий и тяжелый путь.

— Ну, это вы сами решите. Основная цель моего приезда — участие в турнире, чья слава достигла даже севера Италии.

— Это правда. С каждым годом все больше рыцарей прибывают из Триеста, Падуи, Больцано, чтобы участвовать в турнире, и это нас, конечно же, радует, — сказал барон, желая казаться радушным, но его слова не обманули Сальетти.

— По пути рыцари, чей отряд тоже направлялся в ваш замок, сообщили мне, что вы намерены в скором

времени напасть на замки Круга, чтобы захватить непокорных тамплиеров, которым ваш злейший враг герцог Гульф Остембергский предоставил убежище, несмотря на буллу недавно скончавшегося папы Климента.

— Мы скорбим по поводу его кончины. А насчет нападения на замки Круга вас не обманули, — холодно ответил барон.

— Надеюсь, вы позволите мне присоединиться к вашему войску.

Барон хлопнул Сальетти по плечу.

— Конечно! Мои рыцари охотно вас примут, и я уверяю, нас ждет победа, которую станут воспевать трубы. Но я до сих пор так ничего и не услышал о вашем деле ко мне.

Сальетти решил говорить без обиняков.

— Не сомневайтесь, я не забыл. Вам что-нибудь говорит имя Друскло Кровожадного?

Барон вздрогнул, хотя и попытался это скрыть.

— Почему вы задаете мне подобный вопрос?

— Я был его пленником в лесу Оппернай.

— Вас поймали эти разбойники? И вы позволили им себя схватить?

— Меч не уберезет от града стрел. Я даже не заметил, что они прячутся за деревьями. Когда Друскло узнал, что я направляюсь в вашу крепость, он даровал мне свободу в обмен на обещание попросить от его имени о прощении всех его преступлений.

— Каков наглец! Да как он смеет просить у меня прощения после того, как убил моего деда?! Мой отец долгие годы пытался схватить его, а когда он умер, я продолжил поиски, чтобы отомстить. — Голос барона задрожал от гнева.

— Теперь у вас появилась такая возможность. Друскло думает, что может вам пригодиться в нападении на замки Круга. Позвольте ему прийти за прощением, а потом повесьте, едва он окажется в ваших руках, и пусть себе висит на самой высокой башне крепости, — предложил Сальетти тоном человека, не ведающего жалости.

Барон задумался, а Сальетти оставалось лишь гадать, о чем именно размышляет де Вокко.

— Я бы не хотел торопиться с решением.

— Достаточно отправить гонца в лес, и через несколько дней Друскло будет валяться у вас в ногах. Я сдержал свое слово. Но перед тем как уйти, я бы хотел вручить вам подарок.

— Подарок? — с живым любопытством переспросил де Вокко.

— Я знаю о вашем увлечении предсказаниями и потому подумал, что вам могут понравиться эти карты. Возможно, они помогут вам избежать козней судьбы, — сказал Сальетти, достав из-под камзола колоду карт.

Фигельгах де Вокко собирался было взять колоду, но Сальетти неловко повернулся, колода выскользнула у него из рук и рассыпалась по полу. Барон наклонился, чтобы собрать карты, а Сальетти принялся шумно извиняться, одной рукой собирая карты, а другой открыл маленький ларец на столе, пытаясь найти ключ от спальни, где была заперта дочь Гурьельфа Лабокса, но ничего не нашел.

Когда они наконец собрали с пола все карты, барон тщательно изучил каждую из них.

— Вы предсказатель? — спросил он, очарованный красотой карт.

— Умение предсказывать будущее — моя врожденная способность, которую я старался в себе развивать

с раннего детства, — заявил Сальетти, наслаждаясь собственным враньем.

— Откуда у вас эти карты? — сухо спросил барон.

— Я их купил у одного торговца в Венеции, куда ездил прошлой осенью. Он мне рассказал, что эти карты означают и откуда взялись. Кажется, он нашел их вместе с пергаментом, в котором содержалось их описание, среди развалин в далекой стране, когда перерывал древние могилы, пытаясь отыскать драгоценности, что обычно хоронили вместе с мертвецами. Он уверял меня, что эти карты наделены необъяснимой властью, будто бы способны переносить человека за пределы поскюстороннего мира. Если хотите, могу показать, как ими пользоваться.

Грубые пальцы барона скользили по картам, перебирая одну за другой, словно привыкая. Де Вокко помолчал, продолжая при этом неотрывно смотреть на карты.

— Вы уверены, что они правильно предсказывают будущее?

— Не только будущее, барон, они открывают и прошлое, — твердо сказал Сальетти. — Позвольте показать.

Фигельтах де Вокко и Сальетти уселись за стол. Факелы на стенах отбрасывали длинные тени.

Сальетти разложил двадцать две карты четыремя горизонтальными рядами по пять штук в каждом, картинками вниз; рубашка карт изображала перекрещенные серебристые клинки на фоне заходящего солнца на чистом голубом небе.

Барон так увлекся, что напрочь забыл о долге вежливости перед прочими гостями.

— Возьмите карту, — предложил Сальетти.

Фигельтах де Вокко окинул взглядом поверхность стола, будто ища подвох. Наконец он взял одну карту и решительно ее перевернул.

— Влюбленные! — воскликнул Сальетти, увидев изображение взявшихся за руки мужчины и женщины в лучах солнца. — Какое прекрасное начало!

— Мне улыбнется удача в любви? — растерянно спросил барон.

— Можете не сомневаться. Эта карта пророчит счастье, благополучие и страсть. Хотя сейчас любовь безответна, судя по отчаянию в ваших глазах, карты предсказывают, что все преграды падут очень скоро и вы станете безгранично счастливы.

Барон довольно улыбнулся и вытянул еще одну карту. На ней была красиво выписана пирамида, разделенная на вершине лучом. Сальетти помрачнел.

После продолжительного молчания Сальетти барон нетерпеливо спросил:

— Что это значит?

Сальетти не торопился отвечать, но в конце концов сказал:

— Земля содрогнется от яркого сияния вашего клинка, который, подобно павшему с неба лучу света, поразит неприступные башни и крепостные стены. А еще я вижу, как вы победоносно вступаете в кровопролитный бой, который изменит ход истории. Прошлое станет печальным воспоминанием, вас ожидает слава. Возьмите еще карту, пожалуйста.

Донельза довольный, барон перевернул третью карту. На ней было нарисовано колесо со странными знаками вокруг. Сальетти, предвосхищая вопрос де Вокко, сказал:

— Это колесо фортуны. Похоже, этой ночью вам повезет.

— И что сие значит? — потребовал Фигельтах де Вокко.

Сальетти принудил себя улыбнуться.

— Вы настойчиво ищете нечто, что прячется от ваших глаз, что-то, в чем вам несправедливо отказали. Даже не знаю, наверное, какое-то сокровище... Нет! — поправился Сальетти, покачав головой. — Думаю, нечто более ценное.

— Что-то ценнее сокровищ? — Барон не скрывал своего волнения.

— Да, это что-то яркое, о чем мечтают многие люди и отчаянно его ищут, но найти удастся лишь избранным.

Барон выпучил глаза.

— Избранным?

— Да, — подтвердил Сальетти. — Я не знаю, кто они, но они здесь, на этой карте, среди непонятных символов. Возможно, вы лучше меня знаете, о ком я говорю. Попробуйте вспомнить.

Судя по лицу барона, ему незамедлительно пришли на ум тамплиеры.

— Я вижу! — внезапно вскричал Сальетти. — Вы ищете нечто идеальное, не имеющее формы. Это что-то ценнее золота.

— И я его найду? — спросил барон, затаив дыхание.

— Возьмите еще одну карту, и мы ответим на ваш вопрос. — сказал Сальетти, наслаждаясь ролью предсказателя.

Барон медлил, рука его нерешительно блуждала над столом. Когда же он наконец сделал выбор и перевер-

нул карту, то увидел на ней перекресток путей среди густой рощи. Рисунок притягивал взгляд.

— Покажите, — попросил Сальетти, повертел карту в руках и сказал: — Вы ищете путь, способный привести к успеху, но выбрали тот, который уводит прочь. Я вижу, что вас одолевают сомнения.

— Я найду это сокровище? — с дрожью в голосе спросил барон.

— К сожалению, это маловероятно, потому что сокровище не там, где вы полагаете его найти.

— Я разрушу замки проклятых тамплиеров до последнего камня! — прорычал барон.

— Не знаю, о чем вы, но возьмите еще одну карту, если хотите побольше узнать о своем будущем, — сказал Сальетти.

Пальцы Фигельтаха де Вокко зависли в воздухе, потом коснулись карты во втором ряду.

— Дурные предзнаменования, — с загадочным видом прошептал Сальетти.

— Выражайтесь яснее. — Барон нахмурился.

— Это карта войны и разорения. Вы должны готовиться к большой опасности, впереди страшные битвы, повсюду трупы. Хотя я вижу в вашем распоряжении многочисленное войско.

— Больше пятнадцати тысяч человек, — высокомерно заявил барон.

— Однако рыцарей среди них мало, — сказал Сальетти, выманивая ценные сведения.

— Около пяти тысяч солдат и более пятисот рыцарей уже отправились к северной границе, чтобы дождаться основного войска и начать войну. Может, этого мало, чтобы захватить замки Круга?

— Что-то мне подсказывает, что вам понадобится помощь.

— У нас есть военные машины, каких не видывал свет, а также наемники с юга, для которых нет неприступных скал и крепостных стен.

— Давайте возьмем последнюю карту, она поможет избавиться от сомнений. Выберите ту, которая на вас смотрит, — предложил Сальетти.

Барон сердито схватил одиноко лежащую карту последнего ряда и с ужасом обнаружил, что на ней изображена смерть.

КОПЬЯ И МЕЧИ

Проснувшись, Гримпоу очень обрадовался, увидев Сальетти: юноша уснул и не дождался возвращения рыцаря.

— Где ты пропадал? Когда я ложился спать, тебя еще не было, — спросил Гримпоу, потягиваясь.

— Это была очень долгая ночь, и потратил я ее с толком, уж поверь, — прошептал Сальетти. — Я плотно поужинал и потолковал с бароном, предсказывая будущее и выясняя его намерения насчет замков Каменного Круга. Часть войска уже у северных границ. Там они будут дожидаться барона и остальных рыцарей, которые придут после турнира. Я очень быстро втерся к нему в доверие и вызнал очень ценные сведения, жаль, не нашел ключа от спальни, где заперта дочь Гуриельфа Лабокса. Видел бы ты его лицо, когда я заговорил о военных планах и о сокровище, которое он безуспешно разыскивает.

— Ты говорил с ним о секрете мудрецов? — спросил Гримпоу, умываясь из ведра.

— Ага, в лоб. Барон спросил меня, найдет ли он его в ближайшее время.

— И что ты ему ответил?

— Правду. Что он никогда его не найдет, так как ищет не там, где нужно. А потом его лицо стало белее простыни, потому что он вытащил карту смерти.

— Смерти? — переспросил Гримпоу.

— Да, этой карте приписывают разные значения. Я сказал, что в его случае эта карта обозначает тень сомнения, так как в грядущих сражениях он может найти свою смерть. И я не солгал.

— Не понимаю.

— Если он в ближайшем будущем нападет на замки Круга, его смерть неизбежна, и никто не в силах окажется этому помешать.

— А я тоже вчера выяснил кое-что любопытное на кухне, — самоуверенно сказал Гримпоу.

— Мне приятно знать, что ты не терял времени даром, пока я дурачил барона. Послание-то Гишвалю передал? — поинтересовался Сальетти, надевая снова походный костюм.

— Давай что-нибудь съедим, в отличие от тебя я ужинал скудно и сейчас проглочу желудок от голода.

По дороге Гримпоу рассказывал Сальетти, что делал вечером. Он нашел Гишваля в конюшнях вместе с другими молодыми слугами. Они тайком потягивали пиво, притворяясь, будто ухаживают за лошадьми.

— Когда он меня увидел, то обрадовался так, словно увидел перед собой ангела-хранителя. Я передал ему золото и объяснил, что он должен сделать с посланием. Гишваль тут же забрал золото, но сказал, что не знает, как передать пленнице послание, потому что дверь ее спальни беспрестанно сторожит солдат, которого барон

предупредил, что он отвечает головой за девушку. Тогда я подумал, что девушка должна что-то есть, значит, кому-то поручено приносить ей еду. Гишваль сказал, что еду приносит служанка, которая ни за что на свете не нарушит приказ. И прибавил, что, если мне хватит смелости, он мог бы отвлечь служанку, а я тем временем спрячу записку в корзинке с провизией. Так мы и сделали, а Гишваль между делом рассказал мне, что он сын сокольничего и что нет такого секрета соколиной охоты, которым бы он не владел. Болтая, мы не сводили глаз с корзинки на столе. Наконец пришла служанка, толстая и с красной физиономией, по которой сразу был виден ее дурной нрав. Она принялась собирать корзинку: положила рыбу, хлеб, немного сыра и кувшин с водой. Когда кухарка уже собиралась уходить, Гишваль окликнул ее и встал между нею и корзинкой, а я поспешил спрятать послание.

— И где же ты его спрятал? — спросил Сальетти, опасаясь, что послание не дошло до пленницы.

— В кувшине с водой.

— Ты бросил его в воду?! — в ужасе вскричал Сальетти, невольно заставив прислушаться к разговору проходивших мимо рыцарей.

— Мне ничего лучше не пришло в голову, — ответил Гримпоу, понизив голос. — Вода не сотрет надпись, сделанную углем.

— Можно было спрятать письмо в хлебном мякише, — прошептал Сальетти.

— Я тоже так подумал, но потом решил, что тоска по отцу могла лишить ее аппетита и, возможно, она даже не притронется к еде, — оправдывался юноша.

Сальетти задумался.

— Да, пожалуй, в чем-то ты прав. Жажду тяжело пересилить, как бы ни угнетало горе, а если Вейнель выпила воды, она, вероятнее всего, получила наше послание.

Они подошли к конюшням, близ которых несколько слуг готовили завтрак для рыцарей и оруженосцев. Друзья взяли по несколько кусков хлеба и жареного мяса и отошли в сторону.

— Что еще тебе удалось выяснить? — спросил Сальетти, вгрызаясь в мясо.

— Инквизитор Бульвар Гостель в крепости, — сказал Гримпоу.

— Знаю. Я видел его вчера за ужином, он сидел справа от барона. Я узнал его по описанию Ринальдо Метца. Не думаю, что найдется на свете другой человек с таким злобным лицом.

— Еще я узнал, что Гуриельф Лабокс скончался во время допроса, который проводил Бульвар Гостель. Он не выдержал пыток, — добавил Гримпоу.

— Ты уверен? — с ужасом в глазах переспросил Сальетти.

— Об этом знают все слуги в крепости. Говорят, вчера солдаты только об этом и толковали. Мол, крики старика были слышны по всему замку. Потом они стихли, а наутро труп вынесли из башни и сбросили в оссуарий.

— Да этот Бульвар Гостель убийца! — выпалил Сальетти, едва сдержавшись, чтобы не закричать во весь голос.

— Один слуга рассказал мне, что сам слышал, как спорили доминиканский монах и господин де Вокко из-за того, что инквизитор хотел допросить и дочь старика, дескать, она ведьма, но барон был против. Именно

поэтому он запер ее в спальне рядом со своими покоями. Все, кто видел девушку, поражены ее красотой, а злые языки шепчут, что она околдовала хозяина крепости, опутала его сетями черной магии.

— Эти слухи умышленно распустил Гостель, чтобы ослабить власть барона и тем самым добиться девушки, — проговорил Сальетти.

— Ты думаешь, Гуриельф Лабокс под пытками рассказал, что искал в церкви Корниля?

— Вряд ли. Иначе доминиканского монаха здесь бы уже не было.

— Но ведь у Лабокса было письмо с печатью папы. Отчего же инквизитор его преследовал? — спросил Гримпоу.

— Это подделка, — признался Сальетти, потупив взгляд. — Пойдем заберем лошадей и доспехи.

Только Гримпоу хотел спросить у Сальетти, откуда тот знает такие подробности, как вдруг затрубили трубы на башнях, и барабанный грохот ознаменовал начало состязаний.

Шатры соперничающих рыцарей возвышались над долиной подобно большим разноцветным грибам, украшенным яркими знаменами и блестящими на солнце щитами. Кони беспокойно ржали, фыркали и перебирали копытами. Меж крепостных стен повисла дымка, а барон де Вокко вместе с инквизитором Гостелем, в сопровождении самых влиятельных дворян и самых красивых дам Эльзаса, объявил начало турнира из своего шатра, сшитого из королевского пурпурного бархата. Рыцари переговаривались, обсуждая вчерашний пир; некоторые даже уверяли, что король Франции набил сундуки барона тысячами слитков чистого золота.

Барон обещал разделить богатства со всеми рыцарями, которые примкнули к его войску, чтобы захватить замки Каменного Крута, и мало кто хотел остаться в стороне от такой награды. Вся долина кишела рыцарями, страстно желавшими показать свою доблесть в бою и тем самым заслужить почетное место рядом с бароном де Вокко. Кроме того, разыгрывалось и почетное звание королевы весеннего турнира, и многие юноши стремились короновать своих возлюбленных.

Когда друзья подошли к полю, где должно было проходить состязание, турнир еще не начался. Герольды принялись вызывать по именам и титулам первых соперников, а Сальетти и его оруженосцу пришлось долго ожидать своей очереди за перегородкой. Сальетти был очень доволен доспехами, купленными у мастера Аилгруппа в Ульпенсе; ему показалось, что он заметил оружейника среди множества людей, толпившихся близ поля. Сотни слуг, горожан и крестьян наблюдали за происходящим с крепостных стен, сопровождая каждое действие веселыми криками.

Толпа радостно закричала: «Ура!!», когда трубач возвестил начало первого поединка. Два всадника выехали на поле, красуясь гербами на щитах, парадной одежде оруженосцев и пополах лошадей. Забрала были подняты, а копыта они держали вертикально, уперев в сбрую. Они встали друг против друга, опустили забрала и копыта и под гомон толпы устремились один на другого. Рыцари встретились в центре поля, разделенного невысокой деревянной перегородкой для того, чтобы бойцы не сталкивались. Однако удар оказался столь сильным, что один рыцарь вылетел из седла, и его вынесли с поля несколько слуг. Одержавший победу боец

подъехал к баронскому помосту и воздел копье в знак своего торжества. Затем, медленно и величаво, он покинул поле и направился к своему шатру в ожидании второго тура состязаний.

Рыцари продолжали биться попарно, редко кому удавалось выдержать более двух ударов, а дамы дарили победителям каждой схватки шелковые платки, которые рыцари с гордостью повязывали на навершия своих копий.

Среди толпы на стенах Гримпоу разглядел Гишваля, к которому испытывал симпатию после того, как им удалось доставить записку Сальетти в спальню дочери Гуриельфа Лабокса. Гишваль умудрился занять отличное местечко напротив баронского помоста; отсюда было замечательно все видно, и слуга приветствовал победителя каждой схватки с воодушевлением юного оруженосца, замороженно ожидающего победы своего господина. Гримпоу помахал ему рукой, но Гишваль, заметив юношу, тотчас исчез, будто вдруг вспомнил, что ему нужно сделать нечто важное.

Он появился внизу, пролез под перегородкой и с восхищением уставился на Сальетти в доспехах, а потом спросил:

— Вы ее видели, господин?

Сальетти подскочил.

— Кого?

— Пленницу. Она рядом с бароном. — И Гишваль ткнул пальцем в сторону помоста.

Сальетти и Гримпоу одновременно обернулись. Между бароном и кастеляном сидела юная девушка с темными волосами, собранными в пучок и украшенными диадемой. Казалось, ее взгляд устремлен в бесконеч-

ность. Барон, однако, явно наслаждался ее компанией и всеми силами пытался растормошить девушку.

— Ты уверен, что это она? — спросил Сальетти, не веря своим глазам; он никогда не видел столь красивого и утонченного лица. Гримпоу же подумалось, что самые доблестные рыцари, принимающие участие в турнире, потерпят поражение перед такой красотой. Потом юноша посмотрел на Сальетти и увидел во взгляде друга то же простодушное восхищение, какое, должно быть, было у него самого в аббатстве Бринкдум, когда он неожиданно встретил девушку с прозрачными глазами.

— Навряд ли вы видели даму прекраснее. Я же говорил, что во всем Эльзасе и во всей Франции другой такой не найти, — с гордостью произнес Гишваль.

Сальетти выглядел растерянным.

— Ну, если это и вправду дочь Гуриельфа Лабокса, она наверняка прочла мое послание. Потому она и попросила барона разрешить ей присутствовать на турнире. Она знает, что письмо в кувшине с водой мог послать лишь тот, кто желает ей помочь, а единственный способ выйти из заточения — добиться благосклонности барона, несмотря на скорбь по отцу и присутствие инквизитора Гостеля на трибуне.

— Рад услужить, мой господин, — сказал Гишваль с улыбкой.

— Да, даже не представляешь, как ты нам помог. Потом не забудь мне напомнить, что я тебе должен еще одну крупницу золота.

Гишваль предложил Гримпоу после окончания турнира, если он захочет, посмотреть соколов и ястребов барона. С этим слуга удалился, а на поле выехал новый рыцарь.

— Посмотри на его меч, — прошептал Сальетти на ухо Гримпоу.

Юноша покосился на могучего рыцаря в черных доспехах. На щите его была изображена башня, рассеченная вороньим крылом, а шлем был украшен головой большой безобразной птицы. Коня покрывали черные конские доспехи, оставляя открытыми только глаза.

— Кто этот рыцарь? — с живым интересом спросил Сальетти.

— Это ужасный Вальдигор Ростволь, — ответил кто-то из толпы. — О нем рассказывают такое, от чего кровь стынет в жилах. Сейчас он правая рука барона и большой друг инквизитора Гостеля. Они предложили ему не только деньги, чтобы он поддержал их в войне против замков Круга, но и пообещали в награду саму крепость Гульфа.

Вальдигор Ростволь одолел своего соперника с такой легкостью, будто против него выпел не человек, а соломенное пугало, а потом проехал по полю, хвастаясь своей победой и гербом. Солдаты восторженно улюлюкали, рыцари приветствовали его взмахами клинков, дамы мило улыбались, а барон одобрительно кивал со своего помоста. Сальетти тем временем ерзал под доспехами, будто его грозила вот-вот одолеть падающая болезнь, от которой так страдал Кенсе, служба аббатства Бринкдум.

— Сколько еще схваток до нашего выхода? — спросил он в тот миг, когда трубы вызвали следующих бойцов.

— Еще две — и ты сможешь наконец сразиться. Твой соперник вон тот рыцарь, который скрывает свое лицо под шлемом.

— Он же тебя вчера чуть не затоптал, верно? Значит, я отомщу за это оскорбление первым же ударом своего копья, — рассмеялся Сальетти, не сводя глаз с красавицы, тихо сидевшей рядом с бароном, в шаге от инквизитора Гостеля, который смотрел на нее с откровенной ненавистью.

Еще до того, как их вызвали герольды, Сальетти вскочил на коня, украшенного попоной с попеременно чередующимися изображениями солнца на фоне голубого неба и луны — на черном. Затем он надел шлем, тоже украшенный солнцем и пучком золотых перьев, а когда попросил своего оруженосца подать ему копье, Гримпоу ощутил гордость — надо же, мальчик из деревни Оберальт прислуживает такому блестящему рыцарю.

Гримпоу взял коня под уздцы и повел к воротам. Герольды возгласили имя герцога де Эсталья, и Сальетти поглядел на помост, пытаясь угадать по лицу Вейнель, знаком ли ей этот титул. Но девушка сидела в прежней позе, безразлично глядя перед собой. Взревели трубы, и Сальетти с неизвестным рыцарем заняли позиции напротив друг друга. Оба по сигналу послали коней вперед и с опущенными забралами помчались один на другого. Копья вонзились в щиты с оглушительным грохотом, в воздух взмыли щепки, но никто из соперников не выпал из седла. Зрители завопили, подбадривая рыцарей. Гримпоу вручил Сальетти новое копье, и тут герцог заметил, что лицо Вейнель порозовело, а глаза девушки впились в изображение солнца и луны на его щите, словно она поняла их значение и в них увидела свою последнюю надежду на спасение. Сальетти натянул поводья так, что конь забил копытами в воздухе, и

вновь поскакал на противника; неизвестный рыцарь получил такой удар копьём по голове, что повалился ничком. Гримпоу начал радостно подпрыгивать, Гишваль с воодушевлением закричал, а дочь Гуриельфа Лабокса почувствовала, как силы возвращаются к ней, когда победитель приблизился к помосту, поднял забрало и попросил ее украсить острие его копья своей вуалью.

Рыцарь, потерпевший поражение, продолжал лежать на земле, и ни один оруженосец не пришел ему на помощь. Гримпоу побежал поднять ему забрало, пока он не задохнулся. Юноша сдернул шлем — и увидел Победу де Ланфорга, того самого послушника, сбежавшего из аббатства.

— Ты ранен? — спросил Гримпоу.

Победу де Ланфорг смотрел бессмысленным взором, а в следующий миг потерял сознание на руках у Гримпоу.

Сальетти принял участие еще в одной схватке во второй половине дня, в которой тоже одержал победу, несмотря на то что чуть не свалился с коня: тот споткнулся в то самое мгновение, когда копьё вонзились в щиты. Но ему удалось удержаться в седле, чем он обеспечил себе участие в состязаниях следующего дня, когда будет определен единственный победитель турнира.

КОРОЛЕВА ТУРНИРА

После дневных соревнований в оружейном зале замка устроили пир. Барон де Вокко, явно довольный тем, что рядом с ним сидит красавица Вейнель, оживленно беседовал с Вальдигором Ростволем и Бульваром Госте-

лем о турнире и о подготовке к войне, а Сальетти тем временем прохаживался вокруг барона, ожидая возможности поговорить с дочерью Гуриельфа Лабокса и сказать ей, что совсем скоро они освободят ее из плена.

Гримпоу тем временем пошел с Гишвалем на задний двор, где охотничьи птицы барона спали с кожаными колпаками на головах. Его поразила величественность этих соколов, беркутов и ястребов, которых приручал отец Гишваля. Но еще больше юноша поразился, когда Гишваль надел на левую руку толстую кожаную перчатку и вынул из клетки сокола; он скинул с головы птицы колпак, и Гримпоу увидел выразительные глаза медового оттенка.

— Вот этот мой любимый, — сказал Гишваль, проводя рукой по перьям птицы. — Когда закончится турнир, мы отпустим его.

Сокол недоверчиво пошевелился, но все же позволил Гримпоу погладить себя по голове и по мощному клюву, по сильным когтям и по длинным остроконечным крыльям. Гримпоу всегда мечтал иметь хищную птицу, так что он порадовался за Гишваля, которого уже считал своим новым другом. Он впервые за долгое время снова встретил юношу своего возраста, такого же, каким был сам до того, как нашел камень погибшего в горах Бринкдума рыцаря: веселого, шаловливого, не умеющего ни писать, ни читать, никогда в своей жизни не видевшего ученого манускрипта, но всегда довольного жизнью. Гримпоу подумалось, что ему тоже следовало бы считать себя счастливым, ведь каким-то чудесным образом сбылась его детская мечта стать оруженосцем. Сейчас он оруженосец господина Сальетти де Эсталья, и оба они принимают участие в весеннем тур-

нире замков Эльзаса, чтобы победить и выбрать королеву. И это так его увлекло, что он даже не вспоминал ни о камне погибшего рыцаря, ни о том, что впереди ожидали поиски секрета мудрецов.

Потом Гримпоу развлекался во дворе конюшен, стреляя из лука вместе с другими оруженосцами, которые с удивлением наблюдали, как ловко он попадает в цель — ощипанную курицу, болтавшуюся на ветке, словно повешенная.

— Где ты научился так стрелять из лука? — спросил его светловолосый и веснушчатый оруженосец.

— В горах, охотясь на зайцев, — с напускным безразличием ответил Гримпоу.

— Думаю, ты мог бы стать хорошим лучником. Ты никогда не хотел записаться в войско?

— Барон, без всякого сомнения, взял бы тебя, — добавил другой оруженосец, с блеклыми глазами и орлиным носом.

— Я умею только стрелять, ничего больше. — Гримпоу снова взял лук, натянул тетиву, отпустил, и стрела со свистом вонзилась в грудь курицы, висевшей на дереве.

— Знаешь, если ты научишься владеть копьем и мечом так же хорошо, как луком, ты очень скоро станешь рыцарем. Я сам надеюсь стать им когда-нибудь, если Богу будет угодно, — сказал светловолосый.

— Надо будет подумать, — ответил Гримпоу без особой уверенности в голосе, протягивая руку за монетами, которые выиграл. Про себя он подумал, что не промахнулся бы ни разу и с расстояния в сто шагов.

Оруженосец с блеклыми глазами и орлиным носом попытался повторить выстрел Гримпоу, но промахнулся, за что был осмеян своими товарищами.

— Ты слышал что-нибудь о приближающейся войне? — спросил он Гримпоу, не участвовавшего во всеобщем веселье.

— Полагаю, то же самое, что и ты, — ответил юноша.

— Лично я не верю во все эти сказки про рыцарей-тамплиеров, — заявил третий оруженосец, высокий и рыжеволосый.

Гримпоу выпучил глаза.

— Что еще за сказки? — спросил он, прикидываясь, что не знает, о чем речь, протянул свой лук одному из юношей и сел на камень.

— Говорят, что несколько рыцарей ордена тамплиеров много лет назад нашли сокровище в Святой Земле и спрятали его в крепости герцога Гульфа Остембергского, — объяснил светловолосый, понизив голос, будто опасался, что кто-нибудь может подслушать. — Барон де Вокко хочет завладеть этим сокровищем и потому, едва окончится турнир, он намерен напасть на замки Каменного Круга, находящиеся по ту сторону границы. Именно по этой причине мы все тут собрались, а ужасный Вальдигор Ростволь, о котором злые языки говорят, будто он друг тамплиеров, стал союзником барона.

— Как ты можешь быть в этом уверен? — нахмурился Гишваль.

— Мой господин обмолвился после дневных состязаний. А еще я слышал, как он говорил, будто Вальдигор Ростволь поклялся честью, что выиграет турнир и назовет королевой весеннего турнира прекрасную даму, которую барон держит в плену. Все рыцари влюбились в нее, будто это принцесса их мечты, — сказал оруженосец под смех товарищей.

— Вальдигор Ростволь всего лишь хвастун! Ему никогда не победить моего господина Сальетти де Эсталья! — выпалил Гримпоу.

— Могу поставить что угодно, что Вальдигор Ростволь разорвет в клочья твоего Сальетти, — высокомерно бросил светловолосый и поднялся, чтобы показать, насколько он выше Гримпоу.

Гримпоу хотел было ответить, но тут его толкнули в грудь, отчего он упал спиной в кучу навоза.

— С луком в руках ты смелый, а вот на кулаках слабак! — процедил светловолосый и пренебрежительно сплонул.

Кулаки Гримпоу сжались, он вскочил и бросился на светловолосого. Оба с яростью вцепились друг в друга и покатались по земле. Все остальные толпились вокруг, одобрительно вопя, и только Гишваль пытался изо всех сил оттащить Гримпоу. В этот миг на дворе появился молодой рыцарь, который, увидев ссору оруженосцев, решил не допустить, чтобы они покалечили друг друга.

— Побе! — воскликнул Гримпоу, узнав рыцаря, только что оттащившего его врага.

Побе де Ланфорг, бывший послушник аббатства Бринкдум, замер, услышав свое имя. А когда увидел лицо юноши, тянувшего к нему руку с земли, недоверчиво проговорил:

— Гримпоу? Это ты?!

Гримпоу кивнул.

— Что ты тут делаешь? Как ты затесался в эту перебранку простолоудинов? — продолжал расспрашивать Побе.

— Мы просто веселились, — ответил Гримпоу, искаса поглядывая на Гишваля и других ребят, которые отошли подальше, испугавшись рыцаря.

— Мне показалось, я видел тебя на арене, после того как меня выбили из седла, но когда я проснулся в палатке рядом с врачом, желавшим пустить мне кровь, я подумал, что все это видения, из-за сильного удара по голове, — со смехом сказал Побе.

— Как видишь, вот он я, — ответил Гримпоу с улыбкой.

Некогда послушник, а сейчас рыцарь Побе де Ланфорг отошел на шаг, чтобы осмотреть Гримпоу с ног до головы.

— Но как это возможно? Даже теперь не могу поверить! Я и подумать не мог, что мы снова встретимся!

— Судьба не захотела, чтобы мы шли одним путем, но оказалась к нам благосклонна, и наши дороги снова пересеклись.

— Пойдем, расскажешь мне, что было в Бринкдуме, когда настоятель и брат Ринальдо выяснили, что непокорный послушник Побе сбежал из аббатства, — предложил рыцарь, кладя руку на плечо юноши.

Гримпоу зашагал рядом с рыцарем, живо пересказывая ему события той поры.

— Многие монахи и послушники аббатства, в том числе и повар, брат Бразгдо, со страхом думали, что тебя убил призрак погибшего рыцаря, но настоятель и брат Ринальдо сразу догадались, что ты сбежал, ускакал на лошади, которой не досчитались в конюшне. Когда же я рассказал повару о твоём желании стать рыцарем и совершать подвиги во славу любви, он почему-то назвал тебя подлецом. — Гримпоу усмехнулся. — Еще брат Бразгдо говорил о суровом нраве твоего отца, графа Ланфорга, и что ты очень скоро вернешься, избитый до полусмерти за свою непокорность.

— Мой отец в конце концов простил мои сумасшедшие проделки, но не разрешил мне ехать с ним и моими братьями на турнир замков Эльзаса, откуда все они отправятся вместе с бароном де Вокко к крепости герцога Гульфа, где прячутся тамплиеры. Благодаря одному слуге моей матери, который всегда меня отличал, мне удалось упихнуть старенькие доспехи на повозку и тайком приехать сюда. Потому я и скрывал свое имя, пока не докажу своим близким, что могу сражаться как любой другой рыцарь. Мой отец узнал меня, едва я вылетел из седла, зато сейчас он гордится мной так же, как и моими братьями.

— Так ты тоже будешь участвовать в войне? — спросил Гримпоу.

— Да, наконец-то я смогу осуществить свои мечты. — Побе мечтательно положил ладонь на рукоять своего клинка. — А ты? Что ты вообще делаешь в крепости?

Во время долгой прогулки по дворам и коридорам замка, тускло освещенным факелами, Гримпоу рассказал Побе де Ланфоргу о том, как познакомился с Сальетти де Эсталья и стал его оруженосцем.

— Мой господин Сальетти хотел принять участие в весеннем турнире, потом отправиться к епископу Страсбурга, а затем примкнуть к войску барона, так что я решил поехать с ним, — без особого желания солгал Гримпоу.

— Значит, мы еще не раз увидимся, и если когда-нибудь тебе захочется служить другому рыцарю, не забудь, я страстно желаю, чтобы ты был моим оруженосцем, — решительно заявил Побе де Ланфорг.

— Буду иметь в виду, — просто ответил Гримпоу, загрустивший из-за приятных воспоминаний о жизни в аббатстве.

Они дошли до входа в донжон, в оружейном зале которого был назначен пир, и Побе уже собирался попрощаться с Гримпоу, но кое-что вспомнил:

— А! Помнишь инквизитора Бульвара Гостеля, доминиканского монаха, который приехал в аббатство, преследуя рыцаря-тамплиера, зарезавшего настоятеля Бринкдума?

— Да, мне показалось, что я видел его рядом с бароном, — тихо отозвался Гримпоу.

— Мне удалось даже поздороваться с ним, а когда я сказал ему, что был послушником Бринкдума, он, как мне показалось, обрадовался и принялся расспрашивать о монахах, их привычках, особенно о библиотекаре Ринальдо Метце. Он заявил, что этот монах — проклятый еретик и что когда-нибудь окажется на костре, если не помрет раньше от старости.

— Но брат Ринальдо не заслуживает таких оскорблений! — возразил Гримпоу.

Молодой рыцарь смутился.

— Я никогда не понимал, за что ты любишь этого старого монаха. В любом случае я скажу доминиканцу, что ты тоже здесь. Ему наверняка будет интересно с тобой поговорить.

Гримпоу стало дурно от добрых намерений Побе де Ланфорга.

— Лучше бы ты ему ничего не говорил. Я тоже убежал из аббатства без разрешения, и не хотелось бы, чтобы инквизитор заставил меня вернуться в Бринкдум.

— Ты прав. Он, несомненно, отправит тебя обратно к монахам, чтобы ты для него шпионил, — усмехнулся Ланфорг. — Ну все, мне пора, надеюсь, скоро снова увидимся.

И рыцарь Побе де Ланфорг направился ко входу к башню, где, посмеиваясь и перешептываясь, его поджидали две юных дамы, такие же красивые, как сирены из запретной книги аббатства Бринкдум.

В оружейном зале замка труппа хутларов в шляпах с длинными перьями исполняла романсеро на лютнях, виуэлах, тарелках и флейтах, а благородные рыцари и дамы танцевали.

Сальетти весь вечер ходил вокруг прекрасной Вейнель и барона де Вокко, и, когда вдруг случилось, что дочь убитого Гуриельфа Лабокса осталась одна, он тут же подошел к ней.

— В звездах магия есть, — сказал он, протягивая руку, так что девушка просто не могла отказать ему в следующем танце.

— И колдовство в ночах при полной луне, — ответила юная Вейнель, покрасневшая и смущенная внезапным появлением рыцаря. Она не сомневалась, что это тот же самый человек, который передал ей послание в кувшине с водой.

Волосы девушки были собраны на затылке, на лоб падали несколько прядей, глаза ее были изумрудного цвета, а тонкие губы, казалось, сушили тому, кто их поцелует, аромат слив. И Сальетти уже возмечталось о поцелуях, воспетых трубадурами, разноцветных бабочках, лукавой луне и мерцании светлячков.

— Завтра же я освобожу вас из плена, — прошептал он, а тела их тем временем двигались в такт музыке.

— Кто вы? — спросила девушка, улыбнувшись в попытке скрыть замешательство.

— Считайте меня добрым другом, который тяжело пережил смерть вашего отца, — взволнованно ответил Сальетти, трогая пальцами нежную кожу Вейнель.

— Как вас зовут?

— Сальетти де Эсталья.

Глаза девушки наполнились слезами и засверкали так, будто в них блестели все звезды небосвода.

— Не плачьте, умоляю. Никто не должен догадаться, что я хочу вам помочь.

— Но как? Барон ни на мгновение от меня не отходит, а по ночам солдат сторожит дверь моей спальни, как драгоценное сокровище.

— Вас это не должно удивлять. Вы — самая великая драгоценность, о которой только может мечтать рыцарь, — сказал Сальетти с улыбкой, пряча обуревавшие его чувства.

— Я предпочитаю смерть участи пленницы, — проговорила Вейнель, понизив голос, так как заметила, что барон де Вокко и инквизитор Гостель наблюдают за ними.

— Притворитесь, что компания барона не так уж вам противна, и попросите, чтобы он разрешил вам присутствовать на завтрашних состязаниях. А об остальном позабочусь я, — твердо произнес Сальетти.

— Кем бы вы ни были, будьте осторожны, — прошептала Вейнель.

Сальетти поспешил удалиться, но не успел он отойти от девушки, как его перехватили барон и инквизитор.

— Позвольте представить вам посланника папы и инквизитора Лиона Бульвара Гостеля, который почтил нас своим присутствием на турнире, — сказал де Вокко.

Сальетти поклонился, а доминиканский монах протянул рыцарю руку с роскошным кольцом для поцелуя.

— Барон хорошо о вас отзывался и сказал, что вы хотите присоединиться к нашему войску в святом крестовом походе против мятежных тамплиеров, прячущихся в замках Круга, — важно начал он.

— Я тоже много слышал о ваших подвигах, святой отец, и мне приятно думать, что вы неустанно искореняете ересь, — бессовестно солгал Сальетти, чувствуя на себе тяжесть взгляда Вейнель. — Если не возражаете, я бы хотел удалиться. Завтра меня ждут поединки, и я не хочу лишать себя возможности выбрать королеву турнира.

— Погодите! — сказал барон, деликатно беря Сальетти под руку и отводя в сторону.

— Что такое? — спросил Сальетти, искоса поглядывая на Вейнель, которая осталась наедине с инквизитором.

— Вы говорили ей что-нибудь обо мне? — спросил де Вокко.

— Можете в этом не сомневаться, барон. Я посоветовал ей быть приветливой и послушной со своим покровителем, — сказал Сальетти.

— Думаете, она и вправду меня полюбит, как предвещали ваши чудесные карты? — настаивал барон.

— Дайте время, ее сердце разбито смертью отца, но скоро оно излечится от грусти, и ей откроется большая любовь всей ее жизни. Вам надо больше ее развлекать, убедить ее пойти на завтрашние состязания. Это поможет ей ощутить вкус жизни.

Инквизитор Гостель не слышал, о чем рыцарь говорил с бароном, но был уверен, что Сальетти — тот, за кого себя выдает.

На следующее утро в крепость собралось еще больше зрителей. Было воскресенье, и народ из окрестных деревень побросал повседневные дела и занятия, чтобы веселой гурьбой отправиться в замок. Ступеньки, стены, крыши были усыпаны мужчинами, женщинами, детьми и стариками, среди толпы расхаживали канатоходцы, акробаты, кукольники, комедианты, шуты и хулаеры, радовавшие дворян и крестьян. Большинство зрителей закусывали и выпивали, смеялись и пели хором, а несколько калек и бродяг просили милостыню, за что солдаты их прогоняли. После каждого сражения победу более сильного или более хитрого рыцаря отмечали всеобщим ликованием, а вот побежденный, уходил он с поля на своих ногах или его выносили на носилках, удалялся под продолжительный свист, крики и оскорбления. Сальетти вышел победителем в отборочных состязаниях и завоевал симпатию многих зрителей благодаря умению управляться с лошадью и копьем, но никто не мог сравниться с рыцарем Вальдигором Ростволом, буквально сводившим толпу с ума. Герольды провозгласили обоих лучшими рыцарями этих состязаний, и вот настал долгожданный миг последней схватки, в которой должно было решиться, кто же станет победителем турнира.

Лошадь Сальетти изнурили многочисленные столкновения, так что рыцарь с согласия управителя состязаний пересел на Астро, белого коня Гримпоу, на которого надели попону с родовым гербом герцога Эсталья. Герольды возвестили, что через несколько минут начнется последняя схватка турнира.

— Думаешь, Бульвар Гостель узнает коня, которого сам привел в аббатство Бринкдум? — взволнованно спросил Гримпоу.

— В этой попоне ты бы и сам его не узнал, — ответил Сальетти, судя по его виду, унесшийся мыслями в дальние дали. Он хотел не только победить Вальдигора Ростволя и выиграть турнир, но и освободить Вейнель. Однако он ничего не сказал Гримпоу, чтобы не пугать юношу.

— Я не мог сказать тебе раньше, но вчера я встретил рыцаря, которого ты победил в своей первой схватке и чье имя было неизвестно, ну, того, что прятал лицо под шлемом. Его зовут Побе де Ланфорг, сын графа Ланфорга. Он был послушником аббатства Бринкдум, откуда сбежал за несколько недель до твоего приезда, — объяснил Гримпоу.

Сальетти проверил, надежно ли затянута сбруя.

— И что с этим послушником, кем бы он ни был? — спросил он нетерпеливо.

— Он находился в аббатстве, когда туда приехал инквизитор Гостель, который преследовал погибшего в горах рыцаря и убил настоятеля Бринкдума, — тихо сказал Гримпоу. — Когда Побе де Ланфорг увидел инквизитора в крепости, то представился ему, а во время их разговора доминиканец без конца расспрашивал его о монахах, особенно о брате Ринальдо, и я думаю, вполне возможно, он рассказал инквизитору, что я был вместе с ним в аббатстве и обучался у старого библиотекаря.

— И что с того? — сказал Сальетти, готовый отмахнуться от страхов Гримпоу.

— Я видел, как Побе де Ланфорг говорил с инквизитором Лиона, и оба смотрели на нас, как рысь на свою жертву.

Сальетти повернул голову и поглядел на молодого рыцаря, разговаривающего с посланником папы.

— Сейчас мы ничего не можем сделать, — ответил он, не выдавая своих опасений.

Сальетти подумалось, что если доминиканский монах может их подозревать, то ему нужно не просто найти возможность спасти Вейнель, но и позаботиться о собственной шкуре. Но чем больше он об этом думал, тем менее отчетливо представлял, как это сделать.

— Я хочу, чтобы ты победил на этом турнире, а там будь что будет, — подбодрил Гримпоу.

— Я приложу все усилия, чтобы добиться победы. Я сделаю это ради тебя и ради Вейнель, даже если мне придется погибнуть. А сейчас не пора ли тебе вспомнить об обязанностях оруженосца? — Сальетти усмехнулся и повел рукой в железной рукавице.

Герольд вызвал двух последних соперников на турнире, помпезно произнес их имена и перечислил титулы, и рыцари победоносно вступили в бой под фанфары и барабанную дробь. Толпа завопила, забесновалась, когда рыцари преклонили оружие перед бароном де Вокко. А юная Вейнель из последних сил сдерживала слезы, увидев рыцаря, пообещавшего выволить ее из плена. В глубине души она чувствовала, что что-то связывает их еще с детства, хотя что именно, никак не могла вспомнить.

Когда рыцари встали напротив друг друга, шум утих, наступила такая глубокая тишина, что стало слышно учащенное дыхание бойцов. Лошади фыркали и беспокойно перебирали ногами, поднимая маленькие облачка пыли, в ожидании мгновения, когда седоки пошлют их в бой.

Рыцарь Сальетти натянул поводья, поднял коня на дыбы и коленями послал заржавшего Астро вперед, а

противник устремился ему навстречу. Все взоры неотрывно следили за бойцами, ожидая столкновения. Вальдигор Ростволь уверенно держал свое копьё, однако то разломилось пополам от удара в щит Сальетти. Гримпоу, Вейнель и Гипсваль, не стовариваясь, зажмурились, решив, что Сальетти повержен. Однако тот остался в седле и, похоже, ничуть не пострадал.

Рыцари разъехались, оруженосец Вальдигора Ростволя подал тому новое копьё, и поединок возобновился. Бойцы снова столкнулись в жестокой схватке, и на сей раз Сальетти добился своего: Вальдигор Ростволь с грохотом обрушился наземь.

Толпа обезумела от восторга. Гримпоу тоже кричал и прыгал, но вдруг он увидел, что Вальдигор Ростволь кое-как поднимается на ноги и вытаскивает из ножен меч. Все немедленно замолчали, снова установилась глубокая тишина. Сальетти спешился, обнажил свой клинок и стремительно набросился на Ростволя, а тот отбивался со свирепостью раненого зверя. Схватка было долгой и жестокой, никто и не думал о примирении, несмотря на то что оба рыцаря явно утомились и страдали от ран. Каждый из них пытался сокрушить врага одним ударом. Все продолжалось до тех пор, пока Сальетти не налетел на Ростволя с таким пылом, что меч Вальдигора переломился, а сам он рухнул на землю, как марионетка, которой обрезали ниточки.

Дворяне и крестьяне равно были ошарашены подобным исходом. Никто не решался произнести ни слова, а вот Гримпоу перепрыгнул деревянную изгородь, окружавшую поле, и подбежал к Астро, спокойно обнюхивавшему траву. Гримпоу погладил коня и прошептал ему на ухо несколько слов, которых никто услышал. Потом

он повернулся к Сальетти, из-под латных рукавиц которого сочилась кровь.

— Вы ранены? — спросил он с беспокойством.

— Ничего страшного, — отозвался обессиленный Сальетти.

Рыцарь воздел меч и направился к помосту, на котором сидели барон де Вокко и инквизитор и посланник папы Бульвар Гостель.

Снова воцарилась тишина, все ждали, кого же победитель выберет королевой весеннего турнира замков Эльзаса. Из года в год к королеве турнира относились как к настоящей богине и потому наречения ее ждали с таким же нетерпением, как урожай в голодный год.

— Как победитель турнира, вы, рыцарь Сальетти де Эсталья, удостоены чести выбрать королеву турнира! — торжественно заявил барон.

Заиграли трубы, толпа возликовала, но после барабанной дробы вновь стало тихо.

— Вы можете назвать имя выбранной вами дамы и пригласить ее сюда! — провозгласил барон, держа в руках золотую корону, усыпанную драгоценными камнями.

— Мой господин, я не могу выбрать иной дамы, кроме той, чья красота покорила сердца всех рыцарей, принимавших участие в состязаниях, и ваше тоже. Выбрав ее, я бы хотел вторить всеобщему чувству восхищения и, надеюсь, вам тоже будет приятно слышать ее прекрасное имя — Вейнель! — воскликнул Сальетти, и толпа, услышав имя, тут же его подхватила и начала повторять.

Гримпоу про себя улыбнулся хитроумности Сальетти, который сейчас походил на фазана, горделиво вы-

ставляющего напоказ свои разноцветные перья. Барону Фигельтаха де Вокко, очевидно, польстил его выбор. Он-то думал, что итальянский рыцарь и предсказатель выбрал его возлюбленную королевой торжеств, чтобы убедить ее остаться в крепости. А юная Вейнель была потрясена до глубины души.

— Поднимайтесь же и сами наденьте ей корону! — пригласил довольный барон.

Сальетти снял шлем, отдал Гримпоу поводья Астро и направился к помосту под крики толпы. Но когда барон уже собирался вручить ему корону, инквизитор Гостель вдруг воскликнул:

— Думаю, рыцарю Сальетти сначала следует объяснить, откуда у него эта лошадь!

Снова наступила тишина, и все устали смотреть на рыцаря, на которого доминиканец указывал рукой. Гримпоу погладил Астро, чтобы хоть как-то успокоить.

— О чем вы? — недоуменно спросил барон.

— Вы сами все поймете, если кто-нибудь из ваших солдат снимет с этой лошади попону, — откликнулся Бульвар Гостель.

Сальетти попытался взглядом успокоить Гримпоу и Вейнель, а солдат барона подошел к Астро и, оттолкнув Гримпоу, стянул с коня попону.

Толпа загудела, послышался ропот. Но инквизитор Гостель уже увидел тавро на спине лошади.

— Вот и доказательство! Сальетти Эсталья — это...

Он не закончил: стрела, пущенная неизвестной рукой, со свистом вонзилась в грудь барона Фигельтаха де Вокко.

Все замерли, будто стрела, убившая барона, повергла всех в оцепенение. Рыцари стискивали рукояти мечей, но никто не осмеливался обнажить оружие,

чтобы не оказаться следующей мишенью неведомого стрелка.

Сальетти не знал, откуда вылетела стрела, поразившая Фигельтаха де Вокко, но, воспользовавшись случаем, извлек кинжал, который прятал под доспехами, и быстрым движением приставил к шее посланника папы. Затем свистом подозвал коня и приказал одному из солдат подвести лошадь барона.

— Ты умеешь ездить верхом? — спросил он Вейнель.

Вместо ответа девушка прыгнула прямо с помоста в седло.

Гримпоу никак не мог понять, что же происходит, но, увидев Вейнель верхом на лошади барона, тут же запрыгнул на Астро и приготовился скакать прочь, как только прикажет Сальетти.

Прикрываясь инквизитором как щитом, Сальетти сошел с помоста и велел Гостелю сесть на лошадь. Затем предупредил рыцарей и толпу, что любой, кто вздумает пошевелиться, получит стрелу в глаз, вскочил в седло, схватил поводья и, обхватив посланника папы, прокричал:

— Если кто-нибудь поедет за нами, я перережу глотку этой скотине!

ДОЛГОЖДАННАЯ ПРАВДА

Гримпоу и Сальетти ускакали с арены размапистым галопом, гадая, кто же мог выпустить стрелу, поразившую барона. Когда они добрались до реки неподалеку от крепости, Сальетти остановил коня и подвел его к деревянному мостику. Гримпоу и Вейнель остановились рядом, пытаясь понять, что затевает рыцарь.

— И что вы хотите сделать? — промямлил инквизитор Гостель, чье лицо искривилось от страха.

— Надеюсь, вы умеете плавать! — ответил Сальетти и столкнул доминиканца в воду, как мешок с мусором.

— Поехали, пока до нас не добрались солдаты барона! — сказал Гримпоу.

Посланник папы барахтался в реке и то и дело вскидывал голову, чтобы не захлебнуться.

Беглецы стегнули лошадей и поскакали вдоль реки, торопясь оказаться как можно дальше от замка.

Когда они добрались до окрестностей Страсбурга, уже начало смеркаться. Над горизонтом пылал закат, а над Рейном стоял сероватый туман, ни дать ни взять густой пар над супом. Беглецы спешили у излучины реки. Вейнель молча опустила на влажную траву, закрыла лицо руками и зарыдала, оплакивая отца.

Сальетти подошел к девушке, протянул руку, чтобы помочь ей подняться, и с нежностью приобнял.

— Ваш отец был близким другом моего отца, и оба они отдали жизнь в поисках мудрости, — проговорил он. — Когда вы были совсем еще ребенком, я несколько лет жил в вашем доме в Париже и смиренно терпел ваши шалости. Я как сейчас помню ваш дом, полный старинных книг, и как мы с вашим отцом часами смотрели на усыпанное звездами небо. Вы меня вряд ли запомнили, но ваш отец часто говорил мне, что в звездах есть магия и колдовство в ночах при полной луне и что, если я буду смотреть в небо, то рано или поздно найду в нем свою мечту.

Вейнель вытерла слезы рукавом платья и посмотрела на Сальетти.

— Мне он тоже всегда говорил эти слова перед сном, — сказала она с легкой улыбкой, оживившей ее

взгляд, — поэтому, когда нашла послание в кувшине с водой, я поняла, что мне хочет помочь кто-то близкий. Я даже подумала, что он сам написал мне письмо и что он еще жив. Но мне и в голову не приходило, что это окажется вы, тот мальчик, который играл со мной в детстве, мальчик, чьего имени я совсем не помню, и что вы освободите меня от барона и от этого монаха-убийцы.

Гримпоу почувствовал, как слеза скатилась по его щеке.

— Кто-нибудь мне может объяснить, что тут происходит? — спросил он со вздохом.

— Гримпоу, я же предупреждал, что это долгая и запутанная история, — ответил Сальетти. — Давайте присядем вон на тех камнях. Думаю, вам с Вейнель очень хочется все узнать, так что я начну с самого начала.

Они уселись на берегу, под высоким вязом, дожидаясь, пока черное покрывало ночи окутает Страсбург.

— Моего отца звали так же, как и деда, Джакопо де Эсталья, — начал Сальетти. — Мой дед всегда хотел, чтобы отец стал рыцарем, достойным унаследовать пришедшее в упадок герцогство в Пьемонте и вернуть нашим землям былую славу. Однако с самого детства отец увлекался науками и очень скоро отличался познаниями во многих областях науки, от арифметики до философии, физики и астрономии. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, несмотря на крайнее недовольство деда, мой отец уехал в Падую, в недавно открывшийся университет, славившийся свободой нравов и не попавший под влияние папы. Там он познакомился с монахом по имени Уберто Александрийский. В таверне в Ульпенсе я уже рассказывал тебе о его дружбе с

моим отцом, — прибавил Сальетти, взглянув на Гримпоу. — Когда же отец стал его учеником, они беспрестанно путешествовали, пока мой отец не переехал в Париж, где встретил мою маму. В скором времени родился я, и мне дали имя Сальетти, после чего мы переехали в Лион, где отец преподавал философию в университете и очень часто вместе со мной навещал монаха Уберто в аббатстве Бринкдум, где тот скрывался от инквизиции. Мой отец желал, чтобы я тоже стал человеком образованным, и некоторое время спустя, когда мне исполнилось шестнадцать, снова отправил меня в Париж к исследователю тайн природы по имени Гуриельф Лабокс. Впрочем, отец видел, что в моих жилах бежит горячая кровь де Эсталья и, когда мне стукнуло восемнадцать, решил отправить к деду, чтобы тот воспитал из меня истинного рыцаря и чтобы я продолжил обучение в соседней Падуе. Так все и шло, пока дед не скончался и не оставил мне в наследство герцогство, от которого мой отец отказался.

Тут Сальетти помолчал, потом пожал плечами.

— Я все это рассказываю ради того, чтобы вы поняли дальнейшее, самое важное. В прошлом году в конце зимы я был в своем имении в Пьемонте и получил очень странное незапечатанное послание без каких-либо пометок. Я подумал было, что это очередная проделка моих друзей из Падуи, но с удивлением обнаружил послание от монастырского библиотекаря по имени Ринальдо Метц из аббатства Бринкдум. Он писал по просьбе брата Уберто Александрийского, поскольку тот был слеп уже более двадцати лет и не мог написать мне. В своем послании брат Ринальдо Метц сообщал о гибели моего отца в горах близ аббатства...

— Твой отец и был тот рыцарь, которого я нашел мертвым в горах? — взволнованно спросил Гримпоу.

— Именно так, — с горечью подтвердил Сальетти, — сожалею, что не сказал тебе раньше, но сейчас ты поймешь, почему я был вынужден солгать.

— Значит, твоему отцу принадлежал философский камень! — воскликнул Гримпоу с таким видом, будто вот-вот лишится чувств.

Вейнель же, услышав о камне, состроила недоуменную гримаску, хотя на самом деле прекрасно все поняла.

— О каком камне вы говорите? Какое отношение он имеет к нашим родителям? — спросила она.

— Вы все поймете, если позволите мне продолжить, — ответил Сальетти.

— Конечно, конечно, — согласился Гримпоу, вытаскивая камень из льняного мешочка, висевшего у него на шее, и протягивая Вейнель. Девушка с осторожностью взяла камень в руки, будто ей вручили хрупкое украшение.

— Как я уже сказал, в своем послании брат Ринальдо сообщал о гибели моего отца и просил меня срочно приехать в аббатство Бринкдум, пользуясь тем, что снег в горах растаял, чтобы, как он выразился, «завершить дело крайней важности». Я знал, что весной в крепости барона де Вокко всегда проводится турнир замков Эльзаса, и, так как все равно направлялся на север, я навьючил доспехи на мула, чтобы по пути искать славу и удачу. В общем, я сел на коня и помчался к аббатству. После недели пути я перевалил через Пиренеи и добрался до Бринкдума, где случайно встретил тебя, мечтавшего стать оруженосцем какого-нибудь странствующего рыцаря...

Гримпоу снова перебил.

— То есть, когда приехал в Бринкдум, ты еще не знал, какая миссия тебе предстоит, но уже тогда назвал меня своим оруженосцем.

— Я увидел в твоих глазах такую страсть к приключениям, что решил подыграть, — с улыбкой признался Сальетти.

— Значит, ты дурачил меня?

— Только поначалу. Когда я прибыл в аббатство, ты проводил меня к брату Ринальдо, который в свою очередь отвел меня к брату Уберто, по-прежнему прикованному к постели, как и тогда, когда я видел его в последний раз в молодости. Брат Ринальдо оставил меня наедине с братом Уберто. Слепой монах так разволновался, ощутив мое присутствие, что его глаза увлажнились, будто снова наполнились слезами, несмотря на слепоту. Он сказал, что тоскует по моему отцу, как по собственному сыну, и что должен сообщить мне что-то важное, о чем другие и не догадываются. Именно тогда он объяснил, что мой отец обладал камнем, который многие легенды называют философским, но на самом деле этот камень воистину магический. Брат Уберто прибавил, что сам владел этим камнем, перешедшим к нему от его учителя, а впоследствии передал камень моему отцу, когда тот учился в Падуе. С помощью этого камня, как объяснял монах, можно обрести мудрость и даже вечную жизнь, но нельзя, чтобы он долго оставался в одних руках, другие тоже должны ощущать на себе его чудотворную силу, постепенно открывая тайны природы и космоса. Еще брат Уберто сказал, что все владельцы камня и приближенные к ним люди входили на протяжении столетий в тайное общество под названием Уроборос, которое может исчезнуть, так как

камень попал в руки юноши по имени Гримпоу, живущего в аббатстве.

Гримпоу хотелось снова перебить Сальетти, но рассказ друга был столь увлекателен, что он сдержался.

— Тут он поведал, что ты нашел тело моего отца в горах и что вор, с которым ты связался, отдал тебе камень, полагая, что это амулет. Потом брат Уберто сообщил, что тело моего отца растворилось в воздухе, потому что все обладатели камня либо умирают с ним в руках, либо покидают этот мир, не оставив после себя и следа, чтобы жить вечно в замке, чьи небесные стены возносятся высоко к звездам, и там они могут наслаждаться даром бессмертия.

— Это тот самый звездный замок, о котором писал Аидор Бильбикум в одном из манускриптов! — воскликнул Гримпоу, и Вейнель снова недоуменно покосилась на него.

— Брат Уберто рассказал, что есть и предмет драгоценнее камня, найденный членами общества Уроборос в Храме Соломона и по их настоянию перевезенный тамплиерами во Францию, где его спрятали, чтобы никто посторонний не смог найти. На протяжении трех столетий мудрецы общества Уроборос хранили тайну, сокрытую их наставниками из-за ее чудотворной силы. Однако они оставили кое-какие зашифрованные подсказки, которые когда-нибудь помогут открыть эту тайну на благо всего человечества.

Старый монах уверял меня, что время пришло, ибо невежество и предрассудки овладели миром, и необходимо покончить с фанатичным обскурантизмом церкви, которая не только преследовала и сжигала на кострах мудрецов, но и намеревалась завладеть камнем и чудесным предметом, о котором мне поведал брат Убер-

то. Церковники схватили и долго пытали одного мудреца, который в итоге не выдержал жесточайших истязаний и назвал моего отца нынешним владельцем камня и членом общества Уроборос. Папа поручил поиски инквизитору Лиона Бульвару Гостелю, предавшему тамплиеров и внушившему королю Франции, что они прячут тайну в замках Круга. Моему отцу удалось вовремя покинуть Лион, и он направился в аббатство Бринкдум, чтобы укрыться там, но в тумане сбился с пути и замерз в горах. Монах сказал мне, что я должен продолжить миссию моего отца и вернуть камень, так как без него невозможно открыть тайну.

Гримпоу разозлился и одновременно испугался.

— Ты хочешь отобрать у меня камень? Такова твоя миссия? — обиженно спросил юноша.

Сальетти смиренно понурился. Тогда Гримпоу выхватил камень из ладоней Вейнель и грубо впикнул в руки Сальетти.

— На, забери, забери свой чертов камень навсегда! — И Гримпоу всхлипнул.

Юноша уже не в первый раз чувствовал себя преданным, но не мог сдержать слез, узнав истинные намерения Сальетти. Выходит, тот обманул его в таверне Ульпенса, когда они пообещали друг другу говорить откровенно. Дурлиб тоже был другом и тоже бросил его, в аббатстве Бринкдум, как будто чувства Гримпоу вообще ничего не значили — или совсем Дурлиба не тревожили. Загадочный камень, который он только что передал Сальетти, юноше сделался безразличен. Он бы с удовольствием отдал камень просто так, если бы Сальетти попросил, как и собственную жизнь, если бы это понадобилось. Гримпоу всем пожертвовал бы ради друга, но сейчас лишний раз убедился, что Сальетти на та-

кое не способен, и почувствовал себя несчастнейшим существом на свете.

— Ты меня обманул! — воскликнул Гримпоу.

— Так было нужно, — оправдывался Сальетти.

— Теперь камень у тебя и что ты намерен делать? Может, убьешь меня, как убили аббата Бринкдума и Гурриельфа Лабокса? Или отдашь меня инквизитору Гостелю, пусть пытается, а потом сожжет на костре? Скажи, ты это хотел сделать со мной, после того как отберешь у меня камень? А я-то думал, что ты мой друг! — И Гримпоу залился слезами.

Вейнель увидела в глазах Сальетти боль, причиненную словами Гримпоу, и решила не вступать в разговор. Сальетти же протянул руку юноше, но Гримпоу отстранился.

— Да ладно тебе, Гримпоу! Я сожалею, что так вышло, правда! Прости меня! Если я тебя и обманул, так ради твоей же безопасности. Ну как я могу причинить тебе вред? — взволнованно произнес Сальетти. — Поначалу и вправду моей задачей было заполучить камень и отделаться от тебя, но когда я узнал, каков ты, как много знаешь о великих загадках жизни, то понял, что этот камень — часть твоей души, и изменил свое решение. Меня словно осенило, что миссия, порученная мне братом Уберто Александрийским, без тебя невыполнима. Я сам тебе об этом сказал, помнишь? В крипте Корниля я сказал, что камень выбрал тебя, и именно поэтому я решил заботиться о тебе и помочь найти секрет мудрецов. Чтобы именно ты, как обладатель камня, продолжил не доведенную до конца миссию моего отца. Брат Уберто также рассказал мне, что послал письмо одному мудрецу, имя которого он держал в секрете. Этот мудрец должен был ждать меня в церкви деревушки Кор-

ниль и помочь раскрыть тайну, а первые подсказки, которые были найдены в старинных манускриптах, указывали на то, что поиски следует начинать именно в этой церкви. Я даже и представить себе не мог, что искать, когда мы приехали туда и увидели горящие дома. Я испугался, скажу честно, а когда назвал имя старика, схваченного солдатами барона вместе с дочерью, я ни на мгновение не усомнился, что это старинный друг моего отца, с которым мы когда-то были знакомы в Париже.

По мере того как Сальетти рассказывал, лицо его старело на глазах, а Гримпоу немного смягчился.

— Ну вот, теперь вы все знаете, — закончил Сальетти, и вид у него был как после жестокой схватки на рыцарском турнире.

Вейнель взяла Гримпоу за руку.

— Мой отец никогда не говорил мне ни о камне, ни о тайном обществе Уроборос, ни о секрете мудрецов. Он всегда был очень скрытен. Но как-то, когда он собирался в очередное путешествие, я услышала, как он говорит моей матери, что, бывало, встречался с другими мудрецами в замках Круга.

— Ты не знаешь, нашел ли твой отец что-нибудь в церкви деревни Корниль? — спросил Гримпоу, утирая рукавом камзола слезы.

— Увы, не знаю, — ответила Вейнель. — Отец не хотел, чтобы я ехала с ним в Париж, но он очень плохо себя чувствовал, и мы все же отправились в путешествие вдвоем, чтобы я могла за ним ухаживать. Моя мать умерла несколько лет назад. С тех пор его здоровье ослабло и он едва мог выходить из дома. Когда он получил письмо, о котором вы упоминали, — девушка повернулась к Сальетти, — то будто снова помолодел. Помню,

он мне сказал: «Очень скоро свет знаний вновь осветит вселенную».

— Он знал, что в церкви Корниля спрятан манускрипт Айдора Бильбикума, который мы нашли в крипте, именно поэтому он оставил мне послание в приходской книге, — заявил Сальетти.

— Да, но без камня невозможно открыть саркофаг. Отец Вейнель не мог ничего отыскать без камня, а камень должен был привезти ты, — справедливо заметил Гримпоу.

— Значит, часть манускрипта Айдора Бильбикума должна быть где-то еще. Поехали в Страсбург! Возможно, в этом городе мы найдем то, что ищем, — решительно воскликнул Сальетти.

— Кто такой Айдор Бильбикум? — спросила Вейнель.

— Поехали, мы все объясним по дороге, — сказал Сальетти и послал коня в сумрак ночи.

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР ХРОМОГО ХУННА

Хромой Хунн уже давно спал, но его разбудил громкий стук в ворота постоянного двора. Он встал, зажег свечу, надел башмаки с каблуками разной высоты и открыл окно, чтобы посмотреть, кто нарушил его покой в столь поздний час. Он свесился наружу рядом с тем местом, где висела медная табличка с изображением головы зеленого дракона, и выплянул на улицу. Было совсем темно, он различил лишь силуэты троих верховых.

Гримпоу собирался было сказать, что их прислал брат Уберто Александрийский, но Сальетти заговорил первым.

— Что, уже и друзей не узнаешь, Хунн? — спросил он, когда голова хозяина постоялого двора высунулась из окна.

— Сальетти, ты? — проговорил Хунн недоверчиво и обрадованно.

Гримпоу в очередной раз поразился широте круга знакомств Сальетти, но на сей раз уже не усомнился в намерениях своего друга.

— А кто еще мог тебя потревожить в такое время? Давай открывай, рыцарь провел в пути весь день и не знает, где переночевать, да и денег у него нет, чтобы позволить себе более достойный приют. — Сальетти криво усмехнулся.

— Подожди, друг, сейчас открою.

Хунн затворил окно и поспешил вниз настолько быстро, насколько позволяла хромота. Он спустился во дворик рядом с погребом, в котором лежали дубовые бочки с такими запасами вина, что можно было несколько лет не думать об их пополнении, отодвинул заставы и распахнул ворота.

— Заходите, покуда постояльцы не проснулись и не принялись ворчать.

Сальетти спешил, завел коня на двор и помог Хунну закрыть ворота. Затем они обнялись, и Сальетти сказал:

— Пойдем, познакомлю тебя со своими спутниками.

— Да, я заметил, что ты не один, — откликнулся Хунн, еле поспевая за резвым Сальетти.

Гримпоу и Вейнелъ тоже спешили и ждали, пока Сальетти их представит, а Хунн улыбался нежданным гостям. Он сердечно поприветствовал молодых людей и сказал:

— Пошли, выпьем вина, и вы расскажете, чему я обязан вашему появлению. Я приготовлю что-нибудь по-

есть, вы ведь наверняка голодны. Дурной тон ложиться спать под бурчание пустого живота, — добавил он с усмешкой.

В зале пахло чем-то вроде перебродившего виноградного сока, к которому добавили ячменя. Хунн поставил свечу на покрытый толстым слоем грязи стол и предложил гостям садиться, затем взял несколько кувшинов, наполнил вином и передал Сальетти, а сам отправился на кухню и через некоторое время вернулся с подносом, на котором лежала головка сыра и большие куски ржаного хлеба.

— Теперь рассказывай, Сальетти!

Сальетти отломил хлеба и сыра и принялся объяснять.

— Для начала хочу передать тебе привет от брата Уберто Александрийского, — сказал он.

— Это он посоветовал навестить вас, — прибавил Гримпоу, желая как можно скорее выяснить, что же связывает Сальетти с хозяином постоянного двора.

На лице Хунна промелькнула улыбка, он явно вспомнил былые времена.

— Старик Уберто еще жив! Я его не видел лет двадцать. Где он сейчас?

— В аббатстве Бринкдум, — ответил Сальетти без лишних подробностей, умолчав о беспамятстве и слепоте монаха.

— А твой отец? Как поживает неутомимый Джакопо де Эсталья? — полубопытствовал Хунн.

— Умер прошлой зимой, — ответил Сальетти. — Если не возражаешь, об этом поговорим в другой раз.

— Я сожалею, на самом деле очень сожалею. И не обижаюсь, что ты не хочешь говорить об этом, — огорченно сказал Хунн. — До сих пор помню, как он подарил мне сапоги, вроде этих, — он выставил из-под сто-

ла свою увечную ногу, — с деревянным каблуком, чтобы я не так хромал. Таких людей, как твой отец, редко встретишь. Но что вас привело в Страсбург?

Гримпоу и Вейнель притихли, закусывая хлебом и сыром и запивая их вином.

— Нам нужно, чтобы ты приютил нас на твоём постоялом дворе и помог найти человека по имени Аидор Бильбикум, — сказал Сальетти.

— Аидор Бильбикум? — повторил Хунн. — Я никогда не слышал этого имени.

— Мы предполагаем, что он входил в состав тайного общества под названием Уроборос, — сказал Гримпоу.

— Это будет сложно, — прошептал Хунн, почесав голову. — В Страсбурге полным-полно гильдий ремесленников и торговцев, которые собираются втайне, чтобы обсудить свои дела, особенно с тех пор, как начали строить новый собор. Кроме того, у нас тут есть ювелиры, литейщики, алхимики, маги и чернокнижники, а с некоторых пор и тамплиеры. Никто из них не хочет раскрывать имена своих собратьев. Многие члены тайных обществ используют вымышленные имена.

— Мы знаем, что найти его непросто, но ты должен знать кое-что ещё. Аидор Бильбикум умер, около двух веков назад, так мы полагаем, — сказал Сальетти.

— Ну, тогда его можно найти только на кладбище! — рассмеялся Хунн, и его слова заставили снисходительно улыбнуться Вейнель.

— Мы подумали, что если сами начнем о нём спрашивать, кто-нибудь может проявить ненужное любопытство, — прибавил Гримпоу.

— Кроме того, должен предупредить тебя, что нас преследуют солдаты барона Фигельтаха де Вокко, —

сказал Сальетти. — Возможно, наше пребывание здесь может доставить неприятности.

Хунн поерзал на скамье, прикрыл свои крошечные глазки.

— Ты же знаешь, я готов на все ради тебя и твоего отца, — сказал он, выставляя на стол свежий кувшин вина.

— Я знаю, Хунн, знаю. В любом случае, вероятнее всего, наши преследователи полагают, что мы спрятались в замках Круга, ведь они думают, что мы тамплиеры.

— Ты тамплиер? — с недоверием спросил Хунн.

— По крайней мере, так считает инквизитор Гостель, которого мы встретили в крепости барона де Вокко во время весеннего турнира замков Эльзаса, — пояснил Гримпоу.

Сальетти поведал Хунну об их путешествии, с того дня, как они пришли в замок барона де Вокко, чтобы спасти из плена Вейнель.

— Если барона смертельно ранили, это могли сделать только тамплиеры, желая отомстить за то, что он вместе с королем Франции намеревался захватить замки Круга, — проговорил Хунн.

— В этом я даже не сомневаюсь, поскольку перья на стрелах были бело-черными, как цвета на штандарте ордена Храма, — отозвался Сальетти.

— Точно, — согласился Хунн. — Оставим все до завтра, пока ничто не угрожает нашему сну. Вы устали, да и поздно уже. Идите за мной, я отведу вас в ваши комнаты.

Хунн снова взял со стола свечу и проводил гостей по короткому коридору до темной лестницы, которая вела к жилым комнатам. Огарком, что был у него в руке, Хунн начал зажигать маленькие свечки под потолком, и из

сумрака проступил просторный коридор со множеством дверей по обе стороны.

— Я дам тебе ту же комнату, в которой всегда оставался твой отец, когда приезжал в Страсбург. Возможно, ты сам ее вспомнишь, хотя вряд ли, уж слишком ты в молодости был шепутной, чтобы запоминать подобное. Ему она нравилась, потому что из окна видна река и три башни моста, а когда встает солнце, его лучи падают прямо на постель.

Хунн вручил каждому зажженную свечу, затем попрощался, пожелал хорошего сна, после чего вернулся к себе в спальню, улегся и почти сразу уснул.

А вот поздним гостям не спалось. Гримпоу задул свечу и лежал с открытыми глазами, размышляя о своей судьбе. Итак, он добрался до Страсбурга. Наступила новая пора его жизни. Многие остались позади: жижина в горах, Дурлиб, аббатство Бринкдум, монахи, долгие часы занятий в библиотеке, ночное созерцание неба вместе с братом Ринальдо, обеды услужливого и трусливого брата Браздо, алхимические опыты брата Асбена и таинственные слова слепого столетнего старца Уберто Александрийского. Гримпоу на мгновение представил себе, что бы стало с ним, продолжай он блуждать по дорогам с Дурлибом или останься в аббатстве и прими обет. Всего за несколько месяцев он понял, что бытие, как и сама природа, полно контрастов, чередующихся, повторяющихся, образующих в итоге магический круг, который едва ли можно объяснить. Юноша не сомневался, что ему предстоит еще многое узнать и раскрыть много тайн, чтобы найти и постичь секрет мудрецов. Чудесный камень, оказавшийся в его руках, все изменил, и Гримпоу чувствовал с камнем столь тесную связь, словно тот стал частью его тела.

Сальетти тоже не спал. Рыцарю виделись кровавые поля сражений, страдания и любовь. Он боялся печального будущего, которое могло ожидать их в замках Каменного Круга, а еще отчетливо слышал через тонкую стену, в нескольких шагах от себя, беспокойное дыхание Вейнель, нетерпеливо ожидавшей обещанной и желанной встречи. Девушка же закрыла глаза и предавалась воспоминания о недавнем прошлом и об отце. Однако в ее груди трепетала надежда благодаря вновь обретенной свободе и встрече с Сальетти, который, как ей показалось, влюбился в нее с первого взгляда. И тут Вейнель услышала, как открывается дверь комнаты и как Сальетти зовет ее по имени, чтобы она не испугалась, и поняла, что этой безлунной ночью их обнаженные тела сольются на ложе среди бесконечных ласк и поцелуев.

На следующее утро Хромой Хунн принес новости, такие же свежие, как форель и хлеб, которые он подал к завтраку. Они спустились в зал, еще не проснувшись до конца, и хозяин постоянного двора сказал:

— В Страсбурге новости разносятся быстро.

— И какую новость ты нам принес? — спросил Сальетти.

— В городе только и говорят, что о стреле, ранившей барона.

— Он жив? — спросила Вейнель, надеявшаяся, что барон де Вокко не умер, несмотря на то что он заточил ее в замке: ведь именно барон спас ее от палачей инквизитора Гстеля.

— Ему повезло, стрела угодила в грудь, ниже левого плеча, но сердце не задела. Он тяжело ранен и прокликает итальянского рыцаря, победившего на турнире и укравшего у него возлюбленную. Говорят, хуглары уже

складывают романсеро об этом событии, чтобы распевать по деревьям и рынкам.

Гримпоу и Вейнель дружно посмотрели на Сальетти, который, по их мнению, вовсе не годился в героиню-любовники, о каких поют хуглары.

— Известно, кто стрелял в барона? — спросил Гримпоу, которому этот вопрос не давал покоя, словно жужжание надоедливого шмеля.

— Нет, но все уверены, что это был рыцарь-тамплиер, одетый как деревенский житель, который спрятался на одной из башен крепости. Полагают, что он напал на одного из лучников барона, переделался в его одежду и встал у зубца стены, прямо напротив помоста.

— Его видели? — не отставал Гримпоу.

Хунн пожевал губу.

— Вроде нет. Думаю, он давным-давно сбежал и укрывался в замках Круга.

— Я знаю, кто пустил стрелу, ранившую барона де Вокко, — сказал Сальетти, и все удивленно воззрились на него.

— Ты видел, как кто-то стрелял? — спросил Хунн.

— Нет, но я говорил с этим человеком по дороге к замку барона, когда мы обогнали несколько кортежей знати.

— Рыцарь Радогиль де Курнильдон?! — догадался Гримпоу.

— Да. Он сообщил мне, что папа Климент отравлен, что король Франции боится, как бы не сбылось проклятие великого мастера храмовников, брошенное на костре за мгновение до смерти в языках пламени. Де Курнильдон сказал мне, что идет в крепость, чтобы исполнить некую миссию. Наверняка не случайно его оруженосец нес на спине большой лук, а у седла висел колчан, полный стрел с черно-белыми перьями. Веро-

ятно, они задумали убить короля Филиппа во время турнира, а когда тот вернулся в Париж, решили покончить с его союзником де Вокко, чтобы не возвращаться с пустыми руками.

— До Страсбурга тоже дошли слухи об этом проклятии и новость о смерти папы. Я не удивлюсь, если очень скоро поползут всякие нелепые слухи, — сказал Хунн.

— Кроме того, этот рыцарь сказал, что ему знаком герб на твоём щите, помнишь? — добавил Гримпоу.

— Да, это так, — подтвердил Сальетти.

Хунн почесал бороду.

— Тамплиеры всегда хорошо разбирались в алхимических символах. Если этот рыцарь — тамплиер, он должен был знать, что солнце на твоём гербе олицетворяет золото, а луна — серебро. Вполне возможно, он был знаком с твоим отцом или дедом, так как у ордена Храма были союзники по всему миру. Поэтому маловероятно, что с ними удалось покончить.

— А что говорят в городе о войне? — спросила Вейнель.

— Из-за своего ранения барон де Вокко вчера приказал Вальдигору Ростволу возглавить войско и наутро отправиться к северной границе, где их уже ждут силы короля Франции. Они намерены напасть на замки Круга сегодня ночью.

— Больше пяти тысяч солдат и сотни рыцарей жаждут стереть с лица земли замки Круга, чтобы завладеть их сокровищами и тайнами, как поступил король Франции в Париже, — процедил Сальетти.

— Если де Вокко и король Франции хотят занять крепость герцога Гульфа Остембергского, для начала им придется справиться с рыцарями замков Круга, а это будет нелегко.

Все замолчали, будто задумавшись о тревожном будущем.

— Значит, война уже началась, — пробормотал Гримпоу.

— Боюсь, что да, и мы мало чем можем помочь, — ответил Хунн.

Сальетти поднялся.

— Займемся тем, ради чего мы приехали. Нам нужно найти того, кого нет, и услышать голос теней, — повторил он слова Гуриельфа Лабокса, отца Вейнеля, из записки в приходской книге церкви Корнилия.

— Я смотрю, твой слог такой же витиеватый, как и у твоего покойного отца, — усмехнулся Хунн.

Они посчитали опасным вместе выходить на оживленные улицы Страсбурга, ведь, по словам Хунна, все в городе знали, что барон де Вокко разыскивает троих людей — прекрасную даму, итальянского рыцаря и его юного оруженосца, которые сбежали из замка после того, как тамплиеры попытались убить барона. Решили разделиться, чтобы обследовать весь город и не привлекать к себе внимания. Сальетти и Вейнель отправились в кварталы ремесленников и торговцев, а Гримпоу с Хунном поручили обойти площади и наведаться на строительство нового собора, потолковать с каменотесами, а также навестить алхимиков, которых знал Хунн.

ГОЛОС ТЕНЕЙ

Страсбург все еще сохранял былое величие, несмотря на опустошившие его недавно грабежи и пожары, вызванные распрями за наследство и земли. Казалось,

город вознесся из густого тумана, по зиме устилавшего реку, на которой он стоял; берега реки усеивали деревянные дома с черепичными крышами, подступавшие к крепостным стенам, которые венчали три колоссальных башни, вздымавшиеся над Рейном. Через реку и каналы было перекинуто множество мостов. По ним переправлялись изо дня в день пешие и конные, а также повозки, прибывавшие в город из отдаленных деревень с товарами на продажу.

За два дня Сальетти и Вейнелль обошли весь город с севера на юг и с запада на восток, забредая в кварталы, где проживали кожевники, ювелиры, писцы, кузнецы, ткачи, плотники и сапожники. И едва ли не у всех подряд спрашивали, знаком ли им Аидор Бильбикум, но ответом им были недоверчивые взгляды, недоуменные пожатия плечами и даже откровенная грубость. Кажалось, это имя внушало горожанам ужас — или они попросту не желали, чтобы соседи заметили, как они беседуют с чужестранцами.

Хунну и Гримпоу тоже не удалось ничего выяснить о человеке, которого они искали.

— Если вы говорите, что никакого Аидора Бильбикума нет, я не понимаю, как можно его искать. Да был ли он вообще, а? — спросил Хунн у Гримпоу, устало вздыхая после беседы с аптекарем, дом которого стоял на углу соборной площади, а в лавке на первом этаже пахло серой и жженым оловом, травами, пряностями, мазями и микстурами, словно в лаборатории аббатства, где ставил алхимические опыты брат Асбен.

Гримпоу не сомневался, что этот аптекарь тоже алхимик и, скорее всего, может дать какую-нибудь подсказку по поводу Аидора Бильбикума, а значит, они наконец услышат голос теней, о котором говорилось в за-

писке Гуриельфа Лабокса, оставленной для Сальетти в церкви Корнилия. Но аптекарь притворился, что ничего не знает, вдобавок до смерти перепугался, приняв Хунна за шпиона инквизиции, несмотря на то что они были давным-давно знакомы.

— Если никто ничего не знает, мы никогда не найдем того, что нам нужно, — сказал Гримпоу.

— А что вы ищете, кроме этого старика? — спросил Хунн, хмуря брови.

— Мудрость, Хунн, мудрость, — ответил Гримпоу, восхищенно разглядывая великолепный страсбургский собор, под сводами которого трудились сотни рабочих, подмастерьев и мастеров, завершая розетку на фасаде.

Гримпоу благодаря занятиям в библиотеке аббатства знал, что для возведения столь величественного и прекрасного собора нужно освоить искусство выведения и соблюдения пропорций, основы которого сообщество каменотесов и зодчих держало в самом строгом секрете, и лишь немногие посвященные сумели постичь это искусство. Глядя на могучие статуи у входа в собор, юноша вдруг подумал, что, возможно, из мрака, царившего внутри каменных стен, он услышит голос теней.

На площади перед собором они переговорили с несколькими мастерами, обтесывавшими огромные каменные глыбы с высоких лесов, с которых свисали во множестве шкивы и веревки, предназначенные для подъема обработанных фрагментов. Никто из мастеров никогда не слышал имени Айдора Бильбикума, однако Гримпоу бросилось в глаза, что каждый каменщик вырезает на камне какие-то знаки, вроде личных меток, и что эти знаки подозрительно схожи с буквами послания, которое имел при себе отец Сальетти. Быть может,

шифр, которым пользовались мудрецы общества Уроборос, составлен на основе этих вот знаков, каждый из них соответствует определенной букве? «Если так, значит, мудрецы Уробороса тесно связаны с мастерами-каменщиками», — заключил Гримпоу, но с Хунном догадкой делиться не стал.

Кроме того, они сходили в квартал, где крутились колеса бесчисленных водяных мельниц, но и там ничего не выяснили. Аидор Бильбикум — да жил ли когда-либо такой человек?

На пути к постоялому двору, где договорились встретиться с Вейнель и Сальетти, у широкого канала они столкнулись с похоронной процессией. Свет факелов выхватил из сумерек ветхие дроги, за которыми люди в масках несли скелет, обернутый в черный саван. Приглушенно рокотали барабаны, а толпа размахивала руками, кривлялась и истошно вопила.

— Они празднуют Ночь колдовства, идут хоронить труп зимы и приветствовать весну, — пояснил Хунн, замедляя шаг и вглядываясь в маски.

Гримпоу засмотрелся на акробатов, что играли с огненными шарами на длинных цепях, и даже не заметил, как отстал от Хунна. А когда сообразил, что остался в одиночестве, то завертел головой, приподнялся на мысках, высматривая хозяина постоялого двора, но того нигде не было видно.

И тут Гримпоу заметил юную особу, приближавшуюся к нему. Голову девушки покрывала черная накидка, взгляд был настороженным, под глазами темнели синяки.

— Подойди, юноша, и дай прочитать твое будущее по руке, ибо ведомо мне, что тебя ждет, — проговорила девушка, и ее томный голосок зачаровал Гримпоу.

Юноша послушно протянул руку. Он не мог объяснить, чем его привлек этот голос; он словно услышал пение сирен, о которых рассказывал брат Ринальдо Метц в аббатстве Бринкдум. Вдруг вспомнилось, как Сальетти со смехом рассказывал о своих предсказаниях барону де Вокко. Так или иначе, юноша позволил себе соблазниться нелепой идеей — познать будущее, незримо начертанное в линиях руки. Что-то внутри побуждало Гримпоу сопротивляться, но от нежного прикосновения пальцев девушки по коже побежали мурашки, пробуждая незнакомые доселе мечты и желания, и он замер, не в силах сдвинуться с места.

— У тебя руки принца, — прошептала девушка, — но ты не знатного происхождения.

— Я пришел с пастухами, — соврал Гримпоу, покоренный пронзительным взглядом черных глаз.

— Ты пришел издалека. От тебя пахнет травами и полевыми цветами, дымом и костром. — Девушка глубоко вдохнула, будто пытаясь определить по запаху, откуда он пришел.

Гримпоу молча разглядывал предсказательницу, а та пристально изучала линии его ладони.

— Еще я вижу былые печали, боль утраты и горький плач.

Девушка с нежностью провела указательным пальцем по руке Гримпоу. Юноше подумалось о любовных ласках, о которых столько говорил Побе де Ланфорг и которые ему так хотелось познать.

— Моя мать умерла очень давно. — снова соврал Гримпоу, чувствуя, его пробирает дрожь.

— Однако ты не одинок. Те, кто идет с тобой, защищают тебя и скользят по твоей жизни, будто узелок по веревке.

— Я не понимаю, — признался Гримпоу.

— За тобою присматривают, но помочь готовы не всегда, — объяснила девушка, помолчала, зажмурившись, словно заглядывая за пределы яви, и наконец произнесла: — Ты устал от вопросов, на которые нет ответа, и надеешься постичь истину через созерцание.

С каждым мгновением лицо девушки становилось все резче и словно темнее.

— Кто вы? Чего вы хотите от меня? — растерянно пробормотал Гримпоу.

Несмотря на рокот барабанов, юноше почудилось, что город затих и слышен лишь голос юной незнакомки. Даже гам толпы с факелами и в масках диковинным образом отдалился, как будто все это был мираж. Он видел судорожные движения и кривляния, дерганье рук в свете факелов, однако не слышал ничего, кроме опьяняющего шепота девушки.

— Иди в собор и постучись три раза в дверь справа, где стоят статуи мудрых дев, — сказала та, не отпуская его руки. — Человек, которого ты ищешь, хочет с тобою поговорить. Приходи один, иначе никогда его не увидишь. — Она провела рукой по ладони Гримпоу, будто подарив последнюю ласку, и растворилась в беснующейся толпе.

С моста был виден силуэт страсбургского собора, слабо освещенного лунным светом. Юноша вновь попытался высмотреть Хунна, но окружавшая толпа представляла собой плотную массу безликих тел, обезумевших от демонического обряда, устроенного с позволения епископа ради успокоения грешных душ.

Гримпоу, расталкивая встречных плечами, выбрался из толпы и направился безлюдными и темными улицами к собору, размышляя о том, не расставили ли ему

ловушку, чтобы завладеть камнем. Искать Аидора Бильбикума по всему городу казалось единственной возможностью найти того, кого уже нет, но, возможно, тем самым они невольно выдали, что камень у них и что они ищут секрет мудрецов. А если, как говорил Хунн, в Страсбурге полным-полно тайных обществ, любой мог догадаться об их уловке и попытаться завладеть камнем. Плутов везде хватает, и, быть может, у кого-нибудь хватило ума устроить засаду, он придет в собор, а его схватят и начнут выпытывать все, что он знает о камне и о секрете мудрецов.

Предаваясь раздумьям, Гримпоу дошел до собора. По углам площади горело несколько факелов. Юноша увидел статуи трех женщин рядом с неким мужчиной. Должно быть, те самые мудрые девы, о которых говорила незнакомка. Он подошел к двери, сильно постучал три раза, в такт бешено колотящемуся сердцу. Гримпоу не знал, что ждет его в церкви, но отступить уже не мог. Уйди он сейчас, возможность услышать голос теней может больше и не выпасть, а поиск секрета мудрецов останется незавершенным.

Дверь открылась со скрипом, но никто не вышел навстречу. Гримпоу подождал какое-то время, всматриваясь во мрак, и вдруг различил тусклый огонек в глубине собора. Он шагнул вперед, хотя колени подгибались от страха. Надо было предупредить Сальетти, подумал он, пусть предсказательница и говорила, что его ждут одного.

Слабое пламя церковной свечи освещало центральный неф. Гримпоу приблизился к источнику света, его лицо проступило из мрака, и тогда он услышал голос, исходивший из темноты.

— Кого ты ищешь?

Гримпоу, довольный тем, что услышал голос теней, огляделся, тщетно пытаясь понять, откуда исходит голос.

— Айдора Бильбикума, — просто ответил он.

Голос откликнулся, будто эхо:

— Айдора Бильбикума? Его больше нет, он умер много веков назад.

— Я знаю, — согласился Гримпоу.

— Я думал, придет Джакопо де Эсталья.

— Джакопо де Эсталья замерз зимой в горах близ аббатства Бринкдум, — смиренно ответил Гримпоу.

Настало молчание, и юноша воспользовался этим, чтобы задать свой вопрос.

— Что за девушка велела мне сюда прийти?

— Просто девушка, переодетая ведьмой, чтобы остаться незамеченной в Ночь колдовства, — ответил голос и тут же спросил: — Зачем тебе нужен Айдор Бильбикум?

— У меня для него послание.

— Можешь передать мне.

— На небе есть свет и тьма.

— Ты был в Долине солнца?

— Да, в крипте церкви Корнилия.

— Как тебе это удалось?

— Я провел ключом по надписи и по знаку.

— И что случилось?

— Открылся склеп без тела.

Гримпоу понимал, что голос, который с ним говорит, принадлежит человеку, никак не призраку, но ему почему-то хотелось как можно скорее выйти из мрачного собора.

— Камень у тебя с собой? — спросил голос.

— Да, — ответил Гримпоу без раздумий. — Хотите его забрать?

— Нет, камень выбрал тебя, — ответил голос.

— И что я должен делать?

— Истолковывать секретные знаки, как и прежде. За этой свечой ты найдешь полный текст той страницы, которой не хватало в манускрипте Аидора Бильбикума.

— Откуда он взялся?

— Я нашел его в мастерской одного местного жителя, очень-очень давно.

— Гуриельф Лабокс тоже умер, — сказал Гримпоу.

— Значит, только мы двое живы, — ответил голос из мрака. — Поэтому ты должен найти секрет мудрецов и сделать так, чтобы он стал доступен другим, чтобы человечество познало свет мудрости, а не прозябало во мраке суеверий и невежества.

Гримпоу подошел к подсвечнику, на котором стояла большая свеча, и нашел за ним, на каменном полу собора, лист пергамента. Он поднес лист к свету и прочитал:

Ты за знаками последуй,
Отыщи укромный угол,
В коем жизнь и смерть едины.
Дар бессмертия обретши,
Ты Незримый Путь увидишь.
К острову Жирав дорога,
Где несметно чудиц разных.
Ты найди в ногах у беса
Откровенье слов последних.

Дальше ты пройди колонны,
В лабиринт вступи и семя
Посади, и пред глазами
Прорастет цветок прекрасный.

— Это очередное зашифрованное послание! — воскликнул Гримпоу, но голос теней ничего не ответил.

В БОЧКАХ

На обратном пути к постоялому двору Хунна, возвращаясь по узким и темным улицам, окружавшим собор, Гримпоу наткнулся на группу солдат, похоже, тоже праздновавших Ночь колдовства, но по-своему. Один напевал мелодию, которую Гримпоу слышал от Дурлиба в лесах Ульпенса, а другие брели, шатаясь, со шлемами набекрень, и клинки их волочились по земле. Юноша молча прошел мимо, а солдаты его и не заметили, ибо напились так, что дома колыхались у них перед глазами, будто они плыли по бушующему морю.

В таверне на первом этаже постоялого двора компании крестьян, ремесленников и каменотесов налегали на вино, которое ставили им на столы в огромных кувшинах; они решительно подносили ко рту чарку за чаркой, и вино текло по бородам и усам.

Гримпоу спустился по ступенькам и увидел за стойкой Хунна, разговаривавшего с каким-то оборванцем. Завидев юношу, Хунн тут же подскочил к нему.

— Я уже начал беспокоиться, все ли с тобой в порядке, — прошептал он, вытирая руки грязной тряпкой.

— Я встретил того, кого нет! — выпалил Гримпоу, сгорая от желания рассказать кому-нибудь, что с ним произошло.

— Айдора Бильбикума? — недоверчиво переспросил Хунн.

Гримпоу кивнул.

— Где Вейнель и Сальетти? Мне нужно их увидеть как можно скорее.

— Я сказал им, что ты потерялся в толпе у каналов, и они отправились тебя искать. Думаю, должны вот-вот вернуться. Лучше поднимайся к себе и подожди. Свеча у лестницы. — И Хунн повернулся к человеку, с которым говорил до появления юноши.

Гримпоу открыл дверь рядом со стойкой, вслепую пошел по узкому коридору, ощупывая руками стену, нашел и зажег огарок свечи. Та, словно нимб, осветила его лицо, и в сопровождении собственной тени на стене юноша поднялся в свою комнату и запер дверь на задвижку.

Он взял с пола другую свечу, затем сел на подоконник и вытащил из-под полы лист, полученный в соборе. Гримпоу хотел было перечитать текст, но тут в дверь тихо постучали. Сердце екнуло, однако юноша открыл — и увидел встревоженные лица Вейнель и Сальетти.

— Можно узнать, где тебя носило? Ты нас до смерти напугал, — набросился с упреками Сальетти.

Гримпоу отмахнулся.

— Я встретился с тем, кого нет, и слышал голос из тени! — сообщил он с довольной улыбкой.

— Что? — не поверила Вейнель.

— Сейчас расскажу, но сначала посмотрите вот на это, — сказал Гримпоу, показывая недостающую страницу из манускрипта Айдора Бильбикума.

Сальетти тут же позабыл все обиды, схватил лист пергамента, поднес его к свече, а Вейнель с любопытством смотрела из-за его плеча.

— И что это означает? Каждое слово кажется загадкой, — прошептал Сальетти.

— А чего ты, собственно, ждал? Помнишь, что писал Аидор Бильбикум? «Тот, кто ищет секрет мудрецов, должен видеть во мраке и преодолеть хаос неподдающихся разгадке загадок», — на память прочитал Гримпоу.

— Гримпоу прав, — сказала Вейнель. — Сейчас вы, по крайней мере, знаете, с какими загадками предстоит столкнуться.

Сальетти посмотрел в глаза девушке.

— Может, ты объяснишь, что мы ищем? Ты ведь тоже причастна, мы всем этим обязаны нашим отцам.

— Позволь, я прочту текст, — сказала Вейнель, принимая вызов Сальетти, довольная тем, что ее признали своей. — Думаю, здесь три загадки, а не одна. Первая тут:

Ты за знаками последуй,
Отъщи укромный угол,
В коем жизнь и смерть едины.
Дар бессмертия обретши,
Ты Незримый Путь увидишь.

— Вторая загадка заключается в этих строках:

К острову Жирав дорога,
Где несметно чудиц разных.
Ты найди в ногах у беса
Откровенье слов последних.

— А третья такова:

Дальше ты пройди колонны,
В лабиринт вступи и семя
Посади, и пред глазами
Прорастет цветок прекрасный.

Было очевидно, что Сальетти, влюбленному в Вейнель, ее слова слаще меда.

— Что ж, вот загадки, которые мы должны разгадать, чтобы найти секрет мудрецов, но как нам понять, что они означают?

— Начнем с начала, — сказала Вейнель. — Мой отец всегда говорил, что это лучший способ разгадывать тайны.

— Первое, что нужно выяснить, — местонахождение опечатанной комнаты, в которой время есть жизнь и смерть, — проговорил Сальетти.

— А для этого мы должны следовать указаниям знаков, — добавила Вейнель.

— Кажется, я знаю, где находится опечатанная комната, — сказал Гримпоу. — Я думал об этом, возвращаясь сюда, и вот что надумал. Знак — Уроборос, другого нет. Это змея, кусающая себя за хвост. И если мы будем придерживаться этого знака, то... — Он сделал паузу, ожидая, что Вейнель или Сальетти закончат фразу.

Они оба задумались, и Вейнель догадалась первой.

— Круг! Знак Уробороса вычерчивает круг от головы до хвоста, который кусает змея.

Сальетти восхищенно посмотрел на девушку.

— Опечатанная комната находится в одном из замков Круга! — заключил Гримпоу, и все порадовались

этому выводу, однако на лице Сальетти отразилось сомнение.

Гримпоу вздрогнул и проснулся, весь в поту. Перед глазами все еще стояли кошмарные картины сумбурного сна. Ему приснился кошмар, он видел кровоточащее тело Сальетти среди сотен трупов. Гримпоу стоял рядом, и на его глазах инквизитор Бульвар Гостель выхватил камень из его рук, а он нисколько не сопротивился. Доминиканский монах залился смехом и велел солдатам отвести его к палачам. Потом он увидел себя, привязанного к дыбе, и собственный крик ужаса заставил юношу проснуться.

В коридоре послышался глухой стук — это стучали деревянные каблуки Хунна. Гримпоу вскочил, отодвинул задвижку и увидел, что Сальетти тоже выглядывает в коридор из комнаты Вейнель.

— Что не так, Хунн? — спросил Сальетти хозяина постоянного двора, который определенно выглядел встревоженным, даже напуганным.

— Вам нужно немедленно уезжать из Страсбурга! Инквизитор Бульвар Гостель уже в городе вместе с ищейками барона. Они задержали нескольких каменщиков и кое-кого из алхимиков, обвинив в том, что они могли дать вам приют.

— Мне следовало убить этого доминиканца, когда он был у меня в руках, — процедил Сальетти сквозь зубы.

— Я спущусь во двор, приготовлю лошадей, — сказал Гримпоу, одеваясь прямо в дверях комнаты.

— Вы не сможете уехать верхом. У мостов солдаты проверяют всех, кто входит и выходит из ворот. Я запрягу ваших лошадей в мою повозку, а вас спрячу в бочках из погреба.

— Если выберемся из города, то сразу поскачем к замкам Круга, — сказал Сальетти.

— Замкам Круга? Хочешь сбежать от костра, чтобы попасть в настоящий ад? Осада уже началась, я слышал, что барон де Вокко, толком не оправившись от ран, возглавил войско вместе с Вальдигором Ростволом. Им удалось захватить три замка на западе, а рыцари Гульфа, защищавшие их, укрылись в крепости герцога.

— Попробуем пройти через восточное ущелье. Если мы отправимся в путь прямо сейчас, то до наступления ночи уже будем там, — настаивал Сальетти.

Хунн подготовил повозку, запряг в нее лошадей своих гостей и одну свою, а на повозку взгромоздил шесть бочек: три были с вином, а еще три — с потайным дном, настолько просторные, что внутри мог спрятаться сидящий на корточках человек. Потом Гримпуу и Сальетти помогли Вейнель забраться в одну из бочек и следом залезли сами, ощущая себя заживо погребенными. Хунн закрыл бочки крышками, промазав как следует жиром, чтобы казалось, что они закупорены, залез на облучок, стегнул лошадей и выехал с постоянного двора.

Повозка быстро миновала квартал ремесленников и пустынную улицу писцов и книжников, совершенно обезлюдившую с тех пор, как начались преследования инквизиции. Потом проехали кладбище, оставляя позади справа длинный ряд кипарисов, длинных и тонких, как шпили башен, торчавших над их макушками. Пересекли мост с тремя стрельчатыми арками и тремя смотровыми башнями, возвышавшимися над Рейном, и направились к северо-восточным воротам, которые охраняли солдаты, вооруженные мечами и копьями.

Хунн остановил повозку и занял очередь за другими экипажами, которые часовые дотошно проверяли. Он кое-как слез с облучка, огляделся, убедился, что солдаты увлечены проверкой повозок с зерном, сеном, зеленью, дичью и свиньями, и притворился, будто подтягивает веревки, удерживающие бочки.

— Сидите тихо, даже не дышите, мы у ворот, — прошептал Хунн.

К нему направился коренастый сержант с красным и угрюмым лицом, в сопровождении двух солдат. Хунн пошел навстречу, усиленно припадая на увечную ногу.

— Да это же калека Хунн! Тебя что, барон послал утолить вином нашу жажду? — язвительно спросил сержант, снял шлем и провел рукавом по покрывшемуся потом лбу.

Гримпоу, Вейнель и Сальетти затаили дыхание, услышав хриплый голос стражника, и зажмурились — так, на всякий случай.

— В нынешние времена у барона де Вокко есть дела поважнее, чем утолять вашу жажду моим вином, старый плут, — отозвался Хунн, радуясь своей удаче: ведь этот сержант частенько заходил к нему в таверну.

— Ладно, давай показывай, что внутри, и скажи, кому везешь столь ценный груз, — сказал сержант, подходя к повозке.

— Я везу шесть бочек отличнейшего вина одному торговцу тканями, в соседний Изброден, а если ты откроешь бочки, я потеряю товар. Они запечатаны, чтобы божественный напиток не пролился, не приведи Господь. — Хунн усмехнулся. — А коли не терпится попробовать, можешь взять бурдюк, который я прихватил, чтобы по возвращении отметить удачную сделку, пора-

довав собственную глотку. — И он стянул полотно с повозки и предъявил шесть бочек и два бурдюка вина.

Сержант почесал голову, будто в нерешительности.

— Посмотрим, не врет ли нам этот хитрый калека, любитель надувать пьяных воинов, — сказал наконец сержант и подал знак солдатам.

Один из них отдал свое копьё товарищу, взял бурдюк, развязал и сделал хороший глоток.

— Вкусно, — просто сказал солдат и передал бурдюк сержанту.

Тот поднял бурдюк и пригубил. Затем вытер рот рукой, не оставив на усах ни капли, и сказал:

— Подарок мы оставим себе, а ты проваливай, покуда я не забрал и бочки.

Сидевшие в бочках с облегчением вздохнули.

Хунн забрался на облучок, и, собираясь стегнуть лошадей, спросил сержанта:

— Что стряслось-то? Отчего такая суматоха?

— Ищут троих беглецов, сбежавших из крепости барона де Вокко после того, как кто-то его ранил. Говорят, один из них — рыцарь, победивший в весеннем турнире замков Эльзаса, а сопровождавшая его дама — колдунья.

— И ты этому веришь? — фыркнул Хунн.

— Я верю только тому, что видят мои глаза, а когда я пьян, то и им тоже, — расхохотался сержант, и его смех внутри бочек прозвучал раскатами бури.

Хунн погнал лошадей и вскоре пересек последний мост, оставляя Страсбург позади.

Они ехали по дороге на север. Удалившись на достаточное расстояние от моста, Хунн остановил повозку рядом с высокими зарослями, слез с облучка и поспешил снять полотно с бочек. Затем снял крышку с первой бочки, а тот, кто сидел внутри, помогал ему, толкая вверх.

Это оказалась Вейнель, которая высунула встрепанную головку на свет и выбралась из бочки с помощью Хунна.

— Я думала, что навсегда там останусь! — воскликнула она, жадно глотая воздух.

— Помогите мне снять крышки с других бочек, — попросил Хунн.

Сальетти и Гримпоу выпрыгнули наружу, словно лисята, впервые выбравшиеся из норы. Они забрали коней из повозки, оставив только лошадь Хунна, и поблагодарили того за все, что он для них сделал. Перед тем как расстаться, Сальетти вытащил из кожаного мешочка толику золота и отдал Хунну.

— Возможно, тебе придется на время покинуть Страсбург. Это поможет переждать, пока не убедись, что инквизитор Гостель больше не хочет зажарить тебя на решетке, как барашка.

— Ты же знаешь, я не ради золота вам помогаю. Вы с твоим отцом сделали бы для меня то же самое. Но я не откажусь от золота, не надейся. Уж больно не хочется радовать этого гнусного доминиканца. Пожалуй, поеду на юг, в Мюльхаус, к брату, которого я уже несколько лет не видел. Думаю, он еще жив, а если и не так, я, может быть, останусь помочь его семье. У него одиннадцать детей, а он всего-навсего разводил свиней.

Все обнялись, и Хунн пожелал им удачи в поисках мудрости, хотя и признался, что не понимает, как можно найти этакое сокровище.

ЗАПЕЧАТАННАЯ КОМНАТА

Когда они миновали ущелье, вдалеке показалось густое облако дыма, нависшее над замками Круга на за-

паде. Тысячи всадников, крошечные, как муравьи, скакали по равнине, направляясь к крепости Гульфа Остембергского, и никто не выходил им навстречу, чтобы помешать их продвижению.

— Войско барона Фигельтаха де Вокко сровняло с землей несколько замков Круга, чем обеспечило себе проход к крепости герцога. Если мы не поторопимся, они захватят и ее, — сказал Сальетти, обозревая окрестности из седла. Гримпоу и Вейнель тем временем наслаждались красотами открывшейся им долины.

Густая трава покрывала луга, через которые с востока на запад бежали прозрачные воды бурной реки. Именно там возносились к небу восемь титанических утесов, увенчанных замками Круга. В центре, на высоком плоскогорье, окаймленном скалами, возвышалась знаменитая крепость герцога Гульфа Остемберга, защищая своими башнями и стенами спрятавшийся за нею городок.

Путники подстегнули лошадей и помчались вперед быстрее ветра, прежде чем их заметили и бросились вдогонку.

Попасть на плоскогорье, где находилась крепость Гульфа, было возможно только с восточной стороны, где утес с головокружительной резкостью обрывался вниз. Часть крепостной стены, под наблюдением возведенного на разводном мосту небольшого укрепления, защищал глубокий и широкий овраг. За ним высились две круглых башни, разделенных стеной, в которой виднелись ворота, что вели к укреплению у подножия утеса. Своды и стены туннеля между внешними и внутренними воротами изобиловали ловушками и всяческими хитроумными защитными приспособлениями для врага, которому все же удастся добраться сюда живым, пре-

одолев наружные препятствия при входе — цепи, преграждающие путь всадникам, бойницы, откуда стреляли лучники, и дыры в сводах, откуда на нападающих лилось раскаленное масло и рушились камни. Перед теми же, кто сумеет преодолеть первую линию обороны, открывалась дорога к замку, чьи башни и стены возвышались на скале над бездной. Крепость на крепости.

Как ни удивительно, путники, оставив за спиной извилистую дорогу до вершины утеса, без труда проникли в замок герцога Гульфа Остемберга. Едва стражники на башнях, окаймлявших ворота, увидели рыцаря и двух оруженосцев, удирающих от отряда воинов барона де Вокко, сейчас же затрубили трубы, решетка ворот поднялась, а разводной мост опустился.

Оказавшись внутри нижнего укрепления, Сальетти представился начальнику стражи и попросил немедленной аудиенции у герцога. Не успел он объяснить, по какому поводу хочет видеть правителя, как к ним подошел рыцарь, знакомый и Сальетти, и Гримпоу.

— После вашего неожиданного бегства с арены для состязаний барона я уже не надеялся снова вас увидеть, а еще меньше — встретить здесь, в этом убежище тамплиеров, — произнес голос у них за спинами.

Путники обернулись и увидели рыцаря Радогиля Курнильдона, того самого, с которым Сальетти беседовал близ крепости барона де Вокко. Именно Курнильдон рассказал, что папа Климент отравлен и что у него важная миссия в крепости барона, которая не имеет отношения к состязаниям. Сальетти не без оснований подозревал, что Курнильдон или его оруженосец могли выпустить ту стрелу, которая ранила барона де Вокко, благодаря чему они смогли бежать из крепости, взяв инквизитора Бульвара Гостеля в заложники.

На рыцаре Курнильдоне была длинная белая рубаха поверх кольчуги, с пояса свисал меч. На вороте рубахи алел большой крест ордена Храма, с плеч ниспадал длинный плащ с таким же крестом. Гримпоу внимательно оглядел рыцаря; юноше сразу вспомнилось, что точно такой же наряд он видел в подземной крипте аббатства Бринкдум, когда служка Кенсе показал ему меч тамплиера, принадлежавший некогда брату Ринальдо Метцу.

— Как вас сюда занесло? — спросил тамплиер, протягивая руку Сальетти и жестом давая знать капитану стражи, что их можно оставить наедине.

— Мы бежали из Страсбурга от инквизитора Гостеля, — ответил Сальетти, пораженный этой встречей.

— Если бы вы не заслонили мою цель, я бы сам покончил с этим треклятым монахом, всадив ему стрелу между глаз. Вы увезли его как заложника и что дальше?

— Я столкнул его в Рейн, подумал, что течение сделает остальное, — ответил Сальетти, лицо которого выражало сожаление.

— Надо было всадить ему кинжал в сердце, — процедил тамплиер, хмыкнул и хлопнул рукой в латной рукавице по плечу Сальетти.

Вейнель и Гримпоу не скрывали радости оттого, что успели добраться до крепости прежде, чем их догнали воины барона де Вокко. Им не терпелось отправиться на поиски запечатанной комнаты, где время есть жизнь и смерть, как гласил манускрипт Айдора Бильбикума. Но они не знали, удастся ли им найти эту комнату раньше, чем войска барона и короля Франции нападут на крепость, чтобы завладеть наконец секретом мудрецов. По пути к замкам Круга Гримпоу рассказал Вейнель ле-

генду о девяти рыцарях-тамплиерах и о магическом предмете, который более двух веков назад они перевезли из Храма Соломона в Иерусалиме во Францию, а потом объяснил девушке, что, по слухам, секрет мудрецов спрятан в крепости герцога Гульфа. Однако они прекрасно знали, что на самом деле в крепости спрятан вовсе не секрет мудрецов, так как, судя по манускрипту Айдора Бильбикума, им еще предстоит отправиться на таинственный остров Жирап, где живут монстры, чтобы встретиться с дьяволом и найти у его ног последние слова, а кроме того, пройти через колонны и попасть в некий лабиринт, чтобы посеять там зерно, из которого вырастет цветок. Гримпоу не переставал думать, что означает столь хитроумный шифр, и подозревал, что если они обретут бессмертие в запечатанной комнате, то смогут увидеть конец Незримого Пути, который приведет их к секрету мудрецов. Больше всего его беспокоил тот кошмар, от которого он в ужасе проснулся прошлой ночью на постоялом дворе Хунна: ведь он увидел истекающего кровью Сальетти среди сотен трупов. Что-то внутри юноши подсказывало, что это не просто дурной сон.

— Я видел, что войско барона и короля Франции уже сровняло с землей несколько замков Круга, — сказал Сальетти.

— К нашему большому сожалению, это так, несмотря на самоотверженное сопротивление рыцарей и солдат герцога Гульфа. Но тысяче человек не продержаться против шести с лишним тысяч воинов и осадных машин. К счастью, все жители замков успели укрыться в этой неприступной крепости, — сообщил Радогиль Курнильдон. — Ступайте за мной, я вас отведу к герцо-

гу Гульфу, который очень хочет с вами познакомиться. Он с дозорной башни наблюдает за войсками барона и готовит крепость к долгой осаде.

— Гульф Остембергский знает обо мне? — удивился Сальетти.

— Разумеется. Он мне говорил, что был лично знаком с вашим отцом, что они были хорошими друзьями, — ответил тамплиер. Пораженный Сальетти сбился с шага. — Когда я вернулся в крепость после турнира у барона де Вокко, то рассказал герцогу, что видел ваше бегство с арены и похищение юной красавицы, которая вас ныне сопровождает. Он пришел в восторг. А когда увидел, что некие всадники скачут по долине, будто за ними гонится сам дьявол, то велел мне спуститься и немедленно открыть ворота. Можете поверить, герцог Гульф очень рад принять вас в своей крепости, несмотря на столь трагические обстоятельства.

Сальетти знал, что его отец частенько ездил в Страсбург, да и он сам несколько раз сопровождал его, когда учился. Но он никогда и предположить не мог, чтобы его отец и герцог Гульф были знакомы. «Если это так, — подумалось ему, — то Вейнель, вероятно, была права, когда сказала, что мой отец встречался с другими мудрецами в замках Круга».

Они поднялись к верхней крепости по такой узкой дорожке, что по ней с трудом могли пройти в ряд две лошади. Миновали туннель и решетку, которую подняли при их приближении, и очутились в просторном дворе. Солдаты сновали по стенам, готовясь к обороне; все понимали, что нижнее укрепление не устоит перед колоссальным войском барона и короля Франции.

Между высоких зубцов башни герцог Гульф Остембергский с горечью смотрел на приближение врага, ко-

того было не остановить. Три замка Каменного Круга, расположенные на западе, уже пали под натиском рыцарей барона де Вокко и догорали, словно громадные факелы. Гарнизоны и жители этих замков укрылись в крепости и вместе с прочими воинами герцога готовили стрелы, острили мечи и наполняли водой бочки, чтобы тушить пожары.

Гульф Остембергский был едва ли старше Сальетти, но голубые глаза и бородка с ранней проседью придавали ему вид человека, умудренного годами.

— Вы приехали в тяжелый час, дикость невежества зальет кровью все вокруг, — сказал герцог Гульф, заметив Сальетти и двух оруженосцев, которых подвел Радогиль Курнильдон.

— Если вашей крепости угрожают дикари, я рад, что поспел вовремя, чтобы сражаться рядом с вами и вашими рыцарями, — ответил Сальетти, слегка поклонившись.

Вейнель и Гримпоу молча ждали, пока Сальетти их представит.

— В таком случае добро пожаловать в замки Каменного Круга. Мы вам рады, как всегда были рады вашему отцу, Джакопо де Эсталья, пусть он никогда не брал в руки меча и воевал лишь своей мудростью.

— Я не знал, что мой отец бывал в вашей крепости, — сказал Сальетти.

— Ваш отец был близким другом моего отца, а также прочих мудрецов, что прежде собирались в одном из залов этого замка несколько раз в году, — объяснил герцог, и во взгляде его промелькнула тоска по далеким и счастливым временам.

Услышав о некоем зале, где собирались мудрецы, Сальетти, Гримпоу и Вейнель переглянулись. Они-то ду-

мали, что им придется потрудиться, чтобы найти запечатанную комнату, а оказывается, она вполне доступна.

— Рыцарь Курнильдон сказал, что и вы дружили с моим отцом, — продолжал расспрашивать Сальетти.

— Я был совсем юным, когда ваш отец подарил мне любопытный прибор, который превращал маленькое в большое, а если его поставить перпендикулярно солнечным лучам, мог воспламенить что угодно, — сказал герцог с улыбкой.

— Тогда вы, скорее всего, знакомы и с мудрецом по имени Гуриельф Лабокс, — предположил Сальетти.

— Именно так, он был одним из тех, кто навещал меня, — подтвердил герцог.

Сальетти жестом велел Вейнель и Гримпоу подойти и представил их герцогу. Потом поведал о заснеженных лесах Ульпенса и о смерти отца Вейнель от рук инквизитора Гостеля. Герцог выразил соболезнование и добавил:

— Я уверен, наша встреча в столь тяжкий час несчастна и как минимум послужит поводом вспомнить наших родителей. Идемте со мной, я покажу вам зал, где собирались мудрые мужи, и расскажу одну историю, которую еще никто не слышал.

Гульф оставил рыцаря Курнильдона вместо себя и покинул башню в сопровождении гостей. Они молча спустились во двор, где воины герцога во всеоружии поджидали медленно приближающегося с запада врага. Гульф Остембергский сознавал, что ему не следует покидать своих солдат и передавать командование, но полагал, что должен исполнить старинную клятву, и потому направился в зал, где в былые времена собирались светлейшие умы, и куда он не входил ни разу после смерти отца. Вейнель и Сальетти верили, что их

связывает с Гульфом нечто неосвязаемое, совместная история их родителей и стремление к мудрости. Совсем скоро им предстояло узнать наверняка, что их объединяет.

Герцог пересек двор и отодвинул засов сводчатой железной двери, затем взял факел, висевший на кольце в стене, зажег его, и все спустились по узкой винтовой лестнице, выведившей в маленький круглый зал. Он был абсолютно пуст. Потолок овальной формы, должно быть, символизировал небо. Кое-что в этом помещении привлекло внимание Гримпоу, Вейнель и Сальетти, едва они переступили порог. Напротив входа, посередине стены, имелся рельеф, надпись крупными буквами на латыни.

ВРЕМЯ И ЖИЗНЬ ВРЕМЯ И СМЕРТЬ

«Время и жизнь, время и смерть», — повторили все трое про себя, не сомневаясь, что где-то совсем рядом должна находиться запечатанная комната, где время есть жизнь и смерть, как сказано в манускрипте Айдора Бильбикума.

Герцог Гульф заметил, что вырезанный на стене текст привлек внимание гостей, особенно Гримпоу, глядевшего на латинские буквы с таким видом, будто он прозревал за ними нечто большее.

— Пока еще не слишком поздно, я бы хотел рассказать вам об этой загадочной надписи, — сказал Гульф торжественно. — Один из моих далеких предков, Агреболь Остембергский, в юности был учеником мудреца по имени Айдор Бильбикум, который два века тому назад побывал на Востоке, поддавшись увлечению астро-

номией; там, по всей видимости, этот загадочный мудрец вручил моему предку чудодейственный камень. В легендах его обычно называют lapis philosophorum. Кроме того, он указал ему место в Храме Соломона в Иерусалиме, где спрятан чудесный предмет, чья мощь столь удивительна, что его возжелали бы все короли и императоры, узнай они о его существовании. Атбероль Остембергский отвел Айдора Бильбикума в те далекие земли до того, как начались крестовые походы, и они вместе с тайным обществом мудрецов под названием Уроборос поручили девяти рыцарям, называвшим себя тамплиерами (потому что когда-то они останавливались в конюшнях Храма Соломона), защитить от нападений сарацин и бандитов повозку с чудесным грузом по дороге во Францию. Миссия их щедро оплачивалась золотыми слитками. Когда они добрались до места, мудрецы Уробороса спрятали магический предмет, а девять рыцарей учредили могущественный орден Храма, в честь Храма Соломона в Иерусалиме, где они прожили в течение многих лет как монахи-воины, защищавшие паломников...

— Все, что вы рассказали, кроме того, что ваш предок Атреболь Остембергский был одним из создателей секретного общества Уроборос, нам уже известно, о том же самом говорится в манускрипте самого Айдора Бильбикума под названием «Космическая сущность камня». — перебил Сальетти. — Но продолжайте, пожалуйста. Думаю, вы поведаете нам недостающие факты этой фантастической истории.

— Это история превратилась в легенду, когда рыцари ордена Храма добились такой власти и скопили столько богатств, что возбудили зависть священников, королей и императоров. Все стали думать, будто девять

рыцарей Храма и вправду нашли бесценное сокровище. Но сначала я расскажу вот что: моему предку Атреболу Остембергскому, поскольку он был любимым учеником мудреца Айдора Бильбикума, было поручено похоронить последнего в никому не известной крипте...

Сальетти снова перебил.

— Эта крипта находится в церкви Корнилия, к северу от Ульпенса, — сказал он.

— Я вижу, что не ошибся, предполагая, что камень у вас. Без сомнения, вас заинтересует то, что я собираюсь рассказать.

Мой предок Атреболь Остембергский получил от Айдора Бильбикума камень, а после того, как похоронил своего учителя вместе с известным вам манускриптом, он спрятал в секретном месте этого замка ключи, которые ведут к секрету мудрецов. Атреболь никому не открыл, где спрятал ключи, а когда его дети выросли, заставил их поклясться, что они ни с кем не станут делиться этой историей — разве что в крепость придет истинный мудрец. Такого человека они должны были привести в этот зал и оставить одного на столько, сколько ему будет нужно, и не удивляться, если вдруг больше его не увидят.

Последние слова герцога встревожили Гримпоу. Он никак не мог понять, что это значит. Юноша даже вообразил себе, что мудрец растворяется в воздухе, исчезает, как исчез у него на глазах труп отца Сальетти.

— Кроме того, Атреболь Остембергский заставил своих детей поклясться, — продолжал Гульф, — что эту историю они в свою очередь перескажут собственным детям и потребуют от тех такой же клятвы. Ведь мудрецы вменили Остембергам помогать будущим обладателям камня найти секрет мудрецов. Я знаю, что мой отец, как

и ваши родители, был одним из этих мудрецов, а в этом зале собиралось тайное общество Уроборос. Я поклялся своему отцу в том же, в чем клялись Атреболу Остембергскому его дети, и сейчас я сдержал свое слово, — заключил Гульф.

— Вы боитесь, что барон де Вокко сможет найти ключ к секрету мудрецов, спрятанный вашими предками? — спросил Сальетти.

— Барон де Вокко и король Франции преследуют хищную меру. Ими движут амбиции и страх смерти. Они полагают, что здесь спрятано сокровище, о котором гласят легенды о тамплиерах. Я уверен, что какой-нибудь мудрец-тамплиер после невыносимых пыток палачей папы и короля Франции все-таки рассказал им об этом зале. Скажу вам правду: я сам, поддавшись соблазну, принялся искать сокровище по всем уголкам замка и не нашел ничего, кроме этого загадочного текста на латыни, который повествует о времени, жизни и смерти. В этих пустых стенах только мудрость, а вам, как обладателям камня, предназначено найти то, что от нее осталось. А сейчас простите меня. Войско барона уже у стен крепости, и ему следует оказать прием, достойный его дерзости. Уверен, скоро мы снова встретимся. — И герцог повернулся, намереваясь вернуться на башню.

— Подождите, — сказал Сальетти, — я пойду с вами. Как я уже говорил, я буду сражаться плечом к плечу с вами, защищая замки Круга от варваров. Я не мудрец, никогда им не был, думаю, никогда и не стану. Мое место — в сражении, именно это всегда было моей мечтой.

Вейнель и Гримпоу печально переглянулись. Если Сальетти не пойдет с ними, а им двоим все-таки удастся войти в запечатанную комнату, то, вполне возможно, они уже больше никогда не увидятся.

ВРЕМЯ ЕСТЬ ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Когда они остались одни в зале, где в былые времена собирались мудрецы общества Уроборос, Гримпоу схватил факел и начал осматривать каменные стены, выискивая в них трещины. Но стены были настолько гладкими и ровными, что казались монолитными. Вейнель следовала за юношей, думая, что ее отец, должно быть, тоже сживал в этом зале, обмениваясь познаниями и астрономическими открытиями с такими мудрецами, как отец Сальетти и отец Гульфа Остембергского. Интересно, догадывались ли мудрецы, что они собираются рядом с тайной комнатой, о которой говорится в манускрипте Айдора Бильбикума?

— Тайная комната, где время есть жизнь и смерть, должна быть где-то здесь, я уверен. В этом весь смысл латинского текста, высеченного на скале. Только вот не знаю, как ее открыть, — сказал Гримпоу, приближая факел к надписи и снова читая ее вслух.

ВРЕМЯ ЕСТЬ ЖИЗНЬ ВРЕМЯ ЕСТЬ СМЕРТЬ

— «Время есть жизнь, время есть смерть», — повторила Вейнель. Она, как и Гримпоу, искренне пыталась постичь смысл этих загадочных слов.

Гримпоу передал факел Вейнель, выгащил камень из льняного мешочка, висевшего у него на шее, и провел по тексту, как когда-то уже делал с надписью, высеченной в крипте церкви Корнилия. Он подумал, что система, по которой открывается комната, должна быть такой же, как и у саркофага, где они с Сальетти

нашли манускрипт Айдора Бильбикума. Но юноша быстро убедился, что раздвигать каменные стены, окружавшие их непроницаемым кругом, нужно как-то иначе.

— Скорее всего, Атреболь Остембергский, предок Гульфа, был столь же хитер и находчив, как и его учитель, и придумал защиту еще более замысловатую и сложную, чем шифр, который мы с Сальетти разгадали в крипте церкви Корниль, — сказал Гримпоу. — Но у меня такое ощущение, что слова «Время есть жизнь, время есть смерть» имеют некий смысл, отличный от того, который сразу приходит на ум.

— Я тоже сомневаюсь, что в этом тексте есть анаграммы и что от перемены букв местами получится другой смысл. Решение загадки в самих словах, — отозвалась Вейнель.

И тут девушка заметила внутри буквы О в слове MORTIS — «смерть» — маленький знак Уробороса.

— Посмотри-ка! — воскликнула Вейнель, приближая факел, чтобы тень от рельефа не мешала лучше разглядеть знак.

Гримпоу привстал на цыпочки, чтобы убедиться, что это действительно обратная сторона изображения змеи, кусающей себя за хвост, точно такого же, что и на печати на письме, которое нес погибший в горах рыцарь. И ему в голову пришла мысль, будто озарившая светом окружавший их мрак.

— Печать! Ключ к двери находится в золотой печати! Именно поэтому манускрипт Айдора Бильбикума говорит о запечатанной комнате! — вскричал он.

— О какой золотой печати ты говоришь? — недоуменно спросила Вейнель.

— О печати, которую нес отец Сальетти в своей сумке, когда я нашел его труп в горах Ульпенса, недалеко от аббатства, — сказал юноша, доставая из заплечного мешка золотую печать со знаком Уробороса. — Комнату опечатали этой же печатью, и только с ее помощью мы сможем вновь открыть дверь. Именно поэтому отец Сальетти, Джакопо де Эсталья, нес камень, послание и золотую печать. Не обладая этими тремя предметами, невозможно разгадать секрет мудрецов. Камень, ключ к тайнам, позволил открыть крипту, где покоилась история общества Уроборос, а зашифрованное послание содержало ключ, чтобы найти того, кого уже нет, и услышать голос теней, и только этой печатью можно открыть запечатанную комнату, где время есть жизнь и смерть. Теперь ясно?

Вейнель согласно кивнула, но не выглядела убежденной в правоте юноши. Впрочем, не успела она и слова произнести, как Гримпоу поднес золотую печать к маленькому знаку Уробороса на скале, и пол вдруг с глухим треском разошелся, а каменная плита с высеченным на ней текстом «Время есть жизнь, время есть смерть» раздвинулась.

Первой в запечатанную комнату вошла Вейнель с факелом в руках. Она замерла, очарованная необыкновенной красотой этого таинственного помещения, чья дверь захлопнулась, едва они вошли во внутрь. Это была большая восьмиугольная комната, украшенная восемью полотнами. На стенах висели курильницы, которые Вейнель зажгла своим факелом и с восхищением воззрившись в потолок, который изображал небосвод, усыпанный звездами, и казался таким же прозрачным, как и бесконечное ночное небо.

Не успели они оторваться от созерцания этой чудесной комнаты, как вдруг отворилась нижняя часть двери, откуда ринулся поток мелкого песка, разливаясь по полу золотой струей.

— Это ловушка! Тайная комната — ловушка! — в ужасе закричал Гримпоу, понимая, что мельчайший, как жидкое золото, песок похоронит их заживо, если они не смогут как можно скорее разгадать загадку.

Вейнель попыталась успокоить Гримпоу, хотя и сама была чертовски напугана.

— Теперь я понимаю, что означают латинский текст при входе и слова Айдора Бильбикума в его манускрипте о том, что в тайной комнате время есть жизнь и смерть, — сказала девушка. — Эта комната, словно песочные часы, отмеряет наше время на разгадку тайны. Если мы успеем до того, как время истечет, то спасем наши жизни, а если нет, то погибнем. «Время есть жизнь, время есть смерть». Потому-то герцог Гульф и сказал, что его предок предупреждал, мол, не стоит удивляться, если обитатели замка не увидят больше того, кто останется в одиночестве в зале мудрецов.

Гримпоу поглядел на пол, уже покрытый песком. Оставалось приблизительно два часа до того, как они окажутся в песке по пояс. Юноше припомнилось проклятие, о котором поведал отшельник, встретившийся им с Сальетти в маленькой часовенке на перекрестке дорог у границ Ульпенса: «Да будут прокляты те, кто осмелится приблизиться к сущности мудрости, потому что двери, которые им удастся открыть, навсегда за ними закроются». Неужели это проклятие, как и то, которое, горя на костре, бросил папе и королю Франции великий магистр тамплиеров, начинает сбываться?

В центре комнаты стоял большой стол, тоже восьмиугольный. На столешнице была нарисована роза ветров, а на каждом из восьми углов была вырезана из камня фигура, изображавшая человека, сидящего в кресле с высокой спинкой. Эти каменные мудрецы в просторных тогах опирались на стол обеими руками, в которых держали огромные бронзовые листы. Вейнель почувствовал, что это существа из плоти и крови, которым не хватает лишь дуновения жизни, чтобы начать двигаться. Среди них она нашла и своего отца. Остальные лица, с глубоко посаженными глазами и длинными бородами, не были ей знакомы. Гримпоу тоже не узнал никого из мудрецов, кроме незабываемого лица окоченевшего в горах рыцаря, которого он нашел на снегу и который оказался отцом Сальетти. Однако среди этих восьми фигур была одна, чьи черты очень походили на герцога Гульфа, хотя и принадлежали человеку в годах.

— Полагаю, это каменные статуи восьмерых основателей тайного общества Уроборос, которые нашли и спрятали секрет мудрецов, — произнес Гримпоу с деланным спокойствием.

Юноша сумел совладать с паникой, тем более что сцена словно замерла во времени. Тем не менее бег времени продолжался в песочных часах, в которые превратилась тайная комната, где они могли обрести как жизнь, так и смерть. Но, по крайней мере, они уже знали, что все зависит от того, удастся ли им разгадать запутанную загадку, которую представлял собой таинственный зал.

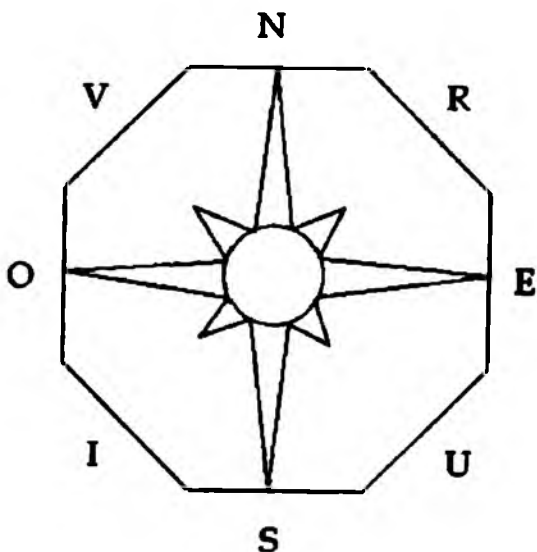
— Если мы хотим живыми выбраться отсюда, нам следует двигаться постепенно, чтобы ничего не упустить, — предложил Гримпоу.

— Тогда давай начнем с самого начала, как всегда советовал мой отец. Очевидно, что в центре зала у нас восьмиугольный стол с фигурами мудрецов, по одному с каждого угла. И все они держат в руках по одной букве.

— Это так, — согласился Гримпоу, признавая, что Вейнель оказалась рассудительнее, нежели он предполагал.

Юноша прикинул, не соответствуют ли буквы инициалам имен мудрецов, но не увидел буквы А — ни Аидора Бильбикума, ни Атреболя Остембергского, имен первых известных им членов общества Уроборос.

— Надо зарисовать стол и буквы, которые держат мудрецы. Возможно, это поможет нам, — вслух размышлял Гримпоу, вытаскивая кусочек пергамента и уголек из своей дорожной сумки.

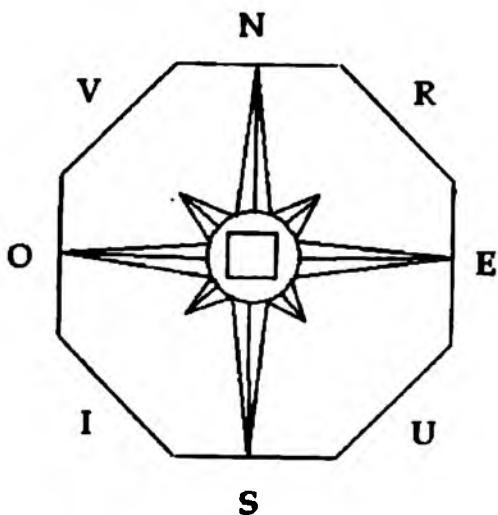
— На столе изображена роза ветров, указывающая на четыре стороны света. Посмотри, мудрец, сидящий на севере, держит в руках букву С, тот, что на юге — Ю, тот, что сидит на востоке, — букву В, а тот, что на западе, держит в руках букву З, — сказала Вейнель, гордая своими умозаключениями.

— Здорово, Вейнель, я об этом даже не подумал! — воскликнул Гримпоу. — Похоже, мудрецы хотят подсобить нам в поисках.

— Затем рисунки, украшающие каждую сторону восьмиугольника, образующего стены зала, — продолжала Вейнель, и Гримпоу послушно все зарисовал. — Если начнем с севера, оттуда, где Полярная звезда, служащая проводником мореплавателям, а затем продолжим слева направо, ведь так движется Земля по своей оси, по астрономической теории мудрецов Уробороса, то увидим, что первый рисунок изображает бесформенную серую массу, плавающую посреди пустоты, второй — череду планет, движущихся по Вселенной, третий — только звезды, четвертый — огненный шар, на верное, Солнце; пятый представляет собой полный жизни сад, шестой изображает прекрасную розу, седьмой — сидящего полураздетого человека с лицом дикаря, который рассматривает, как горит ветвь дерева, а на восьмом рисунке мы видим змею, кусающую себя за хвост.

Гримпоу бегом зарисовал все, что так подробно перечислила Вейнель, и поглядел на получившийся запутанный код.

— А над нами небесный свод, — сказал он, заканчивая зарисовку. Потом подошел к Вейнель и показал девушке свой набросок.

Взгляды обоих блуждали по этому грубому, но вполне узнаваемому рисунку, а бесконечный песчаный поток тем временем уже добрался до лодыжек. Долгое время они хранили молчание, рассматривая рисунок и размышляя над загадкой, что окутывала их, точно покрывало, сквозь которое никак не пробьется солнечный свет. Наконец Гримпоу пришла в голову одна мысль, и он предложил Вейнель проверить ее.

— Знаешь, о чем я думаю? Возможно, ответ в буквах, которые держат в руках мудрецы, — сказал он и подошел к тому, у которого в руках была буква З, указывавшая на запад. Он потрогал букву и выяснил, что та свободно вынимается.

Вейнель восхитилась сообразительностью Гримпоу.

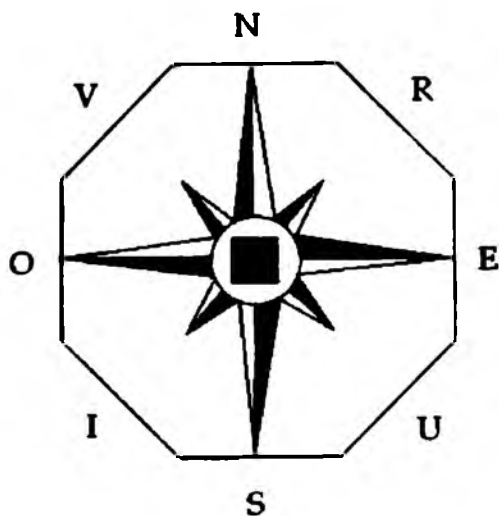
— И как ты думаешь, что это может означать?

— Что эти буквы нужно вытащить из рук мудрецов и разложить в определенном порядке, — ответил Гримпоу, воодушевленный собственной догадкой. — Воз-

можно, каждая буква каким-либо образом соотносится со сценами на полотнах на каждой из стен.

— Например? — спросила Вейнель, недоумевая.

— Посмотри-ка, — сказал юноша, снова передавая Вейнель свой набросок.

— Роза ветров указывает на север, а мудрец, сидящий на этой стороне восьмиугольного стола, держит в руках букву С, как ты могла заметить. Давай поищем рисунок, на котором было бы что-то, начинающееся с С. Это всего лишь предположение, но, возможно, так нам удастся что-нибудь выяснить. Повтори описание первой сцены.

Вейнель отвела глаза от рисунка и снова посмотрела на картину на северной стороне, висевшую за мудрецом с буквой С в руках.

— Тут бесформенная серая масса, плавающая в пустоте, — задумчиво произнесла девушка.

— Так, ты произнесла слово, которое содержит букву С. — И Гримпоу записал на кусочке пергамента: «серый». — А сейчас давай посмотрим на следующую картину, справа налево, по движению Земли. Что ты про нее говорила?

— Несколько планет как будто двигаются по Вселенной.

— Замечательно, я думаю, может сработать. Ты сказала «планеты» и «вселенная», ни один мудрец не держит букву П, но у одного есть В. — И Гримпоу записал: «Вселенная».

— Точно! — воскликнула Вейнель и зарумянилась от возбуждения, словно очутившись в теплом помещении с лютой стужи. Между тем песок уже подбирался к коленям.

— Теперь опиши следующую сцену.

— На третьей картине лишь три звезды, — произнесла девушка, не переставая думать о том, что время стремительно утекает.

— Это легко, у нас всего одна буква З, которую держит тот мудрец, что на западе, судя по розе ветров, — сказал Гримпоу, записывая: «звезда». Он был доволен, что его догадка оказалась верной.

— Огненный шар, скорее всего, изображает Солнце, — сказала Вейнель.

— «Шар», «огонь» и «Солнце». У нас есть только С, у того мудреца, что на севере. — И слово «Солнце» добавилось к записям Гримпоу.

— Пятая сцена представляет собой сад, полный жизни.

— Буквы П тоже нет, зато Ж есть! — воскликнул Гримпоу, записывая слово «жизнь».

— На шестой картине изображена роза.

Гримпоу тут же записал «роза», желая поскорее закончить, ведь песок продолжал заполнять комнату и уже подбирался к поверхности стола. Если песок покроет буквы в руках у мудрецов, то все усилия окажутся напрасными, и останется только ждать, когда их похоронит заживо.

— Седьмая картина — полураздетый дикарь, глядящий на горящую ветку, — продолжала Вейнель, и ее голос неожиданно дрогнул.

Гримпоу поежился.

— Ни одной подходящей буквы, только В, но мы ее уже использовали. Что-то тут не так. — Юноша ощутил нарастающее беспокойство: успеют ли они вовремя?

Вейнель закрыла глаза, чтобы собраться с мыслями. Но на ум ничего не приходило.

— У нас остались только буквы Р и У, и понятно, что последняя картина со змеей, кусающей себя за хвост, относится к обществу Уроборос. Таким образом, остается Р, — проговорил Гримпоу.

Вейнель уставилась на седьмую картину, повторяя про себя букву Р снова и снова. И наконец воскликнула:

— Разум! Дикарь наблюдает за горящей ветвью и открывает для себя огонь, потому как он разумен!

— Да, да! Мы отгадали! Мы отгадали! — сказал Гримпоу и показал Вейнель список слов, который у них получился:

ПУСТОТА
ВСЕЛЕННАЯ
ЗВЕЗДЫ
СОЛНЦЕ
ЖИЗНЬ

РОЗА
РАЗУМ
УРОБОРОС

— Это история человеческой мудрости, история философского камня, ключа к загадкам тайного общества мудрецов, которое его хранило и спрятало! — На Гримпоу будто снизошло священное безумие, и он начал прорицать: — В этих словах заключены миллионы лет тайны! Из Пустоты появилась Вселенная, где возникли Звезды, а среди них и Солнце, породившее Жизнь, олицетворенная Розой, как самым красивым цветком, который когда-либо существовал, и чью красоту человек способен оценить благодаря Разуму. Именно эту мысль лелеяли мудрецы общества Уроборос. А если соединим все начальные буквы, получится слово «УРСРЖЗВП»...

Юноша принялся вытаскивать бронзовые буквы одну за другой из рук мудрецов и раскладывать их на песке, который уже почти полностью покрыл восьмиугольный стол розы ветров. Ничего не произошло, лишь песок начал струиться быстрее. Вейнель попросила Гримпоу немедленно положить буквы на место, и действительно песок сразу же потек с прежней скоростью.

Оба поникли головами, полагая, что наступили последние минуты жизни, но вдруг Вейнель встрепенулась, кинулась к мудрецу с буквой У и начала составлять магическое слово, которое могло вывести их из этой комнаты, где время есть жизнь и смерть:

У.. В... РСУ..

— Универсум! — Гримпоу обнял Вейнель, и оба они вскинули головы к потолку и увидели бесконечной кра-

соты небесный купол; тем временем открылся центр восьмиугольного стола, и из ниши появилась золотая шкатулка, в которой они нашли удивительной красоты карту.

Дверь комнаты снова открылась, и Гримпоу вспомнил текст листа, отсутствовавшего в манускрипте Айдора Бильбикума, текст, который он услышал от голоса из тени в кафедральном соборе Страсбурга:

Ты за знаками последуй,
Отъщи укромный угол,
В коем жизнь и смерть едины.
Дар бессмертия обретши,
Ты Незримый Путь увидишь.

ОСАДА КРЕПОСТИ

Войско барона де Вокко и короля Франции выстраивалось вокруг скалистого плато, чтобы атаковать крепость герцога Остемберга, перекрывая все подходы. Кроме того, на каменном мосту встал отряд рыцарей, отрезав дорогу к реке.

У подножия огромного утеса солдаты разбивали палатки и устанавливали боевые машины, а тем временем скалолазы предприняли первую попытку подняться наверх, цепляясь за выступы горы. Лучники герцога Гульфа стреляли сверху из луков и арбалетов, чем вынудили противников отступить. Некоторые погибли, а многие оказались ранены, не успев укрыться в расщелинах.

Сальетти сопровождал герцога и его рыцарей. Все пристально следили за передвижениями рати барона

де Вокно, которая сотнями поднималась с северо-востока, докуда не долетали стрелы из крепости. Несмотря на это, время от времени по приказу Радогиля Курнильдона сотни стрел срывались с луков и взмывали в воздух, чтобы упасть подобием ядовитого дождя.

— Вам удалось увидеть Незримый Путь? — переспросил Сальетти, выслушав рассказ Гримпоу с Вейнель, сиявших как дети.

— Я не знаю, обрели ли мы бессмертие, но, по крайней мере, нам удалось выбраться живыми из этой ловушки в запечатанной комнате, — ответила Вейнель.

Они отошли в укромный уголок, и девушка поведала Сальетти, какой сюрприз их поджидал, когда им наконец удалось войти в запечатанную комнату, где время есть жизнь и смерть, как они разгадали загадку, благодаря чему все же смогли вырваться из этих смертоносных песочных часов и увидеть Незримый Путь.

— Он тут! — сказал Гримпоу, показывая Сальетти карту из шкапулки, которая появилась посреди восьмиугольного стола после того, как Вейнель составила слово «Универсум».

— Но здесь нет никакой дороги, которая смогла бы привести вас к Незримому Пути! — воскликнул Сальетти.

Вейнель нахмурилась, Незримый Путь мгновенно перестал ее интересовать.

— Что ты хочешь сказать? Почему ты говоришь о пути, который ждет только нас? Разве ты не с нами? — спросила она, заранее огорченная ответом.

— Я решил остаться с герцогом Гульфом и его рыцарями, пока не закончится война, — сказал Сальетти, и глаза его заблестели.

— Но эта война не твоя! Ты не можешь бросить нас! Мы пришли сюда, чтобы найти запечатанную комнату! — запротестовал Гримпоу, не желая соглашаться с тем, что ему снова придется расстаться с другом.

Сальетти положил руку Гримпоу на плечо.

— Ты был лучшим оруженосцем, которого рыцарь только может пожелать, Гримпоу, а Вейнель для меня — бесценное сокровище. Но эта война касается меня так же, как и герцога Гульфа Остембергского. Его отец, как и мой, был великим ученым, а это — война невежества и предрассудков со знанием и мудростью. Войско барона де Вокко и короля Франции, осаждающее крепость, не ищет секрета, который наши отцы, мой, герцога Гульфа и твой, спрятали, чтобы однажды человечество достигло величия. Они алчут богатства и власти. Если я покину замок, отказавшись сражаться за те же идеалы, за которые погибли мой и твой отцы и многие другие, я буду чувствовать тебя самым ничтожным существом на земле.

В этот миг к ним подошел герцог Гульф с лицом человека, предчувствующего трагический финал.

— Я рад тому, что ваша находка в зале мудрецов не помешала нам встретиться вновь, — сказал он.

Гримпоу поклонился герцогу и протянул ему карту Незримого Пути, которую они нашли в запечатанной комнате.

— Эта карта принадлежит вам, ваше высочество. Ее спрятал ваш предок Атреболь Остембергский, и вы ее владелец по праву. Вот то, что ищут барон де Вокко и король Франции, что они надеются отыскать после падения замков Каменного Круга. Возможно, если вы отдадите им карту, войны удастся избежать, — сказал юноша.

Герцог Гульф взял карту, с любопытством посмотрел на нее и улыбнулся, словно удивляясь словам оруженосца.

— Дорогой Гримпоу, кто сумеет переубедить полчища фанатиков, жаждущих смерти, в том, что их идеи ошибочны? Если я предложу эту карту барону де Вокко или самому королю Франции, убеждая их, что на этом пергаменте указана дорога, ведущая к сокровищу, которое они ищут, они, вероятно, просто посмеются надо мной и ни за что не поверят моим словам. Эта карта была составлена и спрятана мудрецами, которых не волновали богатства, ибо единственным сокровищем для них всегда была мудрость. Вы с Вейнель доказали, что заслуживаете обладать этой картой, чтобы найти секрет мудрецов и спасти человечество от невежества. Когда я был маленьким, отец рассказал мне, что Земля движется вокруг Солнца и что эту картину мира приняли вопреки сопротивлению церкви и сжиганию на костре тех, кто осмеливался в открытую поддерживать подобную ересь. Ищите свет, Гримпоу, ищите его во мраке сумерек. Вы с Вейнель можете его найти, — заключил герцог под звон стрел, дождем обрушившихся на крепость.

На рассвете страшный грохот разбудил жителей крепости. Войско барона за ночь добралось до западной вершины и установило гигантских размеров катапульты под крепостными стенами. И еще до полудня огромные боевые машины начали стрелять камнями и огненными шарами по замку герцога Гульфа, да так, что мощные башни и стены содрогались, как от землетрясения. Скалолазы поднялись по выступам, в утренних сумерках сотни солдат и рыцарей полезли вверх по длинным веревочным лестницам. Зажигательные стрелы прорезали небо, как стремительные молнии-убийцы, над кре-

постью витали тени смерти. Осада твердыни Каменного Круга началась.

Сальетти пошел искать Гримпоу и Вейнель, которые укрылись в донжоне вместе с супругой и маленькими дочками герцога Гульфа, в сопровождении придворных дам и служанок, которые коротали время за разговорами и вышивкой. Сальетти ворвался в залу неожиданно, и все на мгновение замерли, решив, будто случилось самое страшное. Дамы прекрасно понимали, что с ними произойдет, если солдатам барона де Вокко и короля Франции удастся взять крепость, что пощады не будет, и готовы были сами покончить с жизнью, чтобы не попасть в руки дикарей и убийц. Ни одна из женщин не намеревалась бежать по секретным коридорам замка, которые уводили на несколько лье на запад, по направлению к Метцу. Их жизнь прошла в стенах твердыни Каменного Круга, тут было все, что придавало смысл их существованию. Если рыцари были готовы умереть, защищая крепость, женщины собирались последовать их примеру. Они ждали только указания герцога Гульфа, чтобы принять снадобье, которое усыпит их навеки. Поэтому, когда в залу ворвался Сальетти, они подумали, что пришло время проститься с миром.

Перепуганная Вейнель бросилась в объятия Сальетти, чье лицо выражало глубокую печаль.

— Где Гримпоу? — спросил рыцарь.

— В смежной комнате, забавляет мальшней рассказами о драконах и прочих чудовищах. Он хотел взять лук и сражаться рядом с тобой, но, слава Богу, мне удалось убедить его, что он еще юн для войны, — ответила Вейнель.

Сальетти отвел Вейнель в угол просторной залы и зашептал:

— Вы немедленно должны бежать. Войско барона почти подобралось к стенам и скоро сровняет крепость с землей.

— Я думала, эта крепость неприступна, — проговорила Вейнель.

— Она и была таковой, но против столь мощных боевых машин, какими обладают барон де Вокко и король Франции, ни за что не устоит.

— А что будешь делать ты? — спросила Вейнель, предчувствуя ответ.

— Мое место рядом с герцогом Гульфом, мы будем биться рядом, как когда-то наши отцы.

— Но ты же погибнешь, вы все погибнете! — Вейнель залилась слезами.

Сальетти нежно погладил возлюбленную по щеке.

— Потому-то вам нельзя оставаться в крепости. Если я паду на этой войне, моя смерть, по крайней мере, послужит славе наших родителей, но ваша с Гримпоу гибель никому не нужна. Вы погибнете зря, секрет мудрецов останется нераскрытым, мудрость не восстанет из пепла и не приведет человечество к грядущему, которое сейчас трудно даже вообразить. Наши отцы знали это, потому они и считали, что настал срок открыть секрет мудрецов, спрятанный древним обществом Уроборос, и таким образом избавиться раз и навсегда от невежества, правящего миром. За свои знания они заплатились жизнью, и только вы с Гримпоу можете довести до конца то, что не удалось им. У вас есть карта Незримого Пути, она поведет вас, как до того вел манускрипт Айдора Бильбикума.

— И куда же нам идти? Мы до сих пор не смогли истолковать карту и не знаем, в какую сторону она ука-

зывает, — сказала Вейнель, соглашаясь с доводами Сальетти, хотя ее сердце разрывалось от горя.

— В подвале крепости есть тайный ход, который соединяет замки Каменного Круга между собой и пересекает долину во всех направлениях. Идите на запад, а когда снова выберетесь на поверхность, держитесь того же направления, пока не найдете дороги на Метц. Если выйдете прямо сейчас, то до ночи доберетесь до города. Как только окажетесь там, увидите восьмиугольную башню заброшенной часовни ордена Храма. Притворитесь, что у Гримпоу что-то болит, и спросите, как найти доктора Умиуса Натца. Это близкий друг герцога Гульфа. Вам только нужно сказать, что герцог вас прислал. Вы можете полностью ему доверять.

— А когда мы снова увидим тебя? — спросила Вейнель, снова принимаясь плакать.

— Подождите меня три дня. Если на утро третьего дня я не вернусь, не тратьте времени и отправляйтесь туда, куда укажет карта. Возьми мешочек с золотом, мне он ни к чему, а вас может спасти от неприятностей. А сейчас предупреди Гримпоу и спускайтесь во двор, где вас уже ждут лошади. Я провожу вас до тайного хода, а потом вернусь на стену. — сказал Сальетти.

Гримпоу не мог понять, почему Сальетти решил остаться в крепости в канун осады. У него постоянно вставала перед глазами та страшная картина, которую он видел во сне на постоялом дворе Хромого Хунна. Неужели его другу суждена смерть? Эту картину он видел отчетливо, как песчинки на дне родника: окровавленное тело Сальетти в окружении сотен трупов. Если его друг останется в крепости вместе с герцогом Гульфом и другими рыцарями, то, вероятнее всего, они все вместе

погибнут в бою. Но как юноша ни старался убедить Сальетти отправиться дальше на поиски секрета мудрецов, ему так и не удалось изменить решение рыцаря защищать замок, где на протяжении двух веков собирались мудрецы общества Уроборос.

Во дворе грум уже держал за поводья лошадей, едва справляясь с ними, так как животные вырывались, напуганные грохотом и огнем. По стенам бегали лучники, в мгновение ока опустошавшие свои колчаны, а со всех сторон сотни людей выливали ведра воды на пылающие крыши и галереи. Рыцари герцога Гульфа укрепляли стены и башни на западе и уже вели первые рукопашные бои с врагами, которым удалось все-таки забраться наверх при помощи кошек и лестниц. Глухой рев, подобный звериному рыку, время от времени раздавался над замком, а вслед за этим огромный камень или пылающий шар падал на стены и крыши, разбивая их вдребезги.

Они спустились в подвал и шли по длинному и глубокому туннелю, освещенному факелами, пока не добрались до овального грота с высоким потолком, с которого свисали сталагмиты. На полу грота была выложена драгоценными камнями роза ветров, точно такая же, как и в запечатанной комнате, она указывала восемь направлений — и восемь тайных ходов, каждый из ходов вел к одному из восьми замков, окружавших крепость герцога Гульфа, и за пределы долины. Гримпоу недоумевал, кто мог вырыть под землей эти бесконечные дороги, похожие на темные гигантские норы.

— Почему бы всем не убежать по этим ходам и не бросить замок до того, как барон де Вокко и король

Франции нападут? — спросил юноша у Сальетти, в последний раз пытаясь убедить того уйти с ними.

— Мой дорогой друг, рыцарь не всегда вправе выбирать себе судьбу, — сказал Сальетти, крепко обнимая Гримпоу.

Затем он подошел к Вейнель и поцеловал ее в губы так, что их дыхание смешалось, словно они желали обменяться душами. Сальетти предчувствовал, что, возможно, это последнее воспоминание о возлюбленной, которое останется у него.

— Вам пора уходить, — произнес он с печалью в голосе, высвобождаясь из объятий Вейнель. — Идите в сторону Метца, всегда на запад. И не забудьте, что если на утро третьего дня я и не приду в дом Умиуса, не ждите меня и отправляйтесь по Незримому Пути.

С этими словами он ударил посильнее лошадей, чтобы Гримпоу и Вейнель не увидели слез, которые навернулись ему на глаза.

Герцог Гульф со своими рыцарями все еще сражался на западной стене, когда Радогиль Курнильдон принес тревожную весть. Ораве наемников во главе с Вальдигором Ростволем — рыцарем, которого одолел Сальетти в последней схватке на турнире замков Эльзаса, — удалось захватить дозорные башни нижней крепости, и они вот-вот возьмут укрепление у ворот, а тогда сотни солдат, что стоят у рва с гигантскими таранами и высокими лестницами, без труда доберутся до верхней крепости.

Сальетти спустился во двор, присоединился к рыцарям (многие из них были тамплиерами) и вместе с герцогом Гульфом направился к нижней крепости, чтобы

отбить дозорные башни и укрепление, оберегавшее ворота. Если наемникам Вальдигора Ростволя удастся опустить подъемный мост, нижнюю крепость можно считать потерянной безвозвратно.

Лучники отошли ко второй линии стен, но продолжали сдерживать продвижение нападающих, десятками поднимавшихся по лестницам к дозорным башням; многие из них падали в пропасть, заходясь в воплях ужаса, когда стрелы вонзались им в грудь, в шею или в глаз.

Герцог Гульф приказал открыть небольшую дверцу в стене, и его рыцари с яростью бросились на врага, вздымая мечи и потрясая щитами. Сальетти набросился на противников перед дверцей и одним ударом своей Атенеи разбил несколько шлемов и проломил несколько голов. Рядом с ним рыцари герцога падали от стрел и мечей захватчиков, чьи яростные крики потрясали крепость до основания. Герцог Гульф размахивал клинком, беспощадно отрубая головы врагам, а тамплиер Радогиль Курнильдон с той же яростью прикрывал его спину. Но когда он узнал изображение на родовом щите Вальдигора Ростволя — башня, пересеченная вороньим крылом, — то понял, что это тот самый человек, кому барон де Вокко и король Франции предложили крепости Каменного Круга в награду за победу. Тогда герцог мечом проложил себе путь среди толпы воинов и набросился на Ростволя с таким пылом, что тот споткнулся и упал. Клинок герцога ударил прямо в герб рыцаря, как солнечный луч с затянутого тучами неба. Вальдигор Ростволь, все еще лежа на земле, воспользовался этим мгновением и вонзил свой меч в живот герцогу с такой силой, что его кулак погрузился в щель в герцогских доспехах. Сальетти увидел выпученные глаза Гульфа,

изо рта герцога хлынула кровь, и владелец замка упал замертво.

Сальетти закричал так, будто в его собственное тело вопля ледяная сталь клинка Ростволя. Сходя с ума от ненависти, он раскидал всех, кто вставал на его пути и мешал добраться до Вальдигора Ростволя.

— Вы своей жизнью заплатите за смерть герцога Остембергского! — вскричал он, когда они встретились перед маленькой дверцей в стене.

Вальдигор Ростволь тут же узнал солнце и луну, герб рыцаря, вызывавшего его на дуэль.

— Так это вы, Сальетти де Эсталья! — процедил он.

— В прошлый раз, когда вы были в моей милости, я подарил вам жизнь. Сейчас можете считать себя мертвецом! — бросил Сальетти.

— Вы бахвалитесь как простой оруженосец! — воскликнул Ростволь и ухмыльнулся. — Тогда вы меня унизили, это правда, но пришло время отомстить.

И он обрушил удар на шлем Сальетти, но тот отразил выпад. Они обменивались стремительными ударами, безграничная ярость Сальетти заставила противника попятиться, его меч с лязгом задел стену. Вальдигору Ростволу удавалось кое-как сдерживать натиск Сальетти, но лоб его блестел от пота, а глаза бегали, будто он видел перед собой саму смерть.

— Вы все еще полагаете, что сможете насладиться вашей победой и завладеть крепостью после того, как убили собственными руками хозяина замков Каменного Круга? — спросил Сальетти, обезоруживая Вальдигора Ростволя стремительным выпадом.

Ошарашенный Ростволь собирался было что-то ответить, но не успел: он беспомощно наблюдал, как Сальетти крепко обхватил рукоять меча обеими руками,

поднял клинок до плеч, повернулся, готовясь одним ударом отрубить противнику голову. Наемник почувствовал, как стальное лезвие перерезает ему горло. Боли не было; голова отделилась от шеи и покатилась по земле. Хлынула густым потоком кровь, и свет в глазах Вальдигора Ростволя померк навсегда.

Часть III

НЕЗРИМЫЙ ПУТЬ

СВЕТ И ТЬМА

Весь день Гримпоу и Вейнель ехали на запад, не останавливаясь ни поесть, ни отдохнуть, и не перекинулись ни единым словом. Им было грустно, они беспокоились за Сальетти, ведь того могли убить при осаде крепости Остемберг; друзья боялись, что больше его не увидят. Даже то, что им удалось живыми выбраться из тайной комнаты и найти карту Незримого Пути, ничуть не воодушевляло. Сальетти с ними не было — вот единственное, что имело значение. Впереди были два долгих дня ожидания и сомнений, страхов и надежд, пока Сальетти не прискачет, целый и невредимый, на рассвете третьего дня в дом врача по имени Умиус, расположенный в городе Метце, куда они держали путь.

Попрощавшись с Сальетти в подвалах крепости герцога Гульфа, они двинулись в глубь длинного подземного прохода, освещая себе путь факелами. На низком своде и каменных стенах проступала влага, по проходу гуляло эхо шагов, и казалось, будто в мире ничего больше нет и туннель никогда не закончится. Порой из-под

ног прыскали в разные стороны светлячки, напуганные отблесками факелов. Гримпоу чудилось, что они перенеслись ненароком в темное и зловещее царство Аида (брата Зевса и Посейдона), бога из греческой мифологии, о котором он читал в библиотеке аббатства Бринкдун. Одержав победу над титанами, три бога поделили между собой мир: Зевсу досталось небо, Посейдону — море, а Аиду отдали во владение подземный мир. Юноша думал, что, возможно, король Франции и барон де Вокко лелеяли похожие планы. Быть может, после захвата замков Каменного Круга король Франции надеялся обрести тот загадочный предмет, которому легенды приписывали способность даровать бессмертие, а барон де Вокко довольствовался бы присоединением к своим землям Каменного Круга, чью главную крепость он пообещал своему союзнику рыцарю Вальдигору Ростволю — и тот словно превратился бы во властителя подземного мира. (Гримпоу не знал, что Сальетти отрубил рыцарю голову и душа Вальдигора Ростволя уже горит в аду.)

Наконец впереди забрезжил свет: блеклые лучи заходящего солнца осветили густой кустарник у подножия скалистого утеса, на макушке которого высились гигантские дубы. Вдалеке виднелась бурная река, сверкавшая в закатных лучах серебряным зеркалом, а рядом проглядывали зубчатые башни и островерхие крыши маленького городка, окруженного крепостной стеной.

Они вошли в Метц через западные ворота, защищенные двумя крутыми башнями, возведенными на мосту через реку. Крестьяне возвращались с полей, гоня перед собой мулов, нагруженных вязанками колосьев.

Путники миновали главные ворота, и им бросились в глаза гнезда аистов — на крышах домов, нескольких церквей и на колокольне собора. На площади, окруженной красивыми домами с колоннами, они увидели компанию шушукающихся горожанок, направлявшихся в собор на вечерню. Женщины, все как одна нарядно одетые, с любопытством оглядели молодых людей. Вейнель спросила у них, где находится дом врача по имени Умиус Натц, объяснив, что надо показать доктору ее брата, жалующегося на тошноту и головокружение, а Гримпоу тем временем изображал такое сильное недомогание, как будто подхватил черную чуму. Женщины испугались неведомой заразы, и одна из них, изящная и темноволосая, с голубыми глазами, указала путь: нужно пройти маленьким переулком вдоль стены собора, потом свернуть направо и идти до часовни тамплиеров, а затем по узкой улочке выйти к башне и постучать в дверь четвертого дома слева.

С тех пор как они перешли реку и вошли в город, Гримпоу не переставал думать о библиотекаре из аббатства Бринкдум брате Ринальдо Метце. Образ ученого старца с глазами без ресниц словно обрел плоть и кровь, когда молодые люди добрались до закрытой часовни запрещенного ордена храмовников. Часовня имела заброшенный вид, ее колокола уже давно не созывали тамплиеров Метца на службу. Гримпоу дотронулся до стены и представил себе, как молился внутри Ринальдо Метц, совсем еще юный, принявший обеты тамплиеров и отправившийся на Восток защищать Иерусалим от неверных. Похоже, в его жизни завершается та пора, что началась со знакомства с монахом, обучавшим его в библиотеке аббатства Бринкдум, — с монахом, чье

прошлое встретилось ему в городе, где брат Ринальдо Метц родился более восьмидесяти лет назад.

Как и говорил Сальетти, дом Умиуса оказался совсем близко от часовни тамплиеров. Скромный фасад, пара окошек над входной дверью, однако внутренний двор просторный, обсажен жасмином и вьюнком. Вейнель постучалась в дверь, а Гримпоу держал лошадей.

Им открыл седой старик с длинной бородой, который явно удивился, увидев молодых людей на пороге своего дома. Врачу показалось, что это юноша и прекрасная девушка, но из-за шапки, покрывавшей волосы Вейнель, он засомневался. И тут прозвучал нежный голосок.

— Герцог Гульф Остембергский просит принять нас на несколько дней в вашем доме, — сказала Вейнель, вдыхая аромат цветов и целебных трав, наполнявший двор.

— Если вас и вправду направил ко мне герцог Гульф, можете считать, что вы у себя дома, — ответил старик, не задавая лишних вопросов.

Он показал им маленькую конюшню, помог снять седла и насыпал в деревянный лоток сена, а в другой налил воды.

— Ну вот, теперь у лошадей достаточно еды и воды. А теперь ступайте со мной на кухню, вы, похоже, тоже устали и хотите есть. Скажу жене, что у нас гости, чтобы она приготовила спальни и ужин. Ее зовут Маусле. Я уверен, она очень вам обрадуется.

Гримпоу лицо и голос этого старика показались знакомыми. Может, потому, что врач напоминал ему брата Ринальдо Метца — или просто черты библиотекаря уже стерлись из памяти, и теперь юноша находил похожими всех стариков без исключения. Впрочем, Гримпоу был уверен, что эти двое, брат Ринальдо и врач, похожи, как

две капли воды. Единственное, что отличало врача, — густая борода, закрывавшая нижнюю половину лица.

Долгое время Гримпоу не сводил глаз с врача, словно надеясь отыскать ответ в печальном взгляде серых глазах.

— В аббатстве Бринкдум я познакомился с монахом, который родился в этом городе более восьмидесяти лет назад, — наконец осмелился заговорить Гримпоу, когда они вернулись во двор.

Врач нахмурился.

— Этот город подарил миру множество монахов, предсказателей, аббатов, епископов, знати, рыцарей, бандитов, да и пару-тройку пророков, что скитаются по свету. — На губах Умиуса промелькнула улыбка.

— Его зовут Ринальдо, Ринальдо Метц, — добавил Гримпоу.

Старик задумчиво почесал нос.

— Моего старшего брата тоже зовут Ринальдо, но я уже давно о нем ничего не слышал.

— Монах, которого я знаю, вступил в орден Храма Соломона совсем юным, чуть постарше меня, по совету своего дяди, командора ордена, и сразу же отправился воевать на Восток. — Гримпоу внимательно следил за выражением лица врача.

— Откуда ты знаешь такие подробности? — удивленно спросил Умиус.

— Он сам мне об этом рассказал в аббатстве Бринкдум. Он был монастырским библиотекарем и долгие месяцы учил меня. Можете поверить, я его очень уважаю и люблю, — заключил Гримпоу.

Умиус присел на лавку в центре двора. Казалось, новость лишила его сил, и старческому телу требовалась передышка, чтобы принять ее. Вейнель молчала, раз-

мышляя о хитросплетениях случая, сплетающего жизни и судьбы, казалось бы, не имеющие ничего общего, как у нее самой произошло с Сальетти.

— Мы всегда думали, что Ринальдо погиб в последнем крестовом походе. Так нам сказали рыцари, вернувшись в Метц после поражения на Святой Земле. Мне сложно поверить, что он жив, ведь мы больше о нем не слышали, — проговорил врач с волнением в голосе.

— Он жив и прекрасно себя чувствует для своего возраста, в этом я могу поклясться. Ваш брат Ринальдо рассказал мне, что прожил в Святой Земле до шестнадцати лет, защищая крепости тамплиеров в Сафедде, Дамаске, Газе, Галилее и Акре, и что участвовал в седьмом и восьмом крестовом походах вместе с королем Франции Людовиком IX, тем самым, который умер от чумы перед воротами Туниса в тысяча двести семидесятом году, вместе с другими коронованными особами. Также он сказал, что, вернувшись в Европу, ощутил такое отвращение к крови, пролитой во имя Господа, что решил искать уединения в аббатстве Бринкдум на востоке Альп и посвятить свою жизнь молитве и учению.

— Увидев тебя перед дверью моего дома, я и подумать не мог, что ты принесешь такие вести, — сказал Умиус.

— Я сам не ожидал, что вы так похожи на своего брата, — отозвался Гримпоу. — Поэтому я и заговорил о нем.

Маусле, жена Умиуса, оказалась хрупкой пожилой женщиной, и, хотя время не пощадило ее, черты лица оставались тонкими и красивыми. Глубокие черные глаза заставили Гримпоу вспомнить мать.

— Проходите на кухню, ваши спальни уже готовы, а на ужин у нас вкуснейшая куриная похлебка, которая вернет радость вашим печальным сердцам, — проворковала она.

За ужином Вейнель начала рассказывать Умиусу и Маусле о положении замков Каменного Круга и о начале осады крепости герцога Гульфа Остембергского войском короля Франции и барона де Вокко. Кроме того, девушка поведала о смерти своего отца, Гуриельфа Лабокса, о преследованиях инквизитора Бульвара Гостеля, о бегстве в Страсбург, о Сальетти де Эсталья и его решении присоединиться к рыцарям герцога Гульфа для защиты крепости. Они с Гримпоу должны дожидаться его в Метце до утра третьего дня, а если Сальетти не вернется, то они продолжают свой путь без него.

— Вы ищете секрет мудрецов, ведь так? — спросил Умиус, застав врасплох и Вейнель, и Гримпоу.

— Как вы догадались? — недоумевал Гримпоу.

— Мне не нужно было догадываться, я знал. Джакопо де Эсталья и Гуриельф Лабокс были моими хорошими друзьями. Мы все были членами тайного общества Уроборос и собирались с отцом герцога Гульфа и другими мудрецами в замках Каменного Круга, чтобы делиться нашими знаниями и открытиями загадок природы и космоса, пока не начались преследования и убийства. Мы мечтали о мире, которым правят мудрые короли и принцы, но власть всегда предпочитает невежество, — проговорил Умиус. — И я очень боюсь, что, когда король Франции и барон де Вокко завоюют замки Каменного Круга, все наши устремления и надежды развеются в воздухе, будто неверные искры.

Они подробно обсудили магическую сущность камня, о которой говорилось в манускрипте Айдора Бильбикума, и тайны, защищавшие секрет мудрецов, который Гримпоу с Вейнель начали разгадывать, когда вошли в тайную комнату крепости.

— Загадки мудрецов, — проронил Умиус, — могут разгадать лишь те, кто стремится к мудрости и знаниям.

Несмотря на свои опасения по поводу Сальетти, Гримпоу и Вейнель попытались заняться в дни ожидания расшифровкой карты Незримого Пути, которую они нашли в тайной комнате, где время есть жизнь и смерть. Но вскоре они поняли, что если и вправду хотят идти дальше и отыскать секрет мудрецов, от них потребуется немало усилий и воображения.

Умиус уехал к больному лихорадкой на окраину Метца, а его супруга Маусле ушла на рынок, купить овощей и мяса на обед. Гримпоу с Вейнель остались в доме одни и сидели за столом на кухне.

Гримпоу достал из дорожной сумки карту Пути и положил ее на столе. Этот необыкновенный пергамент чудесных цветов казался обоим самой загадочной и фантастической картой, которую они только могли себе представить. Было очевидно, что секрет мудрецов надежно защищен длинной цепью переплетенных между собой загадок. Поэтому молодые люди решили вновь воспользоваться способом, который уже помог им однажды.

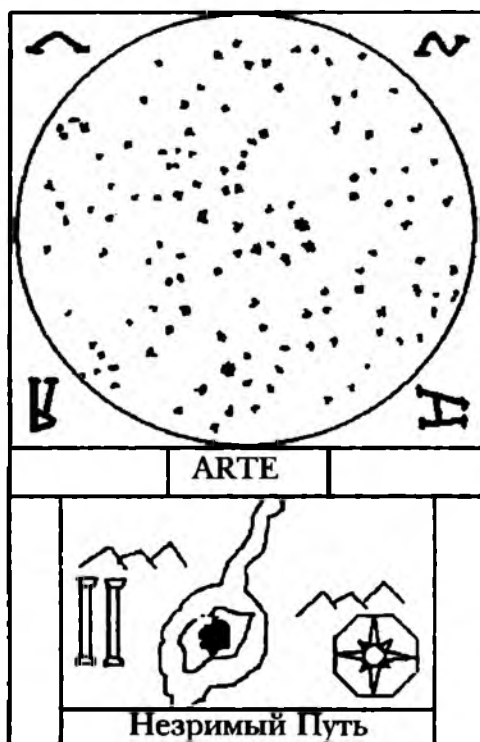
— Я сделаю зарисовку, чтобы потом разделить ее на части, — сказал Гримпоу, беря в руки уголок и лист пергамента, на котором записал все свои прошлые наблюдения.

Когда он закончил рисунок, то сверху надписал фразу с небесного купола, и оба долгое время молча смотрели на набросок.

После длительных размышлений о том, что могли бы обозначать отдельные части пергамента, Гримпоу первым высказал свои соображения. Особое его внимание привлекла карта полушарий, заполненных звездами, так как он был уверен, что ключ к загадке непременно в звездах. Он вспомнил слова монаха Уберто Александрийского, сказавшего когда-то в лазарете аббатства

Бринкдум, что ответ на вопрос о секрете мудрецов скрыт за звездами. Юноша не сомневался, что фраза, заключенная в небесную сферу, — та же самая, что и в письме погибшего в горах рыцаря, а смысл ее заключается в том, что свет, который откроет Неизримый Путь, находится на небесах, окутанных мраком собственной тайны. Еще он сказал, что эта небесная сфера точно такая же, как и на картах созвездий, которые рисовал брат Ринальдо Метц в аббатстве Бринкдум, работая над своим великим трудом о Вселенной под названием «Theorica Planetarum».

На небе есть свет и тьма

— Возможно, ты прав, но ты начал сверху, а мне кажется, нам надо начать снизу, — заметила Вейнель, чьи красивые глаза блестели, как звезды, нарисованные на пергаменте.

— А что там в нижней части? — спросил Гримпоу, сворачивая свой рисунок так, что он стал выглядеть следующим образом.

— Мне кажется очевидным, что внизу карты представлены три шага к секрету мудрецов. Первый — тайная комната с восьмиугольным столом и розой ветров, где время есть жизнь и смерть, и мы его уже успешно преодолели. Мы нашли Незримый Путь, вот он, перед нами, и он должен привести нас на остров Жирап, где живут диковинные существа и монстры. Там нам предстоит сразиться с дьяволом и найти у его ног последние слова, как гласит манускрипт Айдора Бильбикума. А если ты внимательно посмотришь на карту, то увидишь, что остров Жирап находится к западу от тайной комнаты, как показывает роза ветров, то есть к западу от замков Каменного Круга; этого направления мы и придерживались, выйдя из крепости графа Гульфа. Итак, первый вывод, который мы можем сделать: остров Жирап расположен на западе, в этом направлении нам и следует двигаться дальше.

— Хорошо, — согласился Гримпоу, — Мне кажется, твои рассуждения вполне справедливы, но что тогда может означать слово «Искусство» посреди карты? — И юноша выжидательно посмотрел на Вейнель, признавая за ней право высказать очередную догадку.

— Вероятно, секрет мудрецов или место, где он спрятан, тесно связаны с искусством.

— Искусство может быть только в церквях и соборах! — воскликнул Гримпоу, радуясь своей сообразительности.

— Да, я тоже об этом подумала, — сказала Вейнель с воодушевлением, осознав, что они, похоже, начали приближаться к разгадке тайны Незримого Пути.

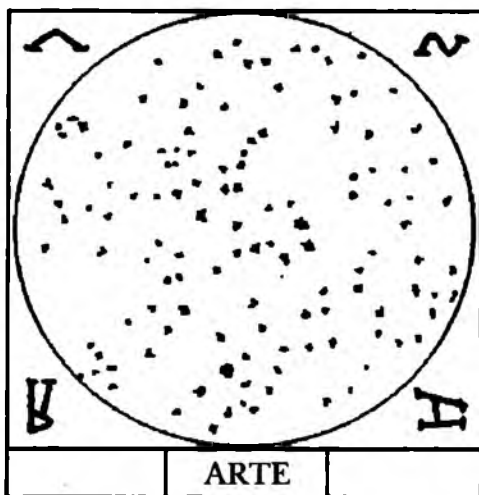
— Значит, мы можем предположить, что нам следует искать церковь или собор на западе.

— Несомненно, — подтвердила Вейнель. — Но во Франции полным-полно церквей и соборов. Их здесь сотни, в каждой деревне и каждом селе часовни и церкви, и почти нет таких городов, где бы не было собора. Даже в Метце есть собор, мы вчера проходили мимо.

— Это заставляет предположить, что следующий ключ должен находиться в верхней части карты, среди звезд небесного полушария, — размышлял Гримпоу.

Юноша впился глазами в сделанную им зарисовку неба и длительное время молчал, вспоминая ночи, проведенные вместе с библиотекарем Ринальдо Метцем на холме близ аббатства Бринкдум за наблюдением небесного свода. Старый монах делал записи и рисовал карты... И вдруг Гримпоу вспомнил, как брат Ринальдо впервые показал ему карту звездного неба и сказал, что на этом рисунке изображено то ночное небо, которое сейчас у него перед глазами.

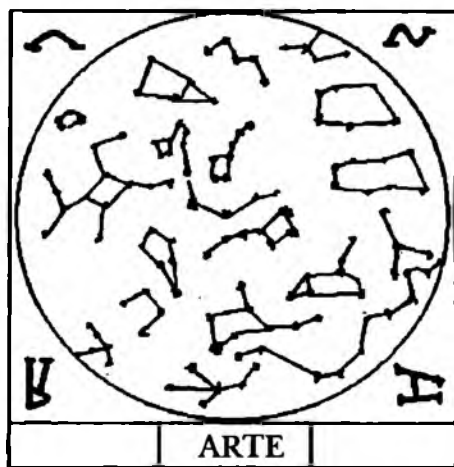
На небе есть свет и тьма

— Так ведь это настоящие созвездия!

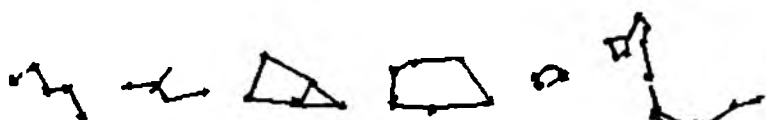
На небесном своде карты нарисовано несколько созвездий, поэтому путь к секрету мудрецов называется невидимым! — воскликнул Гримпюу, в очередной раз посмотрев на свой рисунок.

На небе есть свет и тьма

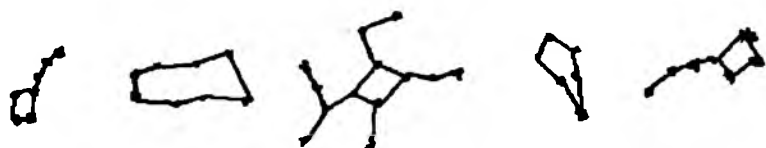

Тогда он взял в руки уголек и начал соединять тонкими прямыми линиями точки, обозначающие звезды, так что среди всей этой массы знаков начали вырисовываться идеально-правильные созвездия.

— Это великолепно, Гримпоу! На небе действительно есть свет и тьма, но тебе удастся найти свет, исходящий от звезд, делая тем самым Незримый Путь видимым, — сказала с удивлением Вейнель, наблюдая за тем, как Гримпоу вычерчивает каждое созвездие на небесной карте, подписывая под рисунками их названия.

Кассиопея Персей Кефей Возничий Лира Дракон

Малая Медведица Близнецы Геркулес Волопас Большая Медведица

Скорпион Весы Дева Лев Рак

Кентавр Гидра

— Вот теперь-то точно перед нами запутанный иероглиф! Не знаю, как нам разгадать какой из этих путей отведет нас к секрету мудрецов, — воскликнул Гримпоу, зарисовав все созвездия и подписав внизу их названия.

— Я тоже не знаю, как прочитывать эту очередную загадку, это правда. Но тем не менее я не готова сдаваться, — сказал Вейнель.

Ночью второго дня они все же решили посоветоваться с Умиусом, так как им никак не удавалось расшифровать новую загадку, спрятанную среди звезд. Они провели бесконечное количество часов, составляя различные комбинации из начальных букв названий созвездий, пытаясь найти анаграммы или второе значение слова, но так и не нашли ничего, что привлекло бы внимание или пробудило интерес.

Гримпоу перечислил Умиусу все ключи, которым они следовали, начиная с того дня, когда они с Сальетти пришли в долину Солнца и открыли крипту церкви в Корниле, где хранилась история секрета мудрецов, написанная Аидором Бильбикумом. Он рассказал, что они отправились в город, о котором говорилось в послании, а в соборе Страсбурга услышали голос теней, затем, следуя знакам, нашли тайную комнату, где время было жизнью и смертью. Все-таки выжив после той смертельно опасной ловушки, превратившейся в песочные часы, им удалось увидеть Незримый Путь, нарисованный на спрятанной там карте, которую они сейчас ему показывали.

Затем слово взяла Вейнель и заговорила о своих догадках по поводу секрета Незримого Пути. Она расска-

зала, что также они выяснили, что остров Жирав, где живут фантастические существа и монстры, куда им нужно добраться, чтобы сразиться с дьяволом и найти у его ног последние слова, находится к западу от замков Каменного Крута, а секрет мудрецов тесно связан с искусством, представленным в церквях и соборах. Кроме того, она сообщила, что Гримпоу нашел свет среди небесного мрака и осветил Незримый Путь, объединив звезды на карте в созвездия, которые можно увидеть на его рисунке. Однако чем больше они обо всем этом думали, они так и не могли понять, какой из всей путей, указанных созвездиями, должен привести их к разгадке секрета мудрецов.

— Я должен сказать вам, что, поскольку я врач, мои знания астрономии весьма ограничены. Вот твоему отцу, напротив, не стоило бы никаких усилий расшифровать эту загадку из звезд и созвездий. Он был великим астрономом, — сказал Умиус, смотря на Вейнель. — Однако я помню, что как-то слышал о теории, которую он исследовал в университете Парижа. Судя по ней, некоторые самые важные соборы Франции точно так же были разбросаны по Земле, как и звезды созвездия Девы на небе.

— Созвездие Девы? — спросила Вейнель, в то время как Гримпоу зарисовывал это созвездие на своем пергаменте.

— Именно так. Насколько я знаю, Деву всегда изображали среди знаков зодиака как красивую девушку со снопом пшеницы в руках.

— Поэтому ее самая яркая звезда называется Колос! О ней мне рассказывал брат Ринальдо Метц, когда мы рассматривали безлунное небо аббатства Бринкдума, — пояснил Гримпоу.

— Первые мудрецы общества Уроборос были тесно связаны с постройкой храмов. Только у них было достаточно знаний, чтобы построить такие великолепные сооружения, — рассказывал Умиус.

— Возможно, секрет мудрецов спрятан в одном из них, — предположил Гримпоу.

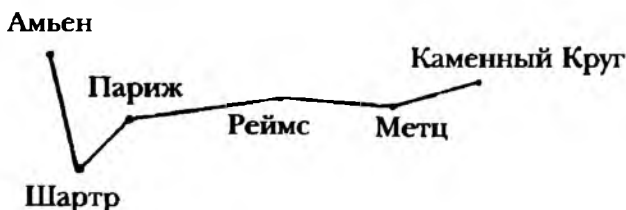
— В языке мудрецов все не так, как кажется на первый взгляд, а соборы — сами по себе огромная загадка, — продолжал врач. — Их величие, их нефы и высокие своды, башенки, портики, розетки, витражи, картины и скульптуры — во всем этом полно символов и аллегорий, которые не расшифруют еще и через несколько веков. Соборы Реймса, Рейна, Парижа, Шартра и Амьена самые грандиозные во всей Франции, и все они находятся на западе, — заключил Умиус.

Затем он встал из-за стола на кухне и пошел в свой кабинет. Через некоторое время он вернулся с картой Франции, где были обозначены четыре города, которые он только что назвал. Он разложил ее на столе, взял уголок и начал рисовать созвездие Девы.

Вейнель и Гримпоу смотрели на него с любопытством, пытаясь догадаться, что же хотел делать Умиус с этими звездами, объединенными линиями в созвездия. А затем, получив подтверждение своим догадкам

на карте Франции, Умиус начертил новый рисунок, ошеломивший молодых ребят, наблюдавших за ним.

— Незримый Путь! — воскликнул Гримпоу, услышав слова старика и увидев его рисунок.

— Это невероятно! — сказала Вейнель, не понимая, благодаря какой магической силе Незримый Путь вдруг стал абсолютно видимым перед их глазами.

— Ну вот, теперь вы знаете, куда вам держать свой путь завтра в поисках секрета мудрецов, — скромно заметил Умиус.

— Париж! — воскликнула Вейнель.

— Разумеется! — ответил Гримпоу, понимая, почему Вейнель пришла к такому выводу.

СНОВА ВМЕСТЕ

Сальетти приехал в Метц тяжелораненый и с многочисленными ожогами на лице и руках. Несмотря на свое состояние, он, опираясь на коня, дождался наступления ночи, перед тем как пойти по этому запутанному клубку улочек, ведущих к дому доктора Умиуса. У него в ушах все еще стоял шум от камней, падающих со стен и башен крепости, смешанный с криками раненых и мучительно умирающих. Он дрожал от озноба, а из-за сво-

его самочувствия все прошедшие события казались лишь ночным кошмаром, дурным сном, от которого ему никогда не удастся проснуться. Он даже не знал, выжили ли кто-нибудь еще после той бойни. Все было так быстро и неожиданно... И в мыслях об этом он от усталости заснул. Луна, казалось, торопливо скользила по нежному, бархатному покрывалу облаков, а совы улюлюкали где-то в невысоких деревьях, под которыми, съездившись, притаился Сальетти, прячась, как преступник, сбежавший с эшафота.

Когда он проснулся после нескольких часов ночных кошмаров и беспокойного сна, звезды умиротворенно сверкали во мраке ночи. Вдалеке слышался собачий лай, а ветер шевелил ветви деревьев у Сальетти перед глазами. Он встал, с трудом забрался на лошадь и отправился по тропе, ведущей в Метц. Затем переехал через мост и не спеша продвигался вперед по этим узким, выложенным камнем улочкам, в полной тишине, сопровождаемый лишь ночными тенями и глухим топотом копыт своего коня.

— Их всех убили! — едва смог выговорить он, увидев Умиуса на пороге дома.

— Кто вы? Что с вами случилось? — растерянно спросил врач.

— Предупредите Вейнель и Гримпоу. — пробубнил Сальетти и рухнул без сознания на землю рядом со своим конем.

Вейнель и Гримпоу пришли тут же. Их разбудил сильный стук в дверь, и они с нетерпением ждали в своих спальнях новостей от Умиуса о причине такого переполюха. Они даже предположили, что это были солдаты короля, и испугались, что Бульвар Гостель нашел тай-

ник и пришел схватить их. Но Вейнель послышался голос Сальетти, и они с Гримпоу кинулись вниз по лестнице посмотреть, что там происходит.

— Кто-то вас спрашивает. Кажется, он тяжело ранен. Должно быть, это Сальетти, — взволнованным голосом сказал Умиус.

— Да, это Сальетти, это он! — закричал Гримпоу, увидев своего друга на полу у входной двери.

Вейнель подошла к неподвижному телу Сальетти и поцеловала его в лоб, заливаясь слезами и глядя его по волосам.

— Давайте его занесем в дом, скорее, — сказал врач.

Вейнель и Умиус с трудом подняли тяжелое тело Сальетти, чтобы перенести его.

— А ты лучше отведи коня в стойло, — сказал Умиус Гримпоу, который пытался помогать, поддерживая голову своему другу.

Они отнесли раненого в комнату, расположенную во дворе, рядом со входом, и положили его на длинную кушетку. Вокруг на книжных полках стояли толстые тома трактатов по медицине, а рядом с нишей было огромное множество хирургических инструментов, заблестевших от масляных ламп, зажженных Умиусом.

Сняв с раненого доспехи, врач взял острый скальпель и разрезал его камзол. Одежда Сальетти была пропитана засохшей, потемневшей кровью. Умиус аккуратно отлепил одежду, и показалась глубокая рана от вонзенной шпаги, начинавшаяся в районе шеи и доходившая до плеча.

— Я воспользуюсь его обмороком, чтобы зашить рану до того, как он проснется, — сказал Умиус, достав из стенного шкафа все необходимые инструменты.

— Я вам помогу, — ответила Вейнель, закатывая рукава ночной рубашки и моя руки в тазике для воды, стоящим под окном.

Жена Умиуса вошла в комнату и с сочувствием посмотрела на мужчину на кушетке.

— Я подготовлю горячую воду и свежие примочки, — сказала она и снова так же незаметно вышла из комнаты.

Вейнель вытерла руки о полотенце, висевшее рядом с чашей с водой, и взволнованно спросила:

— Вы думаете, ранение серьезное?

— Думаю, что нет, хотя он потерял много крови и очень слаб из-за того, что ему пришлось ехать сюда, да еще и в таком тяжелом состоянии. Кроме того, похоже, у него высокая температура, — ответил доктор, приложив руку ко лбу Сальетти.

Гримпоу только что вошел в комнату. Его лицо померчнело, как будто свет масляных ламп стал серым из-за зловещих теней. Его худшие предположения после отъезда из Страсбурга оправдались, и осада замков Круга окончилась безжалостной бойней. Однако он был безумно счастлив, что Сальетти остался в живых.

— Если бы мы отдали камень и карту Незримого Пути инквизитору Бульвару Гостелю, возможно, ничего подобного бы и не произошло, — сказал Гримпоу, уставившись на открытую рану, которую врач собирался зашивать.

После того как Вейнель промыла раны, Умиус с точностью вонзил иголку с крючком на конце в кожу Сальетти, протолкнул ее так, что она торчала из раны, и вытащил ее, как будто чинил кусок кожаного изделия. Затем сказал:

— Их бы всех убили, даже если бы ты им отдал секрет мудрецов. Так было раньше, так будет и потом. Для убийц вроде доминиканского монаха, менее всего важна причина, по которой они убивают, ты не можешь чувствовать себя виноватым за это.

— Мне больно думать, что герцог Гульф и его рыцари погибли, защищая нас от суеверий и невежества.

— Да, но наше дело — это дело всего человечества, Гримпоу, ты не можешь забывать об этом. Мы никогда никому не причинили вреда, а все наши стремления направлены на то, чтобы построить более разумный и справедливый мир, управляемый мудростью, а не амбициями. Ты не можешь упрекать себя за то, что другие движет лишь алчность и порок, что они не обращают внимания на причиняемый ими вред. Если король Франции и барон Фигельтах де Вокко, при помощи подлеца инквизитора, приказали убить всех жителей замков Круга, то не тебе, а им нести ответственность за эти убийства. А с нас и так хватит того, что приходится прятаться.

— Очень боюсь, что еще погибнет много людей перед тем, как весь этот ужас закончится, — сказала опечаленная Вейнель, вытирая кровь, сочившуюся из ран Сальетти.

— Да, к сожалению, это так, — подтвердил врач.

Дверь снова открылась, и в комнату вошла супруга Умиуса. Она подошла к Вейнель и протянула ей несколько компрессов и бинтов, сильно пахнувших травами.

— Сейчас я принесу отвар, который я поставила кипятиться, он поможет раненому поправиться, а вам уснуть, — сказала Маусле и молча вышла из комнаты.

Супруга Умиуса была немногословна и, хотя она всегда помогала своему мужу с пациентами, не имела обыкновения вмешиваться в его дела, если только дело не касалось приготовления какой-нибудь мази или отвара лекарственных трав, чтобы облегчить страдание больного. В своей молодости Умиус очень много путешествовал и изучал медицину у мудрецов в разных далеких городах. Долгое время он был лечащим врачом герцога Гульфа, пока преклонные годы не заставили его снова вернуться в тихий городок Метц, где он родился и где должен был встретить смерть.

Зашив рану, старый доктор нанес лечебную мазь на многочисленные ожоги на лице и покрытом синяками теле Сальетти. Затем он накрыл его сукном, пахнущим травами, которое приготовила Маусле, а Вейнель с Гримпоу помогли ему перенести больного в смежную комнату, где стояла широкая и удобная кровать.

— Я посижу у его кровати этой ночью, — сказала Вейнель, взяв Сальетти за руку. А когда Умиус и Гримпоу возвращались в свои спальни, Вейнель думала о непонятных устремлениях людей. Пока одни мудрецы, вроде Умиуса, стараются спасти жизнь себе подобным, другие же, наоборот, пытаются их убить.

Следующий день был дождливым и холодным, несмотря на разгар весны. Во дворе дома, вокруг колодца, несколько воробьев расправляли свои крылышки и трясли перьями, чтобы стряхнуть с них капельки воды. Маусле хозяйничала на кухне, следя за большими бурлящими котелками, стоящими на огне зажженной плиты, а Умиус, Вейнель и Гримпоу завтракали кусками хлеба с соленой рыбой, запивая молоком из

больших чашек. Уже прошло два дня с тех пор, как пришел Сальетти, и все ждали, когда же он проснется и расскажет им в подробностях обо всем, что приключилось в крепости герцога Гульфа. Кроме того, они опасались, что солдаты инквизитора Бульвара Гостеля могли выследить его и схватить всех. Поэтому они сидели в полной тишине, понурив головы и погрузившись в свои мысли.

Гримпоу думал о Париже и том, что их там ожидало. Он был уверен, что они с Вейнель не ошиблись, полагая, что в этом городе находился остров Жирап, заселенный фантастическими существами и монстрами, где им предстоит сразиться с дьяволом, чтобы найти у его ног последние слова манускрипта Аидора Бильбикума.

Карта Незримого Пути, которую нарисовал Умиус, следуя линиям созвездия Девы, полностью совпадала с линией, соединявшей замки Каменного Круга с такими городами, как Метц, Реймс, Париж, Шартр и Амьен. Если его теория была верна, то все говорило о том, что в соборе или в одной из церквей этих четырех городов должен был находиться секрет мудрецов. А следующей ступенью был остров Жирап. Когда Умиус сказал им, что Париж — один из городов Незримого Пути, то он сразу же догадался, что можно изменить порядок слов в «Жирап» и получится «Париж». Но хотя Гримпоу и не знал, что в Париже есть остров, Вейнель рассказала ему, что посреди Сены, пересекающей город, есть островок, где стоит собор Парижской Богоматери. Однако Гримпоу не переставал спрашивать себя, что за фантастические существа и монстры могут там жить и как им сразиться с дьяволом, чтобы найти у его ног последние слова.

Вейнель тоже думала о Париже. Это был ее город. Город, в котором она родилась и где ее отец всю жизнь преподавал астрономию в университете. Ей приходил в голову миллион воспоминаний, смешивавшихся с бурей чувств и эмоции, переполнявших ее. С того момента, как она покинула свой дом в Париже, чтобы сопровождать больного отца в Корниль, ее жизнь изменилась, как олово алхимиков, переходя из самых черных печальных событий в золотой цвет ее чувств к Сальетти. А сейчас он снова был рядом.

— Я думаю, что еще осталось немного рыбы, чтобы утолить голод одного бродяги, — сказал Сальетти, вдруг появившись на кухне, как воскресший из мертвых.

Вейнель, увидев его, заулыбалась и встала, чтобы обнять его.

— Тебе бы следовало не вставать с кровати еще дня два, — сказал Умиус.

— Продолжая лежать на этой кровати, я лишь приближаю час смерти, а я все еще верю в то, что мне удастся вырваться из ее цепких когтей, пока старость не положит меня к ее ногам, — ответил Сальетти, радуясь тому, что он жив и что он снова рядом с Примпоу, который тоже аккуратно обнял друга, чтобы не причинить ему боль.

— Сальетти, познакомься, это доктор Умиус. Он был другом ваших родителей, и это именно он вылечил твои раны и принял нас в своем доме. Вот его супруга — Маусле, — сказал он, указывая на улыбающуюся старушку, — чьи мази и отвары способны вернуть жизнь тому, кто ее уже почти потерял, как ты сам мог заметить.

— Я в долгу перед вами обоими за ваше щедрое гостеприимство, — сказал Сальетти.

Умиус с супругой наклонили головы в знак благодарности.

— Умиус — великий ученый, он помог нам разгадать тайну Незримого Пути. Теперь мы знаем, что должны ехать в Париж, — выпалил Гримпоу, которому не терпелось рассказать другу о своих достижениях в поисках секрета мудрецов.

— Потом с ним об этом поговоришь, Гримпоу. Оставь его, пусть сядет с нами и расскажет о трагическом конце замков Каменного Круга, — сказал Умиус.

У Сальетти была перевязана левая рука, поддерживаемая бинтами через грудь и плечи, так что он медленно попытался усесться за стол. Он бы предпочел говорить о чем угодно, только не вспоминать весь ужас, пережитый в крепости герцога Гульфа Остембергского, после того как войску короля Франции и барона Фигельтаха де Вокко удалось перебраться через крепостные стены и башни, но он знал, что Умиус был близким другом герцога Гульфа и, конечно же, хотел выяснить, что там произошло.

Вейнель и Гримпоу были в ужасе, услышав рассказ Сальетти. Его глаза блестели так, как будто он снова пережил всю эту трагедию. А доктор Умиус вздрогнул, услышав, что погиб его друг герцог Остембергский, кому он в детстве уже спас жизнь, когда тот заболел туберкулезом.

— Насколько это было возможно, мы отступали внутрь, — продолжал Сальетти, — окруженные наемными воинами, которым удалось перебраться через крепостные стены маленького замка. Тогда мы вернулись в верхнюю крепость, чтобы распределить наши силы. Рыцарь-тамплиер Радогил Курнильдон взял на

себя командование отрядом воинов-монахов Ордена Храма, прятавшихся в замках Каменного Круга, и верных рыцарей погибшего герцога Гульфа Остембергского, готовых отдать свою жизнь, лишь бы не пропустить врага на территорию крепости.

— Той ночью было что-то вроде затишья. Мы воспользовались им, чтобы отдохнуть немного и подготовить огромные масляные курильницы, пылающие в бойницах крепостной стены западной части замка. Все было в огне, как огромный костер, даже сами захватчики подумали, что мы предпочли сгореть заживо на костре нашей ереси, нежели отдать им сокровища. На следующее утро на востоке ярко светило солнце, освещая лагерь врагов, где уже слышались воинственные крики, а долина начинала шевелиться, как муравейник, готовившийся поглотить полностью доселе неприступную крепость замков Каменного Круга. Оглушающий грохот труб, крики и барабаны дошел и до башен, отчего на наших лицах появилась гримаса ужаса и глубокого страха при виде их передвижений, ведь они тысячами начали приближаться к западной стене. Нашим лучникам удалось остановить продвижение сотен солдат, падавших ранеными или мертвыми в пропасть, словно в ад, но их было столько и они были так хорошо вооружены, что очень скоро забрались на крепостные стены и башни, и даже кипящее масло не могло их остановить. Страшного вида катапульты прорубили большие дыры в стенах, и в мгновение ока мы были окружены сотнями солдат и рыцарей войска барона и короля Франции, которым все же удалось войти в крепость, разбив восточные ворота. Несколько часов подряд мы бесстрашно сражались топо-

рами, шпагами, стрелами и копьями, пока верные рыцари герцога и тамплиеры не начали падать один за другим, а нас осталось меньше ста человек, пытающихся защитить башню вассальной клятвы, где спрятались женщины и дети, — на этом месте Сальетти прервал свой рассказ и тяжело вздохнул.

— Если тебе тяжело, можешь не продолжать, — сказал Умиус, — мы можем себе представить, что было дальше.

Сальетти передохнул и продолжил:

— Нет, вы и представить себе не можете этот ужас, даже если я вам все расскажу. Вся земля был усыпана трупами, но мы продолжали сражаться, зная, что нас все равно ожидает смерть. И мы сражались, наступая на мертвые тела, тонувшие в лужах крови. Последнее, что я помню, это сильная боль в шее, удар по шлему и лицо барона Фигельтаха де Вокко за моей спиной, залившегося смехом оттого, что я упал ему в ноги. «Убить всех!» — это было последнее, что я услышал. Когда я очнулся, уже была глубокая ночь, а мое окровавленное тело было окружено сотнями трупов. Я был настолько ошеломлен, что мне казалось, будто я проснулся после ужасного кошмара посреди Апокалипсиса, и тогда я понял, что я рядом с дверью, ведущей к секретному проходу, по которому сбежали вы, где я оставил своего коня. Я воспользовался сумасшедшим неистовством врагов, наступавших всей массой на вассальскую башню, и спустился по лестнице до закрытой каменной плиты, благодаря которой я смог выбраться из этого страшного месива.

ЛОДКА ТРУБАДУРА

Дорога до Парижа прошла без приключений. Они выехали на рассвете облачного дня, обещающего дожди и порывистый ветер, но в конце концов погода разгулялась, а на небе не было ни облачка, так как ветер поменял свое направление в сторону востока, и все они скрылись, как будто тоже бежали в какое-то далекое, неизвестное место.

Перед отъездом, пока Вейнель и Сальетти укладывали свой скромный багаж в кожаные дорожные сумки, Гримпоу взял с кухонного стола длинный, острый нож.

— Зачем тебе это? — спросил его Умиус.

— Если мы снова встретимся с солдатами инквизитора Бульвара Гостеля, моя жизнь дорого им обойдется, прежде чем мне перережут глотку, как беззащитному барашку, — сказал Гримпоу шутливым тоном.

Сальетти оторвал глаза от вещей, которые он укладывал в сумки, и весело посмотрел на Гримпоу.

— Если нам придется доверить свои жизни твоему мастерству владения этим ножом, можем считать себя уже погибшими. Смотри, лучше не забудь свой колчан со стрелами, — сказал он, смеясь.

— По крайней мере, одна тварь из войска инквизитора отправится со мной в свое последнее путешествие во мрак могилы, — ответил Гримпоу.

Все рассмеялись. Тогда во двор вошла супруга Умиуса.

— Вас так веселят все предстоящие опасности в поисках секрета мудрецов, которому вы отдали свою

жизнь? — сказала она, немного раздраженная детским поведением своего супруга.

— Дорогая Маусле, уж лучше тысячу раз посмеяться над жизнью, чем ей вздумается веселиться над нами, рисуя на наших губах ледяную улыбку смерти, — ответил врач, подходя к супруге и целуя ее в лоб.

— Тебе совсем не обязательно брать с собой этот нож, — сказал Сальетти, бросая ему кинжал, который у него отобрал в лесу Опперной бандит по имени Кровожадный Брускло.

— Тебе удалось вернуть кинжал! — взволнованно воскликнул Гримпоу.

— Я не мог допустить, чтобы кинжал, принадлежавший моему отцу, остался в руках убийцы.

— То есть Брускло тоже сражался?

— Да, он был одним из наемных воинов, кинувшихся на амбразуру. Я увидел его после того, как расправился с Вальдигором Ростволом. Во время схватки я потребовал вернуть мой кинжал, ведь он обещал мне это, если его послание дойдет до барона Фигельгаха де Вокко, но тот ответил, что мы сражаемся по разные стороны баррикад и что для этого я должен его убить. Что я и сделал.

Они собрали свои скромные пожитки, вывели из стойла и навьючили лошадей, а потом попрощались с Умиусом и Маусле. Гостеприимные хозяева посоветовали им остерегаться врагов мудрости и пожелали всей удачи, которую только небо и звезды могли принести в невидимом пути к секрету мудрецов.

Они отъехали от города в сторону юго-запада и скоро оставили за спиной южные ворота Метца. Вокруг простирались бескрайние зеленые равнины с вкрапле-

ниями красного цвета маков, превращавшиеся на горизонте в зубчатую горную цепь.

Они ехали довольно быстро, несмотря на то что раны Сальетти еще не затянулись, и рысь его коня отзывалась в теле пронзительной болью. Но Сальетти не хотел задерживать прибытие в Париж, ведь именно этот город был указан на карте Незримого Пути как следующий пункт назначения. Война против замков Круга закончилась, и скоро войско короля Франции вернется в город своего монарха, чтобы воздать почести своим героям и отпраздновать победу, устраивая парады, уличные веселья и попойки. Однако Сальетти предполагал, что король Филипп IV будет праздновать лишь очередную жестокую бойню, ведь его цепной пес, инквизитор Бульвар Гостель, вернулся с войны без сокровищ и без чудодейственного предмета, способного подарить королю желанное бессмертие. Хотя доминиканский монах и пообещал снять с его помощью с короля проклятие великого магистра Ордена тамплиеров, погибшего на костре. «Бесполезная война ради бесполезной цели», — думал Сальетти, когда они проезжали окрестности города Вердюн.

Они решили ехать вдалеке от деревень, поселков и городов, а также от троп и дорог, по которым ходили торговцы, монахи, паломники, нищие и бандиты, ехавшие с севера Эльзаса в Париж, потому что не хотели снова подвергать риску свои жизни и секретную миссию.

На закате второго дня на горизонте появился маленький и тихий городок под названием Шалон, откуда шла дорога на север, в сторону Реймса, а другая шла к западу, к Парижу. Шалон находился на берегу полноводной реки Марны. Ее низменные берега были полны птиц,

которые после захода солнца большими шумными стадами начинали пронзительно кричать и кружить над землей. Башни церквей и собора выглядывали из-за крыши домов уютного, цветущего городка.

— Я так полагаю, вы уверены, что это Париж, а не Реймс, как нам указывает карта наш следующий пункт назначения. В Реймсе тоже огромных размеров великолепный собор, где короновали последних королей Франции со всей пышностью и блеском двора. Это неплохое место, чтобы спрятать сокровище, — сказал Сальетти, выслушав рассказ Вейнель и Гримпоу о том, как доктор Умиус помог им расшифровать загадку полушарий и созвездий Незримого Пути.

— В манускрипте Айдора Бильбикума об этом сказано черным по белому. Третий этап поиска секрета мудрецов находится на острове Жирап, из чьих букв можно составит слово «Париж». Если вспомнить манускрипт Айдора, то Незримый Путь должен привести нас на остров Жирап, где живут фантастические существа и монстры...

Сальетти перебил Вейнель.

— Но на острове в Париже не существует таких сказочных существ, о которых говорит манускрипт Айдора Бильбикума! — воскликнул он.

— Может быть, мы их там и увидим, нам на удивление, — предположила Вейнель.

— Я все время спрашиваю себя, где мы найдем дьявола и как нам сразиться с ним, чтобы в его ногах найти последние слова манускрипта, — сказал Гримпоу, думая вслух.

— До этого момента мы вполне успешно справлялись с загадками, но сейчас рядом с нами нет Умиуса, чтобы помочь нам. Без него не знаю, удалось бы нам обна-

ружить Незримый Путь, спрятанный среди звезд созвездия Девы, и догадаться, что нижний рисунок созвездия соотносится с расположением замков Круга и города Метца, Реймса, Парижа, Шартра и Амьена, точно так же, как они выглядят на карте Франции, — рассуждал Гримпоу, испытывая глубокое уважение к Вейнелю за ее предположения и анализ шифровок в манускрипте Айдора Бильбикума.

— Если теория моего отца, о которой нам рассказал Умиус, верна, в одном из соборов в этих городах должен быть спрятан секрет мудрецов, а в манускрипте Айдора Бильбикума находятся ключи к разгадке. Единственное, что нам остается сделать, это правильно их понять.

— Надеюсь только, что нас не ожидает очередная ловушка, как вышло с тайной комнатой, — сказал Гримпоу.

— Сейчас, по крайней мере, я с вами и все еще могу пустить в ход шпагу. Только я очень боюсь, что моя голова вам не поможет в раскрытии загадок, которыми мудрецы защитили свой секрет, — вступил в беседу Сальетти.

— Не беспокойся сейчас об этом. Мы очень рады, что ты с нами, несмотря на твое тугоумие, — сказал Гримпоу, заливая смехом.

— Да, это правда, — добавила Вейнелю, с улыбкой протягивая Сальетти свою руку. Но тут она взволнованно замолчала, увидев недалеко от них группу людей в капюшонах.

Сальетти жестом сказал всем замолчать.

— Я думаю, что это нищие братья, — предположил Сальетти, прищуривая глаза, чтобы лучше их разглядеть в опускающемся на землю мраке.

— Я поеду узнаю, кто это, — сказал Сальетти, прищипнув коня и подъехав к группе людей, а Вейнель с Гримпоу тем временем притаились в высоком кустарнике.

Это была небольшая группа прокаженных, бесцельно шатающихся по лесу, после того как епископ выгнал их из убежища в пещерах неподалеку от Реймса.

По сигналу Сальетти Вейнель и Гримпоу вышли из зарослей и медленно направились вперед. Прокаженные подняли глаза, увидев двух молодых всадников, сопровождавших рыцаря, только что с ними поздоровавшегося, но их лица были закрыты грязными накидками с капюшонами.

— А почему епископ выгнал вас из поселка? — громко спросил Сальетти.

Мужчины молчали, и только одна коренастая женщина, чьи печальные глаза показались из-под капюшона, сказала:

— Епископ Реймса уверяет, что наша болезнь — это божественное наказание за наши грехи, и обвиняет нас в колдовстве, в том, что нашей неизлечимой заразой мы хотим заразить всех богобоязненных людей, приходящих в собор, где мы просим милостыню. Они сожгли все, что у нас было в пещерах, и пригрозили сделать с нами то же самое, если мы вернемся.

— Будь они прокляты! — воскликнул Сальетти в ярости.

— Вы не встречали солдат короля на западе? — спросила Вейнель.

— Нет, они туда еще не дошли, но мы слышали в церкви Шалона, что часть королевского войска уже возвращается в Париж после удачной осады замков Каменного Круга, а солдаты разоряют все деревни и селения,

которые встречаются на своем пути, питаюсь хлебом, отобранным у крестьян, — рассказал мужчина, казавшийся среди них главным.

— Если наемные воины короля, возвращающиеся в Париж, догонят вас, то непременно убьют и украдут лошадей, чтобы съесть их, — сказал другой, посчитавший, что заговорившие с ними незнакомцы, судя по всему, тоже от кого-то бежали.

— Какой самый безопасный путь до Парижа? — спросил Сальетти.

— Если вы чего-то боитесь, то самый быстрый и надежный путь проходит через реку. На пристани Шалона вы сможете найти лодку, чтобы доплыть до слияния двух рек — Марны и Сены. Каждую ночь несколько из них отплывают с торговым грузом и паломниками. Вас довезут до самого Парижа.

Сальетти уже собирался попрощаться и пожелать удачи прокаженному, когда мужчина добавил:

— Спросите у пристани Аскле Трубадура, он немного неотесан и поет хуже, чем глухая лягушка, но никто не знает реки лучше него. Скажите ему, что вы от меня, и он вам поможет без лишних вопросов.

Гримпоу и Вейнель заулыбались и переглянулись, удивившись приветливости этого незнакомого прокаженного, предлагавшего им свою помощь.

— А кто вы? — спросил Сальетти.

— Вам достаточно будет сказать, что вы друг Престдаля.

— А вы куда держите путь? — полюбопытствовала Вейнель.

— Мы движемся на юго-восток. Несколько францисканских монахов строят в пригороде Тула приют для

прокаженных, и мы надеемся найти там кров, в котором нам отказали в Реймсе.

Сальетти вытащил из мешочка золотые крупинки и отдал их мужчине с закрытым лицом.

— Это вам поможет, чтобы францисканские монахи открыли перед вами двери приюта без промедления.

Прокаженные посмотрели на раскрытую ладонь Сальетти, очарованные блеском золота.

— О, сеньор, но как же нам отплатить вам за такую щедрую милостьню! — прошептал прокаженный, протягивая свою худую, усыпанную язвами руку.

— Вы это уже сделали. Ступайте с миром, и да будет с вами Бог.

У причала Марна спокойно текла при свете полной луны, отражавшейся в ее водах. Несколько мужчин, женщин и детей, судя по шляпам и тростям с набалдашниками, паломники, направлявшиеся в Сантьяго-де-Компостела, чтобы преклонить колени перед прахом апостола Иакова, ждали у пристани на набережной судов до Парижа, чтобы оттуда вместе с другими караванами отправиться дальше. Тяжелая дорога паломников была так же полна опасностей, как и их путь в поисках секрета мудрецов. Увидев этих людей, Гримпоу вспомнил молодого монаха Побе де Ланфорга, который так мечтал о славных подвигах на далекой испанской земле, и подумал, что он, возможно, уже погиб в войне замков Каменного Круга, а его душа блуждала в растерянности по лесу, как страдающие души, которых так боялся брат Браздо, повар из аббатства Бринкдум.

Они спешили, и Сальетти подошел к человеку, грузившему корзины, забитые глиняной посудой, оберну-

той в солому, на объемное судно с мачтой с двумя парусами, замазанными грязью.

— Вы можете сказать мне, какое судно принадлежит Аскле Трубадуру?

Мужчина посмотрел на него и продолжал заниматься своими делами.

— Кто его спрашивает? — сердито переспросил он, и тут Сальетти подумал, что уже его нашел.

— Друг Престдаля.

— А что надо?

— Это я скажу ему.

— Он перед вами.

— Мне нужно, чтобы вы отвезли меня и мою семью в Париж. Вот аванс за наш билет, — сказал Сальетти, взяв за руку Аскле Трубадура и положив ему в ладонь золотые крупицы. — Одна за каждого пассажира, — добавил он.

— Сейчас я приготовлю трап, чтобы вы отвели лошадей в трюм. Вы и ваша семья можете оставаться на палубе, — любезно ответил нелюдимый Аскле.

Когда они покинули пристань, позади лодки остались высокие башни собора Шалона, в свете луны казавшиеся двумя стрелами, выпущенными в небосвод. Сальетти и Вейнель собрались спать, положив головы на дорожные сумки и укрываясь покрывалами от холодной сырости палубы, а Гримпоу тем временем высовывался за борт, наблюдая за тем, как нос лодки пересекает воду у него на глазах, унося их все дальше от берега.

Выйдя на большую воду, Аскле Трубадур принялся петь романсы, воодушевляя своим сильным голосом сумасшедший лягушачий хор.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

Плавание растянулось на всю ночь, продолжилось утром, но еще до полудня они высадились в Париже. Город словно нежилась под ярким солнцем, небо отливало изысканной, почти магической голубизной, которая будто пропитывала блеском и магией мутные воды Сены. Порт находился рядом с двумя островами Парижа, между двумя рукавами реки, которая здесь широко разливалась. Гримпоу ни на миг не усомнился, что один из этих двух островов и есть тот, который в манускрипте Айдора Бильбикума назывался островом Жиран; юноша предположил, что им нужен больший из двух, тот, на котором возвышался собор Парижской Богоматери. С реки собор напоминал гигантского краба с двумя огромными головами-башнями, множеством лап, которыми служили могучие контрфорсы, и туловищем, изобилующим острыми шпильями.

В речном порту Парижа десятки кораблей всех видов и размеров выстроились друг подле дружки, повсюду деловито сновали грузчики, заполняя или, наоборот, освобождая трюмы, а лодочники возились со снастями и парусами или внимательно наблюдали за погрузкой.

Многие из них оторвались от своих дел и проводили взглядами трех всадников, которые сошли на берег с пузатого суденьшка Аскле Трубадура, ведя в поводу лошадей; особого внимания удостоилась Вейнель, пленившая едва ли не весь порт своей прелестью. Пусть девушка покрыла волосы шапкой, чтобы те не разлетались, ее красота была очевидной, и мало кто устоял пе-

ред искушением заглянуть в зеленые глаза, светившиеся, точно морская вода под солнцем.

Очутившись на берегу, Вейнель предложила отправиться к тому дому, который они с отцом занимали до отъезда из Парижа: мол, там можно будет оставить лошадей, смыть дорожную усталость в теплой воде и переодеться в чистое. Но Сальетти возразил, что девушке неприлично входить в пустой дом при свете дня в сопровождении двух чужаков.

— Кроме того, меня не удивит, если у инквизитора Гостеля есть свой человек среди ваших соседей. И такой человек наверняка известит солдат короля, что ты вернулась в свой дом. Доминиканец спит и видит, как бы отправить тебя на костер; я уверен, он продал бы душу дьяволу, чтобы узнать, где тебя искать, тем более теперь, когда его надежды найти сокровище тамплиеров и секрет мудрецов рассеялись как дым.

— Что же нам делать? — спросил Гримпоу, желая, чтобы приключение не заканчивалось.

— Предлагаю найти постоянный двор, который мне присоветовал Аскле Трубадур, и оставить там лошадей. Без них мы не так бросаемся в глаза. А когда стемнеет, мы пойдем в дом Вейнель, чтобы нас никто не увидел, пусть даже мы рискуем заплутать. Уж лучше поблуждать немного, чем угодить в ловушку. Если солдаты короля станут нас искать, мы спрячемся.

— По-моему, твои страхи не напрасны. Но когда-нибудь я вернусь в дом, в котором мы счастливо жили с отцом, — задумчиво проговорила Вейнель, опечаленная нахлынувшими воспоминаниями.

— Разумеется, милая, но не забывай, что сейчас ты — беглянка, за голову которой назначена высокая цена. А нам предстоит немало дел в этом гигантском

городе, где любая тень способна вызвать подозрение, а за каждым углом может скрываться враг, — сказал Сальетти ласково, чтобы еще сильнее не ранить чувства любимой.

— Нам надо отыскать дьявола на острове Жирап и найти в его ногах последние слова загадки. Без них мы не откроем секрет мудрецов. Не время грустить, — сказал Гримпоу, пытаясь подбодрить Вейнель.

— Ты прав, Гримпоу. Мы поступим, как предложил Сальетти.

Улицы Парижа бурлили и кипели, людской водоворот напомнил Сальетти его бурную молодость, а Гримпоу пришел на ум библейский Вавилон, о котором ему как-то рассказал брат Бразгдо. Повар аббатства Бринкдун сказал, что Бог наказал людей, которые возгордились настолько, что вознамерились построить башню до неба, и смешал языки, из-за чего люди перестали понимать друг друга. Завидев в отдалении шпили церквей и собора Парижской Богоматери, которые, подобно мифической Вавилонской башне, тянулись к небу, Гримпоу подумал, что Господь, похоже, вновь обрушил кару на людей, что сустились и толкались в квартале торговцев рядом с берегом Сены. Никогда прежде юноша не видел таких высоких и крепкостенных домов, подобные которым вряд ли встретишь в любом другом городе. Сотни людей бродили по улицам, вслушиваясь в разноголосый гомон крестьян, которые с уличных лотков расхваливали свои фрукты и овощи; им вторили рыбаки, торговавшие свежей рыбой, чья чешуя серебрилась на солнце; мясники выставляли на всеобщее обозрение, словно трофеи, окровавленные шкуры и туши; а торговцы пряностями оглашали воздух громо-

гласными похвалами целебным травам, настойкам и отварам, которые источали опьяняющие ароматы.

Оставив лошадей на конюшне постоянного двора, присоветованного Аскле Трубадуром, неподалеку от церкви Невинных младенцев, путники углубились в лабиринт узких улочек, которые Вейнель, оказывается, знала как свои пять пальцев. Они прошли мимо маленького кладбища, из-за низкой стены которого виднелись могилы и печальные кипарисы, оставили позади улицы ювелиров и ткачей и снова вышли к берегу Сены. Гримпоу перебросил на грудь сумку, в которой нес карту Незримого Пути, манускрипт Айдора Бильбикума, свои рисунки и уголек, а Сальетти спрятал под одежды кошелек с золотыми крупичками и печатью тайного общества Уроборос.

Вейнель показывала им дорогу, ни разу не сбившись, и они пересекли мост, который вел на остров Жирап. Справа высился дворец, в застенках которого подвергали пыткам еретиков, схваченных инквизицией. А слева тянулись к небу величественные квадратные бапни собора Парижской Богоматери, словно на маленьком острове нашлось место и для преисподней, и для преддверия рая.

Гримпоу изумленно уставился на прекрасный фасад собора, за которым, как ему показалось, скрывается куда больше чудес, чем можно себе представить. Юноша вспомнил слова отшельника, который посоветовал им изучать язык камней. Да уж, задача не из легких, но ее необходимо решить. Они отыскиали Незримый Путь, карта привела их к острову Жирап, но где же дикий существа и монстры, о которых писал Айдор Бильбикум?

Словно прочтя мысли юноши, Вейнель указала рукой на крышу собора:

— Смотри, вон те чудовища, о которых говорится в манускрипте!

Гримпоу вскинул голову — и увидел на крыше сказочных существ, которые словно созерцали с высоты людскую суету. Там были драконы, птицы, бесы и хищные животные с разинутыми пастьями, будто вдруг окаменевшие стражи храма — или изгнанники из небесных садов, застывшие у их порога.

— Понимаю. Диковинные существа и монстры, которые, если верить Аидору Бильбикуму, живут на острове Жирав, на самом деле суть фигурные водосточные желобы и просто скульптуры. Они олицетворяют зло и потому находятся снаружи собора, — сказал Сальетти.

— Чего же мы ждем? Давайте искать дьявола, который проскользнул внутрь, ведь мы должны отыскать разгадку у него под ногами. Я надеюсь, этот демон не такой злобный, как прочие, что таращатся сверху. — Гримпоу не терпелось завершить поиски секрета мудрецов.

Перед воротами собора толпились слепые, увечные и убогие, которые выпрашивали милостыню у всех, кто пытался пройти внутрь. При взгляде на них Гримпоу вспомнил собственное детство и ощутил сочувствие.

Тишина под сводами собора была насыщена светом, что сочился сквозь цветные витражи. Главный смотрел на запад, и на закате лучи солнца падали на большое круглое окно, будто в тигель алхимика. Витражи повествовали о множестве событий, истинное значение которых было ведомо лишь мастерам, их создавшим, а внутреннее убранство собора, как почудилось юноше,

заклучало в себе бесчисленные тайны. Эти витражи мнились открытой книгой, в которой очевидное, явное скрывало под собой множество зашифрованных сообщений, доступных лишь тому, кто располагает необходимыми подсказками.

Гримпоу рассчитывал разгадать загадку, которая привела их сюда, и начал осматриваться по сторонам, пораженный красотой вокруг. Он сознавал, что каждая скульптура и каждая картина собора поистине гениальны — и каждая может таить в себе ключ к Незримому Пути. Кроме скульптур и картин его восхищало и мастерство зодчих: он научился ценить искусство геометрии и пропорций благодаря занятиям с библиотекарем Ринальдо де Метцем в аббатстве Бринкдун; и ныне Гримпоу видел чудо в каждой стене, в каждом витраже, в каждой гигантской колонне и в огромных стрельчатых сводах, которые парили вверху, словно по волшебству утратив вес.

Рядом с часовней, в которой горели десятки восковых свечей, Вейнель легко коснулась руки Гримпоу, вырывая юношу из благоговейного созерцания.

Сальетти разглядывал лица людей, которые молились в центральном нефе и в бесчисленных боковых приделах, лица благородные и плебейские, лица торговцев, паломников, монахов. Он держался настороже и мгновенно поворачивал голову на любой жест или движение, которые ему казались подозрительными.

— Думаю, я знаю, где может находиться дьявол, которого мы ищем. В детстве я приходила сюда с мамой, и один бес ее всегда пугал; она боялась, что он похитит мою душу. Почти никто не осмеливался взглянуть ему в глаза. Возможно, поэтому Аидор Бильбикум и спрятал загадку в его ногах — чтобы мы победили страх.

Они прошли хоры и алтарь, и под статуей человека с бесхитростным лицом, который держал в руках книгу, Сальетти заметил три слова, вырезанных на постаменте. Рыцарь жестом велел Гримпоу приблизиться, не привлекая внимания, и юноша скопировал слова на кусок пергамента.

СОЛНЦЕ ЛЮБЕЗНЫЙ ЖЕРТВЕННИК

— Что-нибудь понимаешь? — спросил Сальетти.

Гримпоу подумал немного и покачал головой.

— Нет, я не вижу связи между этими словами. И вообще в этом соборе столько тайн, поди разгадай!

— Я тоже не знаю, что могут значить эти слова, — сказала Вейнель.

— А что говорит о последних словах манускрипт Айдора Бильбикума? — спросил Сальетти.

Вейнель пожала плечами.

— Что мы должны столкнуться с дьяволом и найти в его ногах последние слова. Но ведь это не дьявол.

— Отцы церкви учат, что дьявол способен принимать тысячи обликов, чтобы соблазнять слабых духом. Возможно, манускрипт не следует толковать буквально, — настаивал Сальетти.

— До сих пор мы не ошибались с нашими толкованиями, но Сальетти может быть прав. Вспомни запертую комнату, которая оказалась смертельной ловушкой. — Помолчав, Гримпоу прибавил: — Ясно, что эти слова могут быть просто словами, что мастер мог вырезать их для развлечения. В соборе Страсбурга я видел, как каменотесы вырезали знаки на камнях, имена

и другие слова, которых никто, кроме них самих, не понимал.

— Пойдемте к дьяволу, о котором я говорила, и если там мы ничего не найдем, тогда вернемся сюда, — благоразумно предложила Вейнель.

Девушка провела их в укромный уголок и указала на крошечного каменного беса с глазами навывкате, расплюснутым носом и изогнутыми в кривой ухмылке губами. Его гримаса могла показаться забавной, однако что-то в ней вызывало дрожь.

— Вот он. Возможно, именно с ним мы должны столкнуться, — сказала Вейнель, не скрывая отвращения.

— И что теперь? Этот дьявол не шевелится. Как нам быть? — Сальетти в шутку взялся за рукоять своего клинка.

— Может, противостояние должно быть символическим, — пояснила Вейнель.

— Я тоже подумал об этом, — сказал Гримпоу.

— Ну так проверьте, а я постою на страже, чтобы никто нас не застал. — И Сальетти отошел на несколько шагов.

— Думаю, противостоять дьяволу значит победить его, то есть сдвинуть с места, — проговорил Гримпоу.

— Может быть, — согласилась Вейнель. — И кто из нас двоих будет его побеждать?

— Наверное, я, — отозвался Гримпоу. — Думаю, если мне удастся его победить, я покончу с теми страхами, которые не отпускают меня с тех пор, как мы с Дурлибом нашли загадочный камень в руке отца Сальетти в лесах Ульпенса.

Вейнель жестом выразила согласие, и Гримпоу медленно приблизился к каменному бесу, насмешливо глядевшему на юношу. Он протянул руку, ощупал колодное

каменное лицо, чтобы прогнать собственный страх. Потом обнял дьявола обеими руками, будто сойдясь в борцовском поединке. Гримпоу давил изо всех сил, словно желая вывернуть члены изваяния, и вдруг прозвучал негромкий хлопок. Гримпоу отскочил, а дьявол повернулся к нему спиной. И там, где раньше были ступни дьявола, возник каменный квадрат с неряшливо вырезанными буквами.

O	S	R	E	V	I	N	U	L	E	D
R	O	B	A	L	A	N	U	Y	O	P
M	E	I	T	E	D	N	O	I	T	S
E	U	C	A	N	U	S	E	O	L	O
S	S	O	I	D	N	E	A	R	I	T
R	E	V	N	O	C	E	S	O	N	A
M	U	H	R	E	S	L	E	I	S	A
A	G	I	P	S	E	A	N	U	N	E
A	M	R	O	F	S	N	A	R	T	E
S	O	G	I	R	T	E	D	O	N	A
R	G	N	U	O	M	O	C	I	S	A

— Последние слова — и новая загадка! — восхищенно воскликнула Вейнель.

— Не станем медлить. — Гримпоу достал из сумки пергамент и уголек и принялся копировать буквы из под ног дьявола.

Сальетти неохотно признал, что они нашли последние слова, как и говорилось в манускрипте Айдора Бильбикума. Увы, разгадка оказалась новой загадкой, которую надлежало понять, чтобы войти в таинственный лабиринт, посеять зерно и увидеть, как прорастает цветок. Гримпоу и Вейнель тоже не скрывали разочарования: они-то думали, что последние слова станут недостающим ключом к секрету мудрецов. Впрочем, изме-

нить ничего было нельзя, и они уселись на пол часовни и принялись ломать голову над шифром.

Под бдительным присмотром Сальетти они прикидывали так и сяк, но решения не находилось. Наконец Гримпоу кое-что обнаружил, в левом верхнем углу квадрата, вдоль грани, написанное наизнанку, справа налево.

— Здесь слово «Вселенная»! — воскликнул юноша, обрадованный хотя бы проблеском успеха, и записал на пергаменте:

УНИВЕРСУМ

— Это слово позволило нам выбраться из запертой комнаты, — сказала Вейнель и повела плечами, не разделяя восторга юноши.

— Не думаю, что здесь его употребили случайно, — возразил Гримпоу. — А вот и слово «время», написано справа налево, как предыдущее! Помните, оно привело нас в ту запертую комнату.

Вейнель кивнула, размышляя о том, что слова проступают постепенно, как карта Незримого Пути. Гримпоу же записал:

ВРЕМЯ

— И слово «Бог», — продолжила Вейнель. Гримпоу послушно записал:

БОГ

А потом воскликнул:

— Еще слово «человек»! Кажется, мы идем верной дорогой. — Юноша кивнул собственному заявлению и записал:

ЧЕЛОВЕК

Мгновение они молчали, будто истощив все варианты с перебором букв в квадрате, но затем Вейнель обнаружил кое-что еще.

— Пшеница! Я нашла слово «пшеница»!

Гримпоу добавил это слово к списку.

ПШЕНИЦА

— Вот здорово! Оно также значит «колос», а это имя Спики, самой яркой звезды созвездия Девы, каковое есть карта Незримого Пути от замков Круга до города Амьен! — Гримпоу лихорадочно записывал слова, даже не пытаясь найти между ними связь.

КОЛОС

Сальетти приблизился, чтобы знать, как идет исследование, и предупредить, чтобы они говорили тише, так как их могут подслушать.

— Хорошо, хорошо, — сказала Вейнель, и Сальетти снова удалился, не сомневаясь, что в решении задачек для ума его друзьям помощь воина не требуется.

— И что это может значить? — спросил Гримпоу самого себя, подчеркивая в квадрате букв каждое из найденных слов.

Вейнель и Гримпоу переглянулись. Все слова по отдельности что-то да значили, но вместе они лишь сбивали с толку. Пожалуй, понадобятся часы, а то и дни, чтобы разгадать загадку.

— Думаю, мы должны понять, что именно ищем, — сказала Вейнель, стараясь нащупать направление мыслей.

O	S	R	E	V	I	N	U	L	E	D
R	O	B	A	L	A	N	U	Y	Q	P
M	E	I	T	E	D	N	O	I	T	S
E	U	C	A	N	U	S	E	O	L	O
S	S	O	I	D	N	E	A	R	I	T
R	E	V	N	O	C	E	S	O	N	A
M	U	H	R	E	S	L	E	I	S	A
A	G	I	P	S	E	A	N	U	N	E
A	M	R	O	F	S	N	A	R	T	E
S	O	G	I	R	T	E	D	O	N	A
R	G	N	U	O	M	O	C	I	S	A

— Мы ищем секрет мудрецов, — твердо произнес Гримпоу.

Вейнель улыбнулась очевидности ответа.

— Я имела в виду другое. Мы должны начинать с чего-то конкретного. Нам надо выяснить, где находятся колонны, мимо которых мы войдем в лабиринт и посеем зерно, чтобы пророс цветок, так?

— Ты говоришь о месте?

— Точно. Это место наверняка зашифровано здесь, и его-то мы должны искать, — пояснила Вейнель.

— По карте Незримого Пути это место может находиться в Париже, в Шартре, Амьене или Реймсе, но в Реймсе мы уже были.

— А в Париже находимся, так что остаются Амьен и Шартр, — сказала Вейнель и снова посмотрела на семь записанных Гримпоу слов.

ВСЕЛЕННАЯ
ВРЕМЯ
БОГ
ЧЕЛОВЕК

КОЛОС ПШЕНИЦА

— Если взять по букве из каждого, можно составить слово «Амьен»! — воскликнул Гримпоу.

Вейнель несколько мгновений разглядывала слова, потом ответила:

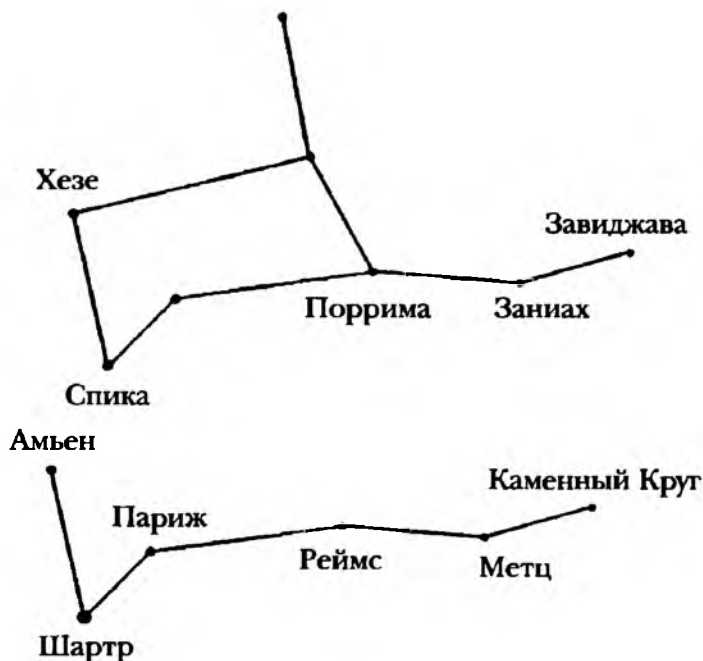
— Это верно, Гримпоу, но таким же способом можно составить любые названия — и «Париж», и «Реймс», и «Шар...» — Внезапно девушка оборвала себя, будто что-то вспомнила, а затем сказала: — Слово «Шартр» не составить из букв этих семи слов, как «Париж», «Реймс» или «Амьен». Ни в одном нет двух букв «р».

Гримпоу вскинулся, будто его ужалило насекомое.

— Это может значить, что город, в котором скрыт секрет мудрецов, — тот самый, название которого не составить из семи слов квадрата, и это точно Шартр. Если помнишь карту Незримого Пути, — он достал рисунок, который сделал врач Умиус, — положение Шартра соответствует положению самой яркой звезды созвездия Девы, она же Колос, то есть слово из квадрата!

— А еще — что место, в котором спрятан секрет мудрецов, вовсе не Шартр, и мы должны искать в других трех городах. То есть секрет может быть и в Париже, и в Реймсе, и в Амьене, последнем городе на Незримом Пути.

Эти слова Вейнель смутили Гримпоу, как — в свое время — слова манускрипта Айдора Бильбикума, и на мгновение ему почудилось, что они навечно обречены пробираться по этому круговороту букв. Но тут юноше вдруг вспомнился рисунок старого монаха Ринальдо де Метца из аббатства Бринкдум: круг-небо и вписанный в него квадрат, который представлял Землю; каким-то

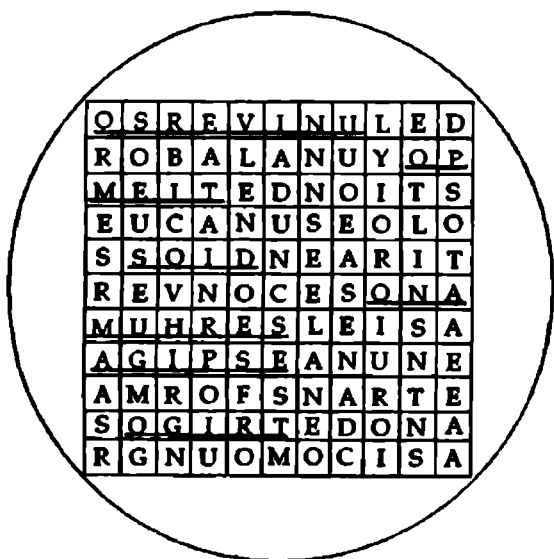
образом, подумалось Гримпоу, семь загадочных слов подходили к этому сочетанию круга и квадрата, божественного и земного, так как Вселенная, Время и Бог принадлежат сфере небесного пространства, а Пшеница, Колос и Человек составляют земную сферу.

Гримпоу поделился своими воспоминаниями с Вейнель, надеясь, что это поможет хоть немного рассеять окутавший их мрак.

Девушка слушала, не отрывая взгляда от квадрата с буквами, который Гримпоу заключил в круг.

— Брат Ринальдо сказал, что квадратура круга невозможна, потому что она означала бы союз неба и земли, Бога с человеком. — По тону Гримпоу было понятно, что юноша готов окончательно пасть духом.

Но Вейнель вдруг сверкнула глазами — будто небо и вправду слилось с землей — и воскликнула:

— Ты молодец, Гримпоу! Смотри, тут у нас все нужные слова, и не по отдельности!

Гримпоу в изумлении развел руками.

— Что ты хочешь сказать? — спросил он, не понимая, к чему ведет Вейнель.

— Последние слова, которые упоминает Аидор Бильбикум в своем манускрипте, — законченный текст. Я начала подозревать это, когда поняла, что семь слов, которые мы выделили, все написаны справа налево, и потом ты заговорил о невозможности квадратуры круга...

Вывхватив из рук Гримпоу кусок пергамента и уголек, Вейнель принялась писать последние слова мудрецов общества Уроборос, одновременно объясняя, что текст в квадрате был вырезан наоборот, снизу вверх:

**КАК ЗЕРНЫШКО ПШЕНИЦЫ
ПРОРАСТАЕТ КОЛОСОМ,**

ТАК И ЧЕЛОВЕК ПРЕВРАТИТСЯ В БОГА.
ЭТО ВОПРОС ВРЕМЕНИ,
И ТРУД ВСЕЛЕННОЙ.

— Из этого следует, что наступит миг, и квадратура круга станет возможной, когда человеческое существо достигнет божественности. Если подумать, человек вообразил себе божество, чтобы объяснить мир и космос; когда мы достигаем пределов познания, человек и Бог сливаются воедино, и круг окончательно объединяется с квадратом. Так говорил мой отец, — сказал Вейнель.

— И когда такое произойдет? — спросил пораженный Гримпоу.

— Когда течение времени и труд Вселенной позволят, возможно, через века, тысячи, миллионы лет, но преображение уже началось, и нам нельзя допустить, чтобы оно замедлилось из-за людского невежества.

Гримпоу от изумления потерял дар речи: ему вспомнилась эмблема общества Уроборос — змея, кусающая себя за хвост, уникам, бесконечное кольцо, начало и конец знания...

Послышались чьи-то шаги, и молодые люди поспешили спрятаться в толпе прихожан и паломников, которые молились на коленях в центральном нефе.

Сальетти отказывался понимать, как Вейнель и Гримпоу удалось раскрыть тайну последних слов манускрипта, сколько бы друзья ни тщились ему объяснить.

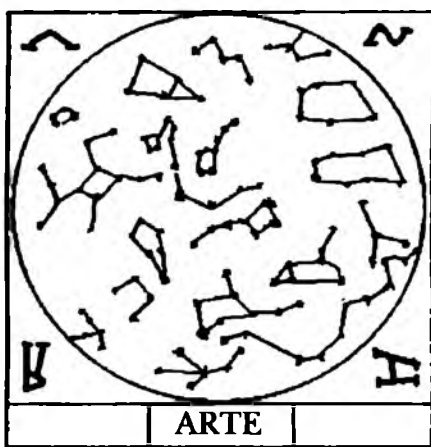
— Где же колонны? — спрашивал он, стремясь как можно скорее покинуть собор и вообще уехать из Парижа. С каждым мгновением становилось все более вероятным, что первые солдаты армии короля прибыли в город, и наверняка с ними инквизитор Гостель, готовый

поведать монарху, что не сумел отыскать секрет мудрецов, дарующий бессмертие.

— Мы не знаем точно. Может, они прямо здесь, в Париже, или в Реймсе, Шартре или в Амьене, — ответила Вейнель. — Но не подлежит сомнению, что в соборе именно одного из этих городов спрятан секрет мудрецов.

— И что вы думаете делать? — захотел узнать Сальетти, поглядывая искоса на группу паломников, которые только что вошли в собор через боковую дверь и принялись громко возносить хвалы Господу.

— Если ключ не в последних словах, которые мы нашли у ног дьявола, возможно, он находится между знаками в четырех углах сферы Незримого Пути. Мы еще их не изучали, — сказал Гримпоу, показывая друзьям рисунок с картой.

Юноша пометил четыре символа, по отдельности, в каждом углу.

— Мы должны искать в соборе эти знаки, по отдельности или вместе, в любом порядке. Ключ к месту, где спрятан секрет мудрецов, должен быть в них, это последнее звено, которого нам не хватает, чтобы найти колонны у входа в лабиринт. Именно об этом говорится в манускрипте Айдора Бильбикума. Давайте поделимся, и пусть каждый осмотрит неф и боковые приделы. Потом снова встретимся здесь.

— Не думаю, что нам стоит разделяться, — возразила Вейнель. Девушке было страшно остаться наедине с распятиями, девственницами и святыми, которые казались существами из иного мира, несмотря на человеческую наружность.

— По отдельности мы привлечем меньше внимания и куда быстрее отыщем знаки в этом громадном соборе. Чистая математика, брат Ринальдо де Метц учил меня, что числа помогают раскрывать тайны космоса, — убежденно заявил Гримпоу.

Вейнель и Сальетти не стали спорить, приняли решение Гримпоу, как простые воины принимают приказ командира. В конце концов, юноша владел чудесным камнем, который нашел в лесах комарки Ульпенс. Этот камень по воле вселенной исподволь преображал юношу, наделяя его неустрашимостью и мудростью.

Они прошли все часовни, хоры, побывали возле алтаря, постояли у каждой колонны, каждой скульптуры и каждой картины, тщательно изучили библейские истории, запечатленные в витражах. Рядом с одной из кафедр близ клироса Гримпоу на миг заметил некую тень, которая скрылась, едва юноша решил подойти поближе. Гримпоу по маленькой приставной лесенке поднялся на кафедру, но никого там не нашел. Наверное, по-

чудилось, во всем виноват страх перед ищейками Бульвара де Гостеля.

Гримпоу вернулся к Вейнелю и Сальетти, которые тоже ничего не обнаружили.

Они стояли в центральном нефе, опечаленные неудачей. Собор изобилует знаками и символами, но ни один не был похож на те, которых они искали. А если они не смогут быстро узнать, в каком из четырех городов находятся колонны, псы инквизитора де Гостеля наверняка их нагонят, а значит, весь остаток жизни им придется тайно, шагком за шагком, пробираться из Парижа в Реймс, или в Амьен, или в Шартр, не имея надежды вырваться из порочного круга.

— Двинемся в Амьен, его собор прекрасен, а кроме того — это последний город, указанный на карте Незримого Пути. Если где и могут быть колонны у входа в лабиринт, то лишь в этом городе, — сказал Сальетти.

— А если их там нет? Если они тут, в Париже, в этом соборе, а мы их просто-напросто не замечаем? — спросил Гримпоу, разум которого не прекращал искать ответ на этот вопрос.

Видя сомнения Гримпоу и Сальетти, Вейнелю сочла нужным вмешаться.

— Если отталкиваться от карты Незримого Пути, думаю, мы можем принять, что колонны — на западе острова Жирап и вне его. Так что секрет мудрецов вряд ли спрятан в этом соборе. Также не думаю, что он в Реймсе, ведь этот город расположен на восток от Парижа. Значит, остаются Амьен и Шартр, один на северо-западе, другой на юго-западе. Если согласиться с Сальетти, Амьен — последний город на карте Незримого Пути, зато Шартр, как упомянул Гримпоу, соответствует звез-

де Спика из созвездия Девы, а слово «колос» мы нашли в квадрате букв. Ну что, как нам выбрать, в какой из этих двух городов направиться?

В этот миг лучи заходящего солнца пали на витраж большого круглого окна на фасаде собора, осветив его, как пламень в тигле алхимика освещает перегонный куб.

— Вот он, ключ! Как мы его не увидели?! — воскликнул Гримпоу, всматриваясь в необыкновенную игру цвета и света.

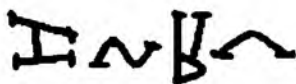
Вейнель с Сальетти, словно замороженные, глядели на эти узоры, но никак не могли понять, какой из многочисленных сюжетов, изображенных на витраже, окажется последним ключом к загадке.

— Ты о витраже? — спросила наконец Вейнель.

— Нет, — ответил Гримпоу, беря в руки пергамент с записями и уголек. — Я имею в виду карту Незримого Пути.

— Объясни получше, Гримпоу, — раздраженно проворчал Сальетти.

И Гримпоу принялся объяснять, снова рисуя знаки, окружавшие карту полушарий.

ARTE

— Нам было известно, что секрет мудрецов связан со словом ARTE, вот оно, в центральной части карты Незримого Пути, под полушариями. Также мы пришли к выводу, что это ARTE находится внутри собора...

— И какой мы можем сделать вывод? — перебил Сальетти.

— Что ARTE — в соборе Шартра!

CHARTRES

ЦВЕТОК В ЛАБИРИНТЕ

Выйдя из собора Парижской Богоматери через центральный вход, друзья вернулись на постоянный двор и забрали лошадей. Затем они перебрались через реку на левый берег по маленькому и узкому мостику и направились в район университета Сорбонна, где, совсем близко, находился дом Вейнель и ее отца.

В вечернее время на улицах часто можно было встретить молодых студентов, с задорным смехом входивших и выходящих из таверн, беседовавших маленькими группками на углах улиц либо прогуливавшихся в компании юных дам под окнами их домов. Почти все они говорили на латыни, потому-то этот район Парижа и называли Латинским кварталом.

Медленно опускалась ночь. Друзья неспешно шли по площади Сорбонны, слабо освещенной факелами на фасадах скромного здания, где располагался университет, в котором Гуриельф Лабокс долгие годы читал лекции по геометрии, арифметике и астрономии. Сальетти вспомнил свои университетские годы в аудиториях этого университета, а у Вейнель по коже пробежали мурашки, когда они снова очутились в тех местах, где де-

вушка столько раз бывала с отцом. Сейчас Вейнель была очень напугана. Она боялась, что кто-нибудь ее узнает и спросит, почему они с отцом исчезли, не предупредив никого об отъезде, после чего долгое время про них никто ничего не слышал.

Друзья шли по крошечным улочкам, освещенным редкими масляными лампами и факелами, и на самом деле было маловероятно, чтобы кто-нибудь узнал молодую красавицу Вейнель Лабокс в непроглядном мраке. Проехали несколько телег, грохотавших по мостовой, и пришлось натянуть поводья и как можно плотнее прижаться к стене, чтобы копыта мулов и грубые деревянные колеса не отдавили ноги.

Недалеко от дома Вейнель показала на крыльцо с колоннами, которые поддерживали каменную притолоку.

— Я и не думал, что вы живете в таком роскошном доме, — сказал Гримпоу, оглядев фасад.

— Мой дед был писателем, и его очень уважали при дворе, благодаря чему он сумел сколотить состояние, так что мой отец, его единственный сын, мог учиться и иметь достойное жилье.

— На чердаке этого дома я провел два лучших года моей жизни, — меланхолично проговорил Сальетти.

— Где ключ? — спросил у Вейнель Гримпоу, предполагая, что им предстоит разгадывать еще и эту загадку.

— Он был у меня с собой с того дня, как мы уехали в Корниль, и там и остался вместе с нашим багажом, когда нас схватили солдаты барона де Вокко. Но отец спрятал еще один ключ в отверстии за эмблемой братства писателей, на каменном карнизе над дверью.

— Стойте тут и будьте начеку, на случай, если придется уносить ноги. Я попытаюсь взять ключ. Не выхо-

дите, покуда я не открою дверь и не удостоверюсь, что все безопасно, договорились? — прошептал Сальетти.

Вейнель и Гримпоу согласно кивнули, и Сальетти направился к дому, но вдруг в одном из окошек загорелся свет, и они замерли.

— Там кто-то есть! — воскликнул юноша.

— Свет загорелся в кабинете моего отца! — встревожено сказала Вейнель.

— У кого-то еще был ключ от этой двери? — спросил Гримпоу.

Вейнель покачала головой. Гримпоу хотелось рассказать, что в соборе Парижской Богоматери ему померещилась тень, наблюдавшая с кафедры, но юноша промолчал, не желая волновать и без того встревоженную Вейнель.

Сальетти подъехал к Вейнель и протянул девушке руку.

— Я вас предупреждал, что возвращаться сюда опасно, — сказал рыцарь. — Должно быть, кто-то присвоил себе ваш дом, решив, что вы с отцом никогда не вернетесь.

— Кто мог об этом знать? — спросила Вейнель, стряхивая оцепенение.

— Доминиканец Гостель или кто-нибудь из его шпионов или лакеев. Если хочешь, я могу постучаться и выяснить, но это все равно что ходить по улицам и кричать, что ты или кто-нибудь имеющий отношение к твоему отцу или мудрецам секретного общества Уроборос снова в Париже, — ответил Сальетти.

— Думаю, мы совершим великую глупость, если собственными руками наведем ищеек инквизитора на наши следы, — сказала Вейнель, решившая не жалеть себя.

— Тогда давайте покинем Париж навсегда. Здесь нас больше ничего не держит, — сказал Гримпоу.

— А куда мы пойдем после того, как найдем то, что ищем, в Шартре? Мы не можем всю жизнь жить беглецами, переезжая с места на место в страхе перед поимкой, — недоумевала Вейнель.

— Мы уедем в Италию. Я продам имение моего деда в Пьемонте, и мы купим дом во Флоренции, в свободной и процветающей республике, свободной от влияния пап и императоров. Там мы начнем новую жизнь, не боясь инквизиторов и алчности короля Франции. Сейчас мы семья, Гримпоу нужен очаг и университет, чтобы он познал науки и создал новое тайное общество мудрецов, которое, конечно, будет называться Уроборос.

У южных ворот Парижа смешались в кучу повозки, лошади и люди. Когда друзья вышли из города, оставив за спинами бойницы и башни, Гримпоу даже не обернулся: его увлекло разглядывание многочисленных паломников, что двигались к Сантьяго-де-Компостела, пользуясь наступлением лета. Ветер дул с севера, но был теплым, а безоблачное небо усыпали звезды, которые Гримпоу соединил в своем воображении, нарисовав бесконечные пути, как когда-то рисовал созвездия на полушариях, изображенных на карте Незримого Пути. Они держали путь на Шартр, наслаждаясь покоем ночи, а Гримпоу наблюдал, как у них над головами горят созвездия Кассиопеи, Малой Медведицы на севере, под ней длинный хвост Дракона и Большая Медведица, на юге Дева и Колос, которая на небе обозначала местонахождение Шартра на земле, а под ними созвездия Весов, Скорпиона, Кентавра, Близнецов, Рака и Водолея на востоке.

В нескольких лье от Парижа они нашли гостиницу для паломников, где поужинали и отдохнули несколько часов, а с первыми лучами солнца снова отправились в путь. До Шартра оставался еще день пути, и они хотели достичь собора до того, как стемнеет и закроют ворота. Все трое знали, что их путешествие в поисках секрета мудрецов подходит к концу и что совсем скоро они начнут новую жизнь далеко от Франции, во Флоренции, где их никто не знает и не никто никогда не заподозрит, что только у них есть философский камень, знаменитый lapis philosophorum, магический ключ ко всем тайнам бытия. Но никто из троих не знал, чего ожидать в Шартре, если там действительно спрятан секрет мудрецов. Им сложно было представить, о каком предмете говорилось в манускрипте Айдора Бильбикума. Было ясно только, что речь идет не о Священном Граале, не о Ковчеге Завета и не о каком-либо документе античной эпохи. Но тогда что бы это могло быть? О чем может идти речь? Что же привезли из храма Соломона в Иерусалиме во Францию двести лет назад девять рыцарей тайного общества Уроборос и что так желали получить папа Климент и король Франции, готовые на убийства, на преследования Ордена Храма и на осаду замков Каменного Круга? Вправду ли секрет мудрецов может наделить бессмертием того, кто его найдет? Может быть, они ищут собрание золота и драгоценных камней из экзотических восточных стран, способное превратить своего владельца в самого богатого человека на Земле? А вдруг это какое-то баснословное оружие, способное разбить любого врага, каким бы сильным и могучим тот ни был?

Эти и еще очень многие вопросы возникали в головах Гримпоу, Вейнель и Сальетти, хотя никто и не зада-

вал их вслух. Кроме того, друзья размышляли о том, что будет после того, как они найдут секрет, и как им доставить его во Флоренцию, чтобы снова надежно спрятать. Впрочем, все это было впереди, а пока им предстояло отыскать секрет в соборе Шартра; долгое путешествие и блуждания среди множества загадок научили Гримпоу двигаться к цели постепенно. Вдобавок Гримпоу остерегал себя: а вдруг, после всех испытаний, выпавших на его долю с тех пор, как однажды он нашел загадочный камень в руке мертвого рыцаря в горах Ульпенса, ему все-таки не удастся миновать колонны и войти в лабиринт? Вдруг все тяготы и муки и все приобретенное знание окажутся напрасными? С другой стороны, юноша смутно сознавал, что долгие поиски секрета мудрецов на самом деле суть поиски смысла человеческой жизни; так прорастает из семени напитанный водой и вскормленный тучной почвой благоуханный цветок.

Юноша успокаивал себя и друзей, а скептический внутренний голос находил все новые доводы. Ведь минуло двести лет с тех пор, как Аидор Бильбикум и первые мудрецы общества Уроборос спрятали секрет, и за это время могло случиться всякое — могло, и наверняка случилось. Как сверкающая молниями гроза переполняет реку и меняет ее русло, так и богатые событиями столетия меняют исходные замыслы. Быть может, те же мудрецы, что некогда спрятали секрет, со временем укрыли его в ином месте... Или же тайна мудрецов — не более чем сказка, вроде тех, что старики рассказывают молодым холодными зимними вечерами, или тех, что распевают трубадуры, приправляя правду изрядной толикой лжи.

Стройные башни церквей и собора Шартра вздымались в пламенеющее небо. Закат золотил сгущавшиеся сумерки и бросал багровые блики на поля пшеницы под ле городской стены.

Несмотря на время года и многочисленных паломников, стекавшихся отовсюду в собор Шартра, город в этот вечер был необыкновенно тих. Это вполне устраивало трех всадников, которые ехали по дороге среди роц, разглядывая величавую реку со множеством мельниц на обоих берегах, дубильные мастерские, деревянные мосты, прачечные, что сутулились под прибрежными вязами, жилые дома, церкви и собор, словно нависавший над Шартром.

Они достигли соборной площади, задержавшись в предместье, чтобы оставить лошадей на постоялом дворе и позаботиться о корме и питье для изнуренных животных. Служка, которому поручили лошадей, не проронил ни слова, так как был глух от рождения и изъяснялся жестами; еще он постоянно улыбался, и его улыбка, если такое возможно, сделалась шире прежнего, когда Сальетти вручил ему золотую крупицу.

Главные ворота собора оказались закрытыми. Друзья огляделись, высматривая, кто бы мог поведать им о причине этого — ведь по весне соборы и церкви всегда открыты. Сальетти заметил старца с окладистой бородой, пересекавшего площадь, и спросил того, почему на улицах тихо, а ворота собора закрыты. Старец объяснил, что в Шартре праздник: мол, с утра все горожане, дворяне и простолюдины, участвовали в крестном ходе, а затем отправились на другой берег, чтобы до рассвета жечь костры, пировать, пьянствовать и вообще шумно веселиться. Еще старик поведал, что открыт северный вход в собор, ворота Мастерства.

Эти слова возбудили любопытство Гримпоу, и юноша спросил старика:

— А почему ворота так называются?

— Через эти ворота в храм входят мастера — зодчие, каменотесы, писцы и учителя. Потому-то они никогда не закрываются, хотя в соборе пусто, — объяснил старик, пожелал доброй ночи и продолжил свой путь.

Гримпоу внезапно почудилось, что он узнает окрестности и сам собор, как если бы он бывал тут прежде, заходил в храм или не раз и не два видел его во сне; все символы и секреты, которые хранил собор, были ему известны, пускай смутные образы и рассеивались в сознании.

Вейнель и Сальетти обсуждали, какова жизнь в богатой и вольной Флоренции, а Гримпоу подошел к воротам, чтобы рассмотреть статуи у входа. Слева располагались мужская и женская фигуры на пьедесталах, а справа взирали на площадь фигуры трех мужчин и женщины. Все они держали в руках книги или свитки пергамента. Увидев их, Гримпоу сразу решил, что это изображения мудрецов тайного общества Уроборос; недаром они стоят, вооруженные книгами, единственным оружием знания, у входа в собор, где спрятан секрет мудрецов.

— Хватит торчать у собора, давайте искать вход. Где-то там должны быть колонны, за которыми скрывается лабиринт, — сказал юноша, обращаясь к Сальетти. Ему не терпелось приступить к поискам секрета мудрецов, пока в городе так тихо и спокойно.

Они обошли собор, восхищаясь его красотой и мастерством зодчих и каменотесов; храм казался поистине божественным творением, каждый его камень обладал собственным языком, как и говорил отшельник,

встреченный когда-то в Ульпенсе. Это была речь в камне, речь подлинного искусства, речь человеческого воображения, способного создавать возвышенную, непреодолимую красоту.

Вскоре они обнаружили неприметную лесенку, которая вела к железной дверце.

— Там, должно быть, крипта, — сказал Сальетти, пробуя открыть дверцу.

У него ничего не вышло, а Гримпоу вспомнилась мрачная и загадочная крипта церкви в деревне Корниль, в которой они отыскиали Долину Солнца и саркофаг, где хранился манускрипт Аидора Бильбикума, а также прочитали историю философского камня.

Гримпоу отчаянно захотелось, чтобы колонны, обозначающие вход в лабиринт, отыскились не там, не в подземной крипте, где наверняка темно и страшно, как в Гадесе, преисподней древних греков.

Оставив дверцу крипты, они пошли вдоль собора, высматривая другие входы, приглядываясь к каждой капители и к каждому барельефу, а многочисленные статуи словно следили за ними со своих постаментов.

В северном фасаде нашлась открытая дверь — очевидно, те самые ворота Мастерства, о которых упоминал старик.

— Ну что, пошли? — спросил Сальетти.

В этот миг Вейнель заметила у входа две колонны с резными изображениями и со странной записью на латыни.

— Смотрите! — воскликнула девушка, указывая на колонны.

Гримпоу и Сальетти одновременно повернулись и взглянули на две сцены, вырезанные в камне, который будто заговорил с ними на своем чудесном языке.

— Ясно виден сундук на повозке, запряженной волами. На второй сцене человек набрасывает на сундук покрывало, а вокруг трупы, — проговорила Вейнель.

— И один из трупов, кажется, рыцарь с крестом храмовника, — добавил Сальетти.

— Это история девяти рыцарей храма Соломона, которые перевезли секрет мудрецов на повозке из Иерусалима во Францию. Они спрятали секрет — вот что значит покрывало на сундуке. Об этом и писал Аидор Бильбикум, — сказал Гримпоу.

— А что там за надпись на латыни? — спросил Сальетти.

— Ты понимаешь, о чем она? — уточнила Вейнель.

— Нет, я что-то не разберу, — признался Сальетти.

Гримпоу достал пергамент и уголек и скопировал надпись.

НІС АМІТІТІУР АRСНА СЕДЕРІС

— Если не ошибаюсь, у этих слов нет однозначного толкования. «НІС» значит «здесь, на этом месте»; «АМІТІТІУР» — такого слова, по-моему, не существует, хотя на вид оно вполне латинское. Возможно, это производное от «amitto», что можно перевести как «посылать далеко» или, в нашем случае, «скрывать» — посмотрите на рисунок в камне. «АRСНА» — вероятно, «сундук», а вот «СЕДЕРІС» меня смущает, я что-то не припомню такого слова. Быть может, это производное от «седо», «уступать», или «дружить». В таком случае правильный перевод — «объединение», — подытожил Сальетти, явно гордый своими познаниями.

— Тогда получается, что эта надпись на какой-то странной латыни, гласит: «Здесь лежит присланный из-

далека сундук уступки — или сундук объединения», — сказала Вейнель.

Сальетти кивнул, потом неуверенно повел плечами и наконец ответил:

— Я не поручусь, но, думаю, это весьма приблизительный перевод.

— Если, как нам говорил доктор Умиус в Метце, древние мудрецы обожали загадки и шифры, тогда ничего удивительного, что эта надпись подражает латыни. Ее должны и способны понять лишь те, кто посвящен в тайну. Я с тобой согласен: эта надпись, пускай не впрямую, говорит о сундуке, что привезен издалека, — заключил Гримпоу.

— Я тоже согласна. Рельефы на этих колоннах наверняка изображают путешествие девяти рыцарей-тамплиеров, что перевезли секрет мудрецов из Иерусалима во Францию. И это те самые колонны, которые нарисованы на карте Незримого Пути и упомянуты в рукописи Айдора Бильбикума. Так что мы стоим у входа в лабиринт, осталось посеять зерно и увидеть, как прорастает цветок.

Когда они вошли в собор, тускнеющий закат еще освещал бесчисленные витражи в высоких нефях, и библейские сцены и картинки повседневной жизни на витражах сверкали и лучились всеми оттенками красного, желтого, синего, черного и зеленого. Наблюдая переливчатую игру красок и образов, Гримпоу понял, почему на карте Незримого Пути шартрский собор зашифрован словом «ARTE» — «искусство»; внезапно юноша заметил, что камень у него на шее засветился красным, как тлеющий уголек, — такое уже случалось однажды, в окрестностях аббатства Бринкдум.

— Лабиринт, о котором говорится в манускрипте Айдора Бильбикума, может быть лабиринтом образов на этих великолепных витражах. Думаю, мы должны поспешить, пока солнце не село окончательно, если хотим узнать, где именно нужно посеять зерно, чтобы пророс цветок, — сказала Вейнель, рассматривая многоцветье витражей.

Они начали с круглой розетки над северным входом; этот витраж изображал деву, окруженную царями и пророками. Затем перешли в боковой придел, изучая один за другим ряды витражей, которые словно поднимались от земли к небу, излагая последовательность событий справа налево, как в том квадрате с буквами, найденном у ног дьявола в соборе Парижской Богоматери. Каждый витраж содержал фигуры людей и ангелов, геометрические и растительные узоры, бесчисленные круги, квадраты, треугольники и восьмиугольники, и в глазах почти рябило от переплетения линий и игры оттенков.

Гримпоу нес камень в руке, ощущая его тепло. Камень продолжал светиться, и это недвусмысленно указывало на то, что секрет мудрецов совсем рядом — то ли спрятан под одной из колонн, то ли скрыт под каменной плитой на полу.

Под стрельчатыми арками Вейнель и Сальетти тоже, пусть у них не было камня, вдруг почувствовали близость чего-то магического, чудесного, чего-то удивительного и невообразимого, способного раз и навсегда прогнать из вселенной мрак невежества. По всей видимости, слова «вселенная» и «время» отнюдь не случайно появились в той загадке, которую потребовалось решить, чтобы очутиться в шартрском соборе.

Вейнель первой заметила проблеск света в полу собора, в южном нефѣ. находка девушки подтвердила, что слово «колос» и вправду указывало на созвездие Девы, самая яркая звезда которого на карте Незримого Пути соответствовала положению Шартра на земле. И что недаром слово «колос» нашлось в квадрате букв под ногами дьявола в соборе Парижской Богоматери. Друзья увидели в полу белую плиту, резко отличавшуюся от прочих, серых и черных; на плите был вырезан колос, отливавший золотым.

Вейнель взволнованно прошептала:

— Колос, который дал имя самой яркой звезде созвездия Девы, который мы нашли в квадрате букв, — он и вправду находится в здешнем соборе!

— Быть может, это последнее указание на то, что секрет мудрецов спрятан именно под этой каменной плитой. Возможно, колос показывает точное место, где нужно посеять зерно, чтобы пророс цветок, — сказал Сальетти, удивленный не меньше Вейнель.

Гримпоу молча наклонился и приблизил камень, который по-прежнему держал в руке, к золотистому колосу, на который падали последние лучи закатного солнца.

Все затаили дыхание, надеясь на чудо, что белая плита отойдет в сторону, откроет тайный проход, который наконец позволит достичь секрета мудрецов, как случилось в крипте церкви Корнилия и в запертой комнате в крепости Каменного Круга. Но колос не засиял внутренним светом, плита не пошевелилась, и на лице Сальетти отразилось разочарование.

— Похоже, не все так просто, как мы думали, — проговорил Гримпоу, не теряя присутствие духа.

— Надо бы зажечь парочку свечей, пока не стало темно, как в склепе, — сказал Сальетти и направился к алтарю, где стояли на подставках большие восковые свечи.

Едва он углубился в центральный неф, кое-что привлекло его внимание. Каменный пол расходился концентрическими кругами, которые образовывали коричневато-серые плиты, отличавшиеся цветом от остальных.

Пораженный своим открытием, рыцарь поспешил взять несколько свечей, зажег их и вернулся туда, где его ожидали Гримпоу и Вейнель.

— Я нашел лабиринт! — воскликнул Сальетти, не в силах сдержать восторг. — Он тут, рядом, в центральном нефе. Идемте! — И рыцарь взял Вейнель за руку и повлек за собой.

Гримпоу последовал за ними, размышляя, что может скрывать лабиринт. В библиотеке аббатства Бринкдум брат Ринальдо де Метц рассказывал ему о древнейших лабиринтах в истории человечества на острове Лемнос, в Клузии и на Крите. Лабиринт — ловушка, в которую легко войти, но из которой невозможно выйти, если, конечно, при тебе нет путеводной нити Ариадны. Сердце колотилось в груди, а свет камня, который юноша держал в руке, — философского камня, lapis philosophorum, ключа всех тайн — словно сделался насыщеннее прежнего.

Друзья остановились перед первым кругом, от которого открывался вид на бесчисленные завитки, уводившие куда-то в глубь нефа.

— Да, это, несомненно, лабиринт, хотя и не такой, как я себе представляла. Я-то думала, нас ждет подземелье

со множеством извилистых коридоров, — проговорила Вейнель, глядя на плиты в полу собора.

— Я тоже ожидал чего-то большего, — признался Гримпоу. — Даже странно, что этот лабиринт наверху, а не в подземелье.

— Мне кажется, тут виден проход, который через круги и завитки ведет прямо в центр лабиринта, — указал Сальетти.

— Цветок! — вдруг вскричал Гримпоу, всплеснув руками. — Цветок в центре лабиринта! — Юноша достал пергамент и уголек и нарисовал то, что открылось его взгляду. Все трое с изумлением воззрились на лепестки цветка, который отчетливо выделялся среди переплетения линий в центре круга.

— Давайте искать вход, — предложила Вейнель и двинулась вдоль линии плит.

Некоторое время спустя она призывно махнула рукой. У ног девушки линия разрывалась, словно предлагая ступить в пределы круга.

Друзей обуревали эмоции, они ощущали близость секрета мудрецов, как если бы воспринимали его маги-

чески обострившимися чувствами. Дорога, о которой говорилось в манускрипте Айдора Бильбикума, наконец простерлась перед ними, и сейчас оставалось лишь пройти лабиринт, чтобы посеять зерно (а это наверняка камень, который Гримпоу держал в руке; ведь он имел классическую форму семени). Но где именно нужно посеять зерно? И что произойдет потом? На эти вопросы ответов пока не было.

— Идем до центра, а там прикинем, куда сажать семя, чтобы пророс цветок, — решил Гримпоу.

Вейнель и Сальетти взглянули в сверкающие глаза юноши и согласно кивнули. Ни девушка, ни рыцарь не узнавали Гримпоу, прежде тихого и скромного, а теперь вдруг сделавшегося решительным и словно осененного небесной мудростью. И обоим было приятно сознавать, что этот юноша — их лучший друг.

— Иди один, Гримпоу, — проговорила Вейнель, с нежностью погладив руку юноши. — Линии лабиринта слишком узкие, по ним можно шагать лишь друг за другом, и всякий, кто ступит внутрь, будто совершит паломничество в глубь себя. Это дорога к тому, что живет внутри каждого из нас, к существу, с которым не сравнится никакое чудо вселенной.

— Вейнель права. Ты нашел камень мудрецов, и он выбрал тебя, помнишь? Ты избран, чтобы раскрыть его секрет.

— Но до сих пор мы все делали вместе! Этот загадочный камень принадлежит не мне одному, а всем нам, — возразил Гримпоу, которому вовсе не хотелось в одиночку разгадывать тайну лабиринта и искать секрет мудрецов.

— Мы лишь сопровождали тебя, чтобы ты исполнил миссию, которую начали наши отцы. Мы должны были

это сделать. Но ни Сальетти, ни я не ощущаем притяжение камня. В наших руках этот камень — всего-навсего камень странного вида. А вот в твоих руках он становится чем-то особенным и начинает сиять этим красноватым светом.

— Давай, Гримпоу, иди. Мы подождем тебя здесь и ни на миг не упустим из вида, — сказал Сальетти, успокаивая юношу.

Гримпоу глубоко вздохнул и встал перед входом в лабиринт. Он помедлил, а потом сделал шаг вперед и побрел вдоль линии, что обозначала проход. Вскоре линия на полу шартрского собора свернула влево и повела к дальней стене. Постепенно Гримпоу успокоился, возможно, благодаря камню, который по-прежнему светился в руке юноши и словно освещал его душу, изливая в нее покой и уверенность. По мере того как Гримпоу продвигался по лабиринту, сворачивая то в одну, то в другую сторону, идя с востока на запад, а затем на юг или на север, ему вспоминались записи Гуриельфа Лабокса из церкви Корнилия, и юноша повторял про себя, словно читая стих, сочиненный трубадуром:

Ты иди в Долину солнца.
Там найдешь ты труп и крипту,
Где история сокрыта.
Дальше путь в известный город.
Отыщи, кого уж нету.
Глас теней тогда услышишь.
Ты за знаками последуй,
Отыщи укромный угол,
В коем жизнь и смерть едины.
Дар бессмертия обретши,
Ты Незримый Путь увидишь.

К острову Жирап дорога,
Где несметно чудищ разных.
Ты найди в ногах у беса
Откровенье слов последних.
Дальше ты пройди колонны,
В лабиринт вступи и семя
Посади, и пред глазами
Прорастет цветок прекрасный.

И внезапно перед мысленным взором Гримпоу промелькнула вся его жизнь с тех пор, как, совсем юным, он покинул деревню, в которой родился. Он вспомнил милое лицо матери, вновь увидел своего друга Дурлиба и рыцаря, замерзшего в горах комарки Ульпенс, и монахов аббатства Бринкдум, у которых столько узнал. А потом ему повезло повстречать Сальетти и отправиться вместе с рыцарем на поиски секрета мудрецов. Вместе они отыскивали Долину Солнца и нашли в крипте корнильской церкви манускрипт Айдора Бильбикума, который хранил историю философского камня. Вместе же они освободили Вейнель из лап барона Фигельтаха де Вокко и уже втроем явились в дом Хунна Хромого в Страсбурге, где нашли того, кто не существует, и услышали голос теней, убегая от инквизитора Бульвара де Гостеля. Им с Вейнель удалось выбраться из запертой комнаты, в которой время было жизнью и смертью, а Сальетти уцелел в резне, что последовала за падением крепости герцога Гульфа, побежденного войском темных сил. Дальше они ступили на Незримый Путь, который привел их на остров Жирап в Париже, населенный диковинными существами и монстрами, и в ногах дьявола нашли последние слова мудрецов о квадратуре круга и союзе человека и божества. Только

что они миновали колонны и приблизились к лабиринту. Остается лишь посеять зерно и увидеть, как прорастает цветок.

Стоя в центре лабиринта, Гримпоу глядел на лепестки цветка, раскинувшиеся перед его глазами. Свет камня сделался таким ярким, словно в руке юноше пылало пламя, а сам камень ощутимо нагрелся.

Гримпоу не знал, где нужно посадить магическое семя, которое юноша держал в руке, и беспомощно покосился на стоявших у начала лабиринта Вейнель и Сальетти. Казалось, их от Гримпоу отделяет бездна, как если бы внутри лабиринта существовала иная реальность, иная сфера бытия.

Юноша взял пергамент и зарисовал цветок.

Закончив рисунок, он заметил, что в центре цветка есть маленькое отверстие, дырка в каменном полу собора, немногим больше, чем философский камень. Гримпоу наклонился и решительно вставил камень в отверстие. И случилось чудо: красноватый свет камня преобразился в ослепительно синий, от которого стало больно глазам. С быстротой падающей звезды, что мчится по ночному небу, этот свет распространился по

всему лабиринту, выхватил из сумрака каждую линию, каждый завиток, каждый изгиб, и вскоре на полу собора словно вспыхнул необыкновенный синий костер. Все витражи в окнах собора заискрились, будто солнце взопло посреди ночи, а чернота под куполом засверкала крошечными звездами и планетами в движении, как если бы там рождалась новая вселенная. Гримпоу почудилось, будто над лепестками цветка плывет прекрасная небесная сфера, окутанная тонкой вуалью тумана, а внутри нее проступают последовательности чисел и математических формул, образы прошлого и грядущего, какие-то знаки и непонятные символы. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, что это такое, — откуда пришел ответ, юноша знать не знал. Сфера открывала все загадки природы и космоса, все, что подлежало объяснению и истолкованию, — при наличии ключа, философского камня, *lapis philosophorum*, разгадки всех тайн; этот камень позволял человечеству обрести всю полноту знания, которое заключали в себе чудесная сфера, и бесконечный небосвод, в котором она кружилась, заключали тысячи миллионов лет, с самого начала времен.

Юноша опустился на холодный пол и погрузился в благоговейное созерцание гармонии вселенной, что явилась, как по волшебству, из света камня. Перед ним вновь предстали те же образы, которые он некогда прозревал в аббатстве Бринкдум. Он увидел космический взрыв, который породил мириады звезд, планетарные катаклизмы, преобразившие континенты и океаны в поразительной красоты пейзажи, вечные льды, покрывшие мир под небесами, затянутыми непроницаемыми облаками пепла; увидел, как эпидемии безжало-

стно очищают Землю от людей, как чудовищные и безжалостные машины изрыгают языки пламени под грохот канонады, увидел войны, истребляющие миллионы мужчин, женщин и детей. А еще внутри чарующей небесной сферы Гримпоу узрел грандиозные произведения искусства, чудесные здания и невероятные устройства, фантастические города с дворцами из стекла, напоянного светом, в темноте ночи достигавшие неба; узрел людей в диковинных нарядах, людей, которые прогуливались между тысячами стремительных металлических повозок, а над их головами проносились гигантские экзотические серебряные птицы, стрелы огня пересекали небосвод и достигали далеких галактик, затерянных в бесконечности вселенной...

Гримпоу знал, что нашел секрет мудрецов, что философский камень наделил его всей полнотой знания и, возможно, бессмертием. Также он знал, что секрет мудрецов — это великая тайна, которая никогда не раскроется до конца, сколько бы умов ни бились над ее разгадкой. Юноша не имел ни малейшего понятия, откуда пришло это знание, но ему вовсе не хотелось забивать голову подобными вопросами. Вполне вероятно, мудрецы общества Уроборос тоже этого не знали, ведь, как сказал когда-то слепой монах Уберто Александрийский, ответ на этот вопрос таится за звездами. Чтобы добраться до сути, придется ступить на новый Незримый Путь, который никакой человек не способен пройти в одиночку. В надписи, найденной под ногами дьявола в соборе Парижской Богоматери, говорилось о времени и о труде вселенной, а это труд, посильный лишь человечеству в целом. Но карта нового Незримого Пути заключена в философском камне. Когда люди сумеют ее

истолковать, они познают магическую сущность камня и человеческой души, которая однажды сольется во едино с божеством.

Юношу разбудили лучи солнца, которые ворвались в собор через круглую розетку на фасаде. Гримпоу лежал на каменном полу, в центре цветка, и сжимал в руке философский камень, по-прежнему источавший синий свет. Вейнель погладила юношу по волосам и помогла ему встать.

— Все исчезло, — пожаловался Гримпоу, поглядев на купол, под которым несколько часов назад наблюдал чудесную небесную сферу.

— Теперь эта вселенная в твоей руке, — сказал Сальетти.

— Начинается новое время, которое навсегда лишит людей невежества. Об этом мечтали наши отцы и мудрецы тайного общества Уроборос. Ты — их прямой наследник, — с нежностью проговорила Вейнель.

Сальетти хотел было поторопить друзей, мол, пора уезжать во Флоренцию, однако снаружи донесся шум голосов. Жители Шартра завершили празднество и торопились в собор, чтобы замолить ночные грехи.

Главные ворота собора распахнулись настежь навстречу новому дню, и радостное шествие вступило под своды центрального нефа. Гримпоу, Вейнель и Сальетти тайно покинули храм через ворота Мастерства. Едва они обогнули собор, намереваясь поспешить на постояльй двор, где оставили лошадей, послышался старческий голос, неожиданно перекрывший гомон толпы. Слова песни завораживали, и Гримпоу остановился и заслушался. Неведомый трубадур пел:

Обращаюсь я к народам,
К тем, кто Землю населяет:
Почему вы так страшитесь,
Так бежите вы от чуда?
О, слепцы и маловеры!
Чудеса — кругом, повсюду,
Магией весь мир пропитан.
Вы моим словам внимайте:
Это быль, а не придумка,
Правда до последней буквы.
Распахните ваши чувства
И отдайтесь им на волю.
И, фантазией ведомы,
Вы достигнете однажды
Замка, что средь звезд таится...

Благодарности

Хочу выразить благодарность и признательность моим добрым друзьям Хосе Анхелю Санс Моралесу и Маноли Кампои Рамону: незабываемыми ночами мы с Лоли созерцаем великолепные небеса в его чудесный телескоп. Мысль написать этот роман родилась у меня в Звездной башне на фантастической террасе Лоли, открытой для вселенной.

Также я благодарен моему другу Фернанду Гомесу Лобато за то, что он позволил мне воспользоваться его артистическим даром и превратить криптограмму Незримого Пути в средневековое произведение искусства.

Содержание

ЧАСТЬ I. АББАТСТВО БРИНКДУМ

Труп на снегу	9
Нежданные гости	24
Правда или вымысел	47
Квадратура круга	71
Крик среди ночи	92
Там, за звездами	111
Золото алхимиков	133
И захотело солнце влюбить в себя луну	152

ЧАСТЬ II. ЗАМКИ КРУГА

Виселица	164
Проклятие отшельника	183
Лютый бандит	193
Пылающий Корниль	210
Тревожные вести	238
В звездах магия есть	248
Карта смерти	256
Копья и мечи	266
Королева турнира	276
Долгожданная правда	293
Постоялый двор Хромого Хунна	303
Голос теней	312
В бочках	321
Запечатанная комната	329
Время есть жизнь и смерть	341
Осада крепости	353

ЧАСТЬ III. НЕЗРИМЫЙ ПУТЬ

Свет и тьма	365
Снова вместе	381
Лодка трубадура	392
Последние слова	401
Цветок в лабиринте	421

Благодарности	444
---------------------	-----

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Лэнд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол. Черкизовская, д. 2, корп. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул. Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солцеевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радишева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Для старшего школьного возраста

Абалос Рафаэль

ГРИМПОУ И ПЕРСТЕНЬ ТАМПЛИЕРА

Ответственный редактор *С.Н. Темочкина*

Редактор *К.К. Ковешников*

Выпускающий редактор *О.К. Юрьева*

Компьютерный дизайн переплета *В.А. Воронина*

Технический редактор *Л.Л. Подъячева*

Корректор *Н.В. Волконская*

**Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры**

**Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.014255.12.08 от 23.12.2008 г.**

ООО «Издательство АСТ»

**141100, Россия, Московская обл.,
г. Щелково, ул. Заречная, д. 96**

ООО Издательство «Астрель»

129085, Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»

129085, Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Наши электронные адреса:

www.ast.ru E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «Владимирская книжная типография»

600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

Орден тамплиеров уничтожен. Великий Магистр Жак де Моле сгорел на костре в Париже, успев перед смертью послать королю Филиппу Красивому страшное проклятье.

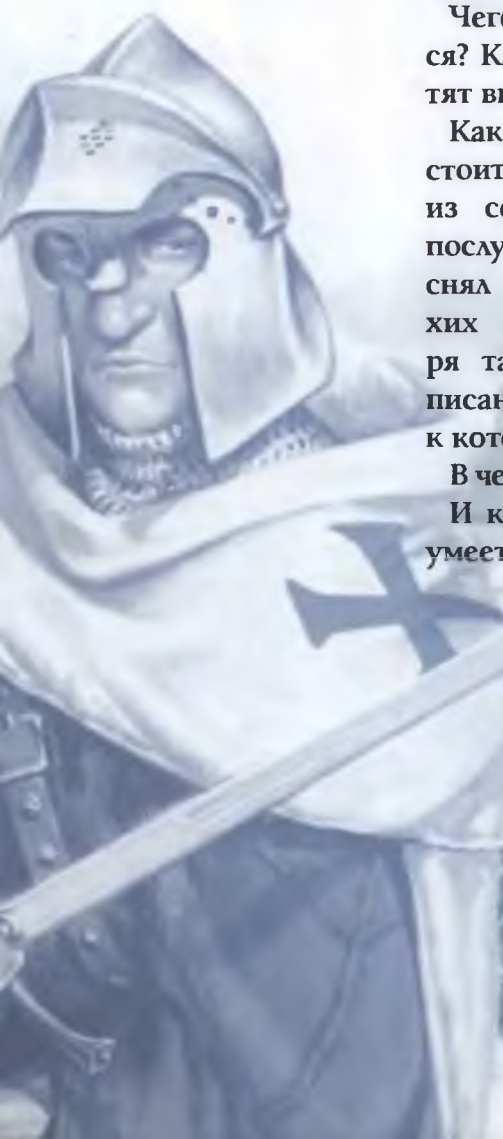
Рыцарей ордена преследуют по всей Европе, травят, словно диких зверей, принуждают отречься от своих убеждений — и выдать мистические тайны тамплиеров.

Чего они хотят? Чего добиваются? Какой из секретов ордена хотят вызнать любой ценой?

Как ни странно, эту тайну предстоит разгадать бедному сироте из северной Франции, юному послушнику Гримпоу, который снял с тела замерзшего в глухих лесах неизвестного рыцаря таинственный амулет и написанный шифром пергамент, к которому прилагалась карта.

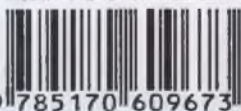
В чем же секрет этих предметов?

И куда они приведут того, кто умеет ими пользоваться?

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-060967-3

9 785170 609673